

YURISPRUDENSIYA

HUQUQIY ILMIY-AMALIY JURNALI

2025-yil 4-son

VOLUME 5 / ISSUE 4 / 2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.4.

Crossref
Content
Registration

ISSN: 2181-1938

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence

MUASSIS: TOSHKENT DAVLAT YURIDIK UNIVERSITETI

“Jurisprudensiya” – “Юриспруденция” – “Jurisprudence” huquqiy ilmiy-amaliy jurnali O‘zbekiston matbuot va axborot agentligi tomonidan 2020-yil 22-dekabrda 1140-sonli guvohnoma bilan davlat ro‘yxatidan o‘tkazilgan.

Jurnal O‘zbekiston Respublikasi Oliy ta’lim, fan va innovatsiyalar vazirligi huzuridagi Oliy attestatsiya komissiyasi jurnallari ro‘yxatiga kiritilgan.

Mualliflik huquqlari Toshkent davlat yuridik universitetiga tegishli. Barcha huquqlar himoyalangan. Jurnal materiallaridan foydalanish, tarqatish va ko‘paytirish muassis ruxsati bilan amalga oshiriladi.

Sotuvda kelishilgan narxda.

Nashr bo‘yicha mas’ul:

O. Choriyev

Muharrirlar:

E. Sharipov, Y. Yarmolik, E. Mustafayev, K. Abduvaliyeva, Y. Mahmudov, M. Sharifova, Sh. Beknazarova

Musahhih:

M. Tursunov

Texnik muharrir:

U. Sapayev

Dizayner:

D. Rajapov

Tahririyat manzili:

100047. Toshkent shahri, Sayilgoh ko‘chasi, 35.
Tel.: (0371) 233-66-36 (1169)

Veb-sayt: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Obuna indeksi: 1387

Tasdiqnom

№ 174625, 29.11.2023.

Jurnal 2025-yil 25-avgustda bosmaxonaga topshirildi.

Qog‘oz bichimi: A4.

Shartli bosma tabog‘i: 26

Adadi: 100. Buyurtma: № 157.

TDYU bosmaxonasida chop etildi.

Bosmaxona manzili:

100047. Toshkent shahri,

Sayilgoh ko‘chasi, 37.

© Toshkent davlat yuridik universiteti

BOSH MUHARRIR

B. Xodjayev – Toshkent davlat yuridik universiteti Ilmiy ishlar va innovatsiyalar bo‘yicha prorektori, yuridik fanlar doktori, professor

BOSH MUHARRIR O‘RINBOSARI

J. Allayorov – Toshkent davlat yuridik universiteti Ilmiy boshqarmasi boshlig‘i, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori, dotsent

MAS’UL MUHARRIR

N. Ramazonov – Toshkent davlat yuridik universiteti O‘zbek tili va adabiyoti kafedrasini mudiri, filologiya fanlari bo‘yicha falsafa doktori, dotsent

TAHRIR HAY’ATI A’ZOLARI

J. Blum – Boston kolleji Huquq maktabi professori, huquq doktori (Boston, AQSh)

M. Vishovatiy – Gdansk universiteti professori (Gdansk, Polsha)

A. Hoshimxonov – Toshkent davlat yuridik universiteti professori, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

M. Axmedshayeva – Toshkent davlat yuridik universiteti professori, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

X. Xayitov – O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Davlat siyosati va boshqaruvi akademiyasi professori, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

I. To‘raboyev – Toshkent davlat yuridik universiteti dotsenti v.b., yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

S. Xolboyev – O‘zbekiston Respublikasi Sudyalari oliy kengashi huzuridagi Sudyalari oliy maktabi dotsenti, yuridik fanlar nomzodi (Toshkent, O‘zbekiston)

N. Raxmonkulova – Jahon iqtisodiyoti va diplomatiyasi universiteti dotsenti, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

Z. Esanova – Toshkent davlat yuridik universiteti professori, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

J. Ne‘matov – Toshkent davlat yuridik universiteti professori, yuridik fanlar doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

M. Kurbanov – Toshkent davlat yuridik universiteti dotsenti, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori (Toshkent, O‘zbekiston)

R. Kuchkarov – Toshkent davlat yuridik universiteti dotsenti v.b., filologiya fanlari nomzodi (Toshkent, O‘zbekiston)

**УЧРЕДИТЕЛЬ: ТАШКЕНТСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Правовой научно-практический журнал «Юриспруденция» – «Yurisprudensiya» – «Jurisprudence» зарегистрирован Агентством печати и информации Узбекистана 22 декабря 2020 года с удостоверением № 1140.

Журнал включён в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан.

Авторские права принадлежат Ташкентскому государственному юридическому университету. Все права защищены. Использование, распространение и воспроизведение материалов журнала осуществляется с разрешения учредителя.

Реализуется по договорной цене.

Ответственный за выпуск:

О. Чориев

Редакторы:

Э. Шарипов, Е. Ярмолик, Э. Мустафаев,
К. Абдувалиева, Й. Махмудов,
М. Шарифова, Ш. Бекназарова

Корректор:

М. Турсунов

Технический редактор:

У. Сапаев

Дизайнер:

Д. Ражапов

Адрес редакции:

100047. Город Ташкент,
улица Сайилгох, 35.
Тел.: (0371) 233-66-36 (1169)

Веб-сайт: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Подписной индекс: 1387

Свидетельство

от 29.11.2023 № 174625.

Журнал передан в типографию
25.08.2025.

Формат бумаги: А4.

Усл. п. л. 26. Тираж: 100 экз.

Номер заказа: 157.

Отпечатано в типографии

Ташкентского государственного
юридического университета.

100047, г. Ташкент, ул. Сайилгох, дом 37.

© Ташкентский государственный
юридический университет

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Б. Ходжаев – доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе и инновациям Ташкентского государственного юридического университета

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ж. Аллаёров – доктор философии по юридическим наукам, доцент, начальник управления по науке Ташкентского государственного юридического университета

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Н. Рамазонов – доктор философии по филологическим наукам, доцент, заведующий кафедрой узбекского языка и литературы Ташкентского государственного юридического университета

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Дж. Блум – доктор права, профессор Школы права колледжа Бостона (Бостон, США)

М. Вишоватый – профессор Гданьского университета (Гданьск, Польша)

А. Хошимхонов – доктор юридических наук, профессор Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

М. Ахмедшаева – доктор юридических наук, профессор Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

Х. Хаитов – доктор юридических наук, профессор Академии государственной политики и управления при Президенте Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан)

И. Турабоев – доктор философии по юридическим наукам, и.о. доцента Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

С. Холбоев – кандидат юридических наук, доцент Высшей школы судей при Высшем судейском совете Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан)

Н. Рахмонкулова – доктор юридических наук, доцент Университета мировой экономики и дипломатии (Ташкент, Узбекистан)

З. Эсанова – доктор юридических наук, профессор Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

Ж. Нематов – доктор юридических наук, профессор Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

М. Курбанов – доктор философии по юридическим наукам, доцент (Ташкент, Узбекистан)

Р. Кучкаров – кандидат филологических наук, и.о. доцента Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан)

**FOUNDER: TASHKENT STATE
UNIVERSITY OF LAW**

“Yurisprudensiya” – “Юриспруденция” – “Jurisprudence” legal scientific and practical journal was registered by the Press and Information Agency of Uzbekistan on December 22, 2020 with certificate No. 1140.

The journal is included in the list of journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Higher Education, Science and Innovations of the Republic of Uzbekistan.

Copyright belongs to Tashkent State University of Law. All rights reserved. Use, distribution and reproduction of journal materials are carried out with the permission of the founder.

Agreed-upon price.

Publication Officer:

O. Choriev

Editors:

E. Sharipov, E. Yarmolik, E. Mustafaev,
K. Abduvalieva, Y. Makhmudov,
M. Sharifova, Sh. Beknazarova

Proofreader:

M. Tursunov

Technical editor:

U. Sapaev

Designer:

D. Rajapov

Editorial office address::

100047. Tashkent city,
Sayilgokh street, 35.
Phone: (0371) 233-66-36 (1169)

Website: jurisprudence.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

Subscription index: 1387.

Certificate

№ 174625, 29.11.2023.

The journal is submitted to the Printing house on 25.08.2025.

Paper size: A4.

Cond.p.f: 26.

Units: 100. Order: № 157.

Published in the Printing house of
Tashkent State University of Law.
100047. Tashkent city, Sayilgoh street, 37.

© Tashkent State University of Law

EDITOR-IN-CHIEF

B. Xodjaev – Deputy Rector for Scientific Affairs and Innovations of Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor

DEPUTY EDITOR

J. Allayorov – Head of the Scientific Department of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Associate Professor

EXECUTIVE EDITOR

N. Ramazonov – Head of the Department of Uzbek Language and Literature of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Philology, Associate Professor

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

J. Blum – Professor of Law School of Boston College, Doctor of Law (Boston, USA)

M. Vishovatiy – Professor of the University of Gdańsk (Gdansk, Poland)

A. Khoshimkhonov – Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

M. Akhmedshaeva – Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

Kh. Khayitov – Professor of the Academy of Public Policy and Administration under the President of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

I. Turaboev – Acting Associate Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law (Tashkent, Uzbekistan)

S. Kholboev – Associate Professor of the Supreme School of Judges under the Supreme Judicial Council of the Republic of Uzbekistan, Candidate of Legal Sciences (Tashkent, Uzbekistan)

N. Rakhmonkulova – Associate Professor of the University of World Economy and Diplomacy, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

Z. Esanova – Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

J. Ne'matov – Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Law (Tashkent, Uzbekistan)

M. Kurbanov – Associate Professor of Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) in Law (Tashkent, Uzbekistan)

R. Kuchkarov – Acting Associate Professor of Tashkent State University of Law, Candidate of Philological Sciences (Tashkent, Uzbekistan)

MUNDARIJA

12.00.01 – DAVLAT VA HUQUQ NAZARIYASI VA TARIXI. HUQUQIY TA'LIMOTLAR TARIXI

11 **AXMEDSHAYEVA MAVLYUDA AXATOVNA**

Ijtimoiy davlat va uning belgilari: ayrim nazariy-huquqiy masalalar

12.00.02 – KONSTITUTSIYAVIY HUQUQ. MA'MURIY HUQUQ. MOLIYA VA BOJXONA HUQUQI

21 **NAZAROV SHAVKAT NAZAROVICH**

Davlat-fuqarolik jamiyati muloqoti: nazariy-huquqiy tahlil va zamonaviy tendensiyalar

30 **NURMAMATOVA NOILA DONIYOROVNA**

Konstitutsiyaviy sudlarda raqamli transformatsiya: imkoniyatlar va xavflar

12.00.03 – FUQAROLIK HUQUQI. TADBIRKORLIK HUQUQI. OILA HUQUQI. XALQARO XUSUSIY HUQUQ

38 **YAKUBOV AXTAM NUSRATULLOYEVICH**

Raqamli aktivlar tushunchasining evolyutsiyasi va ularni huquqiy tartibga solishning qiyosiy tahlili

49 **TOSHKANOV NURBEK BAHRIDDINOVICH**

Universitetlar va ilmiy tadqiqot muassasalariga qarashli intellektual mulk obyektlarini tijoratlashtirishning huquqiy xususiyatlari

59 **ABDUQODIROV ABDURAUF BAXODIR O'G'LI**

Yuridik shaxs shaxsiy qonuniga nisbatan ekspluatatsiya markazi mezonini qo'llash muammolari

66 **PO'LATOV TEMURBEK G'AYRATJON O'G'LI**

Moliyaviy texnologiyalar sektoridagi avtomatlashtirilgan raqamli shartnomalarda rozilik ifodasini huquqiy talqin etish muammolari

12.00.06 – TABIIY RESURLAR HUQUQI. AGRAR HUQUQ. EKOLOGIK HUQUQ

76 **RAJABOV NARIMAN SHARIFBAYEVICH**

O'simlik dunyosini muhofaza qilish va undan foydalanishda ekologik me'yorlashning huquqiy jihatlari

84 **KALDARBEKOV ASILJON OSPANOVICH**

O'rmon fondi yerlarini barqaror huquqiy boshqarish bo'yicha xalqaro tajriba va uning O'zbekiston uchun ahamiyati

95 **BAYTUROVA AIDA NABIYEVNA**

Xorijiy mamlakatlar va O'zbekistonda ekologik turizmni tartibga solishning huquqiy mexanizmlari: xalqaro tajribaning qiyosiy tahlili va moslashtirish yo'llari

108 **OTAUBAYEVA AYGUL BAXRAMOVNA**

O'zbekiston Respublikasi qonunchiligida ekologik huquqbuzarliklar uchun ma'muriy javobgarlikning yuridik tabiati va tamoyillari: Qozog'iston Respublikasi misolida qiyosiy-huquqiy tahlil

12.00.07 – SUD HOKIMIYATI. PROKUROR NAZORATI. HUQUQNI MUHOFAZA QILISH
FAOLIYATINI TASHKIL ETISH. ADVOKATURA

121 **TO'YCHIEVA MALIKA BOTIR QIZI**

Advokatlar kasbiy tayyorgarligining o'ziga xos xususiyatlari va uni takomillashtirish masalalari

12.00.08 – JINOYAT HUQUQI. JINOYAT-IJROIYA HUQUQI

128 **NODIROV MUZAFFAR AXMADOVICH, TURSUNMURODOV KOMRON TURG'UN O'G'LI**

O'zbekistonda oilaviy (maishiy) zo'ravonlik subyektining huquqiy tahlili: huquqiy
bo'shliqni bartaraf etish

138 **UTEBAYEV SALAMAT MAKSETBAY ULI**

Kontrabanda jinoyati obyektiv belgilarining yuridik talqini

147 **NURMANOV XOLBEK RAHMATILLA O'G'LI**

Onlayn banklar faoliyati sohasida firibgarlikni kvalifikatsiya qilish masalalari

156 **MA'MUROV SANJARBEK ILXOMOVICH**

O'zbekiston Respublikasi jinoyat qonunchiligida jamiyatdan ajratish bilan bog'liq bo'lmagan
jinoiy jazolarning rivojlanish tarixi

12.00.09 – JINOYAT PROTSESSI. KRIMINALISTIKA, TEZKOR-QIDIRUV HUQUQ VA
SUD EKSPERTIZASI

164 **BAZAROVA DILDORA BAHADIROVNA**

Voyaga yetmaganlarning uy qamog'ida saqlanishi: jamiyat xavfsizligi va bola manfaatlari
o'rtasidagi muvozanat

12.00.10 – XALQARO HUQUQ

175 **G'AFUROVA NOZIMAXON ELDAROVNA, SAIDOV OLIM CHORIQULOVICH**

Yangi O'zbekistonda oziq-ovqat xavfsizligini ta'minlashning huquqiy jihatlar va muammolari

190 **MUSAYEV DJAMALIDDIN KAMALOVICH**

Dunyoda narkobiznesning rivojlanishi

12.00.12 – KORRUPSIYA MUAMMOLARI

199 **AHMADJONOV MURODULLO NURALI O'G'LI**

Korrupsiya: tahlil va choralar

209 **MIRZAYEVA MOHINA SROJIDDINOVNA**

Yo'l-transport infratuzilmasi loyihalarini amalga oshirishda korrupsiyaviy sxemalar:
tahlil va yechimlar

221 **RUZINAZAROV SHUXRAT NURALIYEVICH**

Sharaflil yo'l sohibi, sudyalarning ustozl, odil va fidoyi rahbar

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.01 – ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.
ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

11 АХМЕДШАЕВА МАВЛЮДА АХАТОВНА

Социальное государство и его признаки: отдельные теоретико-правовые вопросы

12.00.02 – КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО.
ФИНАНСОВОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

21 НАЗАРОВ ШАВКАТ НАЗАРОВИЧ

Диалог государства и гражданского общества: теоретико-правовой анализ и современные тенденции

30 НУРМАМАТОВА НОИЛА ДОНИЁРОВНА

Цифровая трансформация в конституционных судах: возможности и риски

12.00.03 – ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО.
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

38 ЯКУБОВ АХТАМ НУСРАТУЛЛОЕВИЧ

Эволюция понятия цифровых активов и сравнительный анализ их правового регулирования

49 ТОШКАНОВ НУРБЕК БАХРИДДИНОВИЧ

Правовые особенности коммерциализации объектов интеллектуальной собственности, принадлежащих университетам и научно-исследовательским учреждениям

59 АБДУКОДИРОВ АБДУРАУФ БАХОДИР УГЛИ

Проблемы применения критерия центра эксплуатации в отношении личного закона юридического лица

66 ПУЛАТОВ ТЕМУРБЕК ГАЙРАТЖОН УГЛИ

Проблемы юридической интерпретации выражения согласия в автоматизированных цифровых договорах в секторе финансовых технологий

12.00.08 – УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

76 РАЖАБОВ НАРИМАН ШАРИФБАЕВИЧ

Правовые аспекты экологического нормирования в охране и использовании растительного мира

84 КАЛДАРБЕКОВ АСЫЛЖАН ОСПАНОВИЧ

Международный опыт устойчивого правового управления землями лесного фонда и его значение для Узбекистана

95 БАЙТУРОВА АИДА НАБИЕВНА

Правовые механизмы регулирования экологического туризма в зарубежных странах и Узбекистане: сравнительный анализ и пути адаптации международного опыта

108 ОТАУБАЕВА АЙГУЛЬ БАХРАМОВНА

Юридическая природа и принципы административной ответственности за экологические правонарушения в законодательстве Республики Узбекистан: сравнительно-правовой анализ на примере Республики Казахстан

12.00.07 – СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР. ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. АДВОКАТУРА

121 ТУЙЧИЕВА МАЛИКА БОТИР КИЗИ

Особенности профессиональной подготовки адвокатов и вопросы её совершенствования

12.00.08 – УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

128 НОДИРОВ МУЗАФФАР АХМАДОВИЧ, ТУРСУНМУРОДОВ КОМРОН ТУРГУН УГЛИ

Юридический анализ субъекта семейного (бытового) насилия в Узбекистане:
преодоление правового пробела

138 УТЕБАЕВ САЛАМАТ МАКСЕТБАЙ УЛЫ

Юридическая интерпретация объективных признаков преступления контрабанды

147 НУРМАНОВ ХОЛБЕК РАХМАТИЛЛА УГЛИ

Вопросы квалификации мошенничества в сфере онлайн-банкинга

156 МАЪМУРОВ САНЖАРБЕК ИЛЬХОМОВИЧ

История развития уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества,
в уголовном законодательстве Республики Узбекистан

12.00.09 – УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА,
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ ПРАВО И СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

164 БАЗАРОВА ДИЛДОРА БАХАДИРОВНА

Домашний арест несовершеннолетних: баланс между защитой общества и
интересами ребёнка

12.00.10 – МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

175 ГАФУРОВА НОЗИМАХОН ЭЛЬДАРОВНА, САИДОВ ОЛИМ ЧОРИКУЛОВИЧ

Правовые аспекты и проблемы обеспечения продовольственной безопасности
в Новом Узбекистане

190 МУСАЕВ ДЖАМАЛИДДИН КАМАЛОВИЧ

Развитие наркобизнеса в мире

12.00.12 – ПРОБЛЕМЫ КОРРУПЦИИ

199 АХМАДЖОНОВ МУРОДУЛЛО НУРАЛИ УГЛИ

Коррупция: анализ и пути противодействия

209 МИРЗАЕВА МОХИНА СРОЖДИНОВНА

Коррупционные схемы при реализации проектов дорожно-транспортной
инфраструктуры: анализ и решения

221 РУЗИНАЗАРОВ ШУХРАТ НУРАЛИЕВИЧ

Почётный проводник и наставник судей, справедливый и преданный своему делу
руководитель

CONTENTS

12.00.01 – THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW. HISTORY OF LEGAL DOCTRINES

11 **AKHMEDSHAEVA MAVLYUDA AKHATOVNA**

Social state and its characteristics: some theoretical and legal issues

12.00.02 – CONSTITUTIONAL LAW. ADMINISTRATIVE LAW. FINANCIAL AND CUSTOMS LAW

21 **NAZAROV SHAVKAT NAZAROVICH**

Dialogue between state and civil society: a theoretical-legal analysis and modern trends

30 **NURMATOVA NOILA DONIYOROVNA**

Digital transformation in constitutional courts: opportunities and risks

12.00.03 – CIVIL LAW. BUSINESS LAW. FAMILY LAW. INTERNATIONAL PRIVATE LAW

38 **YAKUBOV AKHTAM NUSRATULLOYEVICH**

Comparative analysis of the evolution of the concept of digital assets and their legal regulation

49 **TOSHKANOV NURBEK BAHRIDDINOVICH**

Legal aspects of the commercialization of intellectual property objects belonging to universities and research institutions

59 **ABDUQODIROV ABDURAUF BAKHODIR UGLI**

Issues of applying the exploitation center criteria to the personal law of a legal entity

66 **PULATOV TEMURBEK GAYRATJON UGLI**

Problems of legal interpretation of agreement in automated digital contracts in the financial technologies sector

12.00.06 – THE LAW OF NATURAL RESOURCES. AGRARIAN LAW. ENVIRONMENTAL LAW

76 **RAJABOV NARIMAN SHARIFBAYEVICH**

Legal aspects of environmental regulation in the protection and use of flora

84 **KALDARBEKOV ASILJAN OSPANOVICH**

International experience in sustainable legal management of forest fund lands and its significance for Uzbekistan

95 **BAYTUROVA AIDA NABIYEVNA**

Legal mechanisms of regulating ecological tourism in foreign countries and Uzbekistan: comparative analysis and ways of adapting international experience

108 **OTABAYEVA AIGUL BAKHRAMOVNA**

The legal nature and principles of administrative liability for environmental offenses in the legislation of the Republic of Uzbekistan: a comparative legal analysis with the Republic of Kazakhstan

12.00.07 – JUDICIAL BRANCH. PROSECUTOR'S CONTROL. ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT. ADVOCACY

121 TUYCHIEVA MALIKA BOTIR KIZI

Features of professional training of advocates and issues of its improvement

12.00.08 – CRIMINAL LAW. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

128 NODIROV MUZAFFAR AKHMADOVICH, TURSUNMURODOV KOMRON TURGUN UGLI

A legal analysis of the subject of the family (domestic) violence in Uzbekistan: bridging the legal gap

138 UTEBAYEV SALAMAT MAKSETBAY ULI

The legal interpretation of the objective elements of the crime of smuggling

147 NURMANOV KHOLBEK RAHMATILLA UGLI

Issues of qualification of fraud in the sphere of online banking

156 MA'MUROV SANJARBEK ILKHOMOVICH

History of the development of criminal punishments not related to separation from society in the criminal legislation of the Republic of Uzbekistan

12.00.09 – CRIMINAL PROCEEDINGS. FORENSICS, INVESTIGATIVE LAW AND FORENSIC EXPERTISE

164 BAZAROVA DILDORA BAHADIROVNA

House arrest of minors: a balance between public safety and child's best interests

12.00.10 – INTERNATIONAL LAW

175 GAFUROVA NOZIMAKHON ELDAROVNA, SAIDOV OLIM CHORIQULOVICH

Legal aspects and problems of ensuring food security in New Uzbekistan

190 MUSAEV DJAMALIDDIN KAMALOVICH

Development of the drug business in the world

12.00.12 – CORRUPTION PROBLEMS

199 AHMADJONOV MURODULLO NURALI UGLI

Corruption: analysis and remedies

209 MIRZAEVA MOHINA SROJIDDINOVNA

Corruption schemes in the implementation of road transport infrastructure projects: analysis and solutions

221 RUZINAZAROV SHUKHRAT NURALIYEVICH

Owner of the honorable path, mentor of judges, just and devoted leader

Kelib tushgan / Получено / Received: 15.07.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 18.08.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 25.08.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.4./UAEL6000

UDC: 342(045)(575.1)

IJTIMOY DAVLAT VA UNING BELGILARI: AYRIM NAZARIY-HUQUQIY MASALALAR

Axmedshayeva Mavlyuda Axatovna,

Toshkent davlat yuridik universiteti professori,
yuridik fanlar doktori

ORCID: 0000-0003-3719-6599

e-mail: mavludaahmedshaeva@gmail.com

Annotatsiya. Mazkur maqolada mamlakatimizda amalga oshirilgan konstitutsiyaviy islohotlar natijasida ijtimoiy davlatchilikning huquqiy asoslari konstitutsiyaviy maqomda mustahkamlab qo'yilgani ijtimoiy davlat, uning belgilari, xususiyatlari hamda amaliyoti masalasiga bo'lgan ilmiy qiziqishni kuchaytirishi ta'kidlanadi. Shu bois bu borada olib boriladigan ilmiy izlanishlar nafaqat nazariy, balki amaliy ahamiyat kasb etishi ham alohida qayd etiladi. Maqolada "ijtimoiy davlat" tushunchasining shakllanish evolyutsiyasi, ijtimoiy davlatning mazmuni, uning belgilari, xususiyatlari, shuningdek, ijtimoiy siyosat va ijtimoiy himoya kabi kategoriya va tushunchalar bo'yicha zamonaviy fanda mavjud qarashlarning ayrimlari keltirilib, tahlil qilinadi. Shuningdek, ijtimoiy davlat nazariyasi va amaliyoti bo'yicha ilgari surilgan modellar va konsepsiyalar ko'rib chiqilib, unda liberalizm hamda sotsial-demokratik qarashlarning o'zaro nisbat va munosabati yoritiladi. Muallif huquqiy davlat va ijtimoiy davlat o'rtasidagi o'zaro aloqadorlikni tahlil etishga intilib, ular bir-birini istisno etmasligi, aksincha, o'zaro to'ldirishi mumkinligini asoslashga harakat qiladi. Bundan tashqari, maqolada O'zbekistonda olib borilayotgan ijtimoiy siyosat hamda ijtimoiy davlatchilikni rivojlantirishga qaratilgan huquqiy va institutsional o'zgarishlar tahlil etilib, mazkur siyosatning mohiyati ochib beriladi. Maqolaning yakunida mavzu doirasida ayrim taklif va tavsiyalar ilgari suriladi.

Kalit so'zlar: davlat, konstitutsiya, huquq, huquqiy davlat, ijtimoiy davlat, dunyoviy davlat, liberalizm, sotsial-demokratiya, ijtimoiy siyosat, ijtimoiy himoya

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО ПРИЗНАКИ: ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

Ахмедшаева Мавлюда Ахатовна,

доктор юридических наук, профессор

Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. В данной статье подчёркивается, что в результате проведённых в нашей стране конституционных реформ правовые основы социального государства получили конституционный статус, что усилило научный интерес к вопросам, связанным с социальным государством, его признаками, особенностями и практикой реализации. Отмечается, что научные исследования в этой области обладают не только теоретическим, но и прикладным значением. В статье рассматривается эволюция формирования понятия «социальное государство», раскрывается его содержание, анализируются признаки и особенности, а также

приводятся и рассматриваются отдельные современные научные подходы по категориям и понятиям социальной политики и социальной защиты. Кроме того, анализируются различные модели и концепции теории и практики социального государства, в том числе соотношение и взаимосвязь либеральных и социал-демократических взглядов. Автор стремится проанализировать взаимную обусловленность правового государства и социального государства, обосновывая мысль о том, что они не исключают, а, напротив, дополняют друг друга. Также исследуются правовые и институциональные изменения, проводимые в Узбекистане с целью развития социальной политики и социального государства, раскрывается сущность этой политики. В заключение статьи формулируются отдельные предложения и рекомендации в рамках рассматриваемой темы.

Ключевые слова: государство, конституция, право, правовое государство, социальное государство, светское государство, либерализм, социал-демократия, социальная политика, социальная защита

SOCIAL STATE AND ITS CHARACTERISTICS: SOME THEORETICAL AND LEGAL ISSUES

Akhmedshaeva Mavlyuda Akhatovna,
Professor of Tashkent State University of Law,
Doctor of Science in Law

Abstract. This article emphasizes that as a result of the constitutional reforms implemented in our country, the legal foundations of social statehood have been enshrined in constitutional status, which strengthens scientific interest in the issue of the social state, its characteristics, features, and practice. Therefore, it is especially noted that the scientific research carried out in this area is of not only theoretical, but also practical importance. The article presents and analyzes some of the existing views in modern science on the evolution of the formation of the concept of "social state," the content of the social state, its features, characteristics, as well as categories and concepts such as social policy and social protection. It also examines the models and concepts put forward in the theory and practice of the social state, highlighting the relationship between liberalism and social-democratic views. The author, striving to analyze the interrelationship between the rule of law and the social state, tries to substantiate that they do not exclude each other but, on the contrary, complement each other. In addition, the article analyzes the social policy pursued in Uzbekistan and the legal and institutional changes aimed at developing social statehood, revealing the essence of this policy. At the end of the article, some suggestions and recommendations are put forward within the framework of the topic.

Keywords: state, constitution, law, legal state, social state, secular state, liberalism, social democracy, social policy, social protection

Kirish

O'zbekiston bugungi kunda xalqaro hamjamiyatning to'la huquqli a'zosi sifatida xalqaro maydonda munosib o'ringa ega. Mamlakatimizda amalga oshirilayotgan tub islohotlar, yangilanish jarayonlari, inson huquqlarini ta'minlash hamda aholining turmush farovonligini oshirishga qaratilgan uzoqni ko'zlagan siyosat o'z samarasini bermoqda va xalqaro hamjamiyat tomonidan

munosib e'tirof etilmoqda. Shu bois bugun yurtimizda inson qadrini ulug'lash, ijtimoiy adolat tamoyillarini mustahkamlash, aholi daromadlari va turmush darajasini yuksaltirish yo'lida qat'iy qadamlar qo'yilmoqda [1].

2023-yil 30-aprelda bo'lib o'tgan umum-xalq referendum natijasida O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasining yangilangan tahriri qabul qilindi. Ushbu muhim siyosiy-huquqiy voqea mamlakatimizning iqtisodiy, ij-

timoiy va siyosiy sohalarida erishgan yutuqlari, amalga oshirilgan islohotlar natijalari hamda xalq, jamiyat va davlat oldida turgan ustuvor maqsad va vazifalarni o'zida aks ettiradi.

Ushbu nufuzli siyosiy voqeaning muhim jihatlaridan biri shundaki, Konstitutsiyaga kiritilgan qo'shimcha va o'zgartirishlarning mualliflari sifatida aholining turli qatlamlari vakillari ham faol ishtirok etdi. Ular o'z taklif va tavsiyalarini muhokama jarayonida ham, referendum vaqtida ham ilgari surib, islohotlarning bevosita yaratuvchisiga aylandi.

Konstitutsiyaga kiritilgan qo'shimchalar orasida uning 1-moddasining yangi tahriri alohida ahamiyat kasb etadi. Binobarin, Asosiy qonunimiz "O'zbekiston – boshqaruvning respublika shakliga ega bo'lgan suveren, demokratik, huquqiy, ijtimoiy va dunyoviy davlat" ekanligini belgilovchi yangi konstitutsiyaviy norma bilan boyitildi.

Mazkur norma davlatimizning boshqaruv shaklini aniq belgilab berish barobarida, O'zbekistonning o'z hududida hamda xalqaro maydonda mutlaq mustaqil, hech kimga qaram emasligini, demokratik taraqqiyot yo'lini qat'iy tanlaganini hamda bu jarayon orqaga qaytmas tusga ega ekanini ifodalaydi. Shuningdek, u mamlakatda nafaqat fuqarolar, balki barcha davlat organlari, turli darajadagi mansabdor shaxslar va boshqa huquq subyektlari faqat huquqqa asoslanib faoliyat yuritishini taqozo etadi.

Bundan tashqari, norma O'zbekistonning mohiyatan ijtimoiy davlat sifatida aholining turmush farovonligini oshirish va kuchli ijtimoiy himoya tizimini ta'minlashni davlat faoliyatining ustuvor yo'nalishi sifatida e'tirof etadi. Shu bilan birga, mamlakatning dunyoviy xarakterga egaligi, fuqarolarning din va vijdon erkinligini kafolatlash hamda bu borada zarur chora-tadbirlarni amalga oshirish majburiyati konstitutsiyaviy maqomda mustahkamlandi.

Shu o'rinda ta'kidlash joizki, qator MDH davlatlari, jumladan, Markaziy Osiyodagi ayrim qo'shni mamlakatlar allaqachon o'z

konstitutsiyalarida "ijtimoiy davlat" g'oyasini mustahkamlab qo'ygan [2; 3]. O'zbekiston Respublikasining 1992-yil 8-dekabrda qabul qilingan Konstitutsiyasini ishlab chiqishda esa mazkur masalaga o'sha davrdagi iqtisodiy vaziyat, o'tish davrining murakkab sharoitlari hamda jahon konstitutsionalizmi tajribasiga tayangan holda yondashildi. Asosiy qonunda ijtimoiy davlat g'oyasi to'g'ridan to'g'ri mustahkamlanmagan bo'lsa-da, uning ayrim tarkibiy qismlari va elementlari tegishli konstitutsiyaviy normalarda o'z ifodasini topgan edi.

Ayni paytda, huquqiy, ijtimoiy va dunyoviy davlat tushunchalariga e'tibor qaratish mantiqan to'g'ri bo'ladi, deb hisoblaymiz.

Huquqiy davlat – fuqarolarning huquq va erkinliklari real ravishda ta'minlanadigan, huquq hukmronligi va qonun ustuvorligi qaror topgan, davlat hokimiyati tizimi hokimiyatlar bo'linishi prinsipi asosida shakllantiriladigan, mustaqil sud hokimiyati faoliyat yuritadigan hamda jamiyatning huquqiy madaniyati yuqori bo'lgan demokratik jamiyat.

Dunyoviy davlatda esa dunyoviy hayot diniy ishlardan alohida ravishda tashkil etiladi, davlat organlari va diniy tashkilotlar o'z faoliyatini mustaqil olib boradi, ta'lim tizimi dunyoviy bilimlarni berishga asoslanadi. Bunday davlatda odil sudlov diniy qoidalarga emas, balki amaldagi fuqaroviy qonunlarga asoslanadi. Shu bilan birga, fuqarolarga din va vijdon erkinligi kafolatlanadi, ya'ni ular istalgan diniga e'tiqod qilish yoki qilmaslik huquqiga ega bo'ladi, mamlakatda mavjud barcha konfessiyalarning diniy e'tiqod, ibodat va rasm-rusumlarini amalga oshirishi uchun zarur shart-sharoit yaratiladi.

Aytish joizki, davlatning demokratik, huquqiy, ijtimoiy va dunyoviy xarakterlari bir-biriga zid emas, balki oqilona uyg'unlikda bir-birini to'ldiradi.

Mazkur maqolani tayyorlash jarayonida muallif davlat-huquqiy hodisalarni ilmiy tadqiq etishda umumilmiy metodlardan, jumladan, tizimlilik, tarixiylik, mantiqiylik, tahlil va

sintez, qiyoslash kabi usullardan, shuningdek, maxsus yuridik ilmiy metodlardan – qiyosiy-huquqiy va formal-yuridik usullardan foydalanilgan. Ushbu maqolada asosiy e'tibor ijtimoiy davlat masalasiga qaratiladi.

Asosiy qism

Bugungi kunda davlatning sinfiy mohiyati va sinflar haqidagi an'anaviy g'oyalar asta-sekin o'z ahamiyatini yo'qotib bormoqda. Zero, zamonaviy davlatlar biron-bir sinf yoki toifaning manfaatini emas, balki barcha ijtimoiy guruhlarning umumiy manfaatlarini muhofaza qilish, ularni birlashtirish vazifasini bajaradi.

Ijtimoiy davlatning mohiyati ham aynan shunda namoyon bo'ladiki, bunday davlat ma'lum bir toifa emas, balki butun jamiyat manfaatlarini ifoda etadi va ularni himoya qiladi. O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasining 13-moddasida belgilanganidek: "O'zbekiston Respublikasida demokratiya umuminsoniy prinsiplarga asoslanadi, ularga ko'ra inson, uning hayoti, erkinligi, sha'ni, qadr-qimmat va boshqa ajralmas huquqlari oliy qadriyat hisoblanadi".

Darhaqiqat, ijtimoiy davlatning asosiy vazifasi jamiyatdagi ijtimoiy tengsizlikni imkon qadar kamaytirish, moddiy boyliklarni qayta taqsimlash orqali adolatni ta'minlash, fuqarolarning ijtimoiy huquqlarini real himoya qilish hamda ijtimoiy taranglikning oldini olish orqali mamlakatda barqarorlikni ta'minlashdan iboratdir.

Aytish joizki, aholining moddiy ahvolini ijtimoiy jihatdan qo'llab-quvvatlash g'oyasi va amaliyoti davlatchilik tarixining turli davrlarida ham mavjud bo'lgan. Xususan, Sharq xalqlarida, jumladan, Markaziy Osiyo, ayniqsa, O'zbekiston hududida muhtojlarni, yetim-yesirlarni, nogironligi bor insonlarni qo'llab-quvvatlash, ularga yordam berish, mehr-muruvvat ko'rsatish va xayriya faoliyati qadimdan keng tarqalgan. Mazkur fazilat xalqimiz turmush tarziga chuqur singib, avloddan avlodga o'tib kelayotgan an'ana sifatida namoyon bo'ladi.

Bu borada buyuk mutafakkir va shoir Alisher Navoiy faoliyati alohida e'tiborga loyiqdir. U o'z davrida nafaqat yirik davlat arbobi va adib sifatida, balki xalqparvar xayriyachi sifatida ham keng miqyosda faoliyat yuritgan. Shoirning tashabbusi bilan suvsiz yerlarga suv chiqarilgan, eski ariqlar tozalangan, yangi kanallar qazilgan, mavjud binolar ta'mirlangan va yangilari qurilgan, shuningdek, ko'plab madrasalar va xonaqohlar barpo etilgan.

Alisher Navoiy o'zining mashhur "Vaqfiya" asarida shaxsiy mablag'lari hisobiga qurdirgan xayriya muassasalari, ilmiy-ma'rifiy inshootlar va bog'lar haqida batafsil ma'lumot beradi. Buyuk tarixchi Xondamirning guvohlik berishicha, Navoiy o'z mablag'lari hisobidan faqatgina Hirotda emas, balki mamlakatning boshqa shaharlarida ham bir necha madrasa, 40 ta rabot, 17 ta masjid, 10 ta xonaqoh, 9 ta hammom, 9 ta ko'prik va 20 ga yaqin hovuz qurdirgan yoki ularni ta'mirlatirgan [4].

Alisher Navoiyning ijtimoiy-xayriya faoliyati

Obyekt turlari	masjid	xonaqoh	ham-mom	ko'prik	rabot	hovuz
Soni	17 ta	10 ta	9 ta	9 ta	40 ta	20 ta

Ular orasida Hirotdagi "Ixlosiya" va "Nizomiya" madrasalari, "Xalosiya" xonaqohi, "Shifoia" tibgohi, Qur'on tilovat qiluvchilar uchun qurilgan "Dorul-huffoz" binosi, Marvdagi "Xusraviya" madrasasi, Mashhaddagi "Dorul-huffoz" xayriya binosi hamda boshqa noyob me'morlik yodgorliklari mavjud [5]. Ijtimoiy yordam g'oyasi esa xalqimizning urf-odatlar, an'analari va rasm-rusumlarida ham o'z ifodasini topgan. Masalan, Hayit kunlari muhtoj va nochor ahvoldagi insonlardan, bemorlar yoki yoshi ulug' kishilardan xabar olish, ularga imkon qadar yordam berish qadriyat darajasiga ko'tarilgan.

Shu boisdan ham Asosiy qonunimizda mustahkamlab qo'yilgan ijtimoiy davlat g'oyasi xalqimiz mentalitetiga juda yaqin va mosdir. Shu bilan birga, Konstitutsiyada dav-

latning ijtimoiy xarakteri belgilab qo'yilishi unga ko'plab ijtimoiy vazifalarni ham yuklaydi. Ijtimoiy davlatning asosiy maqsadi – fuqarolarga munosib hayot kechirish va erkin rivojlanishlari uchun zarur shart-sharoit yaratib berish.

Kishilik jamiyati o'z taraqqiyoti davomida turli tuzumlarni boshdan kechirgan. Masalan, quldorlik va feodalizm davrida insonlarning maqomi teng bo'lmagan, yashash sharoitlari keskin farqlangan. Kapitalistik tuzumdan boshlab, ayniqsa, burjua inqiloblaridan keyin fuqarolarning tengligi huquqiy jihatdan e'tirof etila boshlandi. Bugungi kunda davlat, qonunlar va sud hokimiyati fuqarolarning formal tengligini so'zsiz tan oladi. Biroq bu ularning real hayotda ham tengligini anglatmaydi. Chunki formal tenglik bilan real tenglik orasida muayyan masofa mavjud. Bir xil huquq va imkoniyatlar yaratilgan taqdirda ham ularni amalga oshirish jarayoni turli shaxslarda turlicha kechadi. Sababi insonlar o'zlarining jismoniy, ruhiy va irodaviy jihatlari bilan bir-biridan farq qiladi.

Oqibatda bir xil huquqlar va imkoniyatlar mavjud sharoitda ham insonlarning ahvoli, xususan, moddiy holati turlicha shakllanishi mumkin. Bu esa jamiyatda ijtimoiy notenglik, ya'ni moddiy tabaqalanishning vujudga kelishini tabiiy jarayon sifatida ko'rsatadi. Shu boisdan ham ijtimoiy davlatchilik g'oyasining zamirida mulkiy tabaqalanishning oldini olish yoki uning oqibatlarini yumshatadigan ijtimoiy tuzumni barpo etish maqsadi mujassam, deyish mumkin.

Shu munosabat bilan ijtimoiy davlatchilikning mazmun-mohiyati, tarixiy shakllanish jarayoni, uning asosiy belgilari hamda zamonaviy amaliyoti masalalariga e'tibor qaratish mantiqan zarurdir. Biroq bugungi kunda "ijtimoiy davlat" tushunchasi bo'yicha, xususan, uning huquqiy davlat bilan o'zaro aloqasi, asosiy belgilari va uni qurish nazariyasi hamda amaliyoti borasida yagona umume'tirof etilgan yondashuv mavjud, deb aytish qiyin.

Davlatning ijtimoiy faoliyati haqidagi qarashlar qadimgi davrlardan shakllanib kelgan bo'lib, uning ildizlari Aflotun va Arastu ta'limotlariga borib taqaladi. Keyinchalik bu g'oyalar J.J. Russo, J. Lokk, Sh. Monteskye kabi mutafakkirlar tomonidan yanada sayqallandi. Zamonaviy bosqichda esa J. Gelbreyt, D.M. Keyns, F. Xayyek singari mashhur iqtisodchilar tomonidan davom ettirildi.

J.J. Russoning fikricha, davlatning asosiy vazifalaridan biri jamiyat uchun adolatsiz va chidab bo'lmas darajada og'ir oqibatlarga olib keladigan boy va kambag'allarga bo'linishni bartaraf etishdir. Shu bilan birga, mutafakkir jamiyatda boylikni butunlay yo'qotish zarurligi haqida fikr bildirmagan [6].

Ko'pchilik tadqiqotchilar ham G'arbda, ham MDH ilmiy makonida ijtimoiy davlatchilik g'oyalarining paydo bo'lishini Tomas Gobbs va Jon Lokk ta'limotlari bilan bog'lashadi. Gobbsning shaxs va davlat o'rtasidagi munosabatlarni tahlil etishi jamiyatda xususiy raqobat va bozor iqtisodiyotining asosi bo'lgan shaxs erkinligiga zamin yaratgan.

Ayrim mualliflar fikricha, "ijtimoiy davlat" terminining muallifi Lorens fon Shteyn hisoblanadi. Unga ko'ra, ijtimoiy davlat – jamiyatdagi turli ijtimoiy sinflar hamda o'z hokimiyatiga ega bo'lgan alohida o'zini o'zi boshqaruvchi shaxslar uchun mutlaq tenglikni ta'minlovchi davlat [7]. Shu bilan birga, 1832-yilda Robert fon Molning "Yuridik davlat asoslari bo'yicha politsiya ilmi" asarida muallif "politsiya" tushunchasini har bir shaxs foydalanishi mumkin bo'lgan muassasalarni yaratish va umumiy choralarni qabul qilish orqali ularning huquqlarini himoya etish hamda fuqarolarning oqilona va qonuniy maqsadlariga erishishiga ko'maklashadigan davlat faoliyati sifatida talqin qilgan [8].

Ijtimoiy davlat g'oyasi murakkab rivojlanish bosqichlarini boshdan kechirgan. Uning kelib chiqishi sabablari borasida ham turlicha qarashlar mavjud. Ba'zi yondashuv-

larda ijtimoiy davlat klassik liberalizmning amaliy choralarini marksizm talablari bilan bog'lovchi oraliq holat sifatida izohlanadi. Shu bilan birga, liberalizmning asosiy tayan-chlari – xususiy mulkchilik, individualizm, raqobat, bozor, demokratiya va erkinlik – zamonaviy rivojlangan demokratik ijtimoiy davlatlarning ham asosiy belgilari sifatida namoyon bo'ladi.

Natijada, ijtimoiy-huquqiy davlat har bir mamlakat intiladigan, erishishga harakat qilinadigan “ideal maqsad” (ideal marra) sifatida qaraladi.

Nazarimizda, ijtimoiy davlat liberalizmning “davlat iqtisodiyotga imkon qadar kam aralashishi, asosan “tungi qorovul” vazifasini bajarishi lozim” degan talabi bilan sotsial demokratiya g'oyalari o'rtasidagi “oltin o'rtalikni” ifodalaydi [9]. Shu bilan birga, ijtimoiy davlat jamiyatda mavjud iqtisodiy notenglikni kamaytirish maqsadida davlatning iqtisodiy jarayonlarga aralashuv darajasi masalasini ham kun tartibiga olib chiqadi.

Davlat fuqarolarning turmush darajasini yaxshilash uchun faqat imtiyozlar berish va ijtimoiy himoya choralarini amalga oshirish bilan cheklansa, bu holatda tartibga solish obyekti shaxs va jamiyat o'rtasidagi munosabatlar bilan belgilanadi. Bu yondashuv konservativ va liberal qarashlar uchun xosdir. Biroq agar davlat nafaqat munosib hayot darajasini ta'minlash, balki jamiyatning tuzilishini, jumladan, iqtisodiyotni ham ma'lum darajada isloh qilishni o'z zimmasiga olsa, tartibga olish obyekti sifatida ijtimoiy guruhlar o'rtasidagi, ayniqsa, moddiy boyliklarni taqsimlash bilan bog'liq munosabatlar maydonga chiqadi. Shu nuqtada huquqiy davlat va ijtimoiy davlat o'rtasidagi ma'lum tafovut namoyon bo'ladi.

Shuni ham alohida ta'kidlash kerakki, milliy yuridik fanda ijtimoiy davlat va ijtimoiy siyosat masalalari, ijtimoiy davlatni qurishning nazariy asoslari va uning rivojlanish qonuniyatlarini davlat va huquq nazariyasi

nuqtayi nazaridan chuqur tahlil qilgan ilmiy tadqiqotlar hanuzgacha yetarli emas.

Ijtimoiy davlatda markaziy davlat organlariga, jumladan, vakillik organlariga saylovlarda imkon qadar jamiyatning barcha toifalari vakillari jalb etilishi ta'minlanadi. O'zbekiston Respublikasi Prezidenti ta'kidlaganidek, Konstitutsiyamizda O'zbekiston ijtimoiy davlat sifatida belgilanganidan kelib chiqib, shahar va qishloqlarni obod qilish, yangi uy-joylar, tibbiyot, ta'lim, madaniyat, san'at va sport maskanlarini barpo etish, yo'l va kommunikatsiya tarmoqlarini modernizatsiya qilish hamda manzilli ijtimoiy himoyani kuchaytirish davlat siyosatining ustuvor yo'nalishlari sifatida qaralmoqda.

Raqamlar ham bu yo'nalishdagi amaliy ishlarning ko'lamini yaqqol ifodalaydi: sog'liqni saqlash sohasiga ajratilayotgan mablag'lar hajmi ikki barobar oshirilmoqda. Bu jarayonda tibbiy sug'urta tizimiga bosqichma-bosqich o'tish va aholining kafolatlangan tibbiy xizmatlar bilan to'liq ta'minlanishi ustuvor vazifa etib belgilanmoqda. Ta'lim sohasida esa yaqin yillar ichida oliy ta'lim muassasalarida qamrov 50 foizga yetkazilishi rejalashtirilgan. Masalan, birgina 2025-yilda maktabgacha ta'lim muassasalari va umumta'lim maktablarini ta'mirlash hamda yangilarini qurish uchun davlat budjetidan 4 trillion so'm mablag' yo'naltirilishi ko'zda tutilgan.

Aholining ijtimoiy himoyaga muhtoj qatlamlarini qo'llab-quvvatlash uchun jami 46,5 trillion so'm mablag' ajratilib, 1 million fuqaroni kambag'allikdan chiqarish bo'yicha chora-tadbirlar amalga oshirilmoqda. Shu bilan birga, nogironligi bo'lgan shaxslar uchun yanada qulay sharoitlar yaratish, ularning ijtimoiylashuvini oshirish va jamiyatda inklyuzivlikni ta'minlash masalalari ham yangi bosqichga ko'tarilmoqda. Pensiya tizimini isloh etish bo'yicha zaruriy choralar ko'rish ham davlat siyosatining dolzarb vazifalari qatorida turibdi [10].

2025-yilda ijtimoiy sohaning ayrim yo'nalishlariga ajratiladigan mablag'lar

Yil	bog'cha va maktablarni ta'mirlash va yangilarini qurish uchun	aholining ijtimoiy himoyaga muhtoj qatlamlarini qo'llab-quvvatlash uchun
2025-yil	4 trillion so'm	46,5 trillion so'm

Ta'kidlash joizki, mamlakatimizda ijtimoiy sohaga oid mustahkam huquqiy baza shakllangan va keng qamrovli ijtimoiy siyosat olib borilmoqda. 2025-yil uchun Davlat budjeti xarajatlari (344,8 trln so'm) doirasida ham "O'zbekiston – ijtimoiy davlat" degan konstitutsiyaviy tamoyilga mos ravishda ijtimoiy yondashuv ustuvorligi saqlab qoling. Xususan, umumiy xarajatlarning 52 foizi yoki 177,7 trillion so'mi ijtimoiy sohaga yo'naltirilmoqda. Shundan ta'lim sohasiga 84,0 trillion so'm, sog'liqni saqlash sohasiga esa 41,3 trillion so'm mablag' ajratilishi belgilangan bo'lib, bu jami budjet xarajatlarining 36,4 foizini tashkil etadi [11].

Binobarin, ijtimoiy siyosatning asosiy maqsadi jamiyatda barqarorlikni ta'minlashdan iboratdir. Zero, qayerda barqarorlik bo'lsa, o'sha yerda iqtisodiy o'sish va taraqqiyot kuchayadi, ichki va tashqi xavfsizlik kafolatlanadi.

Iqtisodiy, falsafiy hamda yuridik adabiyotlarda ijtimoiy davlat va uning vazifalari yuzasidan turli fikrlar bildirilgan. Umuman olganda, ijtimoiy davlat – davlat siyosatini amalga oshirish jarayonida ijtimoiy funksiyalarning ijrosiga ustuvorlik berilishi bilan ajralib turadigan davlat. Ijtimoiy davlatning mavjudligi va samarali faoliyat yuritishi uchun quyidagilar ta'minlanishi zarur:

- insonlarning moddiy ehtiyojlarini qondirish darajasi va ular hayotining ijtimoiy-iqtisodiy shart-sharoitlarini o'z ichiga oladigan turmush farovonligi oshirish;

- garchi mutlaq tenglikni anglatmasa-da, ijtimoiy adolat prinsipini amalga oshirish;

- turli sohalarni (bandlik va ishsizlik, oila va yoshlar siyosati, ijtimoiy ta'minot, sog'liqni saqlash va shu kabilar) o'z ichiga

oladigan aholini ijtimoiy himoya qilishning shartligi.

Bundan tashqari, ilmiy manbalarda ijtimoiy davlatning qator belgilari ko'rsatiladi [12]:

- keng qamrovli ijtimoiy siyosat – ijtimoiy davlat mavjudligining belgisi;

- asosiy tarkibiy elementlarga ega bo'lgan rivojlangan fuqarolik jamiyatining mavjudligi;

- huquq hukmronligi mexanizmlarining rivojlanganligi;

- ijtimoiy yo'naltirilgan bozor munosabatlari shakllanganligi va fuqarolarning ijtimoiy-iqtisodiy huquqlarini samarali amalga oshirilishi.

Ta'kidlash joizki, ilmiy manbalarda ijtimoiy davlatlarning tasnifi ham berilgan. Masalan, V.P. Miletskiy tasnifiga ko'ra, ijtimoiy davlatlarning uch turi mavjud: liberal sotsial davlatlar, konservativ sotsial davlatlar va sotsial-demokratik sotsial davlatlar [13].

Liberal modelda asosiy e'tibor ijtimoiy imkoniyatlar tengligiga qaratiladi. Konservativ modelda ijtimoiy sharoit va imkoniyatlarning muvozanati ta'minlanadi. Sotsial-demokratik modelda esa barcha fuqarolarga ijtimoiy sharoitlarning tengligi kafolatlanadi.

Shu o'rinda Lorens fon Shteynning ijtimoiy davlat konsepsiyasining ahamiyatini eslatib o'tish o'rinli. Aslida "ijtimoiy davlat" atamasining muallifi ham aynan u hisoblanadi. Uning konsepsiyasida davlatning funksiyalari qatoriga "turli ijtimoiy sinflar, shu jumladan, alohida shaxs uchun ham huquqlarning mutlaq tengligini qo'llab-quvvatlash" g'oyasi kiritilgan.

Ijtimoiy davlat g'oyasining konstitutsiyaviy va huquqiy jihatdan mustahkamlanishi tarixiga nazar tashlasak, u birinchi marta Germaniya Federativ Respublikasining 1949-yil 23-mayda qabul qilingan Konstitutsiyasining 20- va 28-moddalarida o'z aksini topgan [14].

Biroq ijtimoiy davlat g'oyasining Konstitutsiyada mustahkamlanishini haddan ziyod bo'rttirib ko'rsatish ham to'g'ri emas. Chunki

garchi O'zbekistonda mazkur g'oya faqat 2023-yilda Asosiy qonunda mustahkamlangan bo'lsa-da, mustaqillikning dastlabki yillaridan boshlab, eng og'ir iqtisodiy sharoitlarda ham aholining muhtoj qatlamlarini ijtimoiy himoya qilishga ustuvor ahamiyat berib kelingi.

Bugungi kunda mamlakatimizda ko'plab ijtimoiy huquq va erkinliklar kafolatlangani ijtimoiy davlatchilik tizimi va tuzilmasining mustahkamlanib borayotganidan dalolat beradi. Xususan [15]:

- har kim eng kam oylik maoshidan past bo'lmagan miqdorda adolatli haq olish huquqi ega;

- har kim qariganda, mehnat qobiliyatini yo'qotganda, ishsizlikda, boquvchisidan mahrum bo'lganda ijtimoiy ta'minot olish huquqiga ega;

- pensiyalar, nafaqalar va ijtimoiy yordamning miqdorlari eng kam iste'mol xarajatlaridan oz bo'lishi mumkin emas;

- soliq va yig'imlar adolatli bo'lishi hamda fuqarolarning konstitutsiyaviy huquqlarini amalga oshirishiga to'sqinlik qilmasligi kerak;

- har kim uy-joyli bo'lish huquqi ega;

- davlat oilaning to'laqonli rivojlanishi uchun ijtimoiy, iqtisodiy, huquqiy va boshqa shart-sharoitlar yaratadi;

- fuqarolarga tibbiy yordamning kafolatlangan hajmi bepul ko'rsatiladi;

- aholining ijtimoiy jihatdan ehtiyojmand toifalarini uy-joy bilan ta'minlash tartibi qonun bilan belgilanadi;

- yollanib ishlovchilarga har yilgi haq to'lanadigan mehnat ta'tilidan foydalanish huquqi kafolatlanadi;

- davlat bepul umumiy o'rta ta'lim va boshlang'ich professional ta'lim olishni kafolatlaydi;

- ta'lim tashkilotlarida alohida ta'lim ehtiyojlariga ega bo'lgan bolalar uchun inklyuziv ta'lim va tarbiya ta'minlanadi;

- fuqarolar davlat ta'lim tashkilotlarida tanlov asosida davlat hisobidan oliy ma'lumot olishga haqli.

Bundan tashqari, Konstitutsiyada ijtimoiy davlat tamoyilining mustahkamlanishi mazkur g'oyaning darhol va to'liq hayotga tatbiq etilishini anglatmaydi. Bu vazifa murakkab jarayon bo'lib, u nafaqat iqtisodiy, balki ma'naviy omillarni ham, jumladan, davlat va jamiyat o'rtasidagi munosabatlarning muayyan darajada rivojlangan bo'lishini taqozo etadi. Shu maqsadda, 2023-yilda O'zbekiston Respublikasi Prezidenti huzurida Ijtimoiy himoya milliy agentligi tashkil etildi. Mazkur agentlik aholining ijtimoiy himoyasi va ijtimoiy xizmatlar ko'rsatish sohasida yagona davlat siyosatini ishlab chiqish hamda amalga oshirish vakolatiga ega bo'lgan maxsus davlat organi hisoblanadi [16].

Xulosa

Bugungi kunda ilmiy adabiyotlarda ham, qonunchilikda ham ijtimoiy davlatning yagona konsepsiyasi yoki umume'tirof etilgan ta'rifi mavjud emas. Umuman olganda, ijtimoiy davlat deganda turli ijtimoiy guruhlar o'rtasidagi munosabatlarni tartibga solishga qaratilgan, aholining muayyan tarixiy davrdagi hayot darajasini ta'minlovchi, aniq hamda qonunan rasmiylashtirilgan davlat funksiyasi tushuniladi [17].

Prezidentimiz ushbu tushunchani sharhlar ekan, "Ijtimoiy davlat bu, eng avvalo, inson salohiyatini ro'yobga chiqarish uchun teng imkoniyatlar yaratish, odamlarning munosib hayot kechirishiga zarur sharoitlar ta'minlash va kambag'allikni qisqartirish demakdir", deya ta'rif bergan edi [18].

Yuqoridagilarga asosan, ijtimoiy davlatni jamiyatda moddiy tengsizlikni kamaytirish orqali ijtimoiy adolatni ta'minlashga yo'naltirilgan, shu maqsadda iqtisodiy jarayonlarga hamda moddiy boyliklarni taqsimlashga oqilona darajada aralashuvchi, bunday jarayonga befarq bo'lmagan demokratik huquqiy davlat sifatida ta'riflash mumkin.

Maqola yakunida ijtimoiy davlat, uning belgilari va shakllanish amaliyotini tadqiq etish yuzasidan quyidagi xulosalarga kelish mumkin:

1. Milliy yuridik fan va doktrinada ijtimoiy davlat tushunchasi, uning mazmuni, mohiyati, belgilari hamda shakllanishining iqtisodiy, ijtimoiy va ma'naviy asoslari yetarlicha tadqiq etilmagan. Shu bois ushbu masalalar bo'yicha ilmiy izlanishlarni kuchaytirish zarur.

2. Ta'limning barcha bo'g'inlarida o'quvchilarda muayyan tasavvur shakllantirish maqsadida ijtimoiy fanlar, jumladan, yuridik fanlar dasturlariga "Ijtimoiy davlat va uning mohiyati, belgilari" kabi mavzularni kiritish lozim.

3. Ijtimoiy davlat kategoriyasini huquqiy davlat, dunyoviylik va fuqarolik jamiyati

rivoji bilan bog'liq holda o'rganish va ta'lim tizimida o'qitish maqsadga muvofiqdir. Konstitutsiyamizning 1-moddasi mazmuni ham aynan shuni talab etadi.

4. Ijtimoiy davlatchilik g'oyalari xalqimizning qadimiy tarixiga, dunyoqarashiga va qadriyatlariga yaqin bo'lib, ongimizga singib ketgan. Shu jihatdan ilmiy tadqiqotlarda Alisher Navoiy kabi buyuk ajdodlarimizning xayriya, mehr-muruvvatga asoslangan faoliyatini ijtimoiy davlatchilik nuqtayi nazaridan tahlil etish orqali milliy davlatchiligimiz tarixida ijtimoiy davlat g'oyalarning ifodalanişini ko'rsatish mumkin.

REFERENCES

1. Mirziyoyev Sh.M. O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyevning Navro'z umumxalq bayramiga bag'ishlangan tantanali marosimdagi nutqi [Speech by the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev at the solemn ceremony dedicated to the national holiday of Navruz]. Available at: <https://president.uz/uz/lists/view/7963>
2. Konstitutsiya Respubliki Kazakhstan [Constitution of the Republic of Kazakhstan]. Available at: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution
3. Konstitutsiya Respubliki Tadzhikistan [Constitution of the Republic of Tajikistan]. Available at: <https://mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya>
4. Alisher Navoi: neissyakayemiy istochnik vdokhnoveniya [Alisher Navoi: an inexhaustible source of inspiration]. Available at: <https://uzbekistan.org.ua/ru/news/2329-alisher-navoi-neissyakaemyj-istochnik-vdokhnoveniya.html>
5. Alisher Navoiy hayot yo'li va ijodi [Alisher Navoi's life and work]. Available at: <https://sputniknews.uz/20190208/alisher-navoiy-hayoti-va-ijod-yoli-22240204.html>
6. Yegoyants Zh.A., Yershova M.V. Kontseptsiya prav i svobod v trudakh Zhan-Zhaka Russo [The concept of rights and freedoms in the works of Jean-Jacques Rousseau]. *Young Scientist*, 2019, vol. 21 (259), pp. 331–333. Available at: <https://moluch.ru/archive/259/59452/>
7. Miletskiy V.P. Institutsional'nyye aspekty stanovleniya sotsial'nogo gosudarstva [Institutional aspects of the formation of the welfare state]. Available at: <https://discourse.etu.ru/assets/files/mileckij-v.p.pdf>
8. Mol R. Nauka politsii po nachalam yuridicheskogo gosudarstva [Police Science on the Principles of the Legal State]. St. Petersburg. Available at: <https://dspace.spbu.ru/items/3dc4b44d-33a1-414c-b901-47ccbd01edbd>
9. Kozhokin Ye.M. Ipostasi "gosudarstva – nochnogo storozha" [Hypostases of the "Night Watchman State"]. Available at: cyberleninka.ru/article/n/ipostasi-gosudarstva-nochnogo-storozha-frantsiya-pervoy-pолоviny-xix-veka
10. O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Sh. Mirziyoyevning Konstitutsiya kuni munosabati bilan bayram tabrigi [Greetings from the President of the Republic of Uzbekistan Sh. Mirziyoyev on the occasion of Constitution Day]. 2024. Available at: <https://president.uz/uz/lists/view/7751>

11. 2025-yil Davlat budjeti – Ijtimoiy tamoyilga asoslangan [2025 State Budget – Based on Social Principles]. Available at: https://uza.uz/ru/posts/2025-yil-davlat-byudzheti-izhtimoiy-tamoyilga-asoslangan-byudzhethet_675824?q=%2Fposts%2F2025-yil-davlat-byudzheti-izhtimoiy-tamoyilga-asoslangan-byudzhethet_675824
12. Starshova U.A. Ponyatiye, priznaki i perspektivy razvitiya sovremennogo sotsial'nogo gosudarstva [The concept, characteristics and development prospects of a modern social state]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-priznaki-i-perspektivy-razvitiya-sovremennogo-sotsialnogo-gosudarstva-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt>
13. Miletskiy V.P. Institutsional'nyye aspekty stanovleniya sotsial'nogo gosudarstva [Institutional aspects of the formation of the welfare state]. Available at: <https://discourse.etu.ru/assets/files/mileckij-v.p.pdf>
14. Osnovnoy Zakon FRG [Basic Law of the Federal Republic of Germany]. 1949. Available at: <https://www.deutschland.de/ru/topic/politika/mir-i-bezopasnost/70-let-osnovnomu-zakonu>
15. O'zbekiston – ijtimoiy davlat [Uzbekistan is a social state]. Available at: https://constitution.uz/uz/pages/broshura_ijtimoiy_davlat
16. Ijtimoiy himoya milliy agentligi [National Agency for Social Protection]. Available at: https://www.norma.uz/uz/qonunchilikda_yangi/prezident_huzurida_ijtimoiy_himoya_milliy_agentligi_tashkil_etildi
17. Postnikov V.G. Stanovleniye sotsial'nogo gosudarstva, yego konstitutsionno-pravovyye i politicheskiye kharakteristiki [Formation of the social state, its constitutional, legal and political characteristics]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-sotsialnogo-gosudarstva-ego-konstitutsionno-pravovyye>
18. Ijtimoiy himoyaning yangi tizimi inson qadrini ta'minlashga xizmat qiladi [The new social protection system serves to ensure human dignity]. Available at: <https://president.uz/uz/lists/view/7041>

Kelib tushgan / Получено / Received: 10.07.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 15.08.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 25.08.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.4./LVUX4115

UDC: 342(045)(575.1)

DAVLAT-FUQAROLIK JAMIYATI MULOQOTI: NAZARIY-HUQUQIY TAHLIL VA ZAMONAVIY TENDENSIYALAR

Nazarov Shavkat Nazarovich,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Davlat boshqaruvi kafedrası mudiri,
yuridik fanlar nomzodi, dotsent
ORCID: 0000-0001-8546-774X
e-mail: sh.nazarov@tsul.uz

Annotatsiya. Ushbu maqolada davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi munosabatlarning nazariy-huquqiy tabiati va konseptual asoslari tahlil qilinadi. Maqolada mazkur munosabatlarning tarixiy rivojlanish jarayoni, G'arb va postsovet makonidagi nazariy yondashuvlar, jumladan, Gramshi, Pulantzas va Burdye nazariyalariga asoslangan tahlillar keltirilgan. Shuningdek, davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi muloqot mexanizmlari, PR-texnologiyalar va jamoatchilik maslahatchilar institutining muhim ahamiyati ko'rsatib o'tilgan. Muallif ushbu munosabatlarni binar oppozitsiya sifatida emas, balki dialektik o'zaro to'ldiruvchi tizim sifatida talqin qilish zarurligini ilmiy asoslaydi. Davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi munosabatlar faqat huquqiy yoki siyosiy jihatlar bilan cheklanmaydi. Bu munosabatlarning madaniy, kommunikativ, simbolik va diskursiv jihatlar ham muhim rol o'ynaydi. Zamonaviy nazariyalar davlat va fuqarolik jamiyatini qat'iy ajratish emas, balki ularni o'zaro ta'sir qiluvchi, chegaralari doimo o'zgarib turuvchi tizimlar sifatida ko'rsatadi. Maqolada xorijiy va mahalliy olimlarning qarashlari solishtirma tahlil qilingan va fuqarolik jamiyati subyektlarining davlat boshqaruvidagi ishtirokini kuchaytirish uchun institutsional mexanizmlarni takomillashtirish bo'yicha amaliy tavsiyalar ilgari surilgan. Shu bilan birga, maqolada raqamlashtirish va globallashtirish sharoitida davlat-fuqarolik jamiyati munosabatlarining yangi konfiguratsiyalari va transmilliy xususiyatlari tahlil etilgan.

Kalit so'zlar: davlat, fuqarolik jamiyati, muloqot, institutlar, gegemoniya, kommunikatsiya, demokratiya, nazariya, huquq

ДИАЛОГ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Назаров Шавкат Назарович,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Государственное управление»
Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. В статье рассматривается теоретико-правовая природа и концептуальные основы взаимоотношений между государством и гражданским обществом. Проанализированы

историческая динамика формирования данных отношений, а также различные теоретические подходы, сложившиеся в западной и постсоветской научной традиции, включая концепции Антонио Грамши, Никоса Пуланцаса и Пьера Бурдьё. Особое внимание уделено анализу механизмов диалога между государством и гражданским обществом, включая роль PR-технологий, института общественных советников и других коммуникационных инструментов. Автор научно обосновывает необходимость интерпретировать эти отношения не как бинарную оппозицию, а как диалектическую, взаимодополняющую систему. Отмечается, что взаимодействие государства и гражданского общества выходит за рамки исключительно правовых и политических аспектов, включая культурные, коммуникативные, символические и дискурсивные измерения. Современные теории предлагают рассматривать государство и гражданское общество как динамичные, взаимовлияющие системы с постоянно изменяющимися границами. В статье проведён сравнительный анализ взглядов зарубежных и отечественных учёных, предложены практические рекомендации по совершенствованию институциональных механизмов для повышения участия субъектов гражданского общества в государственном управлении. Кроме того, рассматриваются новые конфигурации и транснациональные особенности взаимодействия государства и гражданского общества в условиях цифровизации и глобализации.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, диалог, институты, гегемония, коммуникация, демократия, теория, право

DIALOGUE BETWEEN STATE AND CIVIL SOCIETY: A THEORETICAL-LEGAL ANALYSIS AND MODERN TRENDS

Nazarov Shavkat Nazarovich,

Head of the Department of Public Administration,
Tashkent State University of Law,
Candidate of Legal Sciences, Associate professor

Abstract. This article analyzes the theoretical and legal nature and conceptual foundations of the relationship between the state and civil society. The article presents an analysis of the historical development of these relations and theoretical approaches in the West and the post-Soviet space, including those based on the theories of Gramsci, Pulanzas, and Bourdieu. It also highlights the importance of communication mechanisms between the state and civil society, PR technologies, and the institution of public consultants. The author scientifically substantiates the need to interpret these relations not as a binary opposition, but as a dialectical complementary system. The relationship between the state and civil society is not limited to legal or political aspects. Cultural, communicative, symbolic, and discursive aspects of these relations also play an important role. Modern theories do not strictly separate the state and civil society, but show them as interacting systems with constantly changing boundaries. The article comparatively analyzes the views of foreign and domestic scientists and puts forward practical recommendations for improving institutional mechanisms to strengthen the participation of civil society entities in public administration. At the same time, the article analyzes new configurations and transnational features of state-civil society relations in the context of digitalization and globalization.

Keywords: state, civil society, dialogue, institutions, hegemony, communication, democracy, theory, law

Kirish

Davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi munosabatlar dialektikasi siyosiy-huquqiy va ijtimoiy tafakkur tarixida fundamental

ahamiyat kasb etuvchi murakkab nazariy konstruksiyadir. Ushbu munosabatlarning konseptual mohiyati va transformatsion xususiyatlarini teran anglash bugun nafaqat

nazariy-metodologik, balki amaliy-pragmatik jihatdan ham dolzarb ahamiyat kasb etmoqda. Davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi muloqot mexanizmlarining nazariy-huquqiy tabiatini aniqlash va tegishli institutsional tuzilmalarni takomillashtirish zamonaviy demokratik davlatchilik konsepsiyasining markaziy masalalaridan biriga aylangan.

Tarixiy-falsafiy istiqboldan qaraganda, ushbu mavzu qadimgi davrlardan boshlab ijtimoiy-siyosiy diskursning diqqat markazida bo'lib kelgan. Antik davr mutafakkirlaridan tortib to postmodern faylasuflargacha bo'lgan keng doiradagi olimlar davlat va fuqarolik jamiyati dialektikasini turli konseptual prizmalar orqali tahlil qilishgan. Ushbu mavzuning doktrinal asoslari alohida ijtimoiy hodisa sifatida fuqarolik jamiyatini dastlab konseptualizatsiya qilgan XVIII-XIX asrlardagi Yevropa Ma'rifatchilik davri an'alariga borib taqaladi.

Asosiy qism

Zamonaviy olimlar tadqiqotlarida davlat-fuqarolik jamiyati munosabatlarini turli nazariy-metodologik yondashuvlar asosida tahlil qilish tendensiyasi kuzatilmoqda. Ayniqsa, poststrukturalistik va neoinstitutsional paradigmalar doirasida ushbu munosabatlarning transformatsion dinamikasi, shuningdek, globallashuv va raqamli texnologiyalar ta'siri ostida shakllanayotgan yangi konfiguratsiyalar chuqur o'rganilmoqda. Davlat va fuqarolik jamiyatini binar oppozitsiya sifatida emas, balki dialektik o'zaro to'ldiruvchi tizim sifatida talqin qilish tendensiyasi kuchaymoqda.

Ushbu nazariy masala qadimgi davrlardan boshlab falsafa, huquqshunoslik va siyosatshunoslik fanlarining diqqat markazida bo'lib kelgan. Aristotel [1], T. Gobbs [2], G. Grotsiy [3] singari qadimgi va o'rta asr mutafakkirlaridan tortib G.V.F. Hegel [4], A. Gramshi [5], M. Veber [6], J. Bodriyyar [7] kabi klassik davrga mansub olimlarga o'z asarlarida davlat va fuqarolik jamiyati munosabatlarining turli jihatlarini yoritib berishgan.

Ularning asarlarida fuqarolik jamiyatining mohiyati, tuzilishi, funksiyalari kabi masalalar o'rganilgan.

Fransuz faylasufi Maykl Fukoning fikricha, hokimiyat faqat davlat tomonidan amalga oshiriladigan kuch emas, balki jamiyatning turli darajalarida mavjud bo'lgan munosabatlar tizimidir. Fuko "biohokimiyat" va "hukmronlik" (governmentality) tushunchalarini kiritib, davlat va jamiyat o'rtasidagi munosabatlarni nazorat va boshqaruv texnologiyalari orqali tahlil qilgan. Uning nazariyasiga ko'ra, zamonaviy davlatlar fuqarolarni bevosita majburlash emas, balki o'zini o'zi boshqarish (self-governance) mexanizmlari orqali boshqaradi [8]. Fukoning yondashuvi ushbu maqolada keltirilgan davlat-fuqarolik jamiyati munosabatlarini an'anaviy tushunishdan tubdan farq qiladi, chunki u davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi aniq chegaralarni inkor etadi. Bu nazariya zamonaviy "yumshoq kuch" va raqamli nazorat texnologiyalari sharoitida davlat-jamiyat munosabatlarini tahlil qilishda muhim.

Zamonaviy davrda esa davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi munosabatlar nazariyasi rivojiga katta hissa qo'shgan olimlardan N.N. Alekseyev davlat nazariyasining G'arbiy Yevropa tajribasiga asoslanganligini tanqidiy tahlil qilgan [9]. M.N. Marchenko fuqarolik jamiyati tushunchasi hali to'liq aniqlanmagani ta'kidlab o'tgan [10]. A.G. Golovin davlat va fuqarolik jamiyatini yaxlit tizim sifatida ko'rib chiqish lozimligini asoslab bergan [11]. A.Y. Mamichev va M.V. Vronskayalar davlat hokimiyatini kompleks ijtimoiy-madaniy va siyosiy-huquqiy hodisa sifatida o'rganish zarurligini ta'kidlaganlar [12]. M.I. Suxodolov esa mahalliy boshqaruv organlarining innovatsion rivojlanishdagi rolini tadqiq etgan [13].

Zamonaviy sharoitlarda davlat va fuqarolik jamiyati munosabatlarini o'rganishda muhim ahamiyat kasb etgan yirik tadqiqotlar orasida M. Kochning "State-civil society rela-

tions in Gramsci, Poulantzas and Bourdieu: Strategic implications for the degrowth movement” [14] (2022) asari alohida ajralib turadi. M. Koch ushbu tadqiqotida davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi munosabatlar to'g'risida Gramshi, Pulantzas va Burde nazariyalarining solishtirma tahlilini keltirgan. Muallif ushbu nazariyalarning asosiy g'oyalarini umumlashtirib, post-o'sish harakati uchun strategik ahamiyatga ega xulosalarni shakllantiradi. Xususan, davlat va fuqarolik jamiyati o'zaro bog'liq ekanligi, ularning ichki tuzilishi murakkab va ziddiyatli ekanligi ta'kidlanadi” [14].

Davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi munosabatlarni tushuntirishda Gramshi, Pulantzas va Burde nazariyalari muhim ahamiyat kasb etadi. Mazkur nazariyalarning har biri o'ziga xos yondashuvni taklif etsa-da, ular zamonaviy davlatlarning boshqaruv amaliyotida turli darajada namoyon bo'lmoqda. Qayd etish zarurki, zamonaviy sharoitlarda davlatlar mazkur nazariyalarning turli jihatlarini o'z huquqiy tizimi va ijtimoiy-iqtisodiy sharoitlariga moslashtirib qo'llamoqda.

Gramshi nazariyasining asosiy g'oyasi “integral davlat” tushunchasi bo'lib, unga ko'ra, fuqarolik jamiyati siyosiy jamiyat tomonidan o'rab olingan [5]. Bu nazariya gegemoniya tushunchasiga tayanadi, ya'ni hukmron sinf ko'proq rozilik orqali boshqaradi. Zamonaviy davlatlarda bu g'oyaning namoyon bo'lishini bir qancha misollarda ko'rish mumkin. Jumladan, AQShda fuqarolik jamiyati institutlari, xususan, analitik markazlar (think tanks) va nodavlat tashkilotlari (NGO) orqali siyosiy qarorlarga ta'sir o'tkazish amaliyoti keng tarqalgan [15]. Fransiyada intellektuallar va madaniyat arboblarning siyosiy hayotdagi faol ishtiroki Gramshi nazariyasining amaldagi ifodasi sifatida qaralishi mumkin [16]. Yaponiyada korporativ madaniyat orqali ijtimoiy konsensusni shakllantirish usullari ham Gramshi g'oyalariga mos keladi [17].

Pulantzas nazariyasi davlatni ijtimoiy kuchlar “kondensatsiyasi” sifatida ko'radi va

uning “ichki” va “tashqi” tomonlari mavjudligini ta'kidlaydi [18]. Bu nazariya davlat va fuqarolik jamiyatining o'zaro bog'liqligiga alohida e'tibor qaratadi. Zamonaviy davlatlarda bu nazariyaning qo'llanishi quyidagi misollarda aniqroq namoyon bo'ladi. AQShda federal, shtat va mahalliy hokimiyat organlari o'rtasidagi murakkab munosabatlar, shuningdek, lobbizm tizimi orqali turli ijtimoiy kuchlarning davlat siyosatiga ta'siri Pulantzas nazariyasiga mos keladi [19]. Fransiyada esa markaziy va mahalliy hokimiyat organlari o'rtasidagi muvozanat hamda ijtimoiy harakatlarning davlat siyosatiga ta'siri (masalan, “sariq nimchalilar” harakati) Pulantzas g'oyalarining amaldagi ifodasidir [20]. Yaponiyada byurokratiya, siyosiy partiyalar va yirik biznes o'rtasidagi murakkab munosabatlar (“temir uchburchak”) hamda mahalliy o'zini o'zi boshqarish organlarining o'ziga xos roli Pulantzas nazariyasiga mos keladi [21].

Burde nazariyasi esa “fuqarolik jamiyati” tushunchasini rad etib, uning o'rniga “maydonlar” tushunchasini taklif etadi. U davlatni “metamaydon” sifatida talqin qiladi va simvolik kapital hamda hukmronlik g'oyalariga tayanadi [22]. Zamonaviy davlatlarda bu nazariyaning elementlarini ayrim davlatlar tajribasida uchratish mumkin. AQShda siyosiy maydonda simvolik kapitalning ahamiyati (masalan, nufuzli universitetlar diplomi) va ijtimoiy tarmoqlar orqali siyosiy ramzlarni yaratish hamda tarqatish amaliyoti Burde nazariyasiga mos keladi [23]. Fransiyada elita maktablari (Grandes Écoles) tizimi orqali davlat apparatini shakllantirish va milliy ramzlarda an'analarga katta e'tibor qaratish Burde nazariyasining amaldagi ifodasidir [24]. Yaponiyada ijtimoiy kapitalning ahamiyati (shaxsiy aloqalar tarmog'i – “keyretsu”) va an'anaviy qadriyatlar hamda zamonaviy texnologiyalarni uyg'unlashtirish orqali davlat imijini shakllantirish usullari Burde g'oyalariga mos keladi [25].

Yevropa Ittifoqining barcha a'zo davlatlari tomonidan 2004-yil 29-oktabrda imzolangan yangi Yevropa Konstitutsiyasining [26] kelajakdagi Yevropa Ittifoqi boshqaruvining muhim elementi sifatida I-47-moddasida ishtirokchi demokratiya (participatory democracy) tushunchasi kiritildi [27]. Unga ko'ra, davlat institutlari fuqarolar va jamoat tashkilotlari bilan muntazam muloqot olib borishi, ularning fikrlarini eshitishi va maslahatlashishi lozim. Bu yondashuv Yevropa Ittifoqi boshqaruvida fuqarolik jamiyatining ishtirokini kengaytirishga qaratilgan. Maqsad qarorlar qabul qilish jarayonini yanada shaffof va demokratik qilish, jamoatchilik nazoratini kuchaytirish hamda fuqarolarning davlat boshqaruvidagi ishtirokini oshirishdir [28].

Ayrim mualliflar tomonidan fuqarolik jamiyati institutlarini shaharni strategik boshqarishga ham jalb qilish zarurligi ta'kidlangan. Xususan, jamoatchilik maslahatchilari institutidan foydalanish, doimiy ishchi guruhlar tuzish va "jamoatchilik loyihalashtirish" kabi yangi usullarni joriy etish taklif etilgan. "Shahar va tumanlarni strategik boshqarish jarayoniga fuqarolik jamiyatini jalb etishning asosiy vositasi jamoatchilik maslahatchilari instituti bo'lishi mumkin, u o'zining moslashuvchanligi tufayli ijro hokimiyati va fuqarolik jamiyati o'rtasida o'zaro hamkorlikning turli shakllarini yaratish va joriy etish imkoniyatiga ega" [29]. Haqiqatan, shaharlarni boshqarish jarayoniga ushbu yondashuvlarni qo'llash orqali aholining qaror qabul qilish jarayonida ishtirokini ta'minlash, ijtimoiy keskinlikni pasaytirish va fuqarolik jamiyatining ijro funksiyalarini qisman bajarishga imkon yaratilishi mumkin.

Xulosa qilib aytganda, zamonaviy davlatlar boshqaruvida Gramshi, Pulantzas va Burde nazariyalarining turli elementlari uyg'unlashgan holda namoyon bo'lmoqda. Bu esa davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi munosabatlarning murakkab va ko'p qirrali ekanligini ko'rsatadi. Shu bilan birga, neolib-

ral yondashuvlarning ustunligi sababli ushbu nazariyalarning to'liq amalga oshishi hali ham cheklangan.

O'zbekiston tajribasi va xalqaro kontekstda ushbu masalaning metodologik asoslariga e'tibor qaratsak, O'zbekiston sharoitida davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi munosabatlarni o'rganishda D.Z. Ernazarovning tadqiqotlari muhim ahamiyat kasb etadi. Uning ta'kidlashicha, "xalqaro nodavlat tashkilotlarning O'zbekistondagi faoliyati asosan demokratik institutlarni shakllantirish, fuqarolik jamiyatini rivojlantirish, inson huquqlarini himoya qilish kabi yo'nalishlarga qaratilgan" [30]. Shu bilan birga, "ba'zi tashkilotlar mam-lakat ichki ishlariga aralashishi, vaziyatni be-qarorlashtirishga urinishlari sababli ularning faoliyati to'xtatilgani" [30] ham ko'rsatilgan. Bu ma'lumotlar O'zbekistonda davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi munosabatlarning o'ziga xos xususiyatlarini aniqlashga yordam beradi.

Fuqarolik jamiyati institutlarining davlat bilan munosabatlardagi funksiyalarini tahlil qilishda T. Paffenholz va C. Spurr tadqiqotlari muhim nazariy asos bo'lib xizmat qiladi. Ularning ta'kidlashicha, "fuqarolik jamiyati tinchlikni qurishda muhim rol o'ynaydi, ammo uning samaradorligi bir qator omillarga bog'liq" [31]. Jumladan, "fuqarolik jamiyatining turli funksiyalari turli bosqichlarda turlicha samara berishi, davlat bilan hamkorlik zarurligi, fuqarolik jamiyati tashkilotlari tarkibi va vakillik darajasi muhimligi" [31] qayd etilgan.

Merk va Laut tadqiqotlarida fuqarolik jamiyatining beshta asosiy funksiyasi ajratib ko'rsatilgan: "himoya, vositachilik, ijtimoiylashuv, jamoat qurilishi va kommunikatsiya" [32]. Edvards esa fuqarolik jamiyatining uchta asosiy rolini ta'kidlagan: "uyushma hayoti, yaxshi jamiyat va jamoat sohasi" [33]. Bu nazariy yondashuvlar davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi munosabatlarning funksional jihatlarini tushunishda muhim ahamiyat kasb etadi.

Davlat boshqaruvida fuqarolik jamiyati institutlari ishtirokining ahamiyati to'g'risida N.G. Lomova va O.I. Milodanovlar muhim fikrlarni ilgari surganlar. Ularning ta'kidlashicha, "Fuqarolik jamiyati institutlarining davlat organlari faoliyatida ishtirok etishi jamiyatdagi kayfiyatlar haqida muhim ma'lumot manbayi bo'lib, davlat uchun qo'llab-quvvatlash vazifasini bajarishga xizmat qiladi" [34]. Bu fikrlar fuqarolik jamiyati institutlarining davlat boshqaruvidagi monitoring va axborot taqdim etish funksiyalarining ahamiyatini ta'kidlaydi.

Hokimiyat va fuqarolik jamiyati o'rtasida bevosita muloqot shakllarini rivojlantirish haqida fikr bildirar ekan, A.A. Xomenok: "Hokimiyat va fuqarolik jamiyati o'rtasida bevosita muloqot shakllarini rivojlantirish ham muhimdir, bular professional muloqot uchun ishbilarmonlik tadbirlari, ijodiy uchrashuvlar, fuqarolarni jalb qilgan holda dolzarb muammolar bo'yicha ochiq munozaralar bo'lishi mumkin" [35], – deb ko'rsatib o'tadi. "Davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasida muvozanat va o'zaro nazorat zarur. Fuqarolik jamiyati davlat faoliyati ustidan jamoatchilik nazoratini amalga oshiradi, davlat esa fuqarolik jamiyatining destruktiv harakatlarini cheklashi kerak" [36].

Xulosa

Yuqoridagi tadqiqotlar asosida xulosa qilish mumkinki, davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi munosabatlarning nazariy-huquqiy tabiati va konseptual asoslarini o'rganishda turli yondashuvlar mavjud bo'lib, ular ushbu munosabatlarning huquqiy, institutsional, funksional va kontekstual jihatlarini kompleks tahlil qilish imkonini beradi.

Yuqorida keltirilgan nazariyalar davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi munosabatlarning nazariy-huquqiy tabiatini tushunishda muhim qo'shimcha istiqbollarni taklif etadi. Yuqoridagi ilmiy qarashlar va nazariyalar asosida quyidagi xulosalarni chiqarish mumkin:

1. Davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi munosabatlar faqat huquqiy yoki siyosiy jihatlar bilan cheklanmaydi. Bu munosabatlarning madaniy, kommunikativ, simvolik va diskursiv jihatlar ham muhim rol o'ynaydi.

2. Zamonaviy nazariyalar davlat va fuqarolik jamiyatini qat'iy ajratish emas, balki ularni o'zaro ta'sir qiluvchi, chegaralari doimo o'zgarib turuvchi tizimlar sifatida ko'rsatadi.

3. Fuqarolik jamiyatining davlat bilan munosabatlardagi funksiyalari murakkab va ko'p qirrali bo'lib, ular quyidagilarni o'z ichiga oladi: davlat hokimiyatini cheklash, jamoatchilik muhokamasini tashkil etish, ijtimoiy kapitalni shakllantirish, xavflarni boshqarishda ishtirok etish.

4. Globallashtirish va raqamlashtirish sharoitida davlat va fuqarolik jamiyati munosabatlarning transmilliy jihatlar tobora muhim ahamiyat kasb etmoqda.

5. Demokratik jamiyatlarda davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi munosabatlar ziddiyatlar mavjudligini inkor etmaydi, ammo bu ziddiyatlarni demokratik tartibda hal qilish mexanizmlarini taklif etadi.

Davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi munosabatlarning zamonaviy kontekstda rivojlanish xususiyatlarini o'rganishda O.N. Miroshnichenko va M.S. Mixaylovalarning tadqiqotlari alohida ahamiyat kasb etadi. Ular fuqarolik jamiyati institutlari va davlat organlari o'rtasidagi samarali hamkorlikning ahamiyati to'g'risida: "Fuqarolik jamiyati bugungi kunda tashkiliy va notashkiliy guruhlarining keng va dinamik spektrini o'z ichiga oladi, yangi fuqarolik jamiyati subyektlari sektorlar o'rtasidagi chegaralarni yo'q qilmoqda va yangi tashkiliy shakllarni sinovdan o'tkazmoqda" [37], – deb ta'kidlaydilar. Bu fikr zamonaviy fuqarolik jamiyatining transformatsion xususiyatlarini va uning davlat bilan munosabatlarda yangi konfiguratsiyalarni shakllantirayotganini ko'rsatadi.

Tahlil qilish joizki, mazkur yondashuv "davlat va fuqarolik jamiyatini binar oppo-

zitsiya sifatida emas, balki dialektik o'zaro to'ldiruvchi tizim sifatida talqin qilish" konsepsiyasiga to'la mos keladi. Binobarin, fuqarolik jamiyati subyektlarining "sektorlar o'rtasidagi chegaralarni yo'q qilish" tendensiyasi davlat-fuqarolik jamiyati dioxotomiya-sining an'anaviy tushunishidan uzoqlashish va ularning o'zaro to'ldiruvchi tabiatini tan olishni ko'rsatadi.

Bu qarashlarni "davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi muloqot mexanizmlarining nazariy-huquqiy tabiatini aniqlash va tegishli institutsional tuzilmalarni takomillashtirish" kontekstida tahlil qilish muhim. PR-texnologiyalar bu munosabatlarning zamonaviy konfiguratsiyalarini shakllantiruvchi muhim vositalardan biri sifatida qaralishi mumkin. Ayniqsa, raqamli kommunikatsiyalar davrida bu texnologiyalar davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi muloqotning samaradorligini oshirishda hal qiluvchi rol o'ynaydi.

Shu bilan birga, PR-texnologiyalarning samaradorligi – faqat davlat tomonidan emas, balki fuqarolik jamiyati institutlari tomonidan ham faol qo'llashga bog'liq. Zamonaviy sharoitlarda davlat organlari va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi konstruktiv muloqotni ta'minlashda PR-texnologiyalar va raqamli kommunikatsiyalarning o'rni tobora ortib bormoqda.

Davlat va fuqarolik jamiyati munosabatlarining nazariy-huquqiy tabiati va uni tushunish bo'yicha olimlarning tadqiqotlarini o'rganish natijasida quyidagi ilmiy-nazariy xulosalar shakllantirildi:

Birinchisi, davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi munosabatlar dialektikasi tarixiy evolyutsiya jarayonida turli konseptual yondashuvlar asosida takomillashib borgan. Bu yondashuvlar antik davr mutafakkirlaridan tortib postmodern nazariyotchilargacha bo'lgan keng ko'lamdagi olimlar tomonidan ishlab chiqilgan. Zamonaviy davrda bu munosabatlar binar oppozitsiya sifatida emas, bal-

ki dialektik o'zaro to'ldiruvchi tizim sifatida talqin qilinishi muhim metodologik ahamiyat kasb etadi.

Ikkinchisi, qiyosiy tahlil natijalari shuni ko'rsatadiki, Gramshi, Pulantzas va Burde konsepsiyalarining turli elementlari zamonaviy davlatlar boshqaruv amaliyotida uyg'unlashgan holda namoyon bo'lmoqda. Bu esa davlat va fuqarolik jamiyati munosabatlarining murakkab va ko'p qirrali tabiatidan dalolat beradi.

Uchinchisi, davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi muloqot mexanizmlarining samaradorligi – faqat huquqiy-siyosiy emas, balki kommunikativ va ramziy jihatlariga ham bog'liq. PR-texnologiyalari raqamli kommunikatsiyalar va maslahat institutlari bu munosabatlarning zamonaviy vositalari sifatida katta ahamiyat kasb etmoqda.

To'rtinchisi, demokratik jamiyatlarda davlat va fuqarolik jamiyati munosabatlarida ziddiyatlar muqarrar, biroq bu ziddiyatlarni demokratik tartibda hal qilish mexanizmlarini rivojlantirish zamonaviy konstitutsiyaviy davlatchilikning muhim shartidir.

Beshinchisi, davlat organlari va fuqarolik jamiyati institutlari o'rtasidagi hamkorlikning yangi integratsion modellarini ishlab chiqish zarur. Bu model ishtirokchi demokratiya prinsiplariga asoslanib, fuqarolarning davlat boshqaruvidagi ishtirokini ta'minlash, qarorlar qabul qilish jarayonining shaffofligini oshirish va davlat-fuqaro muloqotining institutsional mexanizmlarini takomillashtirishga qaratilishi lozim.

Xulosa qilib aytganda, davlat va fuqarolik jamiyati o'rtasidagi munosabatlar dialektikasi zamonaviy demokratik davlatchilik rivojlanishining muhim omili bo'lib, ushbu munosabatlarning nazariy-huquqiy tabiatini chuqur anglash va tegishli institutsional tuzilmalarni takomillashtirish orqali jamiyat boshqaruvining samarali modelini shakllantirish imkoniyati yuzaga keladi.

REFERENCES

1. Dovatura A.I. Politika Aristotelya [Aristotle Politics]. Moscow, Thought Publ., 1983, p. 830.
2. Gobbs T. Leviatan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan, or Matter, Form and Power of the Ecclesiastical and Civil State]. V.V. Sokolov (Ed.). Moscow, Thought Publ., 1991, p. 731.
3. Grotsiy G. O prave voyny i mira: Tri knigi, v kotorykh ob"yasnyayutsya yestestvennoye pravo i pravo narodov, a takzhe printsipy publichnogo prava [On the Law of War and Peace: Three Books in Which the Law of Nature and the Law of Nations, and the Principles of Public Law, are Explained]. Moscow, Ladomyr Publ., 1994, p. 868.
4. Gegel' G.V.F. Filosofiya prava [Philosophy of Law]. Moscow, Thought Publ., 1990, p. 524.
5. Gramshi A. Tyuremnyye tetradi [Prison notebooks]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, p. 560.
6. Veber M. Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchey sotsiologii [Economy and Society: Essays on Understanding Sociology]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2016, p. 445.
7. Bodriyyar Zh. Obshchestvo potrebleniya. Yego mify i struktury [Consumer society. Its myths and structures]. Moscow, Republic; Cultural Revolution Publ., 2006, p. 269.
8. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdeniye tyur'my [Discipline and Punish: The Birth of Prison]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999, p. 480.
9. Alekseyev N.N. Sovremennoye polozheniye nauki o gosudarstve i yeye blizhayshiye zadachi [The current state of the science of state and its immediate tasks]. Moscow, Agraf Publ., 1998, pp. 386–624.
10. Marchenko M.N. Sootnosheniye grazhdanskogo obshchestva i gosudarstva: voprosy teorii [The Relationship between Civil Society and the State: Theoretical Issues]. *Journal of Russian Law*, 2008, vol. 10, pp. 52–64.
11. Golovin A.G. O vzaimosvyazi grazhdanskogo obshchestva i publichnoy vlasti v kontekste kontseptsii delegirovaniya vlasti narodom [On the relationship between civil society and public authority in the context of the concept of delegation of power by the people]. *Lex Russica*, 2022, vol. 5, pp. 71–88.
12. Mamychev A.Yu., Vronskaya M.V. Sotsiokul'turnyye traditsii i sovremennyye napravleniya issledovaniy publichnoy vlasti [Sociocultural traditions and modern directions of public authority research]. *Economy and Management*, 2016, vol. 4(17), pp. 440–443.
13. Sukhodolov M.I. Vzaimodeystviye organov mestnogo samoupravleniya i sub"yektov innovatsionnoy deyatel'nosti v naukogradakh [Interaction between local governments and innovation entities in science cities]. *Bulletin of St. Petersburg State University*, ser. 14: Law, 2016, vol. 1, pp. 53–62.
14. Koch M. State-civil society relations in Gramsci, Poulantzas and Bourdieu: Strategic implications for the degrowth movement. *Ecological Economics*, 2022, vol. 193, p. 107275. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0921800921003347>
15. Domhoff G.W. Who Rules America? Power and Politics in the Year 2006. McGraw-Hill, 2005.
16. Drake D. Intellectuals and Politics in Post-War France. Palgrave Macmillan, 2002.
17. Pharr S.J., Krauss E.S. Media and Politics in Japan. University of Hawaii Press, 1996.
18. Poulantzas N. State, Power, Socialism. London, NLB, 1978.
19. Grossmann M. The Not-So-Special Interests: Interest Groups, Public Representation, and American Governance. Stanford University Press, 2012.
20. Nez H. Podemos: The Political Upstart Taking Spain by Force. Pluto Press, 2020.
21. Krauss E.S., Pekkanen R. The Rise and Fall of Japan's LDP: Political Party Organizations as Historical Institutions. Cornell University Press, 2011.
22. Burd'ye P. O gosudarstve: kurs lektsiy v Kollezhe de Frans (1989–1992) [On the State: Lecture Course at the Collège de France (1989–1992)]. Moscow, Case Publ., 2016.
23. Kreiss D. Taking Our Country Back: The Crafting of Networked Politics from Howard Dean to Barack Obama. Oxford University Press, 2012.

24. Bourdieu P. *The State Nobility: Elite Schools in the Field of Power*. Stanford University Press, 1996.
25. Ogasawara Y. *Office Ladies and Salaried Men: Power, Gender, and Work in Japanese Companies*. University of California Press, 1998.
26. Treaty establishing a constitution for Europe, OJ C 310, 2004.
27. Commission of the European Communities (2002) 'Report from the Commission on European Governance', COM(2002) 705, Brussels, 2002, note 1, p. 8.
28. Obradovic D. Civil Society and the Social Dialogue in European Governance. In P. Eeckhout (Ed.). *Law of the European Union*. Oxford, Oxford University Press, 2006, p. 261.
29. Popov A.V., Zavalin V.G., Lonshakov O.D. Rol' grazhdanskogo obshchestva v strategicheskoy upravlenii gorodom [The Role of Civil Society in Strategic Urban Management]. *Meridian*, 2021, vol. 2(55), pp. 1–11.
30. Ernazarov D.Z. Analysis of the Policy of the Republic of Uzbekistan Regarding International Non-governmental Organization. *Journal of Political Science and International Relations*, 2020, vol. 3, no. 1, pp. 9–15.
31. Paffenholz T., Spurk C. Civil Society, Civic Engagement, and Peacebuilding. *Social Development Papers: Conflict Prevention and Reconstruction*, Paper No. 36. Washington, DC: World Bank 2006.
32. Merkel W., Lauth H. System Change and Civil Society. What kind of civil society does democracy need? *Politics and Contemporary History*, 1998, vol. 6 (7), pp. 3–12.
33. Edwards M. *Civil Society*. Cambridge, Polity Publ., 2004.
34. Lomova N.G., Milodanova O.I. Dialog grazhdanskogo obshchestva i vlasti: problemy vzaimodeystviya [Dialogue between civil society and government: problems of interaction]. *Altai Bulletin of State and Municipal Service*, 2021, vol. 19, pp. 27–29.
35. Khomenok A.A. Sovershenstvovaniye vzaimodeystviya organov vlasti s institutami grazhdanskogo obshchestva [Improving the interaction of government bodies with civil society institutions]. *Alley of Science*, 2020, vol. 6(45), p. 10.
36. Bochkareva D.S., Lukin A.N. Vzaimosvyaz' gosudarstva, grazhdanskogo obshchestva i prava [The relationship between the state, civil society and law]. *History, Theory and Practice of State and Municipal Administration*, 2024, pp. 36–39.
37. Miroshnichenko O.N., Mikhaylova M.S. Vzaimodeystviye institutov grazhdanskogo obshchestva i sredstv massovoy informatsii s organami vlasti [Interaction of civil society institutions and mass media with government bodies]. *Bulletin of the Cheboksary branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*, 2020, vol. 2(21), pp. 18–28.

Kelib tushgan / Получено / Received: 14.07.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 18.08.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 25.08.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.4./MFEU4662

UDC: 347.9(045)(575.1)

KONSTITUTSIYAVIY SUDLARDA RAQAMLI TRANSFORMATSIYA: IMKONIYATLAR VA XAVFLAR

Nurmamatova Noila Doniyorovna,

Toshkent davlat yuridik universiteti tayanch doktoranti

ORCID: 0000-0001-5093-0300

e-mail: nurmamatovanoila@gmail.com

Annotatsiya. Ushbu maqolada konstitutsiyaviy sud ish yurituvida raqamlashtirish jarayonining nazariy asoslari, xalqaro tajribasi va milliy huquqiy amaliyotdagi o'rni tahlil qilinadi. Muallif raqamli texnologiyalar, xususan, "e-Court", "smart court" tizimlari va chatbot xizmatlari orqali sudlov faoliyatining tezkorligi, shaffofligi hamda fuqarolarning konstitutsiyaviy shikoyat qilish huquqini samarali ro'yobga chiqarish imkoniyatlarini ochib beradi. Tadqiqotda raqamli transformatsiyaning sudlovdagi shaffoflik, tezkorlik va kirishuvchanlikni ta'minlashdagi o'rni baholanadi. Xorijiy olimlarning qarashlari asosida raqamlashtirishning ijobiy va salbiy jihatlari – sudlovga kirishishdagi soddalik, lekin ayni paytda raqamli tafovut va protsessual noaniqlik kabi xavflar tahlil qilingan. Shu bilan birga, maqolada raqamli tafovut, protsessual tenglikka tahdid, inson omilining zaiflashuvi, texnologik ishonchsizlik, shaxsiy hayot daxlsizligining buzilishi kabi xavf va cheklovlar ham atroflicha yoritilgan. Turli davlatlar, jumladan, Indoneziya, Janubiy Koreya, Fransiya va Niderlandiya tajribasi asosida raqamli transformatsiya inson huquqlarini mustahkamlashi yoki, aksincha, ularni cheklab qo'yishi mumkinligi ko'rsatilgan. Muallifning asosiy xulosasiga ko'ra, konstitutsiyaviy sudlarda raqamlashtirish inson markazida tashkil etilishi va demokratik huquqiy davlat tamoyillariga mos keladigan ijtimoiy inklyuziv yondashuv asosida olib borilishi zarur.

Kalit so'zlar: "e-Court", chatbot, "smart court", ijtimoiy inklyuzivlik, videokonferensiya, inson omili, protsessual tenglik

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДАХ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Нурмаматова Ноила Дониёровна,

базовый докторант

Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основы процесса цифровизации конституционного судопроизводства, анализируется международный опыт и оценивается роль цифровых технологий в национальной правоприменительной практике. Автор раскрывает возможности использования цифровых решений, таких как системы e-Court, smart court и чат-боты, для повышения оперативности, прозрачности и эффективности рассмотрения дел, а также обеспечения реализации права граждан на подачу конституционной жалобы. В исследовании оценивается значение цифровой трансформации для обеспечения прозрачности, оперативности и доступности конституционного правосудия. На основе анализа зарубежных

научных работ выявлены как позитивные, так и негативные стороны цифровизации: упрощение доступа к правосудию, с одной стороны, и угрозы цифрового неравенства и процессуальной неопределённости – с другой. Отдельное внимание уделено анализу рисков и ограничений, связанных с внедрением цифровых технологий: угрозы процессуальному равенству, ослабление человеческого фактора, технологическая ненадёжность, нарушение неприкосновенности частной жизни и проблемы доверия к цифровым платформам. Рассмотрены примеры практики Индонезии, Южной Кореи, Франции и Нидерландов, демонстрирующие, что цифровая трансформация может как способствовать укреплению прав человека, так и создавать угрозу их ограничения. Согласно основному выводу автора, цифровизация деятельности конституционных судов должна быть ориентирована на человека и реализовываться на основе социально инклюзивного подхода, соответствующего принципам демократического правового государства.

Ключевые слова: e-Court, чат-бот, smart court, социальная инклюзивность, видеоконференция, человеческий фактор, процессуальное равенство

DIGITAL TRANSFORMATION IN CONSTITUTIONAL COURTS: OPPORTUNITIES AND RISKS

Nurmamatova Noila Doniyorovna,

Basic doctoral student at Tashkent State University of Law

Abstract. This article analyzes the theoretical foundations of the digitalization process in constitutional court proceedings, international experience, and its role in national legal practice. The author reveals the possibilities for the efficiency and transparency of judicial activity, as well as the effective implementation of citizens' constitutional right to appeal through digital technologies, in particular, "e-Court," "smart court" systems, and chatbot services. The study assesses the role of digital transformation in ensuring transparency, efficiency, and accessibility in court proceedings. Based on the views of foreign scientists, the positive and negative aspects of digitalization are analyzed—ease of access to justice, but at the same time such risks as digital difference and procedural uncertainty. At the same time, the article comprehensively covers such risks and limitations as the digital divide, threats to procedural equality, weakening of the human factor, technological insecurity, and violation of privacy. Based on the experience of various countries, including Indonesia, South Korea, France, and the Netherlands, it has been shown that digital transformation can strengthen human rights or, conversely, limit them. According to the author's main conclusion, digitalization in constitutional courts should be organized at the center of the individual and carried out on the basis of a socially inclusive approach that corresponds to the principles of a democratic legal state.

Keywords: e-Court, chatbot, smart court, social inclusion, videoconference, human factor, procedural equality

Kirish

So'nggi yillarda raqamlashtirish davlat boshqaruvi va sud tizimlarining ajralmas qismiga aylanmoqda. Ushbu jarayon demokratik jamiyatlarda shaffoflikni ta'minlash, fuqarolarning davlat organlari bilan muloqotini kuchaytirish, sudlov faoliyatini tezkor va ishonchli amalga oshirish kabi maqsadlarni ko'zlaydi. Ayniqsa, konstitutsiyaviy nazorat

organlari faoliyatida raqamli texnologiyalarni joriy etish orqali fuqarolarning konstitutsiyaviy shikoyat qilish huquqini amalga oshirishda samaradorlik ortmoqda.

Raqamlashtirish konstitutsiyaviy sud ish yuritishida huquqiy muhitni soddalashtirish, fuqarolarning huquqiy yordamga tezkor murojaatini ta'minlash va adolatga erkin kirishni kuchaytirish imkonini beradi. Dastlab Yev-

ropa Ittifoqi va Osiyo davlatlarida sinovdan o'tkazilgan "e-Court" va "smart court" modelarining samarali natijalari O'zbekiston Respublikasida ham mazkur yo'nalishda islohotlar zarurligini ko'rsatmoqda. Ayniqsa, yangi tahrirdagi Konstitutsiyaning 33-moddasida axborot izlash va olish huquqi, 55-moddasida esa buzilgan huquqlarni sud orqali tiklash kafolatlangani raqamli sud xizmatlari orqali bu konstitutsiyaviy kafolatlarni ro'yobga chiqarish zaruratini oshiradi.

Ushbu maqolani tayyorlashda huquqiy-tahliliy, solishtirma-huquqiy, empirik va tizimli yondashuv metodlaridan foydalanildi. Birinchidan, huquqiy-tahliliy metod orqali O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasining amaldagi normalari, Konstitutsiyaviy sud faoliyatini tartibga soluvchi qonunlar va normativ-huquqiy hujjatlar o'rganildi. Ikkinchidan, solishtirma-huquqiy yondashuv yordamida Indoneziya, Janubiy Koreya va Yevroosiyo iqtisodiy ittifoqi davlatlari konstitutsiyaviy sud tizimida raqamli texnologiyalarni joriy etish tajribalari o'rganildi.

Shuningdek, empirik metod asosida xalqaro manbalarda e'lon qilingan faktik ma'lumotlar – sudlarga murojaat qilish tezligi, chatbotlar orqali xizmat ko'rsatish samaradorligi, onlayn ariza topshirish statistikasi – asosida tahlil qilindi. Nihoyat, tizimli yondashuv yordamida raqamlashtirishning konstitutsiyaviy sud ish yuritishidagi o'рни kontekstda – demokratik tamoyillar, sud adolati va fuqarolik ishtirokchilik bilan uyg'unlikda baholandi.

Asosiy qism

Konstitutsiyaviy sud ish yuritishida raqamlashtirish va masofaviy texnologiyalarni joriy etish bo'yicha ilmiy hamjamiyatda turlicha yondashuvlar mavjud. Ba'zi olimlar bu jarayonni demokratik institutlarning qulayligi va shaffofligi bilan bog'liq holda olqishlasa, boshqalar uni protsessual xavflar nuqtayi nazaridan ehtiyotkorlik bilan baholaydi.

Masalan, A. Sanders Yevropa davlatlaridagi videokonferensaloqa amaliyotlarini tahlil

qilar ekan, bu texnologiya pandemiya davrida adolatga erishishda muhim vosita bo'lganini ta'kidlaydi. Uning fikricha, virtual ishtirok shakli sudlov adolatini pasaytirmaydi, aksincha uni qulaylashtiradi va tezlashtiradi [1, 4-b.]. Bunga qarshi nuqtayi nazar sifatida, E.Schulz konstitutsiyaviy sud jarayonlarida raqamlashtirish ortidan yuzaga keladigan protsessual tenglik muammolariga e'tibor qaratadi. U ayrim qatlamlar, xususan, texnologik jihatdan qamrab olinmagan fuqarolar bu jarayondan chetda qolishi mumkinligini ta'kidlaydi [2, 309-b.].

A. Fauzan esa Indoneziya Konstitutsiyaviy sudida "e-Court" tizimi va raqamli islohotlar joriy etilishi natijasida fuqarolar murojaatlarining soni ortgani, sudga murojaat qilish jarayonining soddalashtirish hamda onlayn tizimlar orqali qulayliklar yaratilgani kabi amaliy faktlarga tayangan holda xulosalar bergan [3, 7-b.]. Yana bir olim Jongmun Park o'z tadqiqotida Koreya, Malayziya va boshqa Osiyo konstitutsiyaviy sudlari tajribasini o'rganib, raqamlashtirish inson huquqlarining zamonaviy kafolati sifatida namoyon bo'layotgani haqida so'z yuritgan [4, 4–5-b.].

Yevropalik huquqshunoslar Bronzini, Gori va Pahladsingh esa konstitutsiyaviy adolat sohasida raqamlashtirish yurisdiksiyaviy soddalikni yaratgani, biroq sud muhokamalarida bevosita ishtirokning o'rnini to'liq bosa olmasligini tan olishadi. Ayniqsa, inson shaxsi va ifoda erkinligi bilan bog'liq masalalarda bu noziklik alohida ahamiyat kasb etadi [5, 7-b.].

Demak, konstitutsiyaviy sudda ish yuritish jarayonini raqamlashtirish va soddalashtirish bo'yicha yuqoridagi olimlarning fikrlaridan ko'rinib turibdiki, bu borada fikrlar xilma-xil va o'zining asoslariga ega. Shunday bo'lsa-da, raqamlashtirish asrida texnologiyalarning konstitutsiyaviy sud ish yurituvini osonlashtirishi va murojaat qiluvchilar uchun qulaylashishi zamon talabi hisoblanadi.

Konstitutsiyaviy sud ish yuritishida raqamlashtirish faqat jarayonni tezlashtirish yoki qulaylashtirish vositasi emas, balki ijti-

moiy tenglik tamoyilini amalda ta'minlovchi vosita sifatida ham muhim ahamiyatga ega. Texnologik qulayliklar barcha ijtimoiy guruhlar – shahar va qishloq aholisi, imkoniyati cheklangan shaxslar, ayollar va yoshlar uchun sud tizimiga kirishish imkoniyatlarini tenglashtiradi. Ammo bu imkoniyatlar bilan birga, raqamli tafovut (digital divide) muammolari ham mavjud bo'lib, ular ijtimoiy adolatni buzishi mumkin.

Jongmun Park Janubiy Koreya Konstitutsiyaviy sudida 2021-yildan boshlab joriy etilgan chatbot xizmatlari orqali fuqarolar sud jarayonlari, ariza berish tartibi, muddatlar va protsessual huquqlar haqida 24/7 rejimda ma'lumot olishi mumkinligini aytib o'tadi. Bu esa fuqarolarga nafaqat axborot olish, balki sud jarayonlarida xabardor va faol ishtirok etish imkoniyatini yaratadi [4, 3-b.]. Boshqa tomondan, Heru Okta raqamli texnologiyalarni demokratik adolatning amaliy asosi deb qarar ekan, ular "ijtimoiy inklyuzivlik"ni ta'minlashi lozimligini urg'ulaydi. Uning fikricha, agar raqamli texnologiyalar faqat texnik jihatdan rivojlangan guruhlar uchun moslashtirilsa, bu holda jamiyatda ijtimoiy ajralish (segregatsiya) kuchayadi. Shu bois raqamlashtirish siyosati barcha ijtimoiy qatlamlarni qamrab oluvchi va imkoniyatlar tengligini ta'minlovchi tarzda amalga oshirishi lozim [6, 268-b.].

Ushbu nuqtayi nazar boshqa xalqaro tadqiqotlar bilan ham uyg'unlashadi. Masalan, Yevropa sud tizimlari tajribasida texnologik imkoniyatlardan foydalanish aynan zaif ijtimoiy guruhlar uchun sudlovga kirishishni osonlashtirish vositasi sifatida qaralmoqda. Ya'ni nogironligi bor fuqarolar, chekka hududdagilar va sud zaliga kelishi murakkab bo'lgan shaxslar uchun videokonferensiya va onlayn xizmatlar adolatni real hayotda ta'minlashda muhim rol o'ynaydi [1, 6-b.].

Biroq raqamlashtirishning bu qulayliklari faqat zarur texnologiyaga ega bo'lgan fuqarolar uchun amaliy qiymatga ega. Xalqaro iqtisodiy hamkorlik va taraqqiyot tashkiloti

(OECD) ham sud tizimida raqamli tafovutlarni ijtimoiy adolatga tahdid sifatida ko'radi. Ularning fikricha, texnologik islohotlar jamiyatdagi mavjud tengsizliklarni chuqurlashtirmasligi, aksincha, ularga qarshi yo'naltirilishi kerak [7].

Shuning uchun davlat tomonidan "raqamli inklyuzivlik" siyosatini yuritish, bepul internet punktlari, texnik yordam xizmatlari va huquqiy ma'lumotni tushunarli tilda taqdim etish kabi choralarni ko'rish zarur. Aks holda, texnologik qulayliklar konstitutsiyaviy tenglik emas, balki tengsizlikni chuqurlashtirishi mumkin. BMT Inson huquqlari bo'yicha Kengashi ham raqamli sudlov xizmatlarini inson huquqlariga kirishishda samarali vosita sifatida baholab, ularning inklyuzivlik asosida tashkil etilishini zarur deb hisoblaydi. Bu yondashuv, ayniqsa, demokratik huquqiy davlatda fuqarolarning teng huquqli ishtirokini ta'minlash uchun muhim [8].

Demak, texnologik qulayliklar va raqamlashtirish konstitutsiyaviy sud faoliyatini zamonaviylashtirishda hal qiluvchi vosita bo'lish bilan birga, ijtimoiy tenglik mezonlariga moslashgan holda joriy etilishi shart. Sudga kirishishdagi ijtimoiy to'siqlarni kamaytirish, barcha guruhlariga teng sharoit yaratish – demokratik jamiyatning konstitutsiyaviy qadriyatlariga mos keladigan yondashuv bo'ladi.

Raqamlashtirish konstitutsiyaviy sud ish yuritishiga samaradorlik, ochiqlik va kirishuvchanlik olib kirgani holda, u bilan bog'liq xavf va muammolar ham mavjud. Bu muammolar texnik, ijtimoiy va huquqiy xarakterga ega bo'lib, agar ular tegishli tarzda boshqarilmasa, sudlov adolatiga putur yetkazishi mumkin. Ayniqsa, texnologik ajratilganlik, protsessual noaniqlik, shaxsiy hayot daxlsizligi va inson omilining cheklanishi kabi jihatlar konstitutsiyaviy tamoyillar bilan ziddiyatga kirishi mumkin.

Birinchi, raqamli notenglik masalasi dolzarb muammo hisoblanadi. Ya'ni raqamlashtirish ijtimoiy tenglikni kuchaytirishdan

ko'ra, mavjud tafovutlarni chuqurlashtirishi mumkin. Masalan, internetga doimiy kirish imkoniyati yo'q shaxslar, texnik vositalar va raqamli savodxonlik yetishmovchiligi tufayli sudlov tizimidan chetda qolish xavfiga duch kelishi mumkin [2, 311-b.].

Ikkinchidan, videokonferensiya orqali o'tkazilayotgan eshituvlarda shaxsiy aloqaning yetishmasligi, emotsional ifodaning cheklanishi va texnik uzilishlar kabi holatlar protsessual tenglikni buzishi mumkin. Bunday sharoitda taraflar sudga ta'sir o'tkaza olmay qoladi, sudya esa taraflarning holatini to'liq anglab yetmaydi. Bu esa sud qarorining adolatililigiga va taraflarning sud tizimiga bo'lgan ishonchiga salbiy ta'sir ko'rsatadi [5, 1575–1577-b.].

Uchinchidan, texnologik vositalardan foydalanganda shaxsiy ma'lumotlarning xavfsizligi va maxfiyligiga tahdid mavjud. Sud jarayonlarida ishlatiladigan videoyozuvlar, elektron dalillar va onlayn aloqalar noto'g'ri boshqarilsa, bu konstitutsiyaviy huquq – shaxsiy hayot daxlsizligini buzish ehtimolini oshiradi. Shu sababdan cheklovlar adolatli, proporsional va konstitutsiyaviy me'yorlarga mos bo'lishi kerak [9, 57–60-b.].

To'rtinchidan, inson omilining kamayishi – sudya va taraflar o'rtasidagi bevosita aloqaning zaiflashuvi – muhim konstitutsiyaviy muammoga aylanishi mumkin. Sud zali nafaqat qaror qabul qilinadigan joy, balki protsessual ishonch va adolat muhitining timsolidir. Texnologik vositalar bu muhitni to'liq qayta yaratolmasligi mumkin. Shu sababli raqamli sud xizmatlarini joriy etishda faqat texnik vositalar bilan cheklanmasdan, madaniy, til va jamoaviy inklyuzivlikni ta'minlash zarur. Aks holda, sudlov adolati yuzaki raqamlashtirish darajasida qolib ketadi [10]. Raqamlashtirishni konstitutsiyaviy sud ish yuritishiga joriy etishda ehtiyotkorlik bilan yondashish, inson omilini inkor qilmaslik, texnologik vositalarni muqobil emas, balki qo'shimcha vosita sifatida ishlatish muhim hisoblanadi. Shuningdek, bu muammolarga qarshi insti-

tutlararo nazorat, ma'lumotlar xavfsizligini ta'minlovchi texnik choralar va fuqarolar uchun raqamli savodxonlik dasturlarini ke-ngaytirish zarur.

Konstitutsiyaviy sudlarda adolatli sudlov-ga erishishning asosi bo'lgan tamoyillardan biri – protsessual tenglik. Ya'ni barcha taraf-lar teng huquq va imkoniyatlarga ega holda, sud jarayonida o'z pozitsiyasini himoya qi-lish, dalillar keltirish, sudyaga ta'sir o'tkazish va o'z fikrini ifoda etish huquqiga ega bo'lishi lozim. Raqamli texnologiyalarning sud ish yuritishiga joriy etilishi bu tenglik tamoyiliga ijobiy ta'sir ko'rsatishi mumkin bo'lsa-da, noto'g'ri yoki nomutanosib qo'llanganda, u texnologik ajratilganlik holatini yuzaga kelti-radi.

A. Schulz raqamli ajratilganlikni “za-monaviy ijtimoiy tengsizlikning yangi ko'rinishi” deb ataydi. Uning fikricha, internet tarmog'iga kirish imkoniyati, texnik vositalar mavjudligi, raqamli savodxonlik darajasi va axborot texnologiyalariga bo'lgan ishonch – bularning barchasi fuqarolarning sud tizimi-da teng ishtirok etishlariga bevosita ta'sir qi-ladi. Agar taraflardan biri bu vositalarga ega bo'lmasa yoki foydalanishda qiynalsa, uning sud oldidagi imkoniyatlari cheklanishi mum-kin [2, 11–12-b.]. Masalan, onlayn sud majli-siga kirish uchun yuqori tezlikdagi internet, zamonaviy qurilma va muqobil aloqa vosita-lari kerak bo'ladi. Aholining barcha qatlam-lari, ayniqsa, yoshi katta, kam ta'minlangan yoki chekka hududda yashovchi fuqarolar bunday imkoniyatlarga ega bo'lmasligi mum-kin. Bu esa ularni konstitutsiyaviy huquq-lardan foydalanish imkoniyatidan mahrum qilishi xavfini tug'diradi.

Shuningdek, Bronzini va boshqalar tomo-nidan olib borilgan tadqiqotda, raqamli sud-lov tizimida protsessual tenglikka ta'sir qiluv-chi omillar sifatida quyidagilar ko'rsatiladi:

- texnik uzilishlar (signalning uzilishi, tovush sifatsizligi);
- taraflar orasidagi texnologik savodxon-lik tafovuti;

– sud muhokamasida emotsional ifoda va tana tilining yo'qolishi.

Ularning fikricha, bunday omillar sud jarayonining xolisligini susaytiradi va taraflardan biri nomutanosib holatga tushib qoladi. Shu bois raqamli vositalarni faqat jarayonni qulaylashtiruvchi texnika deb emas, balki protsessual muvozanatga bevosita ta'sir qiluvchi faktor sifatida baholash zarur [5, 1576–1578-b.].

Shu bilan birga, zamonaviy sud tizimlarida raqamli tengsizlikning oldini olish na faqat texnik ta'minot, balki ijtimoiy inklyuzivlikni ta'minlash bilan ham chambarchas bog'liq. Xususan, Yevropa Kengashining adliya samaradorligi komissiyasi tomonidan tayyorlangan 2022-yilgi hisobotda ta'kidlanishicha, sudlov tizimida raqamli vositalarni joriy etishda fuqarolarning turli ijtimoiy qatlamlari, jumladan, nogironligi bo'lgan shaxslar, til to'siqlari bo'lgan guruhlar, raqamli savodxonlik darajasi past aholining ehtiyojlari inobatga olinishi shart. Aks holda, bu guruhlar uchun sudga teng kirish imkoniyati buziladi, bu esa protsessual tenglik prinsipining buzilishiga olib keladi. Shu sababli ko'plab davlatlar sud majlislarining raqamli formatini an'anaviy shakllar bilan uyg'unlashtirishni tanlamoqda. Masalan, Fransiya va Niderlandiya tajribasida onlayn tinglovlarga parallel ravishda sud binosida texnik yordam nuqtalari tashkil etilgan bo'lib, ular fuqarolarga texnik xizmatlar, tarjima yoki maxsus ko'mak taklif etadi. Bu kabi yondashuvlar raqamli transformatsiyaning ijtimoiy adolatga mos yo'l bilan olib borilishini ta'minlaydi [8, 23–26-b.].

Demak, protsessual tenglikni ta'minlash uchun raqamlashtirish jarayonlari ijtimoiy adolat mezonlari asosida qurilishi shart. Davlat tomonidan texnologik infratuzilma rivojlantirilib, fuqarolarni raqamli savodxonlikka o'rgatish, shuningdek, sud jarayonlarini har ikki shaklda – raqamli va an'anaviy usulda qo'llash imkoniyati saqlab qolinishi lozim.

Konstitutsiyaviy sud ish yuritishida adolatning ta'minlanishi faqat sud qarori chiqarilishi bilan emas, balki mazkur qarorning taraflar tomonidan tushunilishi, qabul qilinishi va sud tizimiga bo'lgan ishonchning shakllanishi bilan bog'liq murakkab jarayon hisoblanadi. Bu jarayonda inson omili, ya'ni sudya, advokat va taraflarning bevosita mulqoti, tana tili (body language) emotsional muhit va muomala madaniyati kabi omillar hal qiluvchi ahamiyat kasb etadi. Raqamli texnologiyalar bu omillarni qisman yo'qotib, sudlov adolatini mexanizatsiyalash xavfini tug'diradi.

Tadqiqotlarga ko'ra, sud jarayonida inson omilining kamayishi natijasida yuzaga keladigan muammolar quyidagicha bo'lishi mumkin:

- videokonferensiya orqali o'tkazilgan sud majlislarida sudyalarning taraflarga bo'lgan insoniy munosabatida sovuqlik sezilishi;
- taraflar o'z fikrini erkin va tabiiy ifoda etishda qiynalishi;
- sud muhokamasining norasmiy, biroq muhim jihatlari (emotsional tushunish, mulohaza almashinuvi, ishonch hosil qilish) yo'qolishi.

Olimlar buni “digital procedural detachment” (ya'ni raqamli protsessual ajralish) deb atab, bu holat adolat hissi va sud qarorining ijtimoiy maqbulligiga salbiy ta'sir ko'rsatishini ta'kidlashgan [5, 1577–1578-b.].

Bundan tashqari, A. Sanders ham sudlovda bevosita ishtirokning psixologik va madaniy ahamiyatiga e'tibor qaratadi. Unga ko'ra, taraflar sud zalida hozir bo'lib, sudyaning yuzini ko'rish, uning ohangidan xulosa qilishi yoki o'zini eshitilgan deb his qilishi sudlov adolatining psixologik jihatlaridir. Raqamli vositalar bu elementlarni faqat texnik jihatdan aks ettiradi, ammo ularning ma'naviy-ijtimoiy ta'siri pasayadi [1, 7-b.].

Inson omilining yo'qolishi, ayniqsa, konstitutsiyaviy sudlarda keng qamrovli va muhim masalalarni ko'rib chiqishda keskin seziladi. Bu sudlar fuqarolarning asosiy

huquqlari, siyosiy ishtirok, qonunlarning konstitutsiyaviyligi kabi masalalarni hal qiladi. Shunday masalalarda taraflarning sudya bilan bevosita muloqot qilishi, holatini tushuntirishi va hissiy nuqtayi nazardan eshitilganini his qilishi ularning konstitutsiyaviy qanoatlanishiga bevosita ta'sir qiladi.

Shu sababli inson omilini inkor etuvchi har qanday raqamli mexanizm konstitutsiyaviy tamoyillar, ayniqsa, inson qadr-qimmat, eshitalish huquqi va sudlovga ishonch prinsiplariga ziddir. Raqamlashtirish jarayonlari insoniy aloqani to'ldiruvchi, uni kuchaytiruvchi va yordamchi vosita sifatida shakllanishi lozim. Jahon bankining "eJustice" dasturi ham shu yondashuvni ilgari suradi – sud tizimida gi raqamlashtirish faqat texnologik yangilik emas, balki fuqarolarning sudga bo'lgan ishonchini oshiruvchi madaniy o'zgarishlar bilan hamohang bo'lishi kerak [12].

Xulosa

Konstitutsiyaviy sud ish yuritishiga raqamli texnologiyalarni joriy etish demokratik jamiyatlar uchun zamonaviy talab va zaruratdir. U fuqarolarning sudga murojaat qilish huquqini amalga oshirishda qulaylik, tezlik va shaffoflikni ta'minlaydi. Shu bilan birga, bu jarayon protsessual tenglik, shaxsiy daxlsizlik va inson omili kabi fundamental konstitutsiyaviy tamoyillar bilan muvofiqlashtirilgan bo'lishi zarur.

Tadqiqotlar shuni ko'rsatmoqdaki, raqamlashtirish ijobiy imkoniyatlar bilan birga muayyan xavflarni ham olib keladi. Texnologik vositalarning noto'g'ri joriy etilishi yoki ijtimoiy guruhlar o'rtasida mavjud tafovutlarni inobatga olmaslik adolatga bo'lgan ishonchni zaiflash-

tiradi. Shu sababli konstitutsiyaviy sudlarda raqamli transformatsiyaning markazida inson bo'lishi, texnologiya esa bu markazni quvvatlovchi vosita sifatida xizmat qilishi lozim.

Shu munosabat bilan, G. Katsifis raqamli adliya tizimiga sun'iy intellekt va algoritmik vositalarning kirib kelishi konstitutsiyaviy shaffoflik va javobgarlik standartlarini yangidan belgilash zarurligini urg'ulaydi [13, 115-b.]. T. Sourdin esa sud tizimida raqamli samaradorlikni oshirish insoniy omilni inkor qilmasdan amalga oshirilishi kerakligini ta'kidlaydi [14, 15-b.]. Bundan tashqari, M. Velicogna va F. Contini Yevropa tajribasiga tayangan holda, raqamli transformatsiya ijtimoiy adolatga xizmat qilishi uchun infratuzilma va raqamli yordam xizmatlari bilan uzviy integratsiya qilinishi kerakligini qayd etgan [15, 30-b.].

Konstitutsiyaviy tamoyillarni raqamli asrda saqlab qolish uchun davlatlar quyidagilarga e'tibor qaratishi zarur: texnologik infratuzilmani kengaytirish, raqamli savodxonlikni oshirish, fuqarolar ehtiyojini inobatga olgan moslashtirilgan xizmatlar yaratish va insoniy aloqani muqobil shakllarda tiklash.

Xulosa qilib aytganda, raqamlashtirish – faqat texnik taraqqiyot emas, balki konstitutsiyaviy adolatga bo'lgan yondashuvning yangilanishi. U fuqarolar ishonchini mustahkamlovchi, adolatli sudlovni ta'minlovchi va demokratik tamoyillarni amalda aks ettiruvchi vosita bo'lishi kerak. Shu maqsadga erishish uchun esa raqamli vositalar ehtiyotkorlik bilan, huquqiy me'yorlarga asoslangan holda va fuqarolar manfaatlari ustuvor bo'lgan holda joriy etilishi lozim.

REFERENCES

1. Sanders A. Video-Hearings in Europe Before, During and After the COVID-19 Pandemic. *International Journal for Court Administration*, 2021, vol. 12(2), pp. 3–10. DOI: 10.36745/ijca.379
2. Schulz E. Fundamental rights under Covid 19: a European perspective. *European Constitutional Review*, 2020, vol. 16(3), pp. 301–320. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12027-020-00643-5>

3. Fauzan A.R. Digitalization of Evidence in the Constitutional Court: Opportunities and Requisite. *Velrev: Vocational Law Review*, 2023, vol. 4(2), pp. 1–11. Available at: <https://ejournal.upnvj.ac.id/Velrev/article/view/4791>
4. Park J. International Short Course of AACC 2023. Makalah presentation, AACC. 2023. Available at: https://en.mkri.id/icjf/public/upload/papers/International%20Short%20Course%20of%20AACC%202023_JONGMUN%20PARK
5. Bronzini G., Gori E., Pahladsingh R. Constitutional Adjudication and Digital Justice: Challenges in Europe. 2021. Available at: <http://www.europeanrights.eu/public/commenti/BRONZINI3-Gori-Pahladsingh>
6. Okta H. Digitalization of Legal Transformation on Judicial Review in the Constitutional Court. *Journal of Human Rights, Culture and Legal System*, 2024, vol. 4(2), p. 268.
7. Bridging the Digital Divide: Include All in the Digital Age. Paris, OECD Publishing. 2022. Available at: <https://www.oecd.org/digital/bridging-the-digital-divide.htm>
8. United Nations Human Rights Council. Digital Justice and Human Rights: Report of the Special Rapporteur. Geneva, UNHRC. 2023. Available at: <https://www.ohchr.org>
9. Mochalov A.N. Digital Transformation of Society in the Mirror of Constitutional Justice in the EAEU Countries. *European and Asian Law Review*, 2024, vol. 7(1), pp. 57–60.
10. United Nations Development Programme (UNDP). Digital Access to Justice for All: Towards Inclusive e-Justice Systems. New York: UNDP. 2021. Available at: <https://www.undp.org>
11. European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ). Digitalisation of Justice and its impact on access to justice and fair trial. Strasbourg: Council of Europe. 2022. Available at: <https://rm.coe.int/digitalisation-justice-impact-access-fair-trial-cepej-2022/1680a7dd77>
12. World Bank. eJustice: Modernizing Court Services for Citizens. Washington D.C.: World Bank Group. 2022. Available at: <https://www.worldbank.org/en/topic/digitaldevelopment/publication/ejustice>
13. Katsifis G., Digital justice in the age of AI: Constitutional challenges and prospects. *Journal of Law and Technology*, 2021, vol. 19(2), pp. 112–135. DOI: 10.1093/jlt/etab021
14. Sourdin T., Judicial efficiency and the new technology: The challenge for judicial administration. *Law, Technology and Humans*, 2019, vol. 1(1), pp. 8–22. DOI:10.5204/lthj.v1i1.1092
15. Velicogna M., Contini F., Electronic justice: Perspectives from the European experience. *Information and Communication Technology Law*, 2020, vol. 29(1), pp. 15–33. DOI: 10.1080/13600834.2019.1573264

Kelib tushgan / Получено / Received: 15.07.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 15.08.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 25.08.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.4./IWAP9633

UDC: 347.211:004(045)(575.1)

RAQAMLI AKTIVLAR TUSHUNCHASINING EVOLYUTSIYASI VA ULARNI HUQUQIY TARTIBGA SOLISHNING QIYOSIY TAHLILI

Yakubov Axtam Nusratulloevich,
Toshkent davlat yuridik
universiteti prorektori,
yuridik fanlar doktori, dotsent
ORCID: 0000-0002-5138-5700
e-mail: akhtam.yakubov@gmail.com

Annotatsiya. Ushbu maqolada zamonaviy raqamli texnologiyalarning jadal rivojlanishi va global iqtisodiyotga integratsiyasining kuchayishi natijasida “raqamli aktivlar” tushunchasi xalqaro huquqiy munosabatlar tizimida markaziy o’rinni egallab borayotgani, ayni paytda raqamli aktivlarning dolzarbligi, raqamli huquqlar tushunchasining xilma-xilligi va raqamli aktivlarni samarali tartibga solishda rivojlangan mamlakatlar tajribasi, shuningdek, ularni faqat moliyaviy vositalarga bog’lash mumkin emasligi haqidagi nuqtayi nazarlar chuqur tahlil qilingan. Shu bilan birga, muallif maqolada O’zbekiston Respublikasi amaldagi qonunchiligida raqamli aktivlarni huquqiy tartibga solishda bartaraf etish zarur bo’lgan bo’shliqlar mavjudligi, xususan, O’zbekiston Respublikasi qonunchiligiga “raqamli aktivlar” atamasini aniqlashtirish va kengaytirish, ularning virtual mulk (mulkiy huquqlar) va mulkiy huquqlarga bog’liq virtual shaxsiy nomulkiy ne’matlar va huquqlarga ajratadigan yangi tasnifini joriy etish va ularni huquqiy tartibga solishga doir tegishli o’zgartirishlar kiritish zarurligini ta’kidlaydi. Bundan tashqari, maqolada “raqamli huquqlar (raqamli aktiv)”, “raqamli obyekt”, “virtual mulk”, “virtual o’yin mulki” tushunchalarining bir-biridan farqi, raqamli aktivlarni tartibga solish uchun fuqarolik qonunchiligidan foydalanish, shuningdek, blokcheyn texnologiyasi, uning asosida raqamli moliyaviy aktivlarni yaratish, joriy etish va ulardan foydalanish amaliyotini qayd etganda, raqamli moliyaviy aktivlar bajarishi mumkin bo’lgan barcha funksiyalarni hisobga olmasligi tadqiq qilingan. Xulosa qismida muallif tomonidan milliy va xalqaro huquqiy doktrina va tajriba O’zbekiston qonunchiligida raqamli aktivning huquqiy maqomini aniqlashga qaratilgan tahlillar o’tkazilib, milliy qonunchilikni takomillashtirishga qaratilgan takliflar ilgari surilgan.

Kalit so’zlar: raqamli aktivlar, kriptoaktiv, blokcheyn, virtual mulk, virtual valyuta, kriptovalyuta, tokenlar

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Якубов Ахтам Нусратуллоевич,
доктор юридических наук, доцент,
проректор Ташкентского государственного
юридического университета

Аннотация. В статье рассматривается эволюция понятия «цифровые активы» в контексте стремительного развития современных цифровых технологий и усиления их интеграции в глобальную экономику. Отмечается, что данное понятие постепенно занимает центральное место в системе международных правовых отношений. Проведён глубокий анализ актуальности цифровых активов, многообразия трактовок категории «цифровые права», а также опыта развитых стран по эффективному правовому регулированию данной сферы. Подчёркивается, что цифровые активы не следует рассматривать исключительно как финансовые инструменты, поскольку их правовая природа значительно шире. Автор указывает на наличие правовых пробелов в действующем законодательстве Республики Узбекистан в части регулирования цифровых активов. В частности, подчёркивается необходимость уточнения и расширения содержания термина «цифровые активы», а также введения новой классификации, разделяющей их на виртуальное имущество (имущественные права) и виртуальные личные неимущественные блага и права, связанные с имущественными интересами. В связи с этим предлагается внести соответствующие изменения и дополнения в национальное законодательство для обеспечения комплексного правового регулирования цифровых активов. В статье также проводится анализ различий между такими понятиями, как «цифровые права (цифровой актив)», «цифровой объект», «виртуальное имущество», «виртуальное игровое имущество». Особое внимание уделяется применению норм гражданского законодательства для регулирования цифровых активов и исследованию возможностей и ограничений использования технологии блокчейн. Автор рассматривает вопросы создания, внедрения и использования цифровых финансовых активов на основе блокчейна, отмечая, что существующая правоприменительная практика не учитывает все потенциальные функции данных активов. В заключительной части статьи представлены результаты анализа национальной и международной правовой доктрины и практики, направленного на определение правового статуса цифровых активов в законодательстве Узбекистана. На основе проведённого исследования сформулированы предложения по совершенствованию национальной системы правового регулирования цифровых активов и интеграции её с международными подходами.

Ключевые слова: цифровые активы, криптоактив, блокчейн, виртуальное имущество, виртуальная валюта, криптовалюта, токены

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EVOLUTION OF THE CONCEPT OF DIGITAL ASSETS AND THEIR LEGAL REGULATION

Yakubov Akhtam Nusratulloevich,
Vice-Rector of Tashkent State University of Law,
Doctor of Science in Law, Associate Professor

Abstract. In this article, as a result of the rapid development of modern digital technologies and the strengthening of their integration into the global economy, the concept of “digital assets” occupies a central place in the system of international legal relations. At the same time, the relevance of digital assets, the diversity of the concept of digital rights, and the experience of developed countries in the effective regulation of digital assets, as well as views on the impossibility of linking them exclusively to financial instruments, are deeply analyzed. At the same time, the author notes in the article that there are gaps in the current legislation of the Republic of Uzbekistan that need to be eliminated in the legal regulation of digital assets, in particular, the need to clarify and expand the term “digital assets” in the legislation of the Republic of Uzbekistan, introduce a new classification that divides them into virtual property (property rights) and virtual personal non-property benefits and rights related to property rights, and make appropriate changes to their legal regulation. In addition, the article examines the differences between the concepts of “digital

rights (digital asset),” “digital object,” “virtual property,” and “virtual game property,” the use of civil legislation to regulate digital assets, as well as the fact that blockchain technology does not take into account all the functions that digital financial assets can perform when recording the practice of creating, implementing, and using digital financial assets based on it. In the concluding part, the author conducted an analysis of national and international legal doctrine and experience aimed at determining the legal status of digital assets in the legislation of Uzbekistan and put forward proposals aimed at improving national legislation.

Keywords: digital assets, crypto assets, blockchain, virtual property, virtual currency, cryptocurrency, tokens

Kirish

Zamonaviy raqamli texnologiyalar jadal rivojlanishi va global iqtisodiyot integratsiyasining kuchayishi natijasida “raqamli aktivlar” tushunchasi xalqaro huquqiy munosabatlar tizimida markaziy o‘rinni egallab bormoqda. Blokcheyn texnologiyasi, kriptovalyutalar, NFT (Non-Fungible Tokens), raqamli moliyaviy aktivlar va virtual mulk shakllari inson hayotining barcha sohalariga kirib kelishi munosabati bilan ularning huquqiy maqomini belgilash zarurati tobora oshib bormoqda. Jahon Banki ma’lumotlariga ko‘ra, 2023-yilga kelib raqamli aktivlar bozori 3 trln dollarga yetgan va bu ko‘rsatkich yiliga 35–40 foiz o‘sinh sur’atlari bilan rivojlanmoqda.

Raqamli aktivlarning dolzarbligi nafaqat ularning iqtisodiy qiymatida, balki zamonaviy jamiyatda fuqarolarning huquq va majburiyatlarini amalga oshirishda muhim vositaga aylanganligida namoyon bo‘lmoqda. COVID-19 pandemiyasi davrida raqamli texnologiyalarga o‘tish jarayoni tezlashdi va bugungi kunda odamlarning intellektual mulki, shaxsiy ma’lumotlari, moliyaviy resurslari ko‘p hollarda raqamli shaklda saqlanmoqda. Yevropa Ittifoqi Komissiyasining “Raqamli strategiya – 2030” dasturidan ma’lum bo‘lishicha, Yevropa aholisining 75 foizi raqamli xizmatlardan foydalanadi va ularning virtual mulki hajmi 2025-yilga kelib 500 mlrd yevroga yetishi prognoz qilinmoqda.

Xorijiy davlatlar qonunchiligida raqamli aktivlarni tartibga solish sohasida sezilarli yutuqlar qo‘lga kiritilmoqda. AQSh davlati

2022-yilda “Raqamli aktivlar bo‘yicha Prezident Farmoni”ni qabul qilib, raqamli dollarni joriy etish masalalarini ko‘rib chiqishni boshladi. Yevropa Ittifoqi esa 2023-yilda “Kripto-aktivlar bozorini tartibga solish to‘g‘risida”gi (MiCA) reglamentni qabul qildi. Singapur, Yaponiya, Shveysariya kabi davlatlar o‘zlarining raqamli aktivlar bo‘yicha kompleks qonunchilik bazasini shakllantirgan va “raqamli aktivlar xavfsizligi” sohasida ilg‘or tajribaga ega.

Rivojlangan mamlakatlar tajribasi shuni ko‘rsatmoqdaki, raqamli aktivlarni samarali tartibga solish nafaqat innovatsion texnologiyalar rivojiga xizmat qiladi, balki fuqarolarning huquqlarini himoya qilish, soliq tizimini takomillashtirish va moliyaviy barqarorlikni ta’minlashda ham muhim rol o‘ynaydi. Masalan, Estoniya “e-Residency” dasturi orqali raqamli fuqarolik institutini joriy etgan va bu tajriba dunyo miqyosida keng targ‘ib qilinmoqda. Xitoy esa CBDC (markaziy bank raqamli valyutasi) joriy etishda peshqadam bo‘lib, 2022-yilga kelib 260 mln foydalanuvchiga ega bo‘lgan.

Asosiy qism

O‘zbekiston Respublikasi “Raqamli O‘zbekiston-2030” strategiyasi doirasida raqamli transformatsiyasini jadallashtirayotgan sharoitda raqamli aktivlarni huquqiy tartibga solish masalalari alohida ahamiyat kasb etmoqda. Mamlakatimizda kriptovalyutalar va blokcheyn texnologiyalarining huquqiy maqomi to‘liq belgilanmagan, “raqamli aktiv” tushunchasining qonuniy ta’rifi mavjud emas va bu sohada xalqaro standartlarga mos

keluvchi kompleks yondashuvni ishlab chiqish zarurati mavjud. Shu munosabat bilan, xorijiy davlatlar tajribasini o'rganish va milliy qonunchilikni takomillashtirish yo'llarini belgilash dolzarb ilmiy-amaliy masala sanaladi.

Internet shunday makonga aylanib bormoqdaki, uning doirasida ko'plab huquq subyektlari o'z huquqlarini amalga oshirmoqda va o'z majburiyatlarini bajarmoqda. Bu sharoitlarda virtual mulk – raqamli aktivlar miqdorining oshishi Internet olami uchun umumiy tendensiyaga aylanmoqda. Biroq hozirgi vaqtda fuqarolik huquqi doktrinasida "raqamli aktiv (kriptoaktiv)", "raqamli moliyaviy aktiv" kabi yangi raqamli mulk shaklining toifasi aniq belgilanmagan. Shu munosabat bilan, "raqamli aktiv"lar kabi hodisaning huquqiy tabiatini o'rganish dolzarb ko'rinadi. Bizningcha, "raqamli aktiv", "raqamli moliyaviy aktiv", "kriptoaktiv" bir ma'noni anglatib, ushbu maqola doirasida bir mazmunli raqamli mulk shakllari sifatida tushuniladi.

"Raqamli aktiv" atamasi ilmiy ishlarda deyarli kuzatilmagan. Fuqarolik huquqi fanida raqamli huquqlar va raqamli valyuta tabiatining o'zi olimlarda qiziqish uyg'otgan [1, 75–77-b.]. Shu bois, raqamli huquqni raqamli texnologiyalardan foydalanish va (yoki) raqamli ma'lumotlardan foydalanish holatlarida shakllanadigan munosabatlarni tartibga soluvchi alohida huquq sohasiga ajratish mumkinligi to'g'risida fikrlar bildirilgan edi [2, 450-b.]. Keyinchalik ma'lum bo'ldiki, "raqamli huquq" tushunchasi faqat raqamli valyutalar va moliyaviy aktivlarga nisbatan qo'llanishiga nisbatan kengroq tushuncha va uning tarkibiy qismlari hamda mazmuni ko'p qirralidir [3, 28–31-b.]. M. A. Rojkovaning fikricha, raqamli huquq bilan tartibga solinadigan munosabatlarning xilma-xilligi tartibga solish metodini aniqlash muammosini taqozo etadi, bu esa raqamli huquqni huquqning kichik tarmog'iga ajratish imkoniyati yo'qligini keltirib chiqaradi [4, 7–10-b.].

Raqamli aktivlarni moliyaviy qo'llash kesimida sivilist olimlar qiziqishi avvaldan

raqamli valyuta va uning tabiatiga qaratilgan edi. Ba'zi tadqiqotchilar raqamli valyuta xususiyatlarining pul bilan o'xshashligi haqida fikr yuritgan [5, 136–140-b.]. Biroq aksariyat tadqiqotchilar raqamli valyutani mulk toifasiga kiritishgan [6, 24–26-b.].

Raqamli aktivning turli ta'riflariga asosanib, quyidagilarni qayd etish mumkin. Birinchidan, raqamli huquqlar tushunchasi xilma-xilligi va ularni faqat moliyaviy vositalarga bog'lash mumkin emasligi haqidagi nuqtayi nazarlar ko'pchilik olimlar tomonidan tasdiqlandi. Qonun raqamli huquqlarning faqat ma'lum axborot tizimidagi pullik talablari yoki emissiya qog'ozlari aylanishi bilan bog'liq bir qismini ko'rishi bahsli masaladir. Ikkinchidan, raqamli aktiv ko'zda tutgan raqamli huquqlar predmeti pul, aniqrog'i, pullik talablar bo'lishi mumkin. Lekin adabiyotlarda pullik talabning mohiyatiga yagona yondashuv mavjud emas [7, 28–31-b.].

Keng ma'noda u ma'lum miqdorda pul mablag'ini topshirish majburiyatidan iborat. Tor ma'noda pullik talab qarz tushunchasi bilan bog'liq. E'tiborlisi, taqsimlangan reyestrda raqamli moliyaviy aktivlar ularning egasiga tegishli ekanligi to'g'risidagi yozuvlar amalda titul funksiyasini o'tashi va o'z-o'zidan subyektda istalgan vaqtda qayd etilgan raqamli aktiv bilan shartlangan moddiy pullarga nisbatan raqamli huquqlar mavjudligini anglatmaydi. Raqamli aktivni moddiylashtirish uchun pullik talabni taqdim etish kerak. Raqamli aktiv egasini axborot tizimi doirasida tuzilgan bitim ishtirokchisiga nisbatan kreditor yoki qarzdor deb taxmin qilish mumkin.

Yana bir jihatga e'tibor qaratish zarur. Raqamli aktiv qimmatli qog'ozlar emissiyasi, nodavlat aksiyadorlik jamiyatining ustav kapitalida ishtirok etish bilan bog'liq huquqlarning ifodasi ham bo'lishi mumkin. Ushbu holat korporativ huquq fani uchun yangilik sanaladi. Aksiyadorlik jamiyatining ustav kapitaliga kiritish mumkin bo'lgan badalning avvalroq mustahkamlangan ro'yxatini

to'ldiradi. Ta'kidlash kerakki, amaliyotda jamiyatning ustav kapitaliga raqamli valyutani kiritish holatlari bugungi kunda xorijiy davlatlarda keng tarqalmoqda.

N.S.Aleksandrovaning quyidagi fikrlariga to'liq qo'shilish mumkin: "Raqamli valyuta – bu to'lov vositasi sifatida qabul qilinishi mumkin bo'lgan va uning mulkdorlari oldida javobgar bo'lgan shaxs mavjud bo'lmagan elektron ma'lumotlardan iborat" [7, 28–31-b.]. Biz bu tushunchaning noaniqligini qayd etishga majburiy. Qonunchilikda undan to'lov vositasi sifatida foydalanish imkoniyatini tan olish raqamli valyutani pul tushunchasiga yaqinlashtirishi tabiiy. Qayd etish zarurki, qonuniy to'lov vositalari doirasini belgilash davlatning mutlaq vakolati hisoblanadi. Bu masalalar ommaviy-huquqiy tartib doirasida ko'rib chiqiladigan muammo sanalib, davlatning pulkredit tizimiga jiddiy ta'sir ko'rsatadi.

Shu bois ham, tarixda pul tizimi ustidan davlat nazorati faqat tanga zarb qilish monopoliyasi va fuqarolarning ulardan qonuniy to'lov vositasi sifatida foydalanish majburiyati o'rnatilishi natijasida yuzaga kelgan [8, 16-b.].

Bundan tashqari, "raqamli valyuta" ta'rifining o'zi, aniqrog'i, unda O'zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksining 95-moddasida "Valyuta qimmatliklari deb hisoblanadigan mol-mulk turlari va ular xususida bitimlar tuzish tartibi qonun bilan belgilab qo'yiladi. Valyuta qimmatliklariga mulk huquqi umumiy asoslarda himoya qilinadi", deb belgilangan "raqamli valyuta"ni valyuta qimmatliklari sifatida baholashga fundamental asos sanaladi.

Ko'rib turganimizdek, raqamli aktiv tushunchasi pullik talablar va emissiya qog'ozlari bilan bog'liq bo'lib, raqamli aktivning o'zi ham axborot tizimi ishtirokchilari o'rtasida ayirboshlash jarayoni bilan bog'liq bo'lishi mumkin. Ishtirokchilar to'g'risidagi ma'lumotlar axborot tizimi reyestrda mavjud bo'lib, bu majburiyatga ega shaxsni aniqlash imkonini beradi. Raqamli valyuta esa

mulkiy kategoriya bo'lib, bunda majburiyatga ega shaxs mavjud bo'lmaydi.

Raqamli valyuta muomalasi imkoniyati mustahkamlanganiga qaramay, qonun chiqaruvchi tomonidan bunday muomala tamoyillari va asosiy mezonlari belgilanmagan. Raqamli valyuta muomalasi bilan bog'liq talablarni sud orqali himoya qilish faqat bunday valyutaning mavjudligi deklaratsiya qilingan taqdirda bo'lishi mumkin.

Nazarimizda, raqamli valyutani tartibga solishda qayd etilgan xavotirlar raqamli muhit tushunchalari yetarlicha nazariy ishlab chiqilmaganligi, shuningdek, raqamli valyuta muomalasini davlat tomonidan qay darajada tartibga solinishi mumkinligi bo'yicha xalqaro tajriba mavhumligi bilan bog'liq.

Darhaqiqat, muomala uzoq vaqtdan beri mavjud, ammo tavsiflangan makonda nazorat qilish bo'yicha ta'sirchan mexanizmlar hali taklif qilinmagan. Faoliyatni tartibga solish va nazorat qilish muammosi raqamli muhitning kengayishi sharoitida fuqarolik muomalasining ko'plab sohalari uchun dolzarb [9, 483-b.]. Ayrim tadqiqotchilarning fikricha, aynan davlat hokimiyati organlarining muvofiqlashtirish va o'zaro hamkorlik vazifalari tufayli nazorat jarayonida davlat boshqaruvi samaradorligi ortib boradi [10, 71–75-b.].

Shubhasiz, kelgusi o'n yillikda O'zbekistonda raqamli aktivlarga oid qonunchilikni takomillashtirishning zarurligi tabiiy jarayon sifatida tushuniladi. Mazkur jarayonlarda qonun chiqaruvchi raqamli valyutalar mulk yoki istiqbolda pulga muqobil vosita bo'lishini aniq belgilab olishi lozim. Bularning barchasi raqamli huquqlarni himoya qilish va ularni huquqiy hamda samarali tartibga solish zarurati bilan chambarchas bog'liqdir.

Hozirda jahon amaliyotida "raqamli aktivlar" kategoriyasining yagona ta'rifi ishlab chiqilmagan. Doktrinada "raqamli aktivlar" hodisasini belgilashga urinishlar kam kuzaatiladi. Xususan, raqamli aktivlarning huquqiy maqomi va ularni tartibga solish muammolari M. Perrone [11], J. Beier [12], A. Waller

[13], G. Lastowka [14], K. Sherry [15], J. Chambers [16], G. Ferrera [17], S. Tracy [18], D. Kirk [19], J. Farwell [20] tadqiqotlarida o'rganib chiqilgan.

O'zbekiston Respublikasi qonunchiligida "raqamli aktivlar" tushunchasi belgilanmagan. O'zbek doktrinasida bu hodisaning ta'rif va tavsifi mavjud emas. O'rganilayotgan hodisaning xususiyatlari va mohiyatini tushunish uchun Yevropa davlatlarining doktrinasini va qonunchiligiga murojaat qilish maqsadga muvofiq.

Charles Blazer [21] raqamli aktivlar ta'rifini ularning turlarini sanab o'tish orqali ochib beradi: Microsoft ofis dasturi (masalan, Word, Excel yoki PowerPoint) yordamida yaratilgan hujjatlar; raqamli fotosuratlar; raqamli video; iTunes dagi musiqa. Ushbu muallif "raqamli aktivlar" va "raqamli mulk" kategoriyalarini birxillashtiradi va ushbu hodisalarni "virtual mulk" sifatida ko'rib chiqishni taklif qiladi, jumladan, uning obyektlari tarkibiga veb-sayt, agentning shartnoma tuzish taklifi, kompyuter o'yini personaji va boshqa nomoddiy raqamli tovarlarni kiritadi [21].

Raqamli aktivlarning umumiy ta'rif N. Dosch tomonidan taklif etiladi [22]: "Kompyuteringizda, saqlash qurilmasi yoki veb-saytingizdagi har qanday fayl va har qanday onlayn akkaunt yoki obuna". Bu hodisani tavsiflashda keng yondashuv tarafdori J. Conner o'zining tadqiqotida shunga o'xshash ta'rifni bergan. Ushbu tushuncha tarkibiga foydalanuvchi kompyuteridagi har qanday raqamli fayl, shuningdek, onlayn akkaunt yoki obuna va boshqalarni kiritgan [23].

N. Dosch [23] va J. Conner [23] tomonidan taklif qilingan ta'riflar mavhum xarakterga ega, ammo ular "raqamli aktivlar" tushunchasiga kiruvchi obyektlarning butun xilma-xilligini qamrab olishga imkon beradi.

Endi bevosita "raqamli aktivlar" tushunchasi va uni huquqiy tartibga solish bilan bog'liq xalqaro tajribaga e'tibor qaratsak. Hozirgi vaqtda ko'pgina mamlakatlar qo-

nunchiligida "raqamli aktivlar" hodisasining ta'rif mavjud emas. Biroq AQShning ba'zi shtatlarida bu hodisani belgilashga urinishlar bo'lgan. Ushbu kategoriyaning o'rganish uchun AQShning alohida shtatlari qonunchiligi tahliliga murojaat qilamiz.

Konnektikut shtati qonuni raqamli aktivlar ta'rifiga ega emas, buning o'rniga "elektron pochta hisob yozuvi" atamasi bilan cheklangan – bu elektron pochta xizmati provayderi tomonidan taqdim etilgan elektron pochta xizmati yakuniy foydalanuvchisi tomonidan jo'natilgan yoki qabul qilingan. Ushbu elektron pochta xizmati provayderi tomonidan mazkur xizmat ko'rsatishda odatda saqlangan yoki yozib olingan barcha elektron xabarlar; shuningdek, har qanday boshqa elektron axborot, shu jumladan, billing va to'lov axboroti, boshqa ma'lumotlar elektron pochta xizmati provayderi tomonidan saqlangan yoki yozib olingan, elektron pochta xizmati provayderining yakuniy foydalanuvchisiga taqdim etiladigan elektron pochta xizmatlari bilan bevosita bog'liq bo'lgan" [24].

Virjiniya shtati kodeksida [25] "raqamli aktivlar" negizida analog yoki raqamli foto, serverda, kompyuterda yoki boshqa elektron qurilmada yoki elektron tashuvchida, kompyuter, qurilma va elektron tashuvchi mulk shaklidan hamda raqamli aktivlar masofadan turib saqlanishi mumkinligidan qat'i nazar, saqlanadigan har qanday matn, tasvirlar, multimediya axborot yoki boshqa shaxsiy mulk tushuniladi. "Raqamli aktivlar" ularga kirish uchun zarur bo'lgan har qanday so'zlar, belgilar, kodlar yoki shartnomaviy huquqlarni o'z ichiga oladi.

Men shtati Vasiyatlar va ishonchli boshqaruv ishlari bo'yicha komissiyasining raqamli meros sohasidagi oddiy aktivlarni ishlab chiqish to'g'risidagi topshirig'iga ko'ra, "raqamli aktivlar" deganda elektron shaklda saqlanadigan, axborotni olishga yoki kelajakda saqlanib turishiga imkon beradigan har qanday tashuvchida saqlanadigan axborot,

shu jumladan, (ammo bu bilan cheklanmasdan) hujjatlar, rasmlar, grafiklar, diagrammalar, fotosuratlar, ovoz yozuvlari, tasvirlar va boshqa axborot yoki to'plangan ma'lumotlar tushuniladi" [26].

2013-yil 14-yanvardagi Oregon shtati qonun loyihasi "raqamli aktivlar" batafsil, keng ochib berilgan ta'rifini taklif qiladi [26]. Ushbu qonun loyihasiga muvofiq, raqamli aktivlar o'z ichiga quyidagilarni kiritadi (ammo ular bilan cheklanmaydi): serverda, kompyuterda yoki boshqa jismoniy qurilmada yoki elektron tashuvchida saqlanishidan, raqamli aktivlar saqlanadigan jismoniy qurilma yoki elektron vosita mulki shaklidan qat'i nazar saqlanadigan matn, tasvirlar, multimediya axboroti yoki raqamli shaklda saqlanadigan boshqa mulk.

Mazkur shtatda taklif qilingan loyihaga ko'ra "raqamli aktivlar" quyidagilarni o'z ichiga oladi (ammo ular bilan cheklanmaydi): Raqamli aktivlarga kirish uchun zarur bo'lgan so'zlar, belgilar, kodlar yoki shartnomaviy huquqlar. Bundan tashqari, ushbu qonun loyihasida "raqamli hisob yozuvi" tushunchasi mavjud – "o'z ichiga: elektron pochta, moliyaviy, shaxsiy va boshqa onlayn hisoblarni kiritadi (ammo ular bilan cheklanmaydi)" [26]. Ushbu qonun loyihasida [26], "shaxsiy mulk" o'z ichiga barcha moddiy va nomoddiy mulk.... va raqamli aktivlarni kiritishi to'g'ridan to'g'ri ko'rsatilgan oddiy aktivlar mavjud.

Shunday qilib, "raqamli aktivlar" kategoriyasini talqin qilishning turli xil yondashuvlarini tahlil qilgandan so'ng, bu hodisa faqat kompyuter dasturlari (MicrosoftWord, Excel, yoki PowerPoint) orqali inson tomonidan yaratilgan hujjatlar bilan cheklanmasligi kerak, degan xulosaga kelishimiz mumkin.

N. Dosch [26] to'g'ri ta'kidlaganidek, ushbu tushuncha foydalanuvchiga tegishli bo'lgan barcha domen nomlarini, qonuniy ravishda yuklab olingan har qanday fayllarni (masalan, MP3 musiqa fayllari va filmlar), kirish uchun foydalanuvchi nomi va parol kiri-

tishni talab qiladigan Internet texnologiyalari asosida yaratilgan har qanday shaxsiy hisob yozuvlarni o'z ichiga olishi kerak (masalan, ijtimoiy tarmoq yoki elektron pochta hisob yozuvlari, shuningdek, shaxsiy ma'lumotlarni saqlaydigan har qanday hisob yozuvlar (masalan, onlayn xarid xizmatlari uchun bank hisob yozuvi).

Yuqoridagilarni umumlashtirgan holda shuni ta'kidlash mumkinki, AQShning alohida shtatlari doktrinasi va qonunlarida "raqamli aktivlar" atamasi bilan bir qatorda "raqamli mulk", "virtual mulk", "nomoddiy mulk" kategoriyalari qo'llanadi. Shuni ham aytish joizki, doktrinada raqamli aktivlarni tasniflashning aniq mezonlari ishlab chiqilmagan. Bu, birinchi navbatda, o'rganilayotgan hodisaning xilma-xilligi va shakllarining turlicha ekanligi bilan bog'liq.

Agar "tasniflash" atamasining ma'nosiga murojaat etsak, uning ostida: narsalar, hodisalarning ma'noli tartibi, ularning ayrim muhim belgilariga ko'ra turlarga bo'linishi tushuniladi [27, 786-b.]. Demak, tasnifni ishlab chiqish uchun o'rganilayotgan hodisaning belgilarini ajratib olish kerak.

Raqamli aktivlarning joylashuviga asoslangan holda uning tasnifi sifatida J.C. Beier, S. Porter [28] kompyuterda saqlanadigan raqamli aktivlar; smartfonda saqlangan raqamli aktivlar; saytga yuklangan raqamli aktivlarni ajratadi. Ushbu aktivlarga musiqa, video, tibbiy yozuvlar, soliq hujjatlari, moliyaviy hisobotlar, Shutterfly yoki Flickr saytlarida yoki Dropbox va boshqa shu kabi umumiy bulutli saqlash joylarida saqlanadigan fotosuratlar kiradi. Raqamli aktivlarning muomala sohasiga ko'ra Naomi R. Cahn [28] quyidagi tasniflarga ajratadi: shaxsiy, ijtimoiy media aktivlari, moliyaviy va biznes hisob yozuvlari [29].

Ushbu qayd etilgan tasniflardan ayrimlarining tahliliga e'tibor qarataylik. Shaxsiy aktivlar kompyuter yoki smartfonda saqlanadigan yoki Flickr yoxud Shutterfly kabi veb-saytlarga yuklangan raqamli aktivlarni

o'z ichiga olishi mumkin. Ular fotosuratlar, videolar, elektron pochta yoki playlistlarni o'z ichiga olishi mumkin. Fotoalbomlar shaxsiy qattiq diskda saqlanishi yoki onlayn tizimlar yordamida yaratilishi mumkin.

Elektron shaklda foydalanuvchilar o'zlarining va oila a'zolariga tegishli bo'lgan tibbiy varaqalar va soliq hujjatlarini saqlashlari mumkin. Har bir qayd etilgan raqamli aktiv, qoida tariqasida, turli xil kirish vositalarini talab qiladi: login, parol, kod so'zlari va boshqalar.

Ijtimoiy media aktivlar – Facebook, Twitter va boshqa shunga o'xshash veb-saytlar, shuningdek, elektron pochta hisob yozuvlari orqali foydalanuvchilar o'rtasidagi o'zaro aloqa qilish bilan bog'liq aktivlardir. Ushbu saytlar nafaqat foydalanuvchilar o'rtasidagi muloqot uchun xizmat qilishi, balki fotosuratlar, videolar va boshqa aktivlar uchun saqlov joyi sifatida ham foydalanishi mumkin.

Moliyaviy aktivlarga Internet-banking xizmatiga ulangan to'lov kartalari, PayPal, Amazon va boshqa hisob yozuvlar, eBay, Aliexpress va boshqa shu kabi tovarlarni sotishga ixtisoslashgan saytlardagi hisob yozuvlar bo'lishi mumkin.

Ishchi hisob yozuvlar, ya'ni shaxsning kasbiy faoliyati bilan bog'liq raqamli aktivlar sifatida misol uchun, eBay, Aliexpress sotuvchilari o'zlarining mijozlar bazasini yoki buyurtma va to'lov ma'lumotlarini kompyuterda yoki Dropbox bulut xizmatida saqlashlarni ko'rsatish mumkin. Masalan, yozuvchi o'z yozuvlari ustida ishlash uchun maxsus virtual ofislardan foydalanishi yoki o'zining barcha asarlarini chop etadigan Internet-blogini yuritishi mumkin [29].

Xulosa

Raqamli aktivlarning huquqiy maqomi va ularni tartibga solishning xalqaro tajribasini kompleks tahlil qilish asosida quyidagi ilmiy-nazariy va amaliy xulosalarga kelishimiz mumkin:

Birinchidan, zamonaviy axborot texnologiyalarining eksponensial rivojlanishi, sun'iy

intellekt, blokcheyn, metavers kabi innovatsion texnologiyalarning integratsiyasi va raqamli aktivlarning yangi turlari (NFT, DeFi tokenlari, raqamli kolleksiyalar)ning doimiy paydo bo'lishi "raqamli aktivlar" kategoriyasining universal va statik ta'rifini ishlab chiqishga obyektiv to'siq tug'diradi. Bu holat xalqaro huquqiy amaliyotda funksional va moslashuvchan yondashuvlarni qabul qilishni taqozo etadi.

Ikkinchidan, AQSh, Kanada va Avstraliyada raqamli aktivlarga oid qonunchilik tahlili shuni ko'rsatdiki, ushbu sohadagi normativ hujjatlarning aksariyati dispozitiv tabiatga ega bo'lib, qonun chiqaruvchilar "kelajakda paydo bo'lishi mumkin", "texnologik rivojlanishni hisobga olgan holda" kabi elastik formulirovkalarni qo'llashmoqda. Bunday yondashuv texnologik innovatsiyalarning huquqiy tartibga solish doirasidan chetda qolib ketishining oldini oladi va qonunchilikning istiqbolga mo'ljallanganligini ta'minlaydi.

Uchinchidan, raqamli aktivlar sohasidagi qonunchilik ishlab chiqish xalqaro amaliyotda turli xil institutsional yondashuvlarni yuzaga keltirmoqda. AQShda federal va shtat darajasidagi normativ hujjatlar o'rtasida muvozanatli taqsimot, Yevropa Ittifoqida esa markazlashgan baza (MiCA reglamenti) yaratilgan. Singapur, Shveysariya kabi davlatlar maxsus tartibga solish tizimlarini joriy etgan holda tajribaviy huquqiy mexanizmlarni sinashmoqda.

To'rtinchidan, raqamli aktivlarning turli belgilari bo'yicha (texnik tabiat, iqtisodiy funksiya, huquqiy maqom, saqlash usuli) tasniflash muammosi xalqaro doktrinada yagona yechimga ega emas. Bizningcha, ko'p mezonli tasniflash yondashuvi (multi-criteria approach) eng maqbul hisoblanib, u raqamli aktivlarning mulkiy, qarzdorchilik, korporativ va shaxsiy (неимущественный) huquqlar kategoriyalariga ajratishni nazarda tutadi.

Beshinchidan, raqamli aktivlarga oid xalqaro huquqiy doktrina tahlili ularning "gibrid tabiati"ni ochib beradi: ular bir paytning

o'zida moddiy mulk belgilari (egalik, foydalanish, tasarruf), intellektual mulk elementlari va moliyaviy instrumentlar xususiyatlarini o'zida mujassam etadi. Bu holat klassik sivilistik kategoriyalarni qayta ko'rib chiqishni va yangi huquqiy konstruksiyalarni ishlab chiqishni talab qiladi.

Oltinchidan, O'zbekiston Respublikasining amaldagi qonunchiligi raqamli aktivlarni tartibga solishda quyidagi sistemaviy bo'shliqlarga ega: a) "raqamli aktivlar" tushunchasining qonuniy ta'rifi mavjud emasligi; b) raqamli aktivlarning mulk huquqi obyekti sifatidagi maqomini belgilovchi normativ baza yetishmasligi; d) raqamli aktivlar bilan muomala tartibi va ular ustidan huquqlarni himoya qilish mexanizmlarining ishlab chiqilmaganligi; e) raqamli meros va raqamli aktivlarni meros qilib olish masalalarining tartibga solinmaganligi.

Yettinchidan, xalqaro tajriba va nazariy tadqiqotlar asosida O'zbekiston qonunchiligi uchun raqamli aktivlarning quyidagi ta'rifini taklif qilishimiz mumkin: "Raqamli aktivlar – elektron-raqamli shaklda kodlangan, axborot tizimlarida saqlanadigan,

identifikatsiyalanadigan va shaxsga tegishli bo'lgan mulkiy va nomulkiy huquqlarni ifodalovchi, iqtisodiy qiymat tashuvchi hamda yuridik jihatdan himoyalangan axborot resurslari".

Sakkizinchidan, milliy qonunchilikni takomillashtirish maqsadida raqamli aktivlarning quyidagi tasnifini joriy etish maqsadga muvofiq: a) raqamli moliyaviy aktivlar (kriptovalyutalar, stejblkoynlar, raqamli qimmatli qog'ozlar); b) raqamli intellektual mulk (NFT, raqamli kontent, dasturiy ta'minot); d) raqamli shaxsiy ma'lumotlar va hisob yozuvlari; e) raqamli ishchi aktivlar (korporativ ma'lumotlar bazasi, raqamli infratuzilma elementlari).

To'qqizinchidan, raqamli aktivlar sohasidagi huquqiy tartibga solishni ishlab chiqishda xalqaro standartlar va ilg'or tajribalarni hisobga olgan holda, milliy iqtisodiy manfaatlar va huquqiy an'analarni saqlash prinsipiga asoslangan mutavozin yondashuvni qo'llash zarur. Bu jarayon bosqichma-bosqich amalga oshirilishi va doimiy monitoring hamda baholashni nazarda tutishi lozim.

REFERENCES

1. Savitskaya K.D. Tsifrovyye aktivy: teoriya i pravovoye regulirovaniye na primere Soyedinennykh Shtatov Ameriki [Digital assets: theory and legal regulation on the example of the United States of America]. *Bulletin of Polotsk State University. Series D, Economic and Legal Sciences*, 2015, pp. 75–77.
2. Yegorova M.A., Blazheyev V.V. Tsifrovoye pravo [Digital Law]. Moscow, Avenue Publ., 2020, p. 640.
3. Aleksandrova N.S. Sootnosheniye ponyatiy «tsifrovyye prava», «tsifrovaya valyuta» i «tsifrovoy finansovyy aktiv» [The relationship between the concepts of "digital rights", "digital currency" and "digital financial asset"]. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, vol. 6, pp. 28–31.
4. Rozhkova M.A. Yavlyayetsya li tsifrovoye pravo otrasl'yu prava i nuzhno li ozhidat' poyavleniya Tsifrovogo kodeksa? [Is digital law a branch of law and should we expect the emergence of a Digital Code?]. *Economy and Law*, 2020, vol. 4, pp. 3–13.
5. Savel'yev A.I. Kriptovalyuty v sisteme ob'yektov grazhdanskikh prav [Cryptocurrencies in the system of civil rights objects]. *Law*, 2017, vol. 8, pp. 136–154.

6. Gavrilov V.N., Rafikov R.M. Kriptoalyuta kak ob"yekt grazhdanskikh prav v zakonodatel'stve Rossii i ryada zarubezhnykh gosudarstv [Cryptocurrency as an object of civil rights in the legislation of Russia and a number of foreign countries]. *VEPS*, 2019, vol. 1, pp. 51–57. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriptoalyuta-kak-obekt-grazhdanskikh-prav-v-zakonodatelstve-rossii-i-ryada-zarubezhnykh-gosudarstv>
7. Aleksandrova N.S. Sootnosheniye ponyatiy «tsifrovyye prava», «tsifrovaya valyuta» i «tsifrovoy finansovyy aktiv» [The relationship between the concepts of “digital rights”, “digital currency” and “digital financial asset”]. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, vol. 6, pp. 28–31.
8. Kucherov I.I. Zakonnoye platezhnoye sredstvo kak kategoriya finansovogo prava [Legal tender as a category of financial law]. *Journal of Russian Law*, 2014, vol. 8 (212), pp. 31–47.
9. Agnessa O.I., Ludmila A.Ch., Tatyana V.D. Legal realisation of information technology activities of the government-owned corporations: automation of management and control. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 2019, vol. 483, iss. 1.
10. Mailyan S.S., Mironov A.L. Nekotoryye voprosy po povysheniyu effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya [Some issues on improving the efficiency of public administration]. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, vol. 9. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-po-povysheniyueffektivnosti-gosudarstvennogo-upravleniya>
11. Perrone M. What happens when we die: estate planning of digital assets. *CommLaw Conspectus Publ.*, 2012, vol. 21. Available at: <http://commlaw.cua.edu/res/docs/21-1/Perrone.pdf>.
12. Beier J.C., Porter S. The Digital Asset Dilemma. *NYSBA Trusts and Estates Law Section Newsletter*, 2013, vol. 46, no. 2. Available at: http://www.mcglawyer.com/pdf_files/TrustsandEstatesSummer2013.pdf
13. Moncur W., Waller A. Digital Inheritance. *RCUK Digital Futures Publ.*, 2010. Available at: <http://www.computing.dundee.ac.uk/staff/wmoncur/publications/2010-rcuk-digital-Futures.pdf>
14. Lastowka G., Hall T. Living and Dying in a Virtual World. 2013. Available at: <http://lastowka.rutgers.edu/files/2013/10/Lastowka.pdf>
15. Sherry K. What Happens to Our Facebook Accounts When We Die?: Probate Versus Policy and the Fate of Social-Media Assets Postmortem. 2012, vol. 40. Available at: <http://digitalcommons.pepperdine.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1726&context=plr>
16. Chambers J. Family Gets GI's E-Mail. 2005. Available at: www.justinellsworth.net/email/detnewsapr.htm
17. Darrow J.J., Ferrera G.R. Email Is Forever. Or Is It? 2008, vol. 11, pp. 10, 1, 18. Available at: <http://www.digitalestateplanning.com/>
18. Tracy S. Family, lawmakers push for Facebook changes following son's suicide. 2013. Available at: <http://wtvr.com>
19. Kirk D.S. On human remains: Values and practice in the home archiving of cherished objects. *Hum. Interact*, 2013, vol. 17 (3), pp. 1–43. DOI: 10.1145/1806923.1806924.
20. Farwell J. Death & digital data: What happens to what you leave behind? *Computers & Electronics*, 2007, vol. 18(9), pp. 33–35
21. Blazer C. The Five Indicia of Virtual Property (discussing the “five indicia” for determining what is a legally protectable digital asset). 2006. Available at: http://law.unh.edu/assets/images/uploads/publications/pierce-law-review-vol05-no1-blazer_1.pdf
22. Dosch N. Over View of Digital Assets: Defining Digital Assets for the Legal Community. 2010. Available at: <http://www.digitalestateplanning.com/>
23. Conner J. Digital Life After Death: The Issue of Planning for a Person's Digital Assets After Death. *Est. Plan. & Cmty. Prop. LJ Publ.*, 2010, vol. 3, p. 301. Available at: <http://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/epcplj3&div=18&id=&page=>

24. Act concerning access to decedents' electronic mail accounts: Senate Bill № 262 Public Act, June 24, 2005, no. 05-136. Available at: <http://www.cga.ct.gov/2005/act/Pa/2005PA-00136-R00SB-00262-PA.htm>

25. Resolve, to Study the Issue of Inheritance of Digital Assets House of Representatives: Legislative Document № 850 (HP 601), March 5, 2013. State of Maine Legislature. Available at: <http://www.mainelegislature.org/legis/bills/getPDF.asp?paper=HP0601&item=1&snum=126>

26. Relating to digital property: Senate Bill, January 14, 2013, no. 54. Oregon State Legislature 2012. Available at: <https://olis.leg.state.or.us/liz/2013R1/Downloads/MeasureDocument/SB54/Introduced>

27. Arsen'yevym K.K., Petrushevskim F.F. Klassifikatsiya. Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Yefrona [Classification. Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, Semenovskaya Typography Publ., 1904 vol. 82, p. 1058.

28. Tracy S. Family, lawmakers push for Facebook changes following son's suicide. 2013. Available at: <http://wtvr.com>.

29. Cahn N. Postmortem Life On-line. *Probate & Property*, 2011, vol. 25, no. 4, p. 36. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2026628

Kelib tushgan / Получено / Received: 14.07.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 12.08.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 25.08.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.4./ZLK05038
UDC: 347.77(045)(575.1)

UNIVERSITETLAR VA ILMIY TADQIQOT MUASSASALARIGA QARASHLI INTELLEKTUAL MULK OBYEKTLARINI TIJORATLASHTIRISHNING HUQUQIY XUSUSIYATLARI

Toshkanov Nurbek Bahriddinovich,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Biznes huquqi kafedrası o'qituvchisi,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD)
ORCID: 0009-0005-6060-3414
e-mail: toshkanovnurbek@gmail.com

Annotatsiya. Maqolada O'zbekiston va bir qator xorijiy davlatlar tajribasi asosida universitetlar hamda ilmiy tadqiqot muassasalariga qarashli intellektual mulk obyektlarini tijoratlashtirishning huquqiy, tashkiliy va iqtisodiy jihatlarini tahlil qilingan. Universitet 3.0 konsepsiyasi doirasida ta'lim, ilm-fan va innovatsion faoliyatning uzviy bog'liqligi yoritilib, O'zbekistonda amalga oshirilayotgan islohotlar, normativ-huquqiy baza, klaster va spin-off yondashuvlari orqali mavjud holatga baho berilgan. Shuningdek, texnologiyalar transferi, startaplar, patentlash va tijoratlashtirish modellari, jumladan, uchburchak modeli hamda hajm modeli muhim vosita sifatida ko'rsatib o'tilgan. Muallif milliy va xorijiy tajriba asosida intellektual mulkni boshqarish siyosatini shakllantirish, xalqaro tajribalarga asoslangan huquqiy hujjatlar ishlab chiqish zarurligini asoslab bergan. Maqolada O'zbekistonda tadbirkorlik universitetlarini rivojlantirish bo'yicha amaliy va normativ takliflar keltirilgan. Bundan tashqari, maqolada Universitet 1.0, 2.0 va 3.0 modellarining o'zaro farqlari ochib berilgan, ularning iqtisodiy ustunlik va innovatsion rivojlanishdagi roli ta'kidlangan. Muallif, shuningdek, ilmiy-innovatsion ishlanmalarni tijoratlashtirishdan daromad olish mexanizmlarini tahlil qilib, ular orqali akademik mustaqillik va barqaror moliyaviy resurslarga erishish yo'llarini taklif qilgan.

Kalit so'zlar: intellektual mulk, Universitet 3.0, texnologiyalar transferi, bilimlar transferi, spin-off kompaniya, klaster yondashuvi

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ УНИВЕРСИТЕТАМ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

Тошканов Нурбек Бахриддинович,
доктор философии по юридическим наукам (PhD),
преподаватель кафедры «Бизнес-право»
Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. В статье на основе опыта Узбекистана и ряда зарубежных государств проведён анализ правовых, организационных и экономических аспектов коммерциализации

объектов интеллектуальной собственности, принадлежащих университетам и научно-исследовательским учреждениям. В рамках концепции «Университет 3.0» раскрыта органическая взаимосвязь образования, науки и инновационной деятельности, дана оценка текущему состоянию в Узбекистане через призму реализуемых реформ, нормативно-правовой базы, кластерного подхода и spin-off-моделей. Особое внимание уделено вопросам трансфера технологий, деятельности стартапов, патентования и моделям коммерциализации, включая «модель спирали» и «модель объёма», которые рассматриваются как важные инструменты. Автор обосновывает необходимость формирования политики управления интеллектуальной собственностью, разработки правовых актов на основе международного опыта. В статье также представлены практические и нормативные предложения по развитию предпринимательских университетов в Узбекистане. Кроме того, раскрыты различия моделей Университет 1.0, 2.0 и 3.0, подчёркнута их роль в обеспечении экономических преимуществ и инновационного развития. Автор анализирует механизмы получения дохода от коммерциализации научно-инновационных разработок и предлагает пути достижения академической автономии и устойчивых финансовых ресурсов за их счёт.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, Университет 3.0, трансфер технологий, трансфер знаний, spin-off-компания, кластерный подход

LEGAL ASPECTS OF THE COMMERCIALIZATION OF INTELLECTUAL PROPERTY OBJECTS BELONGING TO UNIVERSITIES AND RESEARCH INSTITUTIONS

Toshkanov Nurbek Bahriddinovich,

Lecturer at the Department of Business Law,
Tashkent State University of Law,
Doctor of Philosophy (PhD) in Law

Abstract. The article analyzes the legal, organizational, and economic aspects of the commercialization of intellectual property objects belonging to universities and research institutions, based on the experience of Uzbekistan and a number of foreign countries. Within the framework of the University 3.0 concept, the inextricable link between education, science, and innovation is highlighted, and the current state of affairs is assessed through the reforms being implemented in Uzbekistan, the regulatory framework, cluster, and spin-off approaches. Also, models of technology transfer, startups, patenting and commercialization, including the triangular model and the volume model, are indicated as important tools. The author substantiates the need to form a policy for the management of intellectual property based on national and foreign experience and to develop legal documents based on international experience. The article presents practical and regulatory proposals for the development of entrepreneurial universities in Uzbekistan. The author also analyzed the mechanisms for generating income from the commercialization of scientific and innovative developments and proposed ways to achieve academic independence and stable financial resources through them.

Keywords: intellectual property, University 3.0, technology transfer, knowledge transfer, spin-off company, cluster approach

Kirish

So'nggi yillarda iqtisodiy rivojlangan davlatlarda universitetlar va boshqa ilmiy tadqiqot markazlarida yaratilgan texnologiyalar va boshqa intellektual mulk obyektlarini transfer qilishda patentlarni litsenziyalash,

shuningdek, tovar belgilari, namunalari va mualliflik huquqlari kabi huquqiy vositalardan foydalanish dolzarb hisoblanadi. Bunda ko'proq davlat tadqiqot tashkilotlari intellektual mulkni tijoratlashtirishga va ulardan daromad olishga alohida e'tibor qaratadi [1].

Xususan, oliy ta'lim muassasalari o'zlarining professor-o'qituvchilari tomonidan ishlab chiqilgan innovatsiyalarni tijoratlashtiradilar, buni birinchi navbatda, ushbu yutuqlarning intellektual mulkini (odatda, patentlar) tadbirkorlarga, professor-o'qituvchilarga yoki tashkil etilgan kompaniyalarga litsenziyalash orqali amalga oshiradilar. Tarixan, universitet professor-o'qituvchilari va talabalari bozor iqtisodiyoti talablariga mos bo'lgan yangi kompaniyalarni ishga tushirishga yordam beradigan bir qator innovatsiyalarni yaratdilar. Misol sifatida, internet-brauzer (*Netscape*), Internet qidiruv tizimi (*Google*) va turli xil biotexnologiyalar (*Genentech*)ni keltirish mumkin [2].

Asosiy qism

Universitetlar va davlat tadqiqot tashkilotlariga tegishli intellektual mulk obyektlarini tijoratlashtirishning xalqaro tajribasiga nazar tashlaydigan bo'lsak, yillar davomida mazkur jarayonning bir nechta modellari shakllanganligini ko'rish mumkin.

Amerika tajribasiga yuzlansak, 1980- va 1990-yillarda ko'pchilik AQSh universitetlari sanoat korxonalari bilan muzokaralar olib borish va tijoratlashtirish masalalarini ko'rib chiqish tajribasiga ega bo'lmagan. Biroq vaqt o'tishi, tajriba ortishi bilan universitetlar va eng muhimi, ularning o'qituvchilari kasbiy faoliyat davomida ixtiro va innovatsiyalar bo'yicha orttirilgan bilim, ko'nikma va malakalarga ega bo'ldilar. Ta'lim sifatini yaxshilash borasidagi ilg'or xorijiy tajribalarni o'rganish va amaliyotga tatbiq etish jarayonlarini jadallashtirish maqsadida ba'zi universitetlar tijoratlashtirish va innovatsiyalar faoliyati yagona idora ofisida amalga oshirilishi mumkin bo'lgan narsalardan tashqarida ekanligini, sinflar va laboratoriyalarda universitetlararo dasturiy tashabbuslarni ilgari surish va amalga oshirishni talab qilishini tan olishni boshladilar. Buning huquqiy asoslari yaratildi, shuningdek, takomillashtirib ham borildi.

AQShda universitetlar intellektual mulk obyektlarini tijoratlashtirish sohasidagi

huquqiy, tashkiliy va moliyaviy asoslarini quyidagi qonunlar tartibga soladi:

1. *"Patent va savdo belgisi to'g'risida"gi qonun (Patent and Trademark Law Amendments Act) yohud Bey-Doul qonuni (Bayh-Dole Act of 1980);*

2. *Stivenson-Uaydler qonuni (Stevenson - Wydler Technology Innovation Act of 1980);*

3. *"Federal texnologiyalar transferi to'g'risida"gi qonun (Federal Technology Transfer Act of 1986, FTTA) [3].*

Yuqorida ta'kidlab o'tilgan yo'nalishga o'tgan universitetlar tarkibiga misol tariqasida quyidagi AQSh universitetlarini kiritishimiz mumkin:

– Massachusetts texnologiya instituti (*Massachusetts Institute of Technology*), bu yerda ko'plab professor-o'qituvchilar startap kompaniyalarning asoschilari hisoblanadi;

– Arizona universiteti;

– Kaliforniya universiteti.

Kaliforniya universiteti tajribasida BioInfoNano izlanish va rivojlantirish instituti (*the BioInfoNano R&D Institute*) mavjud bo'lib, bu unga a'zo kompaniyalar va startaplarning manfaatlarini hurmat qilgan holda hamkorlik va umumiy maydon yaratishni qo'llab-quvvatlash maqsadida tashkil etilgan.

Berkli sanoat tadqiqot hamkorlari uchun yagona oyna do'koni (*Berkeley's one-stop shop*) ham mavjud bo'lib, u ijtimoiy mas'uliyatli (*socially responsible*) litsenziyalash dasturlarini amalga oshirishda yetakchi hisoblanadi [4].

Mazkur universitetlar rivojida nafaqat ularning texnologiyalar transferi ofislari, balki pedagog, xodim va talabalarning mehnati ham katta hisoblanadi. Bunda tadqiqotchipedagoglar o'z universitetlarida amalga oshirilayotgan tadqiqotlar va ularning tijoratlashuviga chuqur ta'sir ko'rsatish bilan birga bilimlar transferining asosiy agentlari ham hisoblanadi. Davriy innovatsiyalar va ularning salohiyatlarini namoyon qiluvchi g'oya va texnologiyalar iqtisodiy va ijtimoiy taraqqiyotning muhim omilidir.

Shuningdek, AQSh universitetlarida patentlash, ularni litsenziyalashga tijoratlashtirish turlaridan biri sifatida qaraladi. Ayni paytda, ularda patent litsenziyalashdan tushadigan daromadni maksimal darajada oshirishga qaratilgan “litsenziyalash modeli” (*licensing model*)dan universitet innovatsiyalarining miqdori va bozorga olib chiqish tezligini ta’minlaydigan “hajm modeli” (*volume model*)ga o’tish jadallik bilan amalga oshirilmoqda.

AQShda 1980–1990-yillarda universitetlarga tegishli intellektual mulk obyektlarini tijoratlashtirishga katta e’tibor qaratilib, rivojlanish sari qadam tashlangan bo’lsa, sobiq Ittifoq, umuman, sotsialistik lagerda bo’lgan mamlakatlarda esa bu masalaga deyarli e’tibor qaratilmagan.

Natijada universitet va boshqa davlat tadqiqot tashkilotlaridan texnologiyalar va bilimlarni transfer qilish (o’tkazib berish) jarayoni aksariyat o’tish davri iqtisodiyotiga ega davlatlarda oldingi tizim sarqitlari bilan bog’liq ikki muammoga duch keldi.

Birinchi muammo intellektual mulk huquqi tizimining o’zida yuzaga keladi [5]. Ikkinchi muammo esa tadqiqotlar o’tish davrigacha bo’lgan vaqtda qanday tashkil etilganligi bilan bog’liq.

Sobiq Ittifoq davrida na universitetlar, na korxonalar tadqiqotlarda muhim rolni o’ynamagan. Buning o’rniga amaliy tadqiqotlarning asosiy qismi tarmoq vazirliklarining sohasiy ilmiy-tadqiqot institutlarida o’tkazilgan [6]. Sovet iqtisodiy tizimining o’ta markazlashganligi va bo’ysunuvda bo’lganligi sababli ushbu institutlar texnologiyalar transferi va ularni tijoratlashtirish sohasida umuman tajriba to’play olmagan.

Bundan tashqari, mazkur institutlarning o’zlari hech qanday dolzarb tadqiqotlarni o’tkazmaganliklari sababli korxonalarning texnologiyalarni o’zlashtirish va tijoratlashtirish salohiyati hamda universitetlar va boshqa davlat tadqiqot tashkilotlari bilan hamkorlik qilish qobiliyati yetarlicha rivojlanmagan.

Sobiq Ittifoqdan qolgan mazkur meros bugungi kunda ham ayrim jabhalarda seziladi. Masalan, korxonalar o’rtacha hisobda tadqiqot ishlariga (R & D) rivojlangan davlatlarga nisbatan ancha kam mablag’ sarflaydilar. Shu bilan birga, universitet miqyosidagi tadqiqotlarni moliyalashtirishga ham juda kam hissa qo’shib, boshqa universitetlar bilan qo’shma tadqiqot loyihalari bo’yicha deyarli hamkorlik qilmaydilar. O’z navbatida, universitet va boshqa davlat tadqiqot tashkilotlari ham tadbirkorlik sektori tarafidan yangi texnologiyalar va boshqa bilimlarga talab yo’qligi sababli bilimlar transferi va ularni tijoratlashtirishda alohida, o’ziga xos muammolarga duch kelishlari mumkin.

Sotsialistik lagerning sobiq markazi – Rossiya universitetlarida “uchburchak modeli” (*triple helix model*) keng tarqalgan [7]. Mazkur model tadqiqot uchburchagi modeli (*research triangle model*) deb ham ataladi. Model konsepsiyasining muhim jihatlaridan biri universitetni nafaqat ta’lim muassasasi, balki innovatsion g’oyalarni ishlab chiqish, so’ngra ularni tijoratlashtirish markazi sifatida ko’rib chiqishdir. Universitetning bunday modelini yaratishning mantiqiy asoslari mavjud, bu Federal davlat standartlarida turli xil ilmiy sohalarida talabalarni tayyorlaydigan ilmiy malakaga ega o’qituvchilarning foiziga nisbatan talablarni hisobga olgan holda belgilanadi. Shunga ko’ra, universitetlar ilmiy kapital va salohiyatni quvvatlantirish markazlari hisoblanadi. Universitetlar mamlakat iqtisodiy tizimi tarkibida intellektual faoliyat natijalarini yaratuvchi asosiy muassasalardan biri bo’lishi kerak.

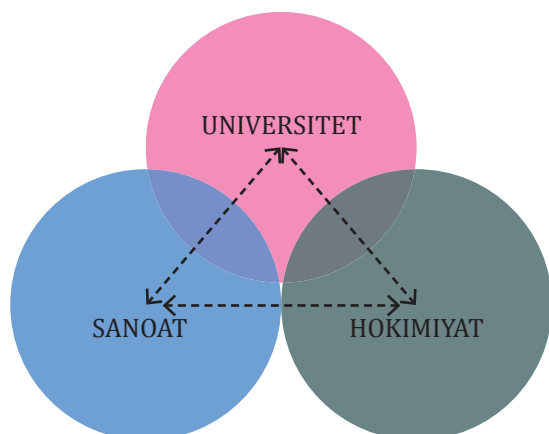
O’zbekistonda bugungi kunda mazkur model ancha ommalashayotganini ko’rishimiz mumkin. Innovatsion rivojlanish vazirligi (hozirgi Innovatsion rivojlanish agentligi) tomonidan taqdim etilgan ochiq ma’lumotlarga ko’ra, 2018–2022-yillarda ilmiy va ilmiy-tadqiqot muassasalari tomonidan 455,1 mlrd so’m miqdorida ilmiy ishlanmalar tijoratlashtirilgan, shundan 366,8 mlrd so’mlik mah-

sulot ishlab chiqarilgan (324,8 mlrd so'mlik mahsulot sotilgan va 88,3 mlrd so'mdan ortiq xizmatlar ko'rsatilgan) [8].

Jumladan, tijoratlashtirish forumining bahorgi bosqichlarida "Olim-ilmiy tashkilot-hudud" tizimi doirasida 2021-yilda Qoraqalpog'iston Respublikasi va viloyat hokimliklari tomonidan 37 ta ishlanmaga 6,48 mlrd so'm, 2022-yilda 44 ta ishlanmaga 8,93 mlrd so'm mablag' yo'naltirilgan.

2022-yil tijoratlashtirish forumining kuzgi bosqichi doirasida 17,1 mlrd so'mlik shartnomalar, shuningdek, 2,78 mln AQSh dollari miqdorida eksport shartnomalari doirasida amaliy ishlar yo'lga qo'yilgan.

"Olim-ilmiy tashkilot-tarmoq" tizimi bo'yicha taqdimot qilingan 66 ta loyihalar doirasida yangi turdagi innovatsion hamda import o'rnini bosuvchi mahsulotlar yaratilgan.

1-rasm. [9]

Umuman olganda, ushbu model konsepsiyasi Universitet 3.0 konsepsiyasi bilan mosdir.

O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2019-yil 8-oktabrdagi "O'zbekiston Respublikasi oliy ta'lim tizimini 2030-yilgacha rivojlantirish konsepsiyasini tasdiqlash to'g'risida"gi PF-5847-son Farmonida ham oliy ta'lim muassasalarida ta'lim, fan, innovatsiya va ilmiy-tadqiqotlar natijalarini tijoratlashtirish faoliyatining uzviy bog'liqligini nazarda tutuvchi Universitet 3.0 konsepsiyasini bosqichma-bosqich joriy etish vazifasi belgilandi.

Negaki zamonaviy universitetdagi o'zgarishlarni belgilab beruvchi asosiy trend uning Universitet 1.0 modelidan "Universitet 3.0" modeliga o'tishidir.

Bunda Universitet 1.0 faqat ta'lim faoliyati bilan shug'ullanadi, u bilimlarni uzatish, kadrlar tayyorlash va ijtimoiy yuksalishni ta'minlashni amalga oshiradi.

Universitet 2.0 bir vaqtning o'zida ikkita missiyani – o'qitish va ilmiy tadqiqotni bajaradigan tadqiqot universitetidir. Universitet 2.0 funksiyalari tadqiqot faoliyati va bozor ishtirokchilari uchun konsalting xizmati orqali yangi bilimlarni yaratishni o'z ichiga oladi. Universitet 2.0 sanoat buyurtmalari bo'yicha ilmiy tadqiqot ishlarini bajaradi va "buyurtma qilingan" texnologiyalarni yaratadi. Bunday universitetning asosiy vazifasi – yangi bilimlarni uzluksiz yaratilishini ta'minlash bo'lib, kadrlar tayyorlash jarayoni ilmiy tadqiqot faoliyati bilan uzviy bog'langan.

Universitet 3.0 yanada yuqori maqomga ega, chunki u uchinchi missiya – bilim va texnologiyalarni tijoratlashtirish tizimiga ega. Bunday universitet intellektual mulk huquqlarini boshqaradi, tadbirkorlik ekotizimi, istiqbolli texnologik bozorlarni shakllantiradi va jahon miqyosida mamlakatning iqtisodiy ustunligini yaratish platformasiga aylanadi. Aynan shu universitetlar zamonaviy texnologik inqilobning yuzini belgilaydi [10]. Universitet 3.0 BMTning global barqaror rivojlanish maqsadlariga erishishga hissa qo'shadigan ta'lim muassasasi hisoblanadi.

Universitet 3.0 postindustrial jamiyatning ta'lim muassasasi bo'lib, ta'lim (talabalarni o'qitish), fan (yangi bilimlarni yaratish) va innovatsiya yoki tadbirkorlik (bilimlarni amaliyotda qo'llash, biznes tuzilmalarini yaratish) sinergiyasini o'zida mujassam etgan. Ya'ni yangi turdagi universitetning mohiyati shundan iboratki, universitet bir vaqtning o'zida uchta missiyani amalga oshiradi:

- 1) ta'lim;
- 2) ilmiy tadqiqot;

3) innovatsion bilimlarni tijoratlashtirishga qaratilgan.

Universitet 3.0 – innovatsion biznes uchun tadbirkorlik salohiyati manbayi bo'lgan tashkilot [11].

Ushbu tizimning tarixiga nazar tashlaydigan bo'lsak, 2000-yilning boshlarida G'arb universitetlarida olib borilgan tadqiqot ishlarining sifati va samaradorligining yaxshilaniishi ularning ilmiy bilimlarining rivojlanishida muhim ahamiyat kasb etdi. Universitetlar va sanoat o'rtasidagi hamkorlik natijasida ilmiy kashfiyotlar innovatsion mahsulotlarga aylantirildi va tegishli biznes-modellar yordamida tijoratlashtirildi. Binobarin, ta'lim, fan va bilimni tijoratlashtirishni birlashtirgan Oliy ta'lim 3.0 tizimi tashkil etildi [12].

Oliy ta'lim, fan va innovatsiyalar vazirligi respublikadagi 72 ta davlat oliy ta'lim muassasasining 2024-yildagi daromadlari va xarajatlari haqida ma'lumotiga ko'ra ushbu OTMlar 11 trln 953 mlrd 243 mln so'm daromad ko'rib, 11 trln 448 mlrd 986 mln so'm xarajat qilgan. Biroq mazkur daromadlar va xarajatlarni smetasida ilmiy-innovatsion ishlardan olingan daromadlar va ularni yaratish uchun qilingan xarajatlarni o'rin olmagan [13].

Ushbu statistik ko'rsatkichlar Universitet 3.0 konsepsiyasini ilgari surish uchun qilinadigan ishlar ko'lamini salmoqli ekanligini ko'rsatmoqda.

Shu o'rinda "Osiyo yo'lbarzlari"da intellektual mulkni boshqarishni tashkil etishni alohida ta'kidlab o'tish joiz. Osiyo mintaqasidagi innovatsion universitetlar orasida ilmiy nashrlar va patentlar soni hamda sifatini tahlil qilish asosidagi reytinglar bo'yicha Koreya ilg'or texnologiyalar instituti (KAIST) yetakchi o'rinni egallaydi. Universitet Amerika Qo'shma Shtatlarining moliyaviy ko'magida tashkil etilganligi sababli tadqiqot ishlari ko'lamini "tadbirkorlik universiteti" modeliga o'xshaydi. Reyting natijalari Sharq madaniyati va biznesni tashkil etishning G'arb modelining muvaffaqiyatli tutashuvini ko'rsatadi.

Bundan tashqari xorijiy amaliyotda universitetlar ishtirokida ilmiy-tadqiqot faoliyatini rivojlantirish dasturlarini amalga oshirishda "klaster" yondashuvi juda mashhur. Klasterlardan foydalanish universitetlarda ilmiy tadqiqot ishlarini olib borishning moddiy-texnikaviy masalalarini qisman hal qilish imkonini beradi. Mahalliy amaliyotda bunday yondashuv oqilona bo'ladi, ammo ilmiy tadqiqot kompaniyalarining zaif resurs bazasi ushbu modelni amalga oshirish uchun to'siq bo'lib, bu kichik va o'rta biznesda ushbu faoliyat turiga ajratilgan resurslarning yetishmasligi bilan bog'liq bo'lishi mumkin.

O'zbekistonda klasterlarning ilmiy-innovatsion faoliyatga jalb qilinayotganlik holatlari mavjud.

Misol uchun "IPAK KO'CHAT KLASSTER" fermer xo'jaligi tutning yangi "O'zbekiston" va "Marhamat-2017" navlari ko'chatlarini yetkazib berish bo'yicha Qozog'iston Respublikasining "ACBC Oyl" xususiy korxonasi bilan 5 yillik, umumiy qiymati 2,5 mln AQSh dollarlik eksport shartnomasi imzolangan.

Umuman olganda, so'nggi yillarda O'zbekistonda ham universitetlar va ilmiy tadqiqot muassasalariga qarashli intellektual mulk obyektlarini tijoratlashtirishning huquqiy asoslarini yaratish sari muhim qadamlar tashlangan deyish mumkin.

2023-yil 30-aprel kuni o'tkazilgan O'zbekiston Respublikasi referendumida umumxalq ovoz berish orqali qabul qilingan yangi tahrirdagi O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasining 51-moddasi 2-qismida oliy ta'lim tashkilotlari qonunga muvofiq akademik erkinlik, o'zini o'zi boshqarish, tadqiqotlar o'tkazish va o'qitish erkinligi huquqiga ega ekanligi belgilab qo'yildi.

Bu mazkur tashkilotlarning intellektual mulk obyektlarini tijoratlashtirishga ham yo'l ochadi.

O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2018-yil 18-iyuldagi "Ilmiy va ilmiy-texnikaviy faoliyat natijalarini tijoratlashtirish samaradorligini oshirish bo'yicha qo'shimcha

chora-tadbirlar to'g'risida"gi PQ-3855-son qarori 2018-yil 1-oktabrdan boshlab quyidagilarga qo'shimcha bir martalik mukofotlar joriy etilishi belgilandi:

- patentlangan intellektual mulk obyektlari mualliflariga muassasaning byudjetdan tashqari mablag'lari hisobidan bazaviy hisoblash miqdorining o'n baravari miqdorida;

- mualliflar hamda ilmiy va ilmiy-texnika-viy faoliyat natijalarini ishlab chiqish va tijoratlashtirishda ishtirok etgan ilmiy jamoaga ularni tijoratlashtirishdan muassasa hisobiga kelib tushayotgan mablag'larning tegishli ravishda 40 va 30 foizi miqdorida.

Natijada 2018–2022-yillarda ilmiy-ishlanma mualliflari va ilmiy jamoalarga jami 1 115,63 mln so'm bir martalik mukofotlar to'lab berilgan.

Bu ixtirolar muallifini davlat tomonidan rag'batlantirish mexanizmi – tadqiqot uchburchagi modeli ishlayotganligidan dalolat beradi.

O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2022-yil 6-iyuldagi PF-165-son Farmoni bilan tasdiqlangan 2022–2026-yillarda O'zbekiston Respublikasining innovatsion rivojlanish strategiyasida ham ilmiy-tadqiqot faoliyat sifatini oshirish hamda uni tijoratlashtirish darajasi samaradorligini ta'minlashga doir choralarni nazarda tutildi.

Bundan tashqari O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2022-yil 26-apreldagi PQ-221-son qarori bilan 2022–2026-yillarda O'zbekiston Respublikasida intellektual mulk sohasini rivojlantirish strategiyasi tasdiqlandi. Mazkur strategiyada ko'plab vazifalar, xususan, ta'lim va amaliyot o'rtasidagi uzviy bog'liqlikni ta'minlash maqsadida oliy ta'lim tashkilotlarining (yengil sanoat, farmasevtika, qishloq xo'jaligi va boshqa yo'nalishlar) talabalari uchun Adliya vazirligi huzuridagi "Intellektual mulk markazi" davlat muassasasida amaliyot o'tash tartibini joriy etish vazifalari belgilandi.

Ushbu vazifalar bajarilishiga davlat darajasida e'tibor qaratilmoqda. Xususan,

2022-yil 6-may kuni O'zbekiston Respublikasi Prezidenti huzurida o'tkazilgan elektrotexnika sohasida yangi zaxiralarni safarbar qilish bo'yicha yig'ilishda Prezident elektrotexnika sanoati bo'yicha erishilgan ko'rsatkichlarga e'tiroz bildirib, Taraqqiyot dasturida 2026-yilga qadar elektrotexnika mahsulotlari ishlab chiqarish hajmini 2 baravarga, eksportni 3 baravarga oshirishni maqsad qilinganligi, kelgusi yillarda mis ishlab chiqarish hajmi 2 baravarga oshishi, uni o'zimizda chuqur qayta ishlab, raqobatbardosh tayyor mahsulotlarni eksportga yo'naltirish zarurligini ta'kidladi. Prezident buning uchun "ta'lim – innovatsiya – ishlab chiqarish – servis" yaxlit zanjirini o'z ichiga olgan sanoat klasteri tashkil etish shartligini ko'rsatib o'tdi [14].

Yuqorida ko'rsatib o'tilgan modellardan xulosa qilish mumkinki, O'zbekiston universitetlari tijoratlashtirishning, asosan, tadqiqot uchburchagi modelidan bormoqda. Shu bilan birga, bu borada olib borilayotgan sa'y-harakatlarda erkin agentlik modelining ham ayrim elementlari ko'zga tashlanmoqda.

Xulosa

Oliy ta'lim muassasalarida intellektual mulk obyektlarini tijoratlashtirishning quyi-dagi eng samarali shakllari mavjud:

- 1) shartnoma bo'yicha buyurtmani bajarish (davlat va munitsipial ehtiyojlar uchun davlat yoki munitsipial buyurtmasi shartnomasi va ilmiy-tadqiqot, tajriba-konstruktorlik va texnologik ishlarni bajarish shartnomalari, shu jumladan, huquqlarni begonalashtirish shartnomalari);

- 2) litsenziyalash va huquqlarni o'tkazish;

- 3) kichik innovatsion korxonalarni tashkil etish (2024-yilda O'zbekistonda jami 12 ta oliy ta'lim muassasasida 28 ta bunday korxonalar (spin-off) tashkil etilib, jami 27 milliard so'm miqdorida daromad ko'rilgan);

- 4) oddiy sheriklik sifatida sanoat kooperasiyasi (klasterlar tashkil etish);

- 5) muhandislik (muhandislik markazlarini tashkil etish).

Umumiy xulosa sifatida esa bir qator fikrlarni bildirish mumkin.

Jumladan, patentlangan tadqiqot natijalarini litsenziyalashdan tashqari texnologiyalar transferining boshqa bir qancha usullari mavjud bo'lib, ularning har biriga intellektual mulk huquqi boshqaruvi nuqtayi nazarida o'ziga xos talablar belgilangan. Bunday usullarga universitet xodimlarining startaplari, sanoat homiyligidagi tadqiqotlar, konsultatsiyalar, nashrlar va taqdimotlar, shuningdek, mahalliy va mintaqaviy innovatsiyalarni texnologik (ilmiy) parklar va biznes-inkubatorlar orqali bevosita qo'llab-quvvatlash kabilar kiradi. Universitetga daromad keltirishdan tashqari texnologik transfer faoliyatiga ehtiyoj juda yuqori hisoblanadi, chunki bunday faoliyat universitetda yangi ilmiy ishlanmalar (R&D) va qo'shimcha ish o'rinlari yaratishni rag'batlantirish orqali mahalliy iqtisodiyotga innovatsiyalarning "suzib kirishi" uchun yetarli zamin yaratadi [15].

O'zbekiston iqtisodiyoti uchun mazkur holatda Yevropa mamlakatlari tajribasi foydali bo'lishi mumkin. Ushbu mamlakatlar tijoratlashtirish shaklining jozibadorligi shundaki, ularda ilmiy muassasalar va bevosita tadqiqotchilar (ixtiro, sanoat namunalari va boshqa intellektual mulk obyektlari mualliflari) ishtirokida yangi korxonalar (start-up kompaniyalar) tashkil etilishi mumkin. Bu borada qonunchilik ilmiy muassasalari va tadqiqotchilarga bunday kompaniyalarga ishtirokchi (ta'sischi) sifatida ustav kapitalida ulushli qatnashish, uning aksiyadoriga aylanish, kompaniya boshqaruvida, ma'muriy yoki kuzatuv kengashida ishtirok etish kabi huquqlarni taqdim etadi (Irlandiya, Germaniya, Niderlandiya, Fransiya).

Shuningdek, biz turlicha kuchli va zaif tomonlarga, qadriyatlarga, tashkiliy madaniyatga, turli maqsadlarga va oldingilaridan kelib chiqadigan turli xil biznes modellariga ega bo'lgan keng turdagi oliy o'quv yurtlarini tahlil qilayotgan bo'lishimiz mumkin. Bu o'z navbatida intellektual mulk boshqaruvining

bir universitetda boshqasiga (masalan, texnika sohasidagi universitet – yuridik universitet) qaraganda sezilarli darajada farq qilishi sababli bo'lishi mumkin, shuning uchun universitetlar uchun universal intellektual mulkni tijoratlashtirish modeli yoki strategiyasi mavjud emas. Buning o'rniga, strategiya biznes modeli va ma'lum bir muassasaning boshqa mahalliy xususiyatlariga asoslangan holda "moslashtirilgan" bo'lishi kerak. Biroq bu universitetlar uchun o'z faoliyatini moliyalashtirishning yangi individual usullarini topish, o'z brendlarni yaratish, ishonchni mustahkamlash orqali o'z tarmoqlarini kengaytirish va chuqurlashtirish, "an'anaviy universitetlar" haqidagi eskicha yondashuvlarini o'zgartirish, ularning biznes sohasi bilan yaqin aloqalar olib borish, raqobatbardosh ustunliklarni saqlab, "tadbirkorlik universitetlari"ga aylantirish imkoniyati va shu bilan birga, chuqur mas'uliyat hissini anglatadi [16].

Bir so'z bilan aytganda, intellektual mulk strategiyasi va bilimlar transferi strategiyasi Universitet missiyasiga to'liq mos kelishi kerak. Yetakchi iqtisodiyotga ega davlatlardagi ko'pchilik tadqiqot universitetlari so'nggi o'n yil ichida o'zlarining texnologiya va bilimlar transferi ofislarini tashkil etishgan. Ushbu ofislar ixtironi yetkazib beruvchilar (universitet olimlari) va innovatsiyalarni muvaffaqiyatli tijoratlashtira oladigan tadbirkorlar (biznes-angellar, venchur kapitalistlar) o'rtasida vositachi bo'lib xizmat qiladi. Biznesangel – bu yuqori xatarli startup loyihalarini investitsiyalash evaziga startupning ulush va aksiyalariga egalik qiladigan, shuningdek, startupga moliyaviy ko'mak ko'rsatish bilan birga unga tashkiliy yordam beradigan jismoniy shaxsdir.

Shu bilan birga, O'zbekiston tajribasida universitet va ilmiy tadqiqot institutlariga tegishli intellektual mulk obyektlarini tijoratlashtirishning aniq va yagona mexanizmlari belgilanmagan. Bu, ayniqsa, davlat mablag'larini hisobiga yaratilgan intellektual faoliyat na-

tijalari uchun o'ta ahamiyatli. Shu sababdan mazkur sohani tartibga soluvchi hujjatlarni qabul qilish maqsadga muvofiq. Bu 1980-yilda qabul qilingan Bey-Doul qonuni (Bayh-Dole Act of 1980) da belgilangani kabi Amerika tajribasiga ko'ra yoki huquq tizimi nisbatan yaqin bo'lgan Belarus tajribasiga ko'ra amalga oshirilishi mumkin [17].

Ushbu hujjatlarni qabul qilishda davlat va xususiy sektorning o'zaro foydali hamkorligini rivojlantirish uchun qulay muhit, ixtirochi (muallif)larni rag'batlantirishning samarali mexanizmini yaratish, mustaqil texnologiyalar transferi markazlarini tashkil etishning tashkiliy-huquqiy masalalarini belgilash maqsad qilib olinishi kerak.

Har bir oliy ta'lim yoki tadqiqot muassasasi o'zining intellektual mulk siyosati

to'g'risidagi hujjatlarning qabul qilishini shart qilib qo'yish ham maqsadga muvofiq hisoblanadi. Bunda Butunjahon intellektual mulk tashkiloti (WIPO)ning Universitetlar va ilmiy-tadqiqot muassasalari uchun intellektual mulk sohasidagi siyosati to'g'risidagi namunaviy nizom va uni moslashtirish bo'yicha rahbariy qoidalardan kelib chiqqan holda Butunjahon intellektual mulk tashkiloti bilan hamkorlikda O'zbekiston uchun moslangan namunaviy nizomni ishlab chiqish maqsadga muvofiq. Mazkur nizom Universitet (tadqiqot muassasasi) intellektual mulk munosabatlari ishtirokchilarining huquqiy munosabatlari chegaralarini, ulardan olinadigan daromadlarni taqsimlash tartibini aniq-ravshan qilib belgilab berishi bilan ahamiyatli hisoblanadi.

REFERENCES

1. Siegel D.S., Wright M. Intellectual Property. *The Assessment, Oxford Review of Economic Policy*, 2007, vol. 23(4), pp. 529–540.
2. Association of American Universities. 1998. University technology transfer of government funded research has wide public benefits. Available at: <http://www.aau.edu/research/TechTrans63.98.html>
3. Jumpstart Our Business Startups (JOBS) Act. 2012. Available at: <https://www.sec.gov/spotlight/jobs-act.shtml>
4. Robert E., Litan L.M., Reedy E. J. Commercializing University Innovations: Alternative Approaches Innovation. *Policy and the Economy*, 2007, vol. 8, p. 47. Available at: <https://www.jstor.org/stable/25056198>
5. Karpova N. Legal Protection and Commercialization of Intellectual Property in Russia, in: United Nations Economic Commission for Europe. *Intellectual Assets. Valuation and Capitalization*. Geneva and New York, 2003, pp.102–130.
6. Graham L. Big Science in the Last Years of the Soviet Union, *Osiris 2nd Series*, 1992, vol. 7, pp. 49–71.
7. Kulyagina A., Kolozhvari Yu.B., Koval S.V. An Analysis of the Forms of Commercialization of Intellectual Property Objects of Higher Education Institutions: Russian and International Experience. *Advances in Economics, Business and Management Research, International Scientific Conference "Far East Con"*, 2020, vol. 128, p. 618
8. O'zbekiston Respublikasi Innovatsion rivojlanish vazirligining 2018–2022-yillardagi asosiy faoliyat natijalari [Main results of the activities of the Ministry of Innovative Development of the Republic of Uzbekistan in 2018–2022]. Tashkent, "Innovative Development Publishing House" Publ., 2022, p. 41.
9. Haziman Z., Diyana K., Muhammad A.F., Walton W. Mapping the helix model of innovation influence on education: A bibliometric review. *Front. Higher Education*, 2023, vol. 8. DOI: 10.3389/feduc.2023.1142502

10. Narimanova O.V. Kontseptsiya Universiteta 3.0: perspektivy realizatsii v Rossii v usloviyakh novoy tekhnologicheskoy revolyutsii [The concept of University 3.0: prospects for implementation in Russia in the context of a new technological revolution]. *Personality in a changing world: health, adaptation, development*, 2019, vol. 7, no 2(25).
11. Vasetskaya N.O. Funktsii universiteta v ekonomike znaniy [Functions of the University in the Knowledge Economy]. *Business, Education, Law*, 2019, vol. 2(47), pp. 86–89. Available at: <http://www.unknown.ru/vishee/7563-universitet-30-formirovanie-novyh-rynkov-i-ohota-za-talantami.html>
12. 2024-yilda eng ko'p daromad ko'rgan va xarajat qilgan OTM lar ro'yxati e'lon qilindi [The list of universities with the highest income and expenses in 2024 has been published]. Available at: <https://talimxabarlari.uz/30028/>
13. Elektrotexnika tarmog'ida yangi vazifalar belgilandi [New tasks have been set in the electrical engineering sector]. Available at: <https://kun.uz/kr/news/2022/05/06/elektrotexnika-sohasida-yangi-vazifalar-belgilandi?q=%2Fnews%2F2022%2F05%2F06%2Felektrotexnika-sohasida-yangi-vazifalar-belgilandi#!>
14. Siegel D.S., Veugelers R., Wright M. Technology Transfer Offices and Commercialization of University Intellectual Property: Performance and Policy Implications. *Oxford Review of Economic Policy*, 2007, vol. 23(4), pp. 640–660.
15. Sapir A., Oliver A.L. From academic laboratory to the market: Disclosed and undisclosed narratives of commercialization. *Social Studies of Science*, 2017, vol. 47(1), pp. 33–52.
16. Decree of the President of the Republic of Belarus No. 240 of June 18, 2018 approved the Regulation "On the commercialization of the results of scientific and scientific-technical activities created at the expense of state funds". Available at: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31300059>

Kelib tushgan / Получено / Received: 10.07.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 11.08.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 25.08.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.4./ZECQ1214
UDC: 341.932.32(045)(575.1)

YURIDIK SHAXS SHAXSIY QONUNIGA NISBATAN EKSPLUATATSIYA MARKAZI MEZONINI QO'LLASH MUAMMOLARI

Abduqodirov Abdurauf Baxodir o'g'li,
Toshkent xalqaro universiteti
Huquqiy fanlar kafedrası o'qituvchisi
ORCID: 0000-0002-6189-1287
e-mail: mustread707@gmail.com

Annotatsiya. Maqolada xalqaro xususiy huquq sohasida yuridik shaxslarning shaxsiy qonunini aniqlashda qo'llanadigan "ekspluatatsiya markazi" mezonı o'rganilgan, shuningdek, uning qo'llanishi va amaliy ahamiyati tahlil qilingan. Bundan maqsad – ekspluatatsiya markazi mezonining afzalliklari, kamchiliklari va turli davlatlar qonunchiligidagi o'rnini tahlil qilish orqali uning samaradorligini baholashdir. Chunki global iqtisodiyot sharoitida yuridik shaxslarning milliy mansubligini aniqlash masalasi davlatlarning iqtisodiy va ma'muriy nazorati uchun katta ahamiyatga ega. Muammo shundaki, ekspluatatsiya markazi mezonı aniqlik va barqarorlik nuqtayi nazaridan muayyan qiyinchiliklarni keltirib chiqaradi, bu esa uning qo'llanishini cheklaydi. Tadqiqot davomida qiyosiy-huquqiy tahlil, mantiqiy usullaridan foydalanilgan. Maqolada ekspluatatsiya markazi mezonı asosan rivojlanayotgan davlatlar qonunchiligida yuridik shaxslarning faoliyatini nazorat qilish va milliy iqtisodiyotni himoya qilish vositasi sifatida qo'llanishi ko'rsatilgan. Biroq ushbu mezon yuridik shaxs faoliyatining asosiy joyini aniqlashdagi qiyinchiliklar va uning o'zgaruvchanligi tufayli barqarorlikning yo'qligi kabi kamchiliklarga ega. Ushbu mezon ko'pincha fakultativ (qo'shimcha) sifatida qo'llanadi va inkorporatsiya yoki o'troqlik mezonlariga nisbatan ikkinchi darajali ahamiyat kasb etadi. Xulosada O'zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksiga ushbu mezonni qo'shimcha sifatida kiritish bo'yicha taklif berilgan. Tadqiqot natijalari xalqaro xususiy huquq sohasida, ayniqsa, yuridik shaxslarning xususiy qonunini aniqlashda qonunchilikni takomillashtirish uchun amaliy ahamiyatga ega. Taklif etilgan yondashuv O'zbekiston qonunchiligini xalqaro standartlarga moslashtirishda va rivojlanayotgan davlatlarning iqtisodiy manfaatlarini himoya qilishda qo'llanishi mumkin. Shuningdek, ushbu tadqiqot huquqshunolar, qonunchilar va amaliyotdagi mutaxassislar uchun foydali manba bo'lib xizmat qiladi.

Kalit so'zlar: ekspluatatsiya markazi, yuridik shaxs, shaxsiy qonun, xalqaro xususiy huquq, inkorporatsiya, o'troqlik mezonı, huquqiy ziddiyat

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ КРИТЕРИЯ ЦЕНТРА ЭКСПЛУАТАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЛИЧНОГО ЗАКОНА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Абдукодиров Абдурауф Баходир угли,
преподаватель кафедры «Юридические науки»
Ташкентского международного университета

Аннотация. В статье рассматривается критерий центра эксплуатации, применяемый в международном частном праве для определения личного закона юридического лица, а также ана-

лизируются особенности его использования и практическое значение. Цель исследования – оценить эффективность данного критерия путём выявления его преимуществ, недостатков и места в законодательстве различных стран. В условиях глобальной экономики определение национальной принадлежности юридических лиц имеет важное значение для обеспечения экономического и административного контроля государств. Проблема заключается в том, что критерий центра эксплуатации с точки зрения определённости и стабильности порождает сложности, что ограничивает его применение. В ходе исследования использованы сравнительно-правовой и логический методы. В статье показано, что данный критерий в основном применяется в законодательстве развивающихся стран как инструмент контроля за деятельностью юридических лиц и защиты национальной экономики. Вместе с тем он обладает недостатками, такими как трудности установления основного места деятельности юридического лица и отсутствие стабильности вследствие изменчивости этого показателя. Как правило, критерий «центр эксплуатации» используется в качестве факультативного (дополнительного) и имеет второстепенное значение по сравнению с критериями инкорпорации или осёдлости. В заключение выдвинуто предложение о введении данного критерия в качестве дополнительного в Гражданский кодекс Республики Узбекистан. Результаты исследования имеют практическую значимость для совершенствования законодательства в сфере международного частного права, в частности в вопросах определения личного закона юридических лиц. Предложенный подход может быть использован для приведения законодательства Узбекистана в соответствие с международными стандартами и защиты экономических интересов развивающихся стран. Кроме того, данная работа может служить полезным источником для юристов, законодателей и практиков.

Ключевые слова: центр эксплуатации, юридическое лицо, личный закон, международное частное право, инкорпорация, критерий осёдлости, коллизия законов

ISSUES OF APPLYING THE EXPLOITATION CENTER CRITERIA TO THE PERSONAL LAW OF A LEGAL ENTITY

Abduqodirov Abdurauf Bakhodir ugli,

Lecturer at the Department of Legal Sciences,
Tashkent International University

Abstract. The article examines the “exploitation center” criterion used in international private law to determine a legal entity’s personal law and analyzes its usage features and practical significance. The purpose of the study is to assess the effectiveness of this criterion by identifying its advantages, disadvantages, and place in the legislation of different countries. In the context of a global economy, determining the national affiliation of legal entities is crucial for ensuring economic and administrative control over states. The problem is that the operation center criterion, in terms of certainty and stability, creates difficulties, which limits its application. During the research, comparative legal and logical methods were used. The article indicates that this criterion is primarily applied in the legislation of developing countries as a tool for monitoring the activities of legal entities and protecting the national economy. At the same time, it has shortcomings such as difficulties in establishing the main place of activity of a legal entity and the lack of stability due to the variability of this indicator. As a rule, the “exploitation center” criterion is used as an optional (additional) criterion and has secondary significance compared to the inclusion or settlement criteria. In conclusion, a proposal was put forward to introduce this criterion as a supplement to the Civil Code of the Republic of Uzbekistan. The research results have practical significance for improving legislation in the field of international private law, in particular, in matters of defining the personal law of legal entities. The proposed approach can be used to bring Uzbek legislation in line with international standards and protect the economic interests of developing countries. Furthermore, this research can serve as a valuable resource for lawyers, legislators, and practitioners.

Keywords: exploitation center, legal entity, personal law, international private law, incorporation, settlement criterion, legal conflict

Kirish

Yuridik shaxslarning milliy mansubligini aniqlash davlatlarning iqtisodiy va ma'muriy nazorati, shuningdek, xalqaro huquqiy munosabatlarni tartibga solishda muhim ahamiyatga ega. "Ekspluatatsiya markazi" mezonni ushbu jarayonda muhim vositalardan biri, ammo uni qo'llashda aniqlik va barqarorlik nuqtayi nazaridan cheklovlar mavjud. Ushbu mezonning qo'llanishi, ayniqsa, rivojlanayotgan davlatlar uchun milliy iqtisodiyotni himoya qilish va yuridik shaxslar faoliyatini nazorat qilishda dolzarb muammolarni keltirib chiqaradi. Shundan kelib chiqib, maqolaning asosiy maqsadi xalqaro xususiy huquqda yuridik shaxslarning shaxsiy qonunini aniqlashda qo'llanadigan "ekspluatatsiya markazi" mezonining afzalliklari va kamchiliklarini tahlil qilish, shuningdek, ushbu mezonni rivojlanayotgan davlatlar, xususan, O'zbekiston qonunchiligida qo'llash imkoniyatlarini ko'rib chiqishdir.

Ekspluatatsiya markazi mezonni xalqaro xususiy huquq bo'yicha ko'plab mualliflar tomonidan o'rganilgan. Xususan, G.K. Dmitriyeva (2022) o'z tadqiqotlarida ushbu mezonning siyosiy, huquqiy va iqtisodiy xususiyatlarini ta'kidlab, uning rivojlanayotgan davlatlar qonunchiligida milliy iqtisodiyotni himoya qilish vositasi sifatida qo'llanishini ko'rsatadi. A.M. Gorodisskiy (1983) esa rivojlanayotgan davlatlarning ekspluatatsiya markazi mezonidan foydalanib, xorijiy kompaniyalarni ma'muriy va moliyaviy nazorat ostiga olishga intilishini tahlil qiladi. T. Kaligin (1985) ekspluatatsiya markazi mezonining beqarorlik va aniqlikdagi qiyinchiliklarini tanqid qilib, u faqat qarorlar qabul qilinadigan joy emas, balki faqat amaliy faoliyat maskani sifatida qo'llanishini ta'kidlaydi. A.M. Ladijenskiy (1965) esa mezonni huquqiy subyektlik va xo'jalik faoliyatini aralashtirish nuqtayi nazaridan tanqid qiladi, ammo uning rivojlanayotgan davlatlar uchun ahamiyatini e'tirof etadi. R.T. Yusifova (2018) o'z ishida ekspluatatsiya markazi mezonini yuridik

shaxs millatini aniqlashda qo'llanadigan mezonlar qatorida tilga oladi, lekin undan amalda foydalanish bo'yicha yetarlicha asos keltirmaydi.

Asosiy qism

Ekspluatatsiya markazi mezonni ayrim adabiyotlarda "asosiy faoliyatni olib borish joyi" deb ham nomlanadi va bunda qaysi davlat yuridik shaxsning xo'jalik faoliyati yoki ishlab chiqarishi uchun asosiy joy hisoblansa, ana shu davlat qonuni uning shaxsiy qonuni hisoblanadi. G.K. Dmitriyeva qayd etganidek: "U siyosiy, huquqiy va iqtisodiy xarakter kabi aniq o'zaklarga ega" [1, 226-b.]. Zero, ekspluatatsiya markazi mezonni rivojlanayotgan davlatlar qonunchiligida ko'proq aks etishining sababi ularning shu yo'l orqali o'z hududlaridagi sanoati rivojlangan davlatlar yuridik shaxslarini nazorat qilishga intilishi bilan bog'liq.

A.M. Gorodisskiyning fikricha [2, 176-b.], rivojlanayotgan davlatlar shu yo'l bilan kompaniyalarni o'zining ma'muriy va moliyaviy nazorati hamda boshqaruvining ma'lum chegaralariga bo'ysundirishga harakat qiladi. Ushbu mezon milliy iqtisodiyotni himoya qilish vositasi bo'lib xizmat qiladi. Albatta, bunda rivojlanayotgan davlatlarning o'zlari xorijiy kapital ko'lamini oshirish uchun qulay muhitni, "yengil qonunlar"ni yaratib beradi va shunday sharoitda ularni, ya'ni mamlakatga kirib kelgan yuridik shaxslarni qaysidir yo'l bilan o'ziniki qilishi kerak bo'ladi, ekspluatatsiya mezonni esa shu talabga javob beradi [3, 40-b.].

Albatta, yuridik shaxs o'z funksiyalarini amalga oshiradigan va uchinchi shaxslar bilan munosabat o'rnatgan joyni yuridik shaxs shaxsiy qonuni deb topish tabiiy bo'lishi mumkin. U holda temir yo'l, tog'-kon, bank-moliya sohasida faoliyat yurituvchi subyektlarning asosiy xo'jalik faoliyat joyini aniqlash murakkab bo'ladi. Bu majburiyatni sudga ham yuklash mumkin. Biroq sud yuridik shaxsni bir davlatga tegishlilikdan mahrum qilishi, boshqasiga aloqador deb topishi

davlatlar manfaatlariga ham, yuridik shaxs manfaatlariga ham mos bo'lmashligi mumkin. Tanlov mezon sifatida ekspluatatsiya markazi mezoni Misr fuqarolik kodeksining 11-moddasida [4], Tunis Xalqaro xususiyl huquq kodeksining 43-moddasida [5], Ispaniya Fuqarolik kodeksining 41-moddasida [6] hamda Italiya "Xalqaro xususiyl huquq tizimini isloh qilish to'g'risida"gi qonunning 25-moddasida [7], Hindiston Respublikasi "Kompaniyalar to'g'risida"gi qonunining 591-moddasida [8] o'z aksini topgan.

Misol uchun, Hindiston qonunchiligiga asosan xorijiy kompaniyalarga nisbatan, xususan, xorijiy davlat qonunlariga muvofiq tashkil etilgan kompaniya Hindistonda "o'z biznes joyi Hindistonda bo'lgan xorijiy kompaniya" sifatida ro'yxatdan o'tkazilishi mumkin [8]. Shuningdek, Italiya "Xalqaro xususiyl huquq tizimini isloh qilish to'g'risida"gi qonunining 25-moddasiga muvofiq, ushbu holatda yuridik shaxsni tashkil etish jarayoni tugallangan mamlakat huquqi, ya'ni inkorporatsiya mezoni qo'llanadi. "Biroq agar bunday yuridik shaxslarning boshqaruv organi Italiyada joylashgan bo'lsa yoki ularning asosiy faoliyati Italiya hududida amalga oshirilgan bo'lsa, Italiya qonunchiligi qo'llanadi" [7]. Mazkur davlatlar qonunchiligidan kelib chiqib aytish mumkinki, ekspluatatsiya markazi mezoni yuridik shaxsni ma'lum bir davlatga mansubligini aniqlashda asosiy emas, fakultativ mezon sifatida namoyon bo'ladi.

Albatta, ushbu mezon ham kamchilikdan xoli emas. Ekspluatatsiya markazi mezonida yuridik shaxsda bir nechta ishlab chiqarish joyi bo'lishi ulardan qaysi biri asosiy ekanini aniqlashni qiyinlashtiradi. Bundan tashqari, yuridik shaxs istalgan paytda o'zining ishlab chiqarish joyini (ushbu mezonga ko'ra shaxsiyl qonunini) o'zgartirishi mumkin. Bu esa beqarorlikka olib keladi. Bundan tashqari, T. Kaligin aytganidek, asosiy xo'jalik faoliyati joyida qarorlar qabul qilinmaydi, aksincha, u boshqa joyda qabul qilingan qarorlarni amalga oshiradi [9, 1450-b.].

A.M.Ladijenskiyl mazkur mezonni tanqid qilib shunday deydi: "bu yerda yuridik shaxsning xo'jalik faoliyati bilan uning huquq subyektiligini aniqlash aralashtirilmoqda. Albatta, har bir davlat o'z hududidagi ham o'zining, ham xorijiy jismoniy va yuridik shaxslarning xo'jalik va boshqa har qanday faoliyatini yuridik jihatdan tartibga soladi hamda nazorat qiladi, lekin bundan ular o'z-o'zidan milliy shaxslarga aylanib qolmaydi" [10, 265-266-b.]. Biroq har bir sohadagi munosabatlar aynan huquq normalarida aks etadi va shu nuқтаqi nazardan har bir davlat, jumladan, rivojlanayotgan davlat ekspluatatsiya markazi mezonini yuridik shaxs shaxsiyl qonunini aniqlashda qo'llashga haqli va bu holat sof huquqiy munosabatlarga zid emas. Qolaversa, yuridik shaxslar rivojlanayotgan davlatlar resurslaridan foydalanar ekan, ular xo'jalik faoliyatini insof bilan olib borishi, ushbu davlatning qonunlarini hurmat qilishi lozim.

Ekspluatatsiya markazi mezoni xalqaro xususiyl huquqqa oid bir qator xalqaro shartnomalarda o'z aksini topgan. Jumladan, 1980-yildagi Tovarlarining xalqaro oldisotdisi to'g'risidagi Vena konvensiyasining 10-moddasida [12], 1988-yildagi Xalqaro moliyaviyl lizing va faktoring bo'yicha xalqaro operatsiyalar to'g'risidagi UNIDRUA konvensiyasining 3-moddasida [13] mazkur mezon xorijiy yuridik shaxs qaysi davlatga tegishli ekanini aniqlash uchun qo'llangan.

Biroq mazkur xalqaro shartnomalardagi bir jihatga e'tibor qaratish kerak, ya'ni konvensiyalarning ingliz tilidagi matnida qo'llangan *"having place of business"* (faoliyatni amalga oshirish joyi) atamasi rus tilida umuman boshqa mezonga aylangan (*коммерческого предприятия*) – "xo'jalik korxonalarining joylashgan joyi" deb tarjima qilingan. Rus tili ham xalqaro shartnomalarning ishchi tili hisoblanadi. Biroq tarjimadagi noaniqlik huquqiy ziddiyatga olib kelmoqda.

Shuningdek, *"principal business place"* – asosiy biznes (xo'jalik faoliyati) joyi ham

odatda ekspluatatsiya markazi mezonini aniqlash uchun qo'llanadi. Buni yuqorida asosiy faoliyat joyi mezonini qo'llangan xorijiy davlatlar qonunchiligidan ham bilish mumkin. Biroq Xitoyning "Chet el bilan bog'liq munosabatlarda qo'llanadigan qonun to'g'risida"gi qonuniga muvofiq, agar yuridik shaxsning ro'yxatdan o'tgan joyi asosiy biznes joyi (*principal business place*)dan farq qilsa, ro'yxatdan o'tgan joy qonuni bilan tartibga solinadigan masalalar asosiy biznes joyi bilan tartibga solinishi mumkin, asosiy faoliyat joyi odatdagi (yashash) joyi (*habitual residence*) hisoblanadi [11]. Ammo ushbu qonunda *habitual residence* tushunchasiga ta'rif berilmagan bo'lsa-da, bizningcha, xitoy qonunchiligi uchun asosiy faoliyat joyi o'troqlik mezonini uchun xizmat qiladi.

XX asrda rivojlanayotgan davlatlarning talabi o'laroq paydo bo'lgan ekspluatatsiya markazi mezonini beqarorlik xususiyati va aniq belgilashning qiyinligi sabab faqat qo'shimcha mezon sifatida davlatlar ichki qonunchiligida qo'llanishi mumkin. Shu bilan birga, xalqaro xususiy huquqqa oid ilmiy ishlar mualliflari ekspluatatsiya markazi mezonining ommaviy munosabatlarda yuridik shaxs millatini aniqlashda qo'llanishini asoslantirilmagan holda qayd etishgan. Misol uchun, R.T. Yusifova yuridik shaxs millati va shaxsiy qonuniga oid ilmiy ishida "tashkil etish joyi, ma'muriy markaz joyi, xo'jalik faoliyatini olib borish joyi yuridik shaxs millatini aniqlash maqsadi uchun ma'lum bir davlat hududini anglatadi" [14] degan xulosaga kelgan bo'lsa-da, muallif tahlil qilgan ommaviy munosabatlarning birontasida ekspluatatsiya markazi mezonini qo'llanishi bo'yicha yetarli asosni topib bo'lmaydi.

Ekspluatatsiya markazi mezonini yuridik shaxsning shaxsiy qonunini aniqlashda muhim ahamiyatga ega ekanligi tadqiqot natijalarida ko'rsatib o'tildi. G.K. Dmitriyevaning fikricha, bu mezon siyosiy, huquqiy va iqtisodiy o'zaklarga ega bo'lib, rivojlanayotgan davlatlarda keng qo'llanadi. Ushbu fikrni

ma'qullagan holda aytish mumkinki, ekspluatatsiya markazi mezonini rivojlanayotgan davlatlarga o'z iqtisodiyotini himoya qilish va xorijiy yuridik shaxslarni nazorat qilish imkonini beradi.

Biroq A.M. Gorodisskiyning "rivojlanayotgan davlatlar bu mezon orqali kompaniyalarni ma'muriy va moliyaviy nazoratga bo'ysundirishga harakat qiladi" degan fikriga qarshi chiqish mumkin. Bu mezon iqtisodiyotni himoya qilish vositasi sifatida xizmat qilsa-da, xorijiy kapitalni jalb etish uchun "yengil qonunlar" yaratish bilan birga, yuridik shaxslarning mustaqilligiga putur yetkazishi mumkin.

Qayd etish lozimki, Hindiston va Italiya qonunchiligida ekspluatatsiya markazi mezonini fakultativ xarakterga ega bo'lib, asosiy mezon sifatida inkorporatsiya mezoniga ustunlik beriladi. Ushbu yondashuvni ma'qullaymiz, chunki u yuridik aniqlik va barqarorlikni ta'minlaydi, lekin rivojlanayotgan davlatlarning o'z manfaatlarini himoya qilishga intilishlarini ham to'liq inkor etmaydi.

Ekspluatatsiya markazi mezonining bir qator muammolari aniqlandi. Birinchidan, yuridik shaxsning asosiy xo'jalik faoliyati joyini aniqlash qiyinchilik tug'diradi, ayniqsa, yuridik shaxs bir nechta davlatlarda ishlab chiqarish joylariga ega bo'lsa. Masalan, temir yo'l, tog'-kon yoki bank-moliya sohasida faoliyat yurituvchi subyektlarning asosiy faoliyat joyini aniqlash murakkab bo'lib, bu masalani sudga yuklash davlatlar va yuridik shaxslar manfaatlariga zid kelishi mumkin.

Ikkinchidan, T. Kaliginning ta'kidlashicha, asosiy xo'jalik faoliyati joyida qarorlar qabul qilinmaydi, balki boshqa joyda qabul qilingan qarorlar amalga oshiriladi. Bu mezonning samaradorligiga shubha uyg'otadi.

Uchinchidan, xalqaro shartnomalarda, masalan, Vena konvensiyasi (1980) va UNID-RUA konvensiyasi (1988)da "*having place of business*" atamasining rus tiliga "xo'jalik korxonalarining joylashgan joyi" deb noto'g'ri tarjima qilinishi huquqiy ziddiyatlarga sabab

bo'lmoqda. Bu tarjima noaniqligi tadqiqot jarayonida muhim to'siq sifatida ko'rildi, chunki u mezonning to'g'ri talqin qilinishiga xalaqit beradi.

Ekspluatatsiya markazi mezonni ko'proq fakultativ xarakterga ega. Masalan, Misr, Tunis, Ispaniya, Italiya va Hindiston, Jazoir [15, 210-b.] qonunchiligida bu asosiy emas, balki qo'shimcha mezon sifatida qo'llanadi. R.T. Yusifovning "xo'jalik faoliyatini olib borish joyi yuridik shaxs millatini aniqlashda muhim" degan xulosasi yetarli asoslanmagan, chunki u ommaviy munosabatlarda ekspluatatsiya markazi mezonining qo'llanilish amaliyotini to'liq tahlil qilmagan.

Mezonning asosiy kamchiliklari – yuridik shaxsning faoliyat joyini o'zgartirish imkoniyati va bir nechta ishlab chiqarish joylari mavjudligi sababli aniqlikning yetishmasligi – uning samaradorligini pasaytiradi. Shu sababli, ekspluatatsiya markazi mezonni faqat inkorporatsiya mezonni bilan birgalikda qo'llanganda samarali bo'lishi mumkin.

Xulosa

Inkorporatsiya va o'troqlik mezonlaridan farqli o'laroq, ekspluatatsiya markazi mezonni faqat yuridik shaxsning shaxsiy qonunini aniqlashda qo'llanadi.

Shuningdek, mazkur mezonning ko'rsatib o'tilgan kamchiliklaridan kelib chiqib, ushbu mezonni faqat fakultativ mezon sifatida qo'llash maqsadga muvofiq. Xususan, O'zbekiston Respublikasi Fuqarolik kodeksining 1175-moddasiga quyidagicha qo'shimcha kiritish ko'rib chiqilgan har bir mezonidan samarali foydalanish va ayni paytda,

ulardagi mavjud kamchiliklarni bartaraf etishga imkon beradi: "Yuridik shaxs qaysi mamlakatda ta'sis etilgan bo'lsa, shu mamlakatning huquqi mazkur yuridik shaxsning shaxsiy qonuni hisoblanadi. Ushbu tartib yuridik shaxsning vakolatxonasi va filialiga ham taalluqlidir. Agar yuridik shaxs amalda boshqa mamlakat hududida asosiy faoliyat olib borayotgan bo'lsa, ushbu mamlakat huquqi, ammo uning asosiy faoliyat joyini aniqlashning imkoni bo'lmasa, boshqaruv organi joylashgan mamlakat huquqi uning shaxsiy qonuni hisoblanadi".

Albatta, yuridik shaxslarga doir kollizion qoidalarda yagona mezon (inkorporatsiya mezonni, ya'ni ta'sis etilgan davlat qonunini shaxsiy qonun sifatida tan olish) belgilanishi – nizolarda yuridik aniqlikni ta'minlaydi. Biroq agar yuridik shaxs boshqa mamlakatda amalda faoliyat yuritayotgan bo'lsa, aynan shu davlatning huquqini shaxsiy qonun sifatida tan olish – ularni "rasmiy ta'sis etish" orqali mas'uliyatdan (shaxsiy qonun bilan tartibga solinadigan masalalardan kelib chiquvchi huquqiy oqibatlardan) qochish holatlarining oldini oladi (*forum shopping*). Shu boisdan taklifda bildirilgan fakultativ mezonlarning qabul qilinishi muhim ahamiyatga ega.

Ekspluatatsiya markazi mezonni bo'yicha yuridik shaxsning asosiy xo'jalik faoliyati joyini aniqlash qiyinligi, mazkur joyning tez o'zgarishi mumkinligi kabi sabablar tufayli hech qaysi milliy yoki xalqaro hujjatda asosiy yoki yagona mezon sifatida qo'llash maqsadga muvofiq emas.

REFERENCES

1. Anufriyeva L.P., Bekyashev A., Dmitriyeva G.K. Mezhdunarodnoye chastnoye pravo [International private law]. Moscow, TC Velby, Prospect Publ., 2022, p. 226.
2. Gorodisskiy L.M. Opredeleniye grazhdanstva yuridicheskikh lits v mezhdunarodnom chastnom prave [Definition of national legal status in international private law]. Moscow, Science Publ., 1984, p. 176.

3. Anufriyeva L.P. Mezhdunarodnoye chastnoye pravo [International private law]. Moscow, 2000, vol. 2, p. 40.
4. Civil Code of Egypt. 1948. Available at: <https://pravo.hse.ru>
5. Code of International Private Law of Tunisia. 1998. p. 151. Available at: <https://pravo.hse.ru>
6. Civil Code of Spain. 1889. Available at: <https://pravo.hse.ru>
7. Law Reform of the Italian system of private international law. 1995, no. 218, p.151. Available at: <https://pravo.hse.ru>
8. Companies Act 1956 India. Available at: <https://www.mca.gov.in>
9. Kaligin G. The international company law of the Federal Republic of Germany. The operation Publ., 1985, p. 1450.
10. Ladyzhenskiy A.M. Teorii grazhdanstva yuridicheskikh lits v mezhdunarodnom chastnom prave [Theories of national legal rights in international private law]. Moscow, Soviet Yearbook of International Law 1964–1965, 1966, pp. 265–266.
11. United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods Available at: Available at: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/mediadocuments/uncitral/en/19-09951_e_ebook.pdf
12. Unidroit Convention on International Financial Leasing Available at: <https://www.unidroit.org/instruments/leasing/convention/>
13. Yusifova R.T. Lichnyy zakon i grazhdanstvo yuridicheskogo litsa: ponyatiye i sootnosheniye v sovremennom mezhdunarodnom chastnom prave [Personal law and nationality of a legal entity: concept and relationship in modern international private law]. Moscow, 2018.
14. Law on the Application of Law for Foreign-related Civil Legal Relationships, art 14. Available at: <https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/cn/cn173en.html>
15. Getman-Pavlova I.V. Mezhdunarodnoye chastnoye pravo [International private law]. Moscow, Eksmo Publ., 2011. p. 640.

Kelib tushgan / Получено / Received: 14.07.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 18.08.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 25.08.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.4./B0TI5522

UDC: 347.4:004(045)(575.1)

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЫРАЖЕНИЯ СОГЛАСИЯ В АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ ЦИФРОВЫХ ДОГОВОРАХ В СЕКТОРЕ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Пулатов Темурбек Гайратжон угли,
преподаватель кафедры «Киберправо»
Ташкентского государственного
юридического университета
ORCID: 0009-0006-0469-1322
e-mail: tiimur.p.001@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу юридических проблем, связанных с интерпретацией выражения согласия в смарт-контрактах – автоматизированных цифровых соглашениях, исполняемых на основе программного кода в блокчейне. Исследование показывает, что смарт-контракты трансформируют традиционный принцип автономии воли, что влечёт ограничение гибкости сторон и существенно усложняет юридическую интерпретацию их согласия. Особое внимание уделено ключевым вызовам, включая отсутствие универсального правового определения смарт-контрактов и сложность установления истинных намерений сторон в условиях полной автоматизации. В работе проведён сравнительный анализ регуляторных подходов в зарубежных правовых системах, таких как Россия, США, Великобритания и Беларусь, а также выявлены специфические правовые неопределённости в Узбекистане. Оценено влияние различных факторов – от гибридных моделей и стандартов кодирования до необходимости экспертизы программного обеспечения – на повышение юридической определённости и снижение рисков. В статье предложены практические механизмы адаптации институтов гражданского права к условиям цифровых контрактов, включая законодательное признание смарт-контрактов и обязательность текстового сопровождения их условий. Обосновывается необходимость достижения баланса между технологической автоматизацией процессов заключения и исполнения смарт-контрактов и защитой фундаментальных принципов автономии воли сторон. Такой подход позволит эффективно интегрировать смарт-контракты в правовую практику и деловой оборот Узбекистана.

Ключевые слова: электронные сделки, цифровизация частного права, автоматизация договоров, правовая интерпретация кода, технологии распределённого реестра, юридическая ответственность в коде

MOLIYAVIY TEXNOLOGIYALAR SEKTORIDAGI AVTOMATLASHTIRILGAN RAQAMLI SHARTNOMALARDA ROZILIK IFODASINI HUQUQIY TALQIN ETISH MUAMMOLARI

Po'latov Temurbek G'ayratjon o'g'li,
Toshkent davlat yuridik universiteti,
Kiberhuquq kafedrası o'qituvchisi

Annotatsiya. Mazkur maqola blokcheynda dasturiy kod asosida bajariladigan avtomatlashtirilgan raqamli bitimlar – smart-kontraktlarda rozilik ifodasini talqin qilish bilan bog'liq huquqiy muammolarni tahlil qilishga bag'ishlangan. Tadqiqot shuni ko'rsatadiki, smart-kontraktlar an'anaviy avtonomiya tamoyilini o'zgartiradi, bu esa tomonlarning moslashuvchanligini cheklaydi va ularning roziligini huquqiy talqin qilishni sezilarli darajada murakkablashtiradi. Asosiy muammolar sifatida smart-kontraktlarning universal huquqiy ta'rifining mavjud emasligi va avtomatlashtirish sharoitida niyatni isbotlashdagi murakkabliklarga alohida e'tibor qaratildi. Maqolada xorijiy huquq tizimlaridagi, masalan, Rossiya, AQSh, Buyuk Britaniya va Belarus kabi davlatlardagi tartibga solish yondashuvlari tahlil qilingan, shuningdek, O'zbekistondagi huquqiy noaniqliklar aniqlangan. Turli omillarning – gibril modellar, kodlash standartlari va dasturiy ta'minot ekspertizasining huquqiy aniqlikni oshirishga ta'siri baholandi. Raqamli shartnomalarga moslashtirilgan fuqarolik huquqi institutlarini raqamli shartnomalarga moslashtirishning amaliy mexanizmlari, jumladan, smart-kontraktlarni qonuniy tan olish va ularning shartlarini matnda kuzatib borish majburiyati taklif etilgan. Smart-kontraktlarni tuzish va ijro etishda texnologik avtomatlashtirish hamda tomonlar irodasini avtonomiyasining fundamental tamoyillarini himoya qilish o'rtasida muvozanatga erishish zarurligi asoslab berilgan. Bunday yondashuv O'zbekistonda smart-kontraktlarni mamlakatning ish yuritish va huquqiy amaliyotiga to'liq joriy etish imkonini beradi.

Kalit so'zlar: elektron shartnomalar, xususiy huquqni raqamlashtirish, shartnomalarni avtomatlashtirish, kodni huquqiy talqin qilish, taqsimlangan reyestr texnologiyalari, koddagi huquqiy javobgarlik

PROBLEMS OF LEGAL INTERPRETATION OF AGREEMENT IN AUTOMATED DIGITAL CONTRACTS IN THE FINANCIAL TECHNOLOGIES SECTOR

Pulatov Temurbek Gayratjon ugli,
Lecturer at the Department of Cyber Law,
Tashkent State University of Law

Abstract. The article is devoted to the analysis of legal problems related to the interpretation of consent in smart contracts—automated digital agreements executed on the basis of software code in a blockchain. The study shows that smart contracts transform the traditional principle of will autonomy, leading to limitations in the flexibility of the parties and significantly complicating the legal interpretation of their consent. Special attention was paid to key challenges, including the lack of a universal legal definition of smart contracts and the difficulty of establishing the parties' true intentions under conditions of complete automation. The work comparatively analyzes regulatory approaches in foreign legal systems such as Russia, the USA, Great Britain, and Belarus, and identifies specific legal ambiguities in Uzbekistan. The impact of various factors—from hybrid models and coding standards to the need for software expertise—on enhancing legal certainty and reducing risks was assessed. The article proposes practical mechanisms for adapting civil law institutions to the terms of digital contracts, including the legal recognition of smart contracts and the mandatory text accompaniment of their terms. The need to achieve a balance between the technological automation of the processes of concluding and executing smart contracts and the protection of fundamental principles of the parties' will autonomy is substantiated. This approach will effectively integrate smart contracts into Uzbekistan's legal practice and business turnover.

Keywords: electronic contracts, digitalization of private law, contract automation, legal interpretation of code, distributed ledger technologies, legal liability in code

Введение

В условиях стремительной цифровизации экономики Узбекистана вопрос юридической интерпретации согласия при заключении автоматизированных цифровых договоров (смарт-контрактов) приобретает не только теоретическое, но и выраженное экономическое значение. Массовое распространение безналичных платёжных сервисов и P2P-переводов формирует новый «инфраструктурный слой» для транзакций, где цена ошибок в интерпретации воли сторон напрямую выражается в финансовых издержках, рисках судебных споров и регуляторной неопределённости. Так, объём переводов «карта-к-карте» в национальных системах UzCard и Humo в 2023 году достиг 224,3 трлн сумов (+56 % за год), что свидетельствует о взрывном росте цифровых расчётов и формирует потенциальную базу для внедрения автоматизированных соглашений в B2C- и C2C-сегментах. Параллельно расширение предпринимательской базы (617 374 субъектов малого бизнеса по состоянию на 1 февраля 2024 г.) и охват е-услугами (около 10,3 млн пользователей к 2024 г.) усиливают спрос на юридически корректные цифровые формы волеизъявления и доказательства согласия, пригодные для судебной верификации.

Эти тренды, будучи драйверами экономического роста и занятости, превращают проблему интерпретации смарт-контрактов в вопрос не только юридической техники, но и экономической политики, напрямую влияющей на уровень правовой определённости бизнеса в Узбекистане. Смарт-контракты обещают революцию в договорных отношениях, делая их более быстрыми, прозрачными и экономичными. Однако за технологической автоматизацией скрываются серьёзные юридические вызовы, главным из которых является интерпретация истинной воли сторон.

В традиционном праве воля сторон – основа договора, но в смарт-контрактах она трансформируется в строки программного кода, которые не всегда отражают реальные намерения. В условиях, когда правовая база Узбекистана в этой сфере только формируется, такие вопросы приобретают особую значимость.

Цель данной статьи – выявить ключевые проблемы интерпретации согласия в смарт-контрактах, определить, как автоматизация изменяет принцип автономии воли, проанализировать специфику волеизъявления в цифровую эпоху, изучить трудности доказывания согласия и оценить возможные подходы к их разрешению. Особое внимание уделено анализу зарубежного опыта (Россия, США, Великобритания, Беларусь) и формированию рекомендаций для Узбекистана. В качестве решения предлагается создание гибридной модели регулирования, предусматривающей обязательное текстовое сопровождение условий смарт-контрактов и разработку специальных процессуальных стандартов доказывания согласия.

Для исследования применены два основных методологических подхода: сравнительно-правовой и формально-юридический. Первый позволил сопоставить, каким образом различные юрисдикции – Россия, США, Великобритания, Беларусь – решают проблемы правового регулирования смарт-контрактов, выявив различия в подходах к определению их правовой природы и доказательственной силы. Второй подход обеспечил анализ смарт-контрактов сквозь призму гражданско-правовых категорий, включая вопросы согласия, воли и допустимости ошибок при заключении договора.

Особое значение имеют судебные кейсы, демонстрирующие, что автоматизация не устраняет традиционных проблем интерпретации воли и ошибки. Так, в деле *Quoine v B2C2* (Singapore Court of Appeal,

2020) суд, рассматривая алгоритмические торговые операции, анализировал основания недействительности сделки по ошибке и наличие «конструктивного знания» у участника. В результате был сделан вывод о необходимости сохранения классических договорных доктрин с их адаптацией к цифровому контексту, что подтверждает ограниченность «чисто технологического» подхода.

Структура обзора литературы в работе выстроена по трём взаимосвязанным блокам: 1) теоретические основы – рассмотрены исследования А. Савельева и Ф. Райана, трактующих смарт-контракты как форму «кода-права» и анализирующих риски «жёсткости исполнения», необходимость офлайн-условий и пределы автоматизации, особое внимание уделено работам Г. Рюль о трансграничной привязке и юрисдикции, а также отчёту Law Commission как ориентиру для интерпретации цифровых контрактов; 2) сравнительное право и нормы – проанализированы поправки в Гражданский кодекс РФ о цифровых правах, Декрет № 8 Республики Беларусь, консультационные позиции в Англии и Уэльсе, а также позиционные документы международных профессиональных ассоциаций, формирующих стандарты правоприменения; 3) национальный контекст – рассмотрены публикации авторов Н. Абдурахмановой, А. Кучарова и др., анализирующих смарт-контракты в привязке к национальной платёжной экосистеме, правовому режиму NAPP и особенностям регулирования цифровых активов.

Такой «матричный» обзор позволяет соотнести доктрину, позитивное право и фактическую экономику Узбекистана.

Основная часть

Автономия воли традиционно считается краеугольным камнем договорного права: стороны самостоятельно определяют содержание соглашения и никто не вправе навязать им условия против их

желания. Однако смарт-контракты радикально меняют эту парадигму. Как подчёркивают Одинцов и Наклескина, «автономия воли – это главный институт, который должен приниматься во внимание при исследовании правовой природы смарт-контрактов» [1].

Особенность смарт-контрактов заключается в том, что воля сторон фиксируется однократно (на этапе заключения) и далее исполняется автоматически, без возможности её изменить. Ахмедов отмечает: «Воля сторон смарт-контракта выражается единожды: в момент его заключения» [2]. Таким образом, нажатие кнопки «я согласен» превращает согласованные условия в неизменяемый алгоритм, который управляет дальнейшим исполнением договора. Эта трансформация меняет само понимание доверия в договорных отношениях. В классическом праве доверие направлено на контрагента: предполагается, что стороны будут добросовестно исполнять обязательства. В смарт-контрактах же, как справедливо отмечает Савельев, «доверие ставится на компьютерный алгоритм» [3]. Иными словами, объект доверия смещается от человека к технологии.

Такой сдвиг создаёт правовой парадокс: смарт-контракты предоставляют сторонам свободу заключать договоры в новой цифровой форме, но одновременно ограничивают их гибкость в будущем. Как указывают Гринь и соавторы, «смарт-контракт не требует вмешательства сторон или третьих лиц в процесс его исполнения» [4]. Это делает технологию чрезвычайно удобной для автоматизации, но может превратиться в правовую ловушку, если обстоятельства изменятся или одна из сторон передумает.

Смарт-контракт – это не просто договор, а программа, функционирующая в распределённой системе блокчейна. Ахмедов даёт чёткое определение: это «договор в электронной форме, испол-

нение прав и обязательств по которому осуществляется путём совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций» [5]. Пирогов называет его «компьютеризированным протоколом транзакций, который выполняет условия контракта» [6].

Однако ключевая проблема заключается в том, что юридический статус смарт-контрактов до сих пор остаётся неустойчивым. Как отмечают Лауслахти и соавторы, «полностью установленное определение смарт-контрактов ещё не сформировано и их официальный юридический статус не вполне ясен» [7]. В Узбекистане, например, отсутствует специальный закон, который бы закреплял понятие смарт-контракта и порядок его применения. Это создаёт правовую неопределённость: 1) является ли программный код полноценным договором? 2) можно ли оспорить такой контракт в суде? 3) как доказать, что стороны понимали условия, на которые соглашались?

Без нормативного закрепления смарт-контракты фактически остаются в «серой зоне», что ограничивает их использование в значимых коммерческих сделках и повышает правовые риски.

В рамках гражданского права волеизъявление предполагает, что стороны ясно выражают намерение заключить договор, а также понимают его содержание. Как подчёркивают Одинцов и Наклекина, необходимо «взаимное согласие сторон (*consensus ad idem*), подразумевающее общее понимание содержания договора» [1]. В смарт-контрактах это согласие фиксируется в строках кода. Абдурахманова пишет: «условия соглашения между сторонами прямо прописаны в строках кода» [8].

Но возникает принципиальный вопрос: как убедиться, что стороны действительно понимали этот код? Рюль справедливо указывает: «Смарт-контракт, как

кусочек кода, не имеет средств, чтобы знать, была ли создана действительная правовая обязанность» [9].

На практике согласие часто выражается через простые действия, например нажатием кнопки «согласен» [1]. Однако подобное волеизъявление не всегда означает реальное понимание условий договора, особенно если они зафиксированы на языке программирования, а не на понятном юридическом языке.

Воля сторон в смарт-контрактах отражает то, чего они хотели достичь при создании договора. Однако перевести человеческие намерения в язык программного кода – задача крайне сложная. Как отмечает Пирогов, «программный код не может воспринять абстрактные правовые категории» [6]. Каррон и Боттерон дополняют: «Перевод договорного естественного языка в компьютерный код – непростая задача, особенно когда он содержит неопределённые понятия, такие как добросовестность или разумный срок» [10].

Проблема усугубляется тем, что код смарт-контрактов часто пишут программисты, не обладающие юридическими знаниями. Бирюкова и Белоусов справедливо замечают: «...они не всегда владеют юридической техникой, чтобы верно отразить волю сторон» [11]. В результате возможны ситуации, когда код формулирует одно, а фактические намерения сторон были иными. Некоторые авторы предлагают радикально иной взгляд на эту проблему. Так, Савельев утверждает: «не может быть коллизии между намерением и его выражением, важен только код» [3]. Эта позиция предполагает, что если смарт-контракт корректно исполняется, то суды могут игнорировать субъективные ошибки сторон или случаи введения в заблуждение. Однако подобный формализм создаёт существенные правовые риски, поскольку юридическая реальность сводится к технической интерпре-

тации кода.

Кроме того, доказывание факта согласия на смарт-контракт становится особенно сложной задачей. Во-первых, анонимность сторон препятствует их идентификации. Ахмедов подчёркивает: «Идентификация сторон смарт-контракта является серьёзной проблемой» [5]. Во-вторых, сложность кода делает его практически недоступным для понимания судами. Бирюкова и Белоусов отмечают: «Судья с юридическим образованием, ничего не понимающий в программировании, вряд ли сможет принять код в качестве доказательства» [11].

Смарт-контракты практически не оставляют пространства для гибкости. Как отмечают Каррон и Боттерон, «если смарт-контракт содержит пробел, неизменность блокчейна препятствует его заполнению» [10]. Это создаёт серьёзные проблемы: если одна из сторон захочет оспорить контракт, ей необходимо доказать, что согласия на заключение не было, но сделать это сложно, когда все условия зафиксированы в неизменяемом коде. Абдурахманова подчёркивает: «Смарт-контракты существуют только в электронной форме, невозможно использовать другие формы» [8]. Такая специфика отсекает традиционные способы доказывания, включая письменные документы и свидетельские показания.

В Узбекистане судебная практика по смарт-контрактам ещё не сформирована, но зарубежный опыт уже предоставляет показательные примеры. В России суды затрагивали вопросы электронной формы договоров, однако воля сторон в смарт-контрактах пока не становилась предметом судебного анализа [4]. В США некоторые штаты, например Аризона, законодательно признали смарт-контракты юридически действительными [12]. Лауслахти и соавторы описывают случай в Финляндии, где автоматизи-

рованные договоры сравнивались со смарт-контрактами, но для их анализа потребовалась техническая экспертиза [13]. Все эти примеры указывают на общий тренд – суды пока не готовы к работе с кодом. Как справедливо задаётся вопросом Пирогов: «Сможет ли судья понять и интерпретировать волю сторон, выраженную в коде?» [6]. Без разработки новых подходов и подготовки судей смарт-контракты рискуют оставаться юридической загадкой.

Для решения этих проблем можно выделить несколько возможных путей:

1. Гибридная модель – сочетание смарт-контракта с традиционным письменным договором. Бирюкова и Белоусов отмечают: «Вместе со смарт-контрактом будет составлен обычный договор в письменной форме, понятный судье» [11]. Такой подход обеспечивает человеческое понимание условий и снижает риски.

2. Привлечение экспертов. Вашкевич предлагает: «Для разъяснения содержания кода можно привлечь эксперта» [14]. Это особенно важно в ситуациях, когда судьи не владеют навыками программирования и требуется техническое толкование кода.

3. Признание смарт-контрактов юридически значимыми. Вашкевич также считает, что их следует закрепить как письменную форму сделки [14]. Это обеспечит формальное равенство смарт-контрактов с традиционными договорами и создаст базу для их судебной защиты.

4. Создание стандартов для кода. Карпычев и Карпова подчёркивают: «Оболочки типовых смарт-контрактов упрощают формализацию воли» [15]. Использование унифицированных шаблонов может снизить вероятность ошибок при переводе воли сторон в код.

5. Договор с программистом. Ахмедов предлагает заключать отдельный договор с разработчиком, чтобы закрепить его

ответственность за точность кода [5]. Это создаёт дополнительный уровень защиты сторон и облегчает разрешение споров.

В Узбекистане смарт-контракты пока не имеют чётко определённого правового статуса, и без нормативного регулирования их потенциал останется ограниченным. Как подчёркивают Кучаров и соавторы, «необходима правовая база, придающая смарт-контрактам статус» [16]. Абдурахманова предлагает признать смарт-контракты электронной формой сделки при обязательном текстуальном описании условий [17], что позволило бы судам эффективнее разбирать споры и устанавливать истинное волеизъявление сторон.

Мировой опыт демонстрирует разные подходы к правовой интеграции смарт-контрактов. В Беларуси они определены как программный код, предназначенный для автоматизированного исполнения сделок [18]. В США отдельные штаты, включая Аризону, уже признают смарт-контракты действительными договорами [12]. Луценко указывает на необходимость закрепления норм, гарантирующих, что «согласие позволяет однозначно установить, что оно исходит от участника» [18]. Для Узбекистана оптимальным видится комбинированный подход, который бы сочетал лучшие практики, добавляя процедуры оспаривания контрактов и механизмы защиты прав сторон.

Смарт-контракты, несомненно, являются шагом вперёд: они делают сделки прозрачными, быстрыми и безопасными. Как отмечает Отабоев, «смарт-контракты могут обеспечить прозрачность и безопасность процесса заключения контрактов» [19]. Однако их жёсткость порождает значимые правовые вызовы. Райан указывает: «Код может быть сложен для понимания, что затрудняет осознание его поведения» [20]. Это особенно критично для гражданского права, где суды ориентиру-

ются на поиск истинного намерения сторон, игнорируя неточные или неполные формулировки [10].

Основная проблема заключается в том, что код не понимает правовых категорий. Он не знает, что такое форс-мажор, существенная ошибка или злоупотребление правом. Кучаров и соавторы подчёркивают: «В случае форс-мажоров смарт-контракт не может быть гибко изменён» [16]. Ситуацию осложняет анонимность сторон – «идентификация участников смарт-контракта является серьёзной проблемой» [2]. В условиях отсутствия процессуальных механизмов суды оказываются не готовы к рассмотрению подобных дел, что повышает риск непредсказуемых решений.

Гибридные модели могут стать наиболее эффективным компромиссом. Смарт-контракты можно сочетать с понятным текстовым соглашением, сохраняя преимущества технологий и обеспечивая ясность для судов. Рюль предлагает использовать «рикардианские контракты», которые объединяют юридический язык и машинно-исполняемый код [9]. Такой подход позволяет сохранить дух закона, не теряя преимуществ автоматизации. Для полноценной реализации этой модели необходимо: разработать законодательные нормы, определяющие статус смарт-контрактов; подготовить юристов и судей к работе с автоматизированными соглашениями; ввести стандарты для программистов с целью единообразной формализации условий в коде; создать процессуальные правила оспаривания и подтверждения согласия.

Как показывают сопоставления доктрины и правоприменительной практики, жёсткость кода и его техническая непрозрачность для неспециалистов вступают в противоречие с базовым принципом автономии воли. В условиях, когда исполнение договора запускается автоматически, а условия «зашиваются» в программный

код, суду крайне сложно реконструировать *consensus ad idem* – общее понимание сторонами содержания договора. В то же время слабая сторона оказывается в уязвимом положении: ей трудно доказать, на что именно было дано согласие и насколько осознанным оно было. Для рыночной практики Узбекистана это не абстрактный, а экономически значимый вызов: цена ошибки может быть высокой, начиная от блокировки активов и заканчивая каскадом судебных споров и репутационными потерями. В таких условиях оптимальной представляется архитектура не «код вместо договора», а юридико-технический гибрид «текст + код», где код выполняет функцию исполнительного механизма, а текст остаётся носителем воли сторон и «языком суда».

Почему текстовое сопровождение рядом с кодом должно быть обязательным:

1. Доказуемость согласия. Текст позволяет человеческим языком зафиксировать предмет договора, цену, риски, триггеры исполнения и роль оракулов. Это повышает шансы на установление действительной воли сторон и снижает процессуальные риски при судебных спорах.

2. Иерархия при коллизии. Введение оговорки приоритета («в случае расхождения текст преобладает над кодом») сохраняет автономию воли сторон и предоставляет суду предсказуемый ориентир в случаях технических ошибок или дефектов алгоритма.

3. Гибкость при изменениях. Текстовое соглашение позволяет предусмотреть офлайн-механизмы корректировки условий (*amendment/novation*), механизм «паузы» исполнения и порядок действий при форс-мажоре. Эти сценарии невозможно реализовать исключительно средствами неизменяемого кода в блокчейне.

Заключение

Как мы видим, смарт-контракты трансформируют традиционное договорное

право, вводя новую парадигму автоматического исполнения обязательств через программный код. Они обеспечивают прозрачность, скорость и независимость исполнения за счёт устранения необходимости участия третьих лиц. Однако такая технологическая эффективность сопряжена с рядом фундаментальных юридических вызовов, ключевым из которых является трудность интерпретации воли сторон.

Переложение субъективного намерения в цифровой код часто приводит к ситуациям, когда истинное волеизъявление теряется, а возможности для корректировки, пересмотра или расторжения таких контрактов оказываются серьёзно ограниченными либо вовсе отсутствуют.

Особенно остро проблема воли сторон проявляется в юрисдикциях, где отсутствует чёткое нормативное определение смарт-контрактов. В условиях неопределённости такие соглашения фактически оказываются в «серой зоне» правового регулирования, что снижает уровень доверия к ним со стороны бизнеса и потребителей. Отсутствие законодательного признания, процедур оспаривания, унифицированных механизмов и требований к форме договора делает невозможным полноценное внедрение этой технологии в практику.

Для преодоления указанных проблем и формирования нормативной базы, соответствующей международным тенденциям и национальным интересам, предлагается следующее:

1. Введение легального определения смарт-контракта. Следует закрепить в Гражданском кодексе или в Законе Республики Узбекистан «Об электронном документообороте» определение смарт-контракта как «*формы соглашения в виде программного кода, размещённого в распределённом реестре (блокчейне), автоматизированное исполнение которо-*

го осуществляется без участия или с минимальным участием человека». Это позволит создать правовую основу для последующего регулирования и признания смарт-контрактов юридически значимыми действиями.

2. Обязательное текстовое сопровождение условий. Особенно для сделок с участием потребителей целесообразно законодательно закрепить следующую норму: «Стороны смарт-контракта вправе, а в случае потребительских сделок – обязаны сопровождать смарт-контракт текстовым описанием его условий в доступной форме». Такая мера повысит прозрачность цифровых сделок, обеспечит правовую защиту участников с недостаточным техническим или юридическим знанием и станет инструментом превентивной правовой безопасности.

3. Введение процессуальных механизмов. Необходимо рассмотреть возможность: допуска технической экспертизы кода в рамках гражданского и хозяйственного процесса; введения презумпции со-

гласия при активации смарт-контракта; стандартизации типовых шаблонов смарт-контрактов с целью унификации кода и снижения рисков ошибок.

4. Создание правовых «песочниц». Для тестирования новых решений можно запустить «регуляторные песочницы», предполагающие обязательную дуальную форму («текст + код») и проведение аудита смарт-контрактов. Это позволит контролируемо внедрять инновации, снижая риски для участников.

Таким образом, развитие правовой инфраструктуры смарт-контрактов в Узбекистане должно основываться не на запрете, а на разумном и гибком регулировании, опирающемся как на международный опыт, так и на национальные правовые традиции. Только при условии законодательной определённости и функциональной совместимости технологий с принципами частного права возможно их полноценное внедрение в деловой оборот и правоприменительную практику страны.

REFERENCES

1. Odintsov S.V., Nakleskina Ye.A. Smart-kontrakty v predprinimatel'skoy deyatel'nosti: sravnitel'no-pravovoy analiz pravovogo regulirovaniya [Smart contracts in business activities: comparative legal analysis of legal regulation]. *Property Relations in the Russian Federation*, 2022, vol. (10), pp. 53–63.
2. Akhmedov A.Ya. Pravovaya priroda smart-kontrakta [Legal nature of smart contract]. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2019, vol. (6), pp. 104–110.
3. Savelyev A. Contract law 2.0: “Smart” contracts as the beginning of the end of classic contract law (Working Paper No. WP BRP 71/LAW/2016). National Research University Higher School of Economics. 2016.
4. Grin' O.S., Grinevich Ye.S., Solov'yov A.V. Pravovaya konstruktsiya smart-kontraktov: yuridicheskaya priroda i sfera primeneniya [Legal structure of smart contracts: legal nature and scope of application]. *Bulletin of the University named after O.E. Kutafin*, 2019, pp. 51–61.
5. Akhmedov A.YA. K voprosu o priznakakh smart-kontrakta [On the issue of smart contract characteristics]. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2019, vol. 5, pp. 146–153.
6. Pirogov N.V. Legal tech: smart-kontrakty skvoz' prizmu sovremennogo chastnogo prava [Legal tech: smart contracts through the prism of modern private law]. *Legal research*, 2018, vol. 7, pp. 56–63.

7. Lauslahti K., Mattila J., Seppälä T. Smart contracts – How will blockchain technology affect contractual practices? (ETLA Report No. 68). The Research Institute of the Finnish Economy. 2017.
8. Abdurakhmanova N. Issues of regulation and implementation of smart contracts in national legislation. *Society and Innovations*, Special Issue 2022, vol. 11, pp. 170–178.
9. Rühl G. Smart (legal) contracts, or: Which (contract) law for smart contracts? In B. Cappiello & G. Carullo (Eds.), *Blockchain, law and governance*. Springer. 2020.
10. Carron B., Botteron V. How smart can a contract be? University of Neuchâtel, 2019.
11. Biryukova M.I., Belousov A.P. Pravovyye riski ispol'zovaniya smart-kontraktov v bankovskoy deyatelnosti [Legal risks of using smart contracts in banking]. *Vector of the Economy*, 2019, vol. 9, pp. 42–47.
12. Lukin N.V. Pravovyye aspekty zaklyucheniya, izmeneniya i prekrashcheniya smart-kontraktov [Legal aspects of concluding, amending and terminating smart contracts]. *Forensic Research*, 2018, vol. 11, pp. 365–370.
13. Lauslahti O. Smart contracts: Legal implications and challenges. *Journal of Digital Law*, 2019, vol. 3(2), pp. 45–60.
14. Vashkevich A. M. Smart-kontrakty: chto, zachem i kak [Smart Contracts: What, Why and How]. Simplover Publ., 2018.
15. Karpychev V.Yu., Karpycheva M.V. Smart-kontrakt: perspektivy robotizatsii dogovornogo prava [Smart contract: prospects for robotization of contract law]. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, vol. (2), pp. 104–109.
16. Kucharov A.S., Bobojonova L.B., Abdurakhimov A.A. Smart-kontrakt kak instrument razvitiya vneshnetorgovykh operatsiy Respubliki Uzbekistan [Smart contract as a tool for developing foreign trade operations of the Republic of Uzbekistan]. *Electronic Scientific Publication "e-ITT"*, 2022, vol. 1(2025), pp. 17–22.
17. Abdurakhmanova N.A. Problemy regulirovaniya i vnedreniya smart-kontraktov v natsional'nom zakonodatel'stve [Problems of regulation and implementation of smart contracts in national legislation]. *Society and Innovation*, 2022, vol. 11, pp. 170–178.
18. Lutsenko S.I. Rol' smart-kontraktov v sovremennykh tsifrovyykh realiyakh [The Role of Smart Contracts in Modern Digital Realities]. *Digital Economy*, 2022, vol. 2(14), pp. 37–42.
19. Otaboev N.O. Smart kontrakty v elektronnom pravitel'stve [Smart contracts in e-government]. *Economy and Society*, 2023, vol. 6, pp. 937–942.
20. Ryan P. Smart contract relations in e-commerce: Legal implications of exchanges conducted on the blockchain. *Technology Innovation Management Review*, 2017, vol. 7(10), pp. 10–17.

Kelib tushgan / Получено / Received: 11.07.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 15.08.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 25.08.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.4./WUJF4994

UDC: 349.6(045)(575.1)

O'SIMLIK DUNYOSINI MUHOFAZA QILISH VA UNDAN FOYDALANISHDA EKOLOGIK ME'YORLASHNING HUQUQIY JIHATLARI

Rajabov Nariman Sharifbayevich,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Ekologiya huquqi kafedrası
professori, yuridik fanlar doktori
ORCID: 0000-0002-5166-964X
e-mail: n.sh.rajabov.78@gmail.com

Annotatsiya. O'simlik dunyosi obyektlari inson uchun muhim bir tabiiy resurs sifatida qaydalanib, ularning muhim tomonlaridan biri, atrof-muhitni muhofaza qilishdir. Shu bilan birga, ular havoni changdan tozalab, kislorod bilan boyitadi. O'simlik dunyosidan oqilona foydalanish va muhofaza qilishda o'rmon o'simliklari alohida o'rin egallaydi. Ushbu maqolada o'simlik dunyosini muhofaza qilish hamda ulardan oqilona foydalanishni ta'minlashda muhim ekologik talablardan biri bo'lgan ekologik normativlarning ahamiyati, bunday ekologik tartibga solish tizimining huquqiy jihatlari, uning o'rni va ahamiyati yoritilib, ushbu soha qonunchiligini rivojlantirish, huquqni qo'llash amaliyotida vakolatli organlar tomonidan ekologik me'yorlar va normativlarni o'rnatilishining o'ziga xos xususiyatlari, ushbu tizimning hozirgi holati hamda rivojlanish istiqbollari o'ld huquqiy masalalar ilmiy-nazariy jihatdan tahlil qilinadi. Shuningdek, bu borada mualliflik taklifi hamda tavsiyalari ham ilgari surilgan. Ushbu muhim masala yuzasidan xorijiy mamlakatlar tajribasi o'rganilib, mamlakatimiz ekologik qonunchiligi tizimida ekologik me'yorlashni rivojlantirish yuzasidan taklif hamda tavsiyalar ishlab chiqilgan. O'zbekiston Respublikasi mustaqilligining ilk kunlaridanoq atrof tabiiy muhitni muhofaza qilish, tabiiy resurslardan oqilona foydalanish, shu bilan birga, fuqarolarda ekologik madaniyatni yanada yuksaltirish masalalariga katta e'tibor berilayotganligi diqqatga sazovor. Mustahkam qonunchilik bazasi mazkur sohaning samarali rivojlanishiga xizmat qilishi shubhasiz. Shu asnda bugun mavjud normalarning takomillashtirilishini, xususan, boshqa huquqiy hujjatlarning amaldagi holatini o'rganib, ularning samaradorligini oshirishni davr taqozo etmoqda.

Kalit so'zlar: o'simlik dunyosi, hayvonot dunyosi, biologik resurs, biologik xilma-xillik, ekologik me'yor, yaylov, milliy tabiat bog'i, ekologik ekspertiza, ekologik me'yorlash, ekologik qonunchilik, kvota, chegara, limit.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НОРМИРОВАНИЯ В ОХРАНЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА

Ражабов Нариман Шарифбаевич,
доктор юридических наук,
профессор кафедры «Экологическое право»
Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. Объекты растительного мира представляют собой важный природный ресурс для человека, выполняющий значимые экологические, экономические и социальные функции. Одним из ключевых аспектов их ценности является охрана окружающей среды, поскольку растительный покров способствует очистке воздуха от пыли, обогащению его кислородом и поддержанию экологического равновесия. Особое значение в рациональном использовании и охране растительного мира занимают лесные экосистемы. В статье анализируется значение экологических нормативов как важнейшего инструмента обеспечения охраны растительного мира и рационального природопользования. Рассматриваются правовые основы экологического нормирования, его место и роль в системе экологического права, а также особенности установления экологических норм и стандартов уполномоченными органами. Подробно исследуется текущее состояние системы экологического нормирования, её развитие в контексте национального законодательства, правоприменительной практики и перспективные направления совершенствования. В работе также приведён анализ зарубежного опыта в сфере правового регулирования экологического нормирования. На основе сравнительного исследования автор формулирует предложения и рекомендации по дальнейшему развитию национальной системы экологического законодательства и совершенствованию механизмов правового регулирования в области охраны растительного мира и устойчивого использования биологических ресурсов. С первых дней независимости Республики Узбекистан особое внимание уделяется вопросам охраны окружающей природной среды, рационального использования природных ресурсов, а также повышению уровня экологической культуры граждан. Несомненно, прочная законодательная база служит эффективному развитию данной сферы. В этой связи совершенствование действующих норм становится требованием времени.

Ключевые слова: растительный мир, животный мир, биологический ресурс, биологическое разнообразие, экологический норматив, пастбище, национальный природный парк, экологическая экспертиза, экологическое нормирование, экологическое законодательство, квота, предел, лимит

LEGAL ASPECTS OF ENVIRONMENTAL REGULATION IN THE PROTECTION AND USE OF FLORA

Rajabov Nariman Sharifbayevich,

Professor of the Department of Environmental Law,
Tashkent State University of Law,
Doctor of Science in Law

Abstract. Objects of the plant world are an important natural resource for humans, one of the important aspects of which is the protection of the environment. At the same time, they purify the air from dust and enrich it with oxygen. Forest plants occupy a special place in the rational use and protection of the plant world. This article highlights the importance of environmental standards, which are one of the important environmental requirements in ensuring the protection and rational use of the plant world; the legal aspects of such a system of environmental regulation; its place and significance; and an analysis from a scientific and theoretical point of view of legal issues related to the development of legislation in this area, the specifics of the establishment of environmental norms and standards by authorized bodies in law enforcement practice, and the current state and prospects for the development of this system. The author's proposals and recommendations were also put forward in this regard. The experience of foreign countries on this important issue was studied, and proposals and recommendations for the development of environmental regulation in the system of environmental legislation of our country were developed. It is noteworthy that since the first days of independence in the Republic of Uzbekistan, great attention has been paid to environmental protection, the rational use of natural resources, as well as the further improvement of the ecological culture of citizens. Undoubtedly, a solid

legislative framework will contribute to the effective development of this sphere. In this regard, the present time requires the improvement of existing norms.

Keywords: *flora, fauna, biological resource, biodiversity, ecological standard, pasture, national natural park, ecological expertise, ecological regulation, ecological legislation, quota, border, limit*

Kirish

Ta'kidlash joizki, o'simlik dunyosi obyektlari yoxud flora noyob biosferamizning o'ziga xos bir qismi sifatida namoyon bo'lib, uning hayotiy faoliyati suv obyektlarining musaffoligini, atmosfera havosining qulay va tozaligini ta'minlovchi bir unsur hisoblanib, hattoki iqtisodiy jihatdan samarali resurs sifatida namoyon bo'ladi hamda ularning turlari yo'q bo'lib ketishi esa barcha ekologik tizimlarning yaxlitligi, barqarorligi va mahsuldorligini butunlay izdan chiqishiga olib keladi. O'z navbatida, atmosfera havosi hamda suv obyektlari sifatining yomonlashuvi ham o'simlik dunyosi obyektlarining soniga salbiy ta'sir etishi mumkin. Masalan, suvning ifloslanishi suv o'tlari, baliqlar va boshqa suv organizmlarining kamayishiga olib keladi. Bu, albatta, suv havzalarining ekotizimiga salbiy ta'sir ko'rsatadi. Suvning ifloslanishi, odatda, sanoat chiqindilari, qishloq xo'jaligi oqimlari va maishiy chiqindilar natijasida yuzaga keladi. Ushbu ifloslantiruvchi moddalar suvga tushib, suvning tarkibini o'zgartiradi va bu esa suv organizmlarining yashashi uchun noqulay sharoit yaratadi. Shu asnoda, florani huquqiy muhofaza qilish masalalarini ko'rib chiqishni atrof-muhitni muhofaza qilishning asosiy maqsadlarini belgilashdan boshlash maqsadga muvofiqdir. Zotan, o'tgan asrning 1980-yilida O.S.Kolbasov o'ta muhim bir masalani qayd etgan edi. Bugungi kunda mazkur qarashlar o'zining ahamiyatini hech yo'qotmagan. Chunonchi, "odamlarning atrof tabiiy muhit elementlariga nisbatan ekologik jihatdan xulq-atvorini to'g'ri ta'minlash muhim bo'lib, insonning tabiiy obyektlarga muqarrar ta'siri tabiatning obyektiv qonunlaridan kelib chiqqan holda, jamiyatning keyingi rivojlanish talablari

bilan cheklanadigan vaziyatga erishish uchun harakat qilish muhimdir" [1, 10-b.]. Qolaversa, mutaxassislarining e'tiroficha, atrof-muhitni ifloslanishining oldini olish choralari ekologik jihatdan asoslanmagan qarorlar natijasida yuzaga keladigan turli xil oqibatlarini bartaraf etishdan to'rt-besh marotaba arzon hisoblanadi [2, 2–11-b.].

Darhaqiqat, jahonda o'simlik dunyosini muhofaza qilish hamda ulardan oqilona foydalanishga oid huquqiy masalalar muhim ahamiyatga egadir. Chunki hozirgi vaqtga kelib o'simlik dunyosining barcha turlari birmuncha qisqargan. Buning sababi, o'simlik dunyosidan foydalanishda aniq bir mukammal chegara, me'yor yoki normativlarning mavjud emasligi, ushbu tabiat obyektlarini rivojlantirish loyihalariga rioya qilmaslik, muhofaza ishlarining yetarli darajada amalga oshirilmasligi, shuningdek, o'rmonlarda mol boqish tartibiga rioya qilinmasligi hisoblanadi. Ushbu masalani ekologik me'yorlash orqali hal etish muhim hisoblanadi.

Asosiy qism

Ko'pgina olimlarning e'tiroficha, ekologik me'yorlash – bu atrof-muhit sifati ko'rsatkichlarini va unga yo'l qo'yiladigan darajada ta'sir ko'rsatishni o'rnatish, atrof-muhitga yo'l qo'yiladigan chegaralarda me'yorlar (ekologik reglament yoxud boshqa normativ)ni o'rnatishga qaratilgan tashkiliy-huquqiy faoliyat bo'lib, ularga rioya etilishi natijasida ekologik tizimlar degradatsiyasi yuzaga kelmaydi, biroq biologik xilma-xillik saqlanib qolinishiga hamda aholining ekologik xavfsizligiga kafolat beriladi [3, 52–58-b.].

Umuman olganda, ekologik qonunchilikda ko'pincha tabiiy va texnik fanlarga yaqin bo'lgan maxsus atama va tushunchalardan (formula) foydalanilgan holda, ularni ushbu sohani tushunmagan subyektning anglab

yetishi juda murakkab. Xususan, mavzuni to'la va aniq tushunmasdan turib yuridik texnikani qo'llash ham ijtimoiy munosabatlarni huquq normalariga transformatsiya qilishga yo'l qo'ymaydi, bunda esa normalarning noto'g'ri talqin qilinishi va buzilishi yuzaga keladi. Ekologik qonunchilikning yaratilishi jarayonida yuridik fan va amaliyot vakillari nafaqat jamiyat va tabiat o'rtasidagi o'zaro munosabatlarning obyektiv jarayonlarining mohiyatini tushunishlari, balki muayyan sohadagi huquqiy munosabatlar modeli sifatida yagona uyg'unlikni yaratishlari kerakdir [4, 147-b.].

Binobarin, o'simlik dunyosini muhofaza qilish hamda undan foydalanishni me'yorlash bevosita va bilvosita amalga oshiriladi. Bevosita me'yorlash orqali o'simlik va hayvonot dunyosi obyektlarini muhofaza qilish hamda ulardan foydalanish me'yorlari belgilanadi. Bilvosita me'yorlash orqali o'simlik obyektlarining o'sish muhiti va hayvonlarning yashash muhitining ma'lum bir sifat darajasi ta'minlanadi. Bunday me'yorlash orqali atmosfera havosining, suvlarning va boshqa tabiiy obyektlarning o'simlik hamda hayvonot dunyosi uchun bezarar sifat va son ko'rsatkichlari belgilanadi. Masalan, o'simlik dunyosi obyektlarini me'yorlash ham tegishli o'simlik dunyosi obyektlariga ta'sir qiladi. O'simlik dunyosi obyektlarining kamayib ketishi hayvonlarning ozuqasini kamayishiga va buning natijasida, o'simlik bilan oziqlanadigan hayvonlarning, shu bilan birga, yirtqich hayvonlarning ham kamayishiga olib keladi [5, 27–38-b.].

Bugungi kunda, amalda kvotalarni belgilash tartibi qonun hujjatlarida aks ettirilmagan. Binobarin, kvotalarni belgilash tartibi quyidagicha amalga oshirilmoqda: hayvonot dunyosidan foydalanuvchi yuridik shaxslar har yilning boshida tabiatni muhofaza qilish organlariga ularga birlashtirilgan hududlarda mavjud bo'lgan hayvonlar turlarining soni bo'yicha ma'lumot taqdim etadilar. Ushbu ma'lumotlarga

asosan, Fanlar Akademiyasi (Zoologiya instituti), Ekologiya, atrof-muhitni muhofaza qilish va iqlim o'zgarishi vazirligi hamda uning huzuridagi O'rmon xo'jaligi agentligining vakillaridan iborat tarmoqlararo komissiya tomonidan har bir hayvon turi bo'yicha foydalanish imkoniyati mavjudligi hamda atrof-muhitdan ularni olinadigan tarzda foydalanish bo'yicha hayvonlarning turi va soni to'g'risida xulosa tayyorlanadi.

Bunday xulosaga asosan, Ekologiya, atrof-muhitni muhofaza qilish va iqlim o'zgarishi vazirligining buyrug'i bilan har bir hayvon turi va uning foydalanish hududlari bo'yicha soni belgilanadi. Mazkur kvotalarni belgilash to'g'risidagi buyruq vaqtinchalik umummajburiy hisoblanib, Adliya vazirligida davlat ro'yxatidan o'tkazilmoqda. Bunga misol qilib, O'zbekiston Respublikasi Ekologiya, atrof-muhitni muhofaza qilish va iqlim o'zgarishi vazirligining bioresurslardan foydalanish me'yorlari haqida 2004-yil 18-fevraldagi 17-son buyrug'i chiqarilgan hamda 2004-yil 5-aprelda O'zbekiston Respublikasi Adliya vazirligida 1332-son bilan davlat ro'yxatiga olingan. Ushbu buyruq bir yil muddatga mo'ljallangan bo'lib, hayvonot dunyosidan foydalanish rejasi hisoblanadi hamda bir yo'la ushbu sohadagi ekologik me'yorlash vazifasini bajaradi. Mantiqiy davomiylik tarzida qayd etish lozimki, tabiiy resurslardan foydalanish (yoxud olish) bo'yicha turli ko'rsatkich va me'yorlar nazarda tutiladi. Ya'ni asosiy me'yor sifatida quyidagilarni tavsiya etish lozim, chunonchi, hayvonot dunyosi obyektlarini tutish, ularni tutqunlikda yoki yarim tutqunlikda saqlash uchun mo'ljallangan hududning yo'l qo'yiladigan doiradagi hajmi yoxud miqdori bo'yicha me'yorlar muhim ahamiyat kasb etadi. Ushbu tajriba dunyoning ko'pgina ilg'or mamlakatlarida rivojlanganligi bilan ahamiyatlidir [14, 215-b.]. Zotan, kvotalarni belgilash masalasi yuridik adabiyotlarda ham tahlil qilingan. Bu borada taniqli olim V.V.Petrovning fikriga ko'ra, hayvonot dunyosini muhofaza qilish va

undan foydalanish sohasida hayvonlarni tutish hamda otish limitlari belgilanadi. Ular bir yilga yoki ov mavsumiga (ov qilish va baliq tutishning ma'lum bir vaqtlariga), suv havzalari yoki ovchilik va baliqchilik joylari yoxud xo'jaliklari bo'yicha belgilanishi mumkin [6, 152-b.]. O'rmonlardan foydalanish, ularni muhofaza qilish va qayta tiklashda hisoblangan o'rmon kesish hajmlari, ya'ni yog'och tayyorlash uchun kesiladigan daraxtlar va o'sib-unadigan daraxtlar muvozanatini saqlash uchun muhimdir. Shuningdek, o'simlik holatiga ta'sir qiluvchi hayvonlar va o'rmonda bo'lish mumkin bo'lgan fuqarolar sonini ham cheklash (limitlash) muhim ahamiyatga ega. Bu degani, o'rmonlardan oqilona foydalanish uchun kesiladigan daraxtlar miqdori, o'rmonlarning o'z-o'zidan tiklanishiga ta'sir qilmasligi kerak. Bundan tashqari, o'rmon ekotizimiga zarar yetkazishi mumkin bo'lgan hayvonlar soni yoki odamlar sonini ham cheklash zarur. Bu, o'rmonlarning barqaror rivojlanishini ta'minlash uchun muhim.

Shuningdek, o'rmonlarga nisbatan ta'sir ko'rsatish me'yorlari belgilab qo'yilganligi ham ahamiyatlidir, masalan, sohaviy ekologik me'yor (normativ)lar quyidagilardan tashkil topgan bo'lib, bular masalan, o'rmon hududida odamlar (tashrif buyuruvchilar)ni bo'lishining yo'l qo'yiladigan me'yori (masalan, bir gektar o'rmon hududida 12–15 tagacha odamlarning bo'lishi) yoki milliy tabiat bog'lari hududidagi mavjud sayohatchilarning yo'l qo'yiladigan chegaradagi me'yorlari (soni jihatdan), qolaversa, mayda yoki yirik shoxli qoramolni tabiiy yaylovlardagi yo'l qo'yiladigan miqdorda chegaradagi soni hamda boshqalarni qayd etish muhim ahamiyat kasb etadi [15, 28-b.].

Dunyo tajribasi shuni ko'rsatadiki, suvdagi biologik resurslardan foydalanishni kvotalash bu ushbu resurslar miqdorini hamda ular yashash muhiti tabiiy sharoitlarining xilma-xilligini tartibga solish vositalaridan biri bo'lib hisoblanishi ahamiyatlidir [7, 92–96-b.]. Albatta, ushbu kvotalar miqdori

esa ilmiy asoslangan foydalanish miqdorlarini inobatga olgan holda o'rnatilishi lozim. Yana bir olimning e'tiroficha, qonunchilikda o'rnatilgan barcha talablar, ya'ni hayvonot dunyosi obyektlaridan foydalanishni me'yorlashga oid talablar, ya'ni foydalanish limitlari, standart va me'yorlarning o'rnatilishi yuzasidan talablarni o'z ichiga oladi, biroq ushbu talablar umumiy xarakter kasb etib, ular hayvonot dunyosidan foydalanishning qaysi cheragasi yoxud limitlarini o'rnatish yoki belgilash kerakligini hisobga olgan holda kerakli mezonlarni aniqlamaydilar [8, 624-b.].

Darhaqiqat, qayd etish joizki, o'simlik dunyosidan foydalanish me'yorlari ham bir yilga mo'ljallangan bo'ladi [12, 27–38-b.]. Tabiiy pichanzor hamda yaylovlarda pichan o'rish va mol boqish alohida har bir pichanzor va yaylov bo'yicha me'yor sifatida, ma'lum muddatga belgilanishi lozim. "O'simlik dunyosini muhofaza qilish va undan foydalanish to'g'risida"gi Qonunning 9-moddasiga asosan, ushbu me'yorlarda pichan o'rish va mol boqishning miqdori hamda muddatlari belgilangan. Ushbu miqdor va muddatlar har bir tabiiy pichanzor hamda yaylovning o'simliklar holati va ularni tiklanish qobiliyatidan kelib chiqib belgilanadi. Masalan, 2003-yil 15-maydagi F-77-sonli Toshkent viloyati hokimining farmoyishi bilan Ugam – Chotqol davlat milliy tabiat bog'i boshqarmasiga qarashli yaylovlardan yozgi mavsumda chorva mollarining joylashtirilishi tartibga solingan. Ushbu farmoyishga asosan, Andijon viloyatining chorva mollari uchun Ohangaron davlat o'rmon xo'jaligidan 22 000 gektar, Burchmulla davlat o'rmon xo'jaligidan 4600 gektar yaylov maydoni hamda Farg'ona viloyati uchun Burchmulla davlat o'rmon xo'jaligidan 4 000 gektar va Ohangaron davlat o'rmon xo'jaligidan 2 000 gektar yaylov maydoni ajratib berilgan. Mazkur farmoyishning ilovasida viloyat yaylovlarida joylashtirilishi lozim bo'lgan otlar, yirik va mayda shoxli mollarning miqdori belgilangan.

Masalan, Toshkent viloyati Piskent tumani yaylovlarida Piskent tumanidagi jamoa va fermer xo'jaliklariga hamda aholiga qarashli mollarning soni quyidagicha belgilangan: 37 000 bosh – yirik shoxli mollar, 370 000 bosh – mayda shoxli mollar.

Shunisi ahamiyatliki, yovvoyi holda o'sadigan shifobaxsh va oziq-ovqatbop o'simliklar hamda o'simlik-texnik xomashyosini tayyorlash kvotalari Ekologiya, atrof-muhitni muhofaza qilish va iqlim o'zgarishi vazirligi tomonidan O'zbekiston Respublikasi Fanlar Akademiyasi bilan kelishilgan holda tasdiqlanadi. Ushbu kvota hayvonot dunyosidan foydalanish to'g'risidagi kvota kabi har yili belgilanib, qayd etilgan maqsadlarda foydalanadigan o'simlik dunyosi obyektlarini hisob ma'lumotlariga asosan o'simlik dunyosining har bir turi va foydalanilishi lozim bo'lgan hududlar bo'yicha belgilanadi.

Zotan, ilmiy nuqtayi nazardan yondashgan holda shuni qayd etish zarurki, ushbu soha mutaxassisi E.S. Yakchevskayaning fikrini inobatga olish yanada muhimdir. Ya'ni bunda o'simliklar birliklari "Fitotsenoz sifati" tushunchasi bilan fitotsenozni tavsiflovchi barcha xususiyatlarni o'z ichiga oladi va natijada o'simlik birliklari to'g'risida to'liq ma'lumotlarga ega bo'lish mumkin bo'ladi. Fitotsenozning sifati aniqlash bir necha bosqichlardan, jumladan, sifat ko'rsatkichlarini tanlash, ushbu ko'rsatkichlarning son belgilarini aniqlash, ushbu ko'rsatkichlarni asosiy yoki normativ ko'rsatkichlar bilan taqqoslash va kompleks baholashdan iborat [9, 52-b.].

Xulosa

Shunisi ahamiyatliki, o'simlik dunyosi obyektlarining foydalanish me'yorlarini belgilashda floraning yo'q bo'lib ketishiga yo'l qo'ymaydigan darajada kvotalar o'rnatiladi. Shuning uchun ham, hayvonot va o'simlik dunyosi obyektlarining haqiqiy tarqalgan sonidan kelib chiqilishi lozim. Agar hayvonot va o'simlik dunyosi obyektlarining soni ma'lum bir minimal sondan kamayib ketsa, ushbu obyektning turi o'z-o'zining sonini tiklash

qobiliyatini yo'qotib, vaqti-vaqti bilan u kamayib ketayotgan va noyob o'simlik hamda hayvonot dunyosi turlariga kiritilishiga sabab bo'ladi. Demak, hayvonot va o'simlik dunyosi obyektlaridan foydalanish yuzasidan chegara yoxud me'yorlariga nafaqat ushbu obyektlardan foydalanish rejasi sifatida qaraladi, balki ekologik me'yor sifatida ham ko'rilishi lozim [11, 45–55-b.].

Qolaversa, o'simlik dunyosi obyektlaridan foydalanish me'yorlarini belgilashda ilmiy asoslangan yondashuvni ta'minlash uchun Fanlar Akademiyasining tashkilotlari ilmiy xodimlarining xulosalari talab qilinishi ahamiyatlidir. Zotan, ushbu me'yorlar, mazkur obyektlardan foydalanish rejasi bo'lganligi sababli, ularni tasdiqlashdan oldin ekologik ekspertizadan o'tkazilishi muhim sanaladi. Misol uchun, tabiiy yaylovlar va pichanzorlarda mol boqish va pichan o'rishning me'yorlari hamda muddatlari O'zbekiston Respublikasining "O'simlik dunyosini muhofaza qilish va undan foydalanish to'g'risida"gi Qonunining 9-moddasiga asosan, qishloq va suv hamda o'rmon xo'jaligi davlat organlarining taqdimiga ko'ra mahalliy davlat hokimiyati organlari tomonidan tasdiqlanadi. Shunday me'yorning loyihasi esa O'zbekiston Respublikasining "Ekologik ekspertiza to'g'risida"gi Qonunining 11-moddasiga asosan davlat ekologik ekspertizasidan o'tkazilishi lozim deb hisoblaymiz.

Umuman olganda, ekologik qonunchilik bilan belgilanadigan atrof-muhitga potensial ta'sirlarni boshqarish mexanizmi orqali ekologik xavfsizlik talablarini ta'minlashga doir chora-tadbirlarning yetarliligi va asosililigini aniqlash, ekologik normativlar loyihalarining asosililigini tekshirish, shuningdek, atrof-muhitni boshqarishni tartibga solish va qonuniylik mexanizmlari, ya'ni ta'sir hajmlarini ekologik loyihalash, korxonalarni, ma'muriy-hududiy tuzilmalarni va boshqa xo'jalik yurituvchi subyektlar faoliyatini attestatsiyadan o'tkazish kabi tadbirlar amalga oshiriladi [10, 502–508-b.].

Shuni alohida e'tirof etish muhimki, o'rmon tabiatning eng bebaho va muqaddas boyliklaridan biri ekan, albatta, u atrof-muhitni sog'lomlashtirish, inson yashash sharoitini yaxshilash, yer, suv, o'simlik va hayvonot dunyosini muhofaza qilish, ularni saqlash, atmosfera havosini tozalashda muhim ahamiyat kasb etadi. Garchand, o'simlik va hayvonot dunyosining qariyb barcha turlari hamda eng noyob yoki kamyob turlari ham aynan o'rmon hududida yashar ekan, albatta, insonlar uchun zarur ekologik sharoitlar yaratish, ularning iqtisodiy, estetik, madaniy-ma'rifiy ehtiyojlari ta'minlash, eng avvalo, o'rmonlarni muhofaza qilish sohasida amalga oshirilayotgan huquqiy islohotlarning amaliy natijalari bilan uzviy bog'liqdir. "O'rmon to'g'risida"gi Qonunda o'rmon boyliklarini muhofaza qilishni kuchaytirishga, ulardan oqilona foydalanishni ta'minlashga, ushbu sohada ham ekologik normativ (me'yor)lar, ekologik standartlarning o'rnatilishiga qaratilgan huquqiy asoslarni takomillashtirish masalasiga esa faqatgina qisman e'tibor qaratilgandir.

Darhaqiqat, o'simlik dunyosini muhofaza qilish – har bir shaxsning o'zining onglilik darajasiga ko'ra, uni kelajak avlodga yetkazishni burch deb bilishi va himoya etishi xususida qarashlar mavjuddir. O'simlik dunyosini huquqiy muhofaza qilish esa Konstitutsiya, qonunlar va qonunosti me'yoriy-huquqiy hujjatlarda o'z aksini topgan davlatning vakolatli organi tomonidan sanksiyalangan, ya'ni bajarilishi umummajburiy ahamiyatga ega bo'lgan normalarda o'z aksini topgan qoidalar asosida o'simlik

dunyosini huquqiy muhofaza qilishdir. Shundan kelib chiqib, bugungi kunda ushbu sohada munosabatlarni huquqiy tartibga solinishi lozim bo'lgan, ekologik jihatdan ayrim muammolar mavjud bo'lib, ularni quyidagilarda ko'rishimiz mumkin, chunonchi, amaldagi o'rmon to'g'risidagi qonunchilikda ekologik me'yorlar o'z ifodasini topmaganligi, bu esa, o'z navbatida, hududi jihatdan nisbatan kichik bo'lgan o'rmonlarni, uning boyliklarining yo'q bo'lib ketishi yoxud qisqarishi bilan bog'liq muammolarni keltirib chiqarishi mumkin. Vaholanki, o'rmonlar noyob o'simlik va hayvonot olamini saqlash, ularni kelajak avlodlarga yetkazish bilan birga, aholini sanoat va oziq-ovqat mahsulotlariga bo'lgan ehtiyojlarini qondirishda ham muhim ahamiyat kasb etadi.

Xulosa qilib shuni ta'kidlash joizki, o'simlik va hayvonot dunyosini muhofaza qilish va ulardan foydalanishni me'yorlashga oid qonunchilik normalarida bir qator qoidalar mavjud bo'lib, biroq ularni belgilash yoxud o'rnatish tartibi qonunchilikda aniq mustahkamlanmaganligi sababli ekologik me'yorlashga oid shunday tartib va qoida ishlab chiqilishi hamda qabul qilinishi lozimligi bugungi kunda muhim ahamiyat kasb etadi. Buning uchun, ushbu sohada faoliyat olib borayotgan vakolatli davlat organlarining hozirgi zamon talablari asosida vujudga kelayotgan yangi munosabatlarni samarali tartibga solinishi yuzasidan mas'uliyatini yanada oshirish bugungi kunning dolzarb vazifasi sifatida e'tirof etish mumkinligini anglash muhimdir.

REFERENCES

1. Kolbasov O.S. Teoreticheskiye kontseptsii novykh prirodookhranitel'nykh zakonov [Theoretical concepts of new environmental laws]. *News of higher educational institutions. Jurisprudence*, 1980, vol. 6, p. 10.
2. Krasnova I.O. Konkretizatsiya kak sposob sovershenstvovaniya zakonodatel'stva [Concretisation as a way to improve legislation]. *Lex Russica*, 2016, vol. 6 (115), p. 147.

3. Petrov V.V. *Ekologicheskoye pravo Rossii* [Ecological law of Russia]. Moscow, Beck Publ., 1996, p. 152.
4. Yakchevskaya Ye.S. *Okhrana ob"yektov rastitel'nogo mira. Nauchnyye aspekty standartizatsii v oblasti okhrany prirody i ratsional'nogo ispol'zovaniya pochv, zemel', landshaftov* [Protection of flora objects. Scientific aspects of standardization in the field of nature conservation and rational use of soils, lands, landscapes]. Moscow, Scientific works of the All-Union Scientific Research Institute of Standardisation, 1980, p. 52.
5. Rajabov N. The current state and prospects of the development of the environmental regulation system (historical-legal analysis). *Review of Law Sciences*, 2020, vol. 3, pp. 133–139. DOI: 10.24412/2181-1148-2020-3-133-139.
6. Sharifbaevich R.N. Digitalization of Environmental Regulation: Legal Aspects. *American Journal of Social and Humanitarian Research*, 2022, vol. 3, no. 6, pp. 374–380.
7. Sharifbaevich R.N. The Role of Social Partnership in Setting Standards for the Protection of the Natural Environment (Legal Aspect). *International Journal of Development and Public Policy*, 2023, vol. 3 (2), pp. 16–25.
8. Rajabov N. Some issues of environmental regulation of the seizure of minerals in the Republic of Uzbekistan. *International Bulletin of Applied Science and Technology*, 2023, vol. 3, no. 4, pp. 502–508.
9. Razhabov N.SH. Rol' Sotsial'nogo Partnerstvo V Ustanovlenii Normativov V Sfere Okhrany Okruzhayushchey Prirodnoy Sredy (Pravovoy Aspekt) [Role of Social Partnership in Setting Norms in the Sphere of Environmental Protection (Legal Aspect)]. *Central Asian Journal of Theoretical and Applied Science*, 2021, vol. 2, no. 8, pp. 45–55.
10. Razhabov N.SH. Perspektivy razvitiya zakonodatel'stva ob ekologicheskom normirovanii Respubliki Uzbekistan [Prospects of development of legislation on environmental regulation of the Republic of Uzbekistan]. *Phenomenon of law and legislation: strategies and methods of cognition*, 2023, vol. 2 (4), pp. 27–38. DOI: 10.53315/2949-1193-2023-2-4-27-38
11. Soroka N.N. *Ekologicheskoye normirovaniye kak instrument gosudarstvennogo upravleniya v oblasti okhrany okruzhayushchey sredy: sovremennoye sostoyaniye i problemy realizatsii (teoretiko-pravovoy aspekt)* [Ecological rationing as a tool of state management in the field of environmental protection: current state and problems of implementation (theoretical and legal aspect)]. *Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies*, 2014, vol. 1 (9), pp. 52–58.
12. Brinchuk M.M. *Udvoyeniye VVP v kontekste ekologicheskogo prava* [GDP doubling in the context of environmental law]. *Environmental Law*, 2009, vol. 1, pp. 2–11.
13. Razhabov N.SH. *Pravovoy rezhim okhrany i ispol'zovaniya rastitel'nogo mira v Respublike Uzbekistan* [Legal Regime of Protection and Use of Plant Life in the Republic of Uzbekistan]. *Journal of Intellectual Property and Human Rights*, 2024, vol. 3, no. 6, pp. 1–9.
14. Rajabov N. Some considerations on ecological regulation in using and conserving biological resources. *Actual Problems of Humanities and Social Sciences*, 2024, vol. 4(S/4), pp. 214–219. DOI:10.47390/SPR1342V4SI4Y2024N36
15. Razhabov N.S. Prospects of development of legislation on environmental ration of the Republic of Uzbekistan. *The Phenomen of Law and Legislation: Strategies and Methods of Cognition*. 2024, vol. 3(4), pp. 21–30. DOI:10.53315/2949-1193-2024-3-4-21-29

Kelib tushgan / Получено / Received: 10.07.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 18.08.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 25.08.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.4./DXYF7640

UDC: 349.6(045)(575.1)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ УСТОЙЧИВОГО ПРАВОВОГО УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЛЯМИ ЛЕСНОГО ФОНДА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ УЗБЕКИСТАНА

Калдарбеков Асылжан Оспанович,

самостоятельный соискатель

Ташкентского государственного юридического университета

ORCID: 0009-0005-6457-2491

e-mail: nurtaskizi@mail.ru

Аннотация. В статье представлен углублённый сравнительно-правовой анализ правового регулирования использования земель лесного фонда на примере зарубежных стран – Германии, США, Канады и России. Исследование охватывает различные модели управления лесными ресурсами, включая соотношение государственной и частной собственности, правовые механизмы аренды лесных участков, а также формы участия государства в регулировании и охране лесов. Подчёркивается, что несмотря на различия в институциональных подходах, законодательные системы рассматриваемых стран основаны на общих принципах устойчивого управления лесами, сохранения экологического баланса и обеспечения экономической эффективности. Особое внимание уделено выявлению как специфических особенностей, так и сходных тенденций. В Германии преобладает частная собственность на лесные ресурсы при активной поддержке со стороны государства. В Канаде и России доминирует модель государственной собственности с многоуровневой системой регулирования. В США наблюдается смешанная система, характеризующаяся высокой долей частных владельцев и развитой координацией между федеральными и местными органами власти. Отдельно проанализированы законодательные механизмы контроля, стимулирования рационального использования лесов и охраны окружающей среды. Сделан вывод о том, что изучение и адаптация зарубежного опыта способны существенно способствовать совершенствованию лесного законодательства Узбекистана. Интеграция экологических, экономических и социальных аспектов в разработку лесной политики позволит повысить эффективность и устойчивость национальной системы управления лесными ресурсами.

Ключевые слова: лесной фонд, устойчивое управление лесами, аренда, государственная политика, правовое регулирование, режим собственности, лесные ресурсы, охрана окружающей среды

O'RMON FONDI YERLARINI BARQAROR HUQUQIY BOSHQARISH BO'YICHA XALQARO TAJIRIBA VA UNING O'ZBEKISTON UCHUN AHAMIYATI

Kaldarbekov Asiljon Ospanovich,

Toshkent davlat yuridik universiteti

mustaqil izlanuvchisi

Annotatsiya. Maqolada Germaniya, AQSh, Kanada va Rossiya misolida o'rmon fondi yerlaridan foydalanishni huquqiy tartibga solishning chuqurlashtirilgan qiyosiy-huquqiy tahlili keltirilgan. Tadqiqot

o'rmon resurslarini boshqarishning turli modellarini, shu jumladan, davlat va xususiy mulkning nisbati, o'rmon uchastkalarini ijaraga olishning huquqiy mexanizmlari, shuningdek, o'rmonlarni tartibga solish va muhofaza qilishda davlatning ishtirok etish shakllarini qamrab oladi. Ta'kidlanishicha, institutsional yondashuvlardagi farqlarga qaramay, ko'rib chiqilayotgan mamlakatlarning qonunchilik tizimlari o'rmonlarni barqaror boshqarish, ekologik muvozanatni saqlash va iqtisodiy samaradorlikni ta'minlashning umumiy tamoyillariga asoslanadi. Tahlilda o'ziga xos xususiyatlar bilan bir qatorda umumiy tendensiyalarga ham alohida e'tibor qaratildi. Germaniyada xususiy mulkchilik ustuvor bo'lsa-da, davlat tomonidan kuchli institutsional qo'llab-quvvatlash amalga oshiriladi. Kanada va Rossiyada davlat mulki asosidagi model hamda ko'p bosqichli tartibga solish tizimi hukmronlik qiladi. AQShda esa xususiy mulk egalari ulushi yuqori bo'lib, federal va mahalliy hokimiyat organlari o'rtasidagi rivojlangan hamkorlik tizimi bilan ajralib turadi. Maqolada, shuningdek, o'rmonlardan oqilona foydalanishni rag'batlantirish va nazorat qilishning qonunchilik mexanizmlari hamda atrof-muhitni muhofaza qilish masalalariga alohida e'tibor qaratilgan. Xulosa o'rnida, xorijiy tajribani o'rganish va uni moslashtirish O'zbekistonning o'rmon qonunchiligini takomillashtirishga sezilarli darajada hissa qo'shishi mumkinligi ta'kidlanadi. Ekologik, iqtisodiy va ijtimoiy omillarni uyg'unlashtirgan holda samarali o'rmon siyosatini ishlab chiqish milliy o'rmon resurslarini boshqarish tizimining barqarorligi va samaradorligini oshirish imkonini beradi.

Kalit so'zlar: o'rmon fondi, barqaror o'rmon boshqaruvi, ijara, davlat siyosati, huquqiy tartibga solish, mulkchilik rejimi, o'rmon resurslari, atrof-muhitni muhofaza qilish

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN SUSTAINABLE LEGAL MANAGEMENT OF FOREST FUND LANDS AND ITS SIGNIFICANCE FOR UZBEKISTAN

Kaldarbekov Asiljan Ospanovich,

Independent researcher at Tashkent State University of Law

Abstract. The article provides an in-depth comparative legal analysis of the legal regulation of the use of forest fund lands using examples from foreign countries: Germany, the USA, Canada, and Russia. The research covers various models of forest resource management, including the ratio of state and private ownership, legal mechanisms for leasing forest plots, and forms of state participation in regulating and protecting forests. It is emphasized that, despite the differences in institutional approaches, the legislative systems of the countries under consideration are based on common principles of sustainable forest management, maintaining ecological balance, and ensuring economic efficiency. Special attention is paid to identifying both specific features and similar trends. In Germany, private ownership of forest resources prevails with active state support. In Canada and Russia, the model of state ownership with a multi-level regulation system prevails. In the USA, there is a mixed system characterized by a high share of private owners and developed coordination between federal and local authorities. Legislative mechanisms for monitoring, stimulating the rational use of forests, and environmental protection were analyzed separately. It was concluded that studying and adapting foreign experience can significantly contribute to improving Uzbekistan's forest legislation. Integrating environmental, economic, and social aspects in the development of forest policy will increase the effectiveness and sustainability of the national forest management system.

Keywords: forest fund, sustainable forest management, leasing, public policy, legal regulation, ownership regimes, forest resources, environmental protection

Введение

Лесной фонд представляет собой один из важнейших природных ресурсов, играющих ключевую роль в обеспечении эко-

логической устойчивости, экономического роста и социального благополучия. В условиях рыночной экономики эффективность функционирования лесного

хозяйства во многом определяется государственной политикой и правовыми механизмами регулирования лесопользования. Особенно актуальной становится задача разработки эффективных правовых моделей, способствующих рациональному использованию и воспроизводству лесных ресурсов. Международный опыт показывает, что государства с различным уровнем лесного потенциала применяют разнообразные подходы к регулированию земель лесного фонда, сочетая частные и государственные формы управления. Узбекистан, обладая ограниченными лесными ресурсами, заинтересован в адаптации лучших зарубежных практик, соответствующих национальным условиям.

Рост доходности лесного хозяйства в условиях рыночной экономики во многом определяется государственной политикой, которая выражается в последовательной лесной стратегии. Она представляет собой совокупность мер и направлений, разработанных государством для управления лесным комплексом и лесопользованием, ориентированных на достижение правовых, экологических, экономических и социальных целей. Таким образом, эффективная лесная политика должна обеспечивать регулирование последствий лесопользования во всех аспектах – экономическом, экологическом и социальном.

В странах, обладающих обширными лесными территориями, ответственность за их сохранение и рациональное использование возлагается на государство, поскольку оно способно реализовать долгосрочную стратегию по охране и воспроизводству лесных ресурсов. В то же время государства с ограниченными лесными ресурсами применяют иной подход, основанный на индивидуальной ответственности граждан за устойчивое ведение лесного хозяйства, исключаящее ущерб окружающей среде. Однако

во всех странах государственное участие в лесоправлении остаётся обязательным и выражается в создании нормативно-правовой базы, регулирующей использование лесных ресурсов, а также в обеспечении их рациональной эксплуатации.

Мировая практика показывает, что формирование лесной политики определяется рядом ключевых факторов, среди которых [1]:

- формы собственности на лесные ресурсы и их организационная структура;
- значение лесного сектора для экономики, включая вклад в ВВП, влияние на уровень занятости и доходы населения;
- влияние политических и общественных институтов на процесс формирования лесной политики.

Каждое государство разрабатывает свою модель управления лесными ресурсами, адаптированную к национальным особенностям, накапливая при этом положительный опыт в данной сфере.

Целью данного исследования является сравнительный анализ правового регулирования использования земель лесного фонда в зарубежных странах (Германия, США, Канада, Россия) с последующей оценкой возможности внедрения элементов этих моделей в правовую систему Узбекистана. Исследование направлено на выявление эффективных правовых механизмов, обеспечивающих устойчивое управление лесами, и формирование рекомендаций по совершенствованию национального законодательства в данной сфере.

Обзор литературы. В ряде научных работ освещаются различные аспекты правового регулирования лесных земель. Е.Б. Олейник рассматривает стратегические подходы к лесной политике и возможности адаптации зарубежного опыта [1]. Н.М. Пичугина и И.С. Зиновьева анализируют эффективность механизмов

управления лесами в развитых странах [2]. Е.Е. Моисеева подробно описывает систему государственного управления лесным хозяйством Германии [3], а В. Петров и А. Смирнова изучают модель управления лесами США [4]. Среди зарубежных авторов выделяются исследования Sonia Oswalt и W. Brad Smith, изучающих лесные ресурсы США и инструменты устойчивого управления [5; 6]. В.Т. Wilson анализирует влияние климатических факторов на правовое регулирование [7]. Совокупность этих работ демонстрирует многообразие подходов к правовому регулированию лесных земель, ценных для адаптации в Узбекистане.

Методология. В процессе исследования применялись следующие методы: сравнительно-правовой анализ, формально-юридический метод, метод системного подхода, а также элементы экологического и институционального анализа. Использовались нормативно-правовые акты зарубежных государств, включая Лесной кодекс Российской Федерации, Лесной закон Германии, федеральные и провинциальные лесные акты Канады, а также нормативные документы США в области управления национальными лесами. Также анализировались официальные статистические данные, научные публикации, международные доклады (FAO, UNECE) и практики ведения устойчивого лесного хозяйства в различных странах. Это позволило всесторонне рассмотреть модели правового регулирования лесопользования и оценить их применимость в условиях Узбекистана.

Основная часть

Для сравнительного анализа можно выделить три группы стран в зависимости от их лесоресурсного потенциала. К первой группе относятся страны с крупной лесной базой, такие как Россия, США и Канада. Ко второй – государства с ограниченными лесными ресурсами, например

Швеция и Финляндия. Третью группу составляют страны, где лесной фонд незначителен, например Япония и Китай.

Рыночная модель управления лесным хозяйством на основе частного владения лесами строится на нескольких ключевых принципах. В её основе лежат права владения, пользования и воспроизводства лесных ресурсов, осуществляемые частными владельцами. Государство при этом выполняет функции регулирования и контроля, а финансирование лесохозяйственной деятельности осуществляется за счёт средств частных собственников под надзором государственных органов. Подобная система широко применяется в ряде стран Европы, включая Финляндию, а также в Латинской Америке (Бразилия, Чили, Колумбия, Мексика, Аргентина), Северной Америке (США) и Восточной Азии (Китай).

Другой моделью является регулирование рыночных отношений при многообразии форм собственности на леса. В странах, использующих такую систему, управление лесным хозяйством основано на сочетании государственного регулирования и рыночных механизмов, обеспечивающих баланс интересов государства и предприятий, занимающихся лесопользованием. Этот подход является основным в ряде развитых стран, таких как Канада, Германия, Норвегия, Австрия, а также в некоторых развивающихся государствах, включая Польшу, Камерун, Индонезию и Никарагуа [2, с. 144].

Выбор конкретной модели управления лесными ресурсами зависит от характера взаимоотношений между государством и лесопользователями. Практика показывает, что при грамотной организации успешное развитие лесного хозяйства возможно в условиях различных экономических систем.

Правовое регулирование использования земель лесного фонда в разных стра-

нах основывается на принципах устойчивого управления лесными ресурсами, охраны окружающей среды и экономической эффективности. В зарубежной практике существуют различные модели правового регулирования, которые учитывают природно-климатические особенности, уровень развития лесного хозяйства и структуру собственности на леса. Рассмотрим основные подходы к правовому регулированию лесопользования на примере Германии, США, Канады и России.

Лесные земли Германии охватывают территорию в 10,7 млн га, что составляет 30 % от общей площади страны. Запасы лесного фонда оцениваются в 2,8 млрд кубометров, что эквивалентно 261,7 кубометра древесины на гектар. Основу лесного массива составляют хвойные породы, такие как ель, сосна и лиственница (66 %), а среди лиственных преобладают бук и дуб.

В Германии существует разнообразие форм собственности на леса: 46 % лесов принадлежат 1,3 млн частных владельцев, 20 % – находятся в собственности коммунальных организаций (церквей, общественных объединений), 31 % – составляют федеральные леса, а 3 % – земли, принадлежащие федеральным землям.

Таким образом, почти половина немецких лесов находится в частной собственности. Частные владения по площади вдвое превышают корпоративные леса и в 1,5 раза – государственные. При этом лишь 11,9 % частных лесных предприятий владеют территориями, превышающими 1 000 гектаров, а большинство (57 %) имеют участки менее 20 гектаров. В Германии действует система государственной поддержки мелких лесовладельцев: лесохозяйственные службы федеральных земель оказывают им консультационные и управленческие услуги. Помимо лесных участков, большинство владельцев располагают также сельскохозяйственными землями [3].

Государственные леса, принадлежащие федеральным землям, занимают 29,6 % лесных площадей. Их средний размер превышает 1 000 гектаров. Наибольшая доля лесов, находящихся в государственной собственности, приходится на Саар (48,2 %), а наименьшая – на Северный Рейн-Вестфалию (14,3 %). Корпоративные (коммунальные) леса составляют 19,5 % от общей площади, большинство из них расположено в центральных и юго-западных регионах страны. Федеральному правительству принадлежит лишь 3,7 % лесных территорий, в основном это леса военного назначения и полосы вдоль автомагистралей.

Федеральный лесной закон Германии содержит инструкции и предписания, устанавливающие правовые ограничения. Его основными целями являются: обеспечение сохранения лесов как важного природного ресурса, поддержка их защитных и рекреационных функций, а также развитие лесного хозяйства на принципах устойчивости. Закон также направлен на сбалансирование общественных интересов с правами и обязанностями частных лесовладельцев [8].

Совместно с региональными лесными законами федеральный лесной закон устанавливает обязательства для владельцев лесных участков в отношении вырубленных и малолесных территорий, предписывая проведение лесовосстановительных мероприятий в определённые сроки до полного естественного возобновления леса.

Помимо этого, в Германии действует ряд законодательных актов, регулирующих различные аспекты лесного хозяйства и лесопромышленного сектора. Среди них законы: о лесных посевах, о предотвращении повреждений леса и лесном балансе, о регулировании торговли древесиной, об охоте в федеральных землях и другие. Дополнительно к законам

применяется большое количество инструкций и предписаний.

В лесном хозяйстве Германии существует множество схем управления лесами, которые зависят от формы собственности на леса. Лесами, находящимися в государственной собственности (федеральные леса и леса федеральных земель), управляют государственные органы, корпоративными лесами управляют муниципальные органы (коммуны), частными лесами – юридические или физические лица, собственники этих лесов и их представители [9].

Канада занимает ведущие позиции в мире по площади лесов – на её долю приходится 10 % лесных территорий планеты. Леса занимают 45 % территории страны, а запасы древесины достигают 20 млрд кубометров. Большая часть лесов (93 %) является государственной собственностью: 77 % – принадлежат провинциям, а 16 % – федеральному правительству.

Канадское лесное законодательство включает Конституцию, лесной закон, земельный закон, закон о восстановлении лесов, закон об управлении древостоем, а также другие нормативные акты, регулирующие аренду лесных участков. Государство передаёт участки лесного фонда в аренду частным предприятиям по различным схемам, среди которых распространены соглашения на заготовку древесины, лицензии на ведение лесного хозяйства и на покупку леса на корню.

В Канаде каждая провинция обладает собственным лесным законодательством, регулирующим лесохозяйственную деятельность и устанавливающим формы лесопользования.

Лесное регулирование в Канаде осуществляется на разных уровнях власти – федеральном, провинциальном и муниципальном. Основную роль в управлении лесными ресурсами играют провинциальные правительства, поскольку около 90 %

лесных территорий Канады находятся в провинциальной или территориальной собственности. Каждая провинция имеет собственные лесные кодексы и нормативные акты. В 1996 году в провинции Британская Колумбия (Канада) был принят закон о лесе (Forest Act) [10], на территории Британской Колумбии действует Кодекс лесной практики Британской Колумбии (Forest Practices Code of British Columbia Act) [11]. В сфере лесного законодательства правительство Альберты приняло ряд нормативно-правовых актов, включая закон о лесе 2000 года (Forest Act 2000) и закон о деятельности по охране окружающей среды и улучшению лесов 1997 года (Environmental Protection and Enhancement Forest Act 1997) [12]. В провинции Манитоба в области лесного законодательства были приняты несколько нормативных актов, включая закон о лесе (The Forest Act) и закон о защите здоровья лесов (The Forest Health Protection Act).

Правовой анализ данных законов позволяет утверждать, что Forest Act является основополагающим нормативным актом, регулирующим лесные правоотношения в провинциях. Этот закон определяет круг субъектов лесных правоотношений, устанавливает полномочия правительства провинции в сфере управления лесными ресурсами, их использования и охраны, а также принятия соответствующих мер. Однако в Forest Act отсутствует чёткое определение понятия «лес», но содержится определение термина «лесоматериалы» (Timber), под которым понимается «лесной ресурс, включающий деревья и другие лесные продукты» [13].

В России лесной фонд занимает значительную часть территории, что требует гибкого подхода к его правовому регулированию. Лесной фонд России является крупнейшим в мире, занимая более 20 % всех лесов планеты. Общая площадь лесных земель составляет около 1,2 млрд

гектаров, что делает лесное хозяйство стратегически важной отраслью экономики и экологии страны.

Земли лесного фонда представляют собой крупнейшую категорию земель в общем земельном фонде Российской Федерации. Их площадь составляет 67 % территории страны (1 146,1 млн га). Именно на этих землях сосредоточена основная часть российских лесов (96 %), которые содержат около четверти мировых запасов древесины. Лесные массивы покрывают примерно 68 % площади земель лесного фонда (766,6 млн гектаров), среди которых 24,9 % занимают защитные леса, 23,2 % – резервные, а 51,9 % – эксплуатационные [14].

Леса как уникальные экосистемы оказывают значительное влияние на функционирование других природных комплексов, включая реки, болота и ручьи. Благодаря своей широкой распространённости леса играют важную климаторегулирующую роль. В составе экологического каркаса территории они способствуют поддержанию экологической стабильности, предотвращению деградации природных систем и сохранению биоразнообразия.

Помимо экологических функций, леса России являются важным источником кислорода, обеспечивая благоприятные условия окружающей среды. Также лесной фонд представляет собой ключевой ресурс для экономики страны, поскольку заготовка и использование древесины составляют значительную часть отечественного лесопромышленного комплекса [15].

Правовое регулирование лесного фонда России основывается на принципах устойчивого управления, сохранения биологического разнообразия и рационального использования лесных ресурсов. Основным нормативно-правовым актом в данной сфере является Лесной ко-

декс Российской Федерации (2006 г.), который устанавливает правовые основы владения, пользования и распоряжения лесами. В соответствии со статьёй 8 Лесного кодекса РФ леса являются исключительно государственной собственностью, однако земельные участки лесного фонда могут передаваться в аренду, постоянное (бессрочное) пользование и концессию [16, с. 17].

Основные формы правового режима лесов в РФ:

- федеральная собственность – леса, находящиеся в ведении Российской Федерации, включая заповедные территории и особо охраняемые природные зоны;
- собственность субъектов РФ – леса, переданные в управление региональным властям;
- муниципальные леса – лесные участки, находящиеся в распоряжении местных органов власти (занимают незначительную долю);
- частное владение – не предусмотрена частная собственность на леса, однако лесные участки могут передаваться в долгосрочную аренду.

Сегодня есть множество проблем, связанных с режимом лесных ресурсов. Это, к примеру, профилактика пожаров, защиты лесов от вредителей, рационального лесопользования и борьба с бесхозяйственностью [17].

Современная система управления лесами в США отличается сложностью и уникальностью, что обусловлено разнообразием форм собственности, различными целевыми назначениями лесных территорий, а также возможностью принятия законов и нормативных актов как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных штатов.

Согласно имеющимся оценкам, в 2012 году лесные территории США охватывали 310 млн гектаров, что составляет 33 % площади страны. С 1910 года площадь

лесов остаётся относительно стабильной, несмотря на более чем трёхкратный рост населения за этот период [4]. Около 70 % лесных территорий в США находятся в частной собственности, а оставшиеся 30 % – принадлежат государству. Национальные леса, находящиеся в федеральной собственности, управляются Лесной службой США, в то время как общественные леса находятся под контролем различных организаций, включая Бюро земельного менеджмента, а также лесные агентства штатов, графств и муниципалитетов. Значительная часть общественных лесов находится в ведении властей штатов.

Более 10 млн частных владельцев, включая семьи, контролируют 42 % всех лесных земель в США. Эта группа собственников весьма разнородна, и их права на владение лесными угодьями официально признаны. Семейные леса зачастую служат не только источником природных ресурсов, но и используются в эстетических целях, как среда обитания для дикой природы, а также рассматриваются как наследственное имущество. Оставшиеся 14 % частных лесов принадлежат различным корпорациям, ассоциациям и коммерческим компаниям [5].

Национальный лес представляет собой территорию, находящуюся в федеральной собственности, которая на основании президентского указа или законодательного акта признана лесом или ресурсом национального значения. Кроме того, к этой категории относятся и другие лесные массивы, переданные в управление Службе лесного хозяйства США.

Частные леса делятся на индустриальные и неиндустриальные. Индустриальные леса принадлежат коммерческим компаниям, при этом около 40 крупнейших предприятий контролируют 80 % всех индустриальных лесов, а на долю пяти ведущих компаний приходится свы-

ше трети объёма продаж лесной продукции. Крупные компании владеют значительными лесными угодьями и оказывают значительное влияние на развитие лесной индустрии.

Управление национальными лесами осуществляет Лесная служба США (Forest Service USA), входящая в состав Министерства сельского хозяйства США (US Department of Agriculture). В структуру ведомства входят 18 отделов и 17 учреждений. Основная миссия Лесной службы заключается в обеспечении здоровья, разнообразия и продуктивности национальных лесов и лугов, что необходимо для удовлетворения потребностей нынешних и будущих поколений [6]. Кроме того, в ведении Министерства сельского хозяйства США находится Служба охраны природных ресурсов, основная цель которой – государственная охрана природных ресурсов, а также поддержка общественных инициатив, направленных на их сохранение и улучшение состояния окружающей среды.

Управление национальными лесами (National Forest) направлено на многостороннее использование природных ресурсов, находящихся на их территории, с учётом общественных интересов и обеспечения максимального восстановления этих ресурсов. Лесная служба США обязана сотрудничать с местными органами власти и частными собственниками земель. Законодательство определяет основные цели такого взаимодействия, включая совершенствование методов управления лесными территориями на уровне штатов, округов и регионов их произрастания. В управлении национальными лесами широко применяется практика координированных действий между федеральными ведомствами и местными органами власти [18].

Национальные леса, находящиеся в государственной собственности, в основном

управляются Федеральной лесной службой США, в ведении которой находится до 60 % таких лесных территорий. Оставшаяся часть управляется другими федеральными агентствами, включая Бюро земельного менеджмента (Bureau of Land Management), Национальную парковую службу (National Park Service), Службу рыбы и дичи (Fish and Wildlife Service) и Департамент обороны США (Department of Defense) [7].

Основные законы США:

- о многократном использовании и устойчивом развитии (Multiple-Use Sustained-Yield Act, 1960) – определяет, что лесные территории должны использоваться для различных целей, включая заготовку древесины, рекреацию, охрану дикой природы и водных ресурсов;

- о национальной политике в области окружающей среды (National Environmental Policy Act, NEPA, 1969) – требует оценки экологических последствий при ведении лесного хозяйства;

- о ресурсах (Forest and Rangeland Renewable Resources Planning Act, 1974) – устанавливает порядок стратегического планирования управления лесными ресурсами;

- о национальном лесном хозяйстве (National Forest Management Act, 1976) – обязывает Лесную службу США разрабатывать планы управления национальными лесами с учетом принципов устойчивого лесопользования;

- о защите здоровья лесов (Healthy Forests Restoration Act, 2003) – направлен на предотвращение лесных пожаров и защиту лесов от вредителей и болезней.

Результаты исследования. Сравнительный анализ правовых моделей регулирования лесного фонда, применяемых в Германии, США, Канаде и России, позволил выделить ключевые особенности, которые могут быть полезны для реформирования лесного законодательства Узбекистана.

1. Германия демонстрирует устойчивую модель с преобладанием частной собственности и активной государственной поддержкой мелких лесовладельцев. Законодательство подробно регламентирует обязанности собственников, обеспечивая баланс между экономическими интересами и экологической безопасностью.

2. Канада использует многоуровневую систему управления, где основная роль отведена провинциям. Арендные отношения регулируются на основе долгосрочных соглашений с четкими экологическими и социальными стандартами. Высокий уровень планирования и контроля способствует устойчивому лесопользованию.

3. США применяют децентрализованную модель с доминированием частной собственности и активным участием местных сообществ. Законодательство предусматривает разнообразные формы управления – от национальных парков до частных семейных лесов.

4. Россия, обладая крупнейшим в мире лесным фондом, сохраняет государственную собственность на леса, предоставляя их в аренду. Лесной кодекс РФ содержит нормативы по охране, восстановлению и использованию лесных ресурсов, но сталкивается с проблемами правоприменения и недостаточного финансирования.

Что касается Узбекистана, то здесь преобладает централизованное государственное управление с ограниченным вовлечением частных субъектов. В стране отсутствуют четкие механизмы аренды и поддержки устойчивого лесопользования.

Зарубежный опыт показывает, что диверсификация форм собственности, развитие аренды, государственно-частного партнерства и институциональное стимулирование могут повысить эффективность лесопользования в нашей стране.

Закключение

Проведённый анализ показал, что эффективное правовое регулирование использования земель лесного фонда невозможно без комплексного подхода, сочетающего государственное управление, рыночные механизмы и устойчивое развитие. Узбекистану, с учётом ограниченности своих лесных ресурсов, необходимо внедрять правовые модели, ориентированные на:

- развитие аренды лесных участков с долгосрочными обязательствами по восстановлению;
- поощрение частной и коллективной инициативы в сфере лесовосстановления;

- нормативную поддержку экосистемных функций леса;

- усиление институциональных основ правоприменения.

Адаптация зарубежного опыта, прежде всего моделей Германии и Канады, может способствовать укреплению правовой базы лесного сектора Узбекистана, повысить эффективность управления, обеспечить защиту биоразнообразия и экологическую безопасность. В условиях глобальных климатических вызовов формирование устойчивой лесной политики приобретает особую значимость и требует межведомственного и межсекторального взаимодействия.

REFERENCES

1. Oleynik E.B. Lesnaya politika: zarubezhnyy opyt i vozmozhnosti yego ispol'zovaniya [Forest policy: foreign experience and possibilities of its application]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lesnaya-politika-zarubezhnyy-opyt-i-vozmozhnosti-ego-ispolzovaniya>
2. Pichugina N.M., Zinov'eva I.S. Otsenka zarubezhnogo opyta lesoupravleniya [Assessment of foreign experience in forest management]. *Modern high-tech technologies*, 2014, no. 7-1, pp. 144–146. Available at: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=34239>
3. Moiseyeva E.E. Gosudarstvennoye lesnoye upravleniye Germanii [State management of forest economy in Germany]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-upravlenie-lesnym-hozyaystvom-germanii>
4. Bryant R.C. Forest legislation in Germany. Available at: <https://watermark.silverchair.com/jof0909.pdf>
5. Petrov V. Sistema gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya lesami Germanii [System of state and municipal forest management in Germany]. Available at: <https://lesprominform.ru/jarticles.html?id=4178>
6. Forest Act of British Columbia. Available at: http://www.bclaws.ca/civix/document/id/complete/statreg/96157_00
7. Forest Practices Code of British Columbia Act. Available at: www.quickscribe.bc.ca/images2/FPCodeJan01.pdf
8. Forests Act and Regulations for Agriculture and Forestry of Alberta. Available at: [http://www1.agric.gov.ab.ca/\\$department/deptdocs.nsf/all/acts15898](http://www1.agric.gov.ab.ca/$department/deptdocs.nsf/all/acts15898)
9. Forest Act of Manitoba province. Available at: <http://web2.gov.mb.ca/laws/statutes/ccsm/f150e.php>
10. Federal'noye agentstvo lesnogo khozyaystva Rossii. Otkrytyye dannyye [Official website of the Federal Forest Agency of Russia. Open data]. Available at: <http://rosleshoz.gov.ru/opendata/7705598840-ForestFund>

11. Kovyrshina E.I. Pravovoy rezhim lesnykh zemel' [Legal regime of forest fund lands]. Dissertation. Moscow, 2021. Available at: <https://www.dissercat.com/content/pravovoi-rezhim-zemel-lesnogo-fonda>
12. Lesnoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 4 dekabrya 2006 g. № 200-FZ [Forest Code of the Russian Federation of December 4, 2006 No. 200-FZ]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299
13. Uzhgin Yu.V. Problemy pravovogo regulirovaniya otnosheniy po ispol'zovaniyu lesnogo fonda Rossiyskoy Federatsii [Problems of legal regulation of the use of the forest fund of the Russian Federation]. *Young Learner*, 2016, no. 10 (114), pp. 1059–1062. Available at: <https://moluch.ru/archive/114/30058/>
14. Petrov V., Smirnova A. Upravleniye lesnym khozyaystvom v Soyedinennykh Shtatakh [Forest management in the USA]. Available at: <https://lesprominform.ru/jarticles.html?id=4343>
15. Oswalt S.N., Smith W.B. The Forest Resources of the United States in Facts and History. Available at: https://www.fs.usda.gov/sites/default/files/legacy_files/media/types/publication/field_pdf/508_ForestFacts_Russian_5_01_15.pdf
16. Oswalt S.N., Smith W.B., Miles P.D., Pugh S.A. Forest Resources of the United States, 2012. Gen. Tech. Rep. WO-91. Washington, DC: U.S. Department of Agriculture, Forest Service, Washington Office, 2014.
17. Lamash V.A., Pon'ka V.F. Osobennosti pravovogo statusa lesnykh zemel' v SShA [Legal regime of forest fund lands in the USA]. *Advokat*, 2010, no. 1, pp. 17–24.
18. Wilson B.T., Woodall C.W., Griffith D.M. Imputing forest carbon stock estimates from inventory plots to a nationally continuous coverage. *Carbon Balance and Management*, 2013, vol. 8, article 1. DOI: 10.1186/1750-0680-8-1.

Kelib tushgan / Получено / Received: 11.07.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 15.08.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 25.08.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.4./GKLG9684

UDC: 349.6(045)(575.1)

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И УЗБЕКИСТАНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ПУТИ АДАПТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА

Байтурова Аида Набиевна,
самостоятельный соискатель
Ташкентского государственного
юридического университета
ORCID: 0009-0001-1756-1539
e-mail: 725-0101@sud.kz

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу правовых механизмов регулирования экологического туризма в зарубежных странах – Австралии, США, Великобритании, Норвегии и России – с сопоставлением национального законодательства и практик Республики Узбекистан. В работе рассматриваются ключевые законодательные акты, регулирующие экотуризм, институциональные модели управления в разных юрисдикциях, а также механизмы экологической сертификации туристических объектов и услуг. Особое внимание уделено выявлению особенностей нормативного регулирования, роли государственных органов в формировании устойчивой туристической политики, а также степени вовлечения местных сообществ и частного сектора в развитие экотуризма. Выдвигаются предложения по совершенствованию национальной правовой базы, включая необходимость внедрения международных стандартов экологической сертификации, расширения механизмов государственно-частного партнёрства, повышения уровня экологического просвещения и обеспечения действенного контроля за соблюдением экологических требований в туристической сфере. Сделан вывод, что развитие экотуризма требует комплексного межсекторального подхода, сочетающего правовое, экологическое и социальное регулирование. Принятие сбалансированной модели правового регулирования позволит Узбекистану не только укрепить конкурентоспособность своей туристической отрасли, но и обеспечить долгосрочную охрану уникальных природных ресурсов, способствовать устойчивому социально-экономическому развитию регионов и формированию образа страны как экологически ответственного участника международного туристического сообщества.

Ключевые слова: экологический туризм, устойчивое развитие, правовое регулирование, особо охраняемые природные территории, международный опыт, экосертификация, экополитика

XORIJIY MAMLAKATLAR VA O'ZBEKISTONDA EKOLOGIK TURIZMNI TARTIBGA SOLISHNING HUQUQIY MEKANIZMLARI: XALQARO TAJRIBANING QIYOSIY TAHLILI VA MOSLASHTIRISH YO'LLARI

Bayturova Aida Nabiyeвна,
Toshkent davlat yuridik universiteti
mustaqil izlanuvchisi

Annotatsiya. Ushbu maqola ekologik turizmni tartibga solish bo'yicha huquqiy mexanizmlarning xorijiy mamlakatlardagi – Avstraliya, AQSh, Buyuk Britaniya, Norvegiya va Rossiyadagi – tajribasini O'zbekiston Respublikasi amaliyoti bilan solishtirish asosida tahlil qilishga bag'ishlangan. Unda ekologik turizmni tartibga soluvchi asosiy qonunchilik hujjatlari, turli yurisdiksiyalardagi institutsional boshqaruv modellari hamda turistik obyektlar va xizmatlarning ekologik sertifikatlash mexanizmlari ko'rib chiqiladi. Maxsus e'tibor davlat organlarining barqaror turizm siyosatini shakllantirishdagi roli, mahalliy hamjamiyatlar va xususiy sektorning ekoturizm rivojiga jalb qilinishi darajasini aniqlashga qaratilgan. Normativ tartibga solish xususiyatlarini, barqaror turizm siyosatini shakllantirishda davlat organlarining rolini, shuningdek, ekoturizmni rivojlantirishga mahalliy hamjamiyat va xususiy sektorni jalb etish darajasini aniqlashga alohida e'tibor qaratildi. Milliy huquqiy bazani takomillashtirish, jumladan, ekologik sertifikatlashtirishning xalqaro standartlarini joriy etish, davlat-xususiy sheriklik mexanizmlarini kengaytirish, ekologik ma'rifat darajasini oshirish va turizm sohasida ekologik talablarga rioya etilishi ustidan ta'sirchan nazoratni ta'minlash bo'yicha takliflar ilgari surilmoqda. Xulosa qilib aytganda, ekologik turizmni rivojlantirish huquqiy, ekologik va ijtimoiy tartibga solishni o'z ichiga olgan kompleks yondashuvni talab qiladi. Muvozanatli huquqiy tartibga solish modeli O'zbekistonga nafaqat turizm sohasining raqobatbardoshligini mustahkamlash, balki noyob tabiiy resurslarni uzoq muddatga asrash, hududlarning barqaror ijtimoiy-iqtisodiy rivojlanishiga hissa qo'shish va mamlakatning xalqaro maydonda ekologik mas'ul davlat sifatida mavqeyini kuchaytirishga xizmat qiladi.

Kalit so'zlar: ekologik turizm, barqaror rivojlanish, huquqiy tartibga solish, alohida muhofaza qilinadigan tabiiy hududlar, xalqaro tajriba, ekosertifikatlash, ekosiyosat

LEGAL MECHANISMS OF REGULATING ECOLOGICAL TOURISM IN FOREIGN COUNTRIES AND UZBEKISTAN: COMPARATIVE ANALYSIS AND WAYS OF ADAPTING INTERNATIONAL EXPERIENCE

Bayturova Aida Nabiyeвна,
Independent researcher at Tashkent State University of Law

Abstract. The article is dedicated to a comparative analysis of the legal mechanisms for regulating ecotourism in foreign countries—Australia, the USA, Great Britain, Norway, and Russia—with the national legislation and practices of the Republic of Uzbekistan. The work examines key legislative acts regulating ecotourism, institutional management models in various jurisdictions, and mechanisms for environmental certification of tourism facilities and services. Special attention was paid to identifying the features of regulatory regulation, the role of government bodies in shaping sustainable tourism policies, and the degree of involvement of local communities and the private sector in the development of ecotourism. Proposals are being put forward to improve the national legal framework, including the need to introduce international environmental certification standards, expand public-private partnership mechanisms, increase the level of environmental education, and ensure effective control over compliance with environmental requirements in the tourism sector. It was concluded that the development of ecotourism requires a comprehensive intersectoral approach that combines legal, environmental, and social regulation. The adoption of a balanced model of legal regulation will allow Uzbekistan not only to strengthen the competitiveness of its tourism industry, but also to ensure the long-term protection of

unique natural resources, contribute to the sustainable socio-economic development of the regions, and shape the image of the country as an environmentally responsible participant in the international tourism community.

Keywords: *ecological tourism, sustainable development, legal regulation, specially protected natural areas, international experience, eco-certification, environmental policy*

Введение

В современном туризме наблюдаются несколько ключевых тенденций, одной из которых является стремление к устойчивости и экологичности. Изначально экологический кризис способствовал развитию природоориентированных видов туризма, однако со временем даже экотуризм, приобретя массовый характер, стал представлять потенциальную угрозу экологической безопасности и сохранности природных экосистем.

В связи с этим многие страны, занимающие лидирующие позиции в туристической сфере по количеству приезжающих или доходам, а также специализирующиеся на экотуризме, активно внедряют эффективные механизмы регулирования отрасли для обеспечения экологической безопасности.

Современные туристы, следуя трендам здорового образа жизни и осознанного отношения к окружающей среде, отдают предпочтение устойчивым туристическим направлениям. Вопросы экологической устойчивости приобретают международное значение и находятся в центре внимания различных международных организаций.

По мнению ряда экспертов, туристическая отрасль становится всё более «зелёной» – путешественники чаще обращают внимание на экологичность курортов и направлений, а также на сохранность природных комплексов. В результате растёт интерес к природным территориям, минимально затронутым хозяйственной деятельностью, в качестве мест для отдыха [1, с. 7].

Во многих странах природа играет ключевую роль в развитии туризма. Так, в развитых государствах Северной Европы акцент делается на создание инфраструк-

туры для экологически безопасного туризма, обеспечивая комфорт и минимальное воздействие на окружающую среду. В то же время в развивающихся странах Африки и Юго-Восточной Азии основное внимание уделяется привлечению как можно большего числа туристов, что часто сопровождается повышенной нагрузкой на природные экосистемы [2].

Поэтому растёт интерес к международному опыту регулирования туризма в природных зонах. Изучение успешных практик позволяет формировать устойчивые стратегии, обеспечивающие сохранность природных комплексов, развитие экотуризма и повышение его привлекательности для путешественников.

Целью настоящего исследования является проведение сравнительного правового анализа механизмов регулирования экологического туризма в ряде зарубежных стран (Австралия, США, Великобритания, Норвегия, Россия) и Узбекистане с целью выявления эффективных международных практик, а также разработка предложений по адаптации и внедрению этих подходов в национальную правовую систему Узбекистана для обеспечения устойчивого развития экологического туризма.

Литературный обзор. Правовые и экологические аспекты туризма являются предметом активного изучения как зарубежных, так и отечественных исследователей. В международной академической среде особое внимание уделяется необходимости нормативной поддержки экотуризма как важнейшего направления устойчивого развития. Так, Д. Феннелл (Fennell, 2020) подчёркивает, что правовая регламентация экотуристической де-

тельности должна обеспечивать баланс между туристической активностью и сохранением природного наследия. Аналогично, Д. Уивер (Weaver, 2018), исследуя организацию экотуризма в национальных парках США, акцентирует внимание на ключевой институциональной роли государства и важности межведомственного взаимодействия в управлении особо охраняемыми территориями. Р. Батлер (Butler, 2005) в своих трудах рассматривает устойчивость туризма в условиях глобализации, утверждая, что только через эффективные правовые механизмы возможно снизить антропогенное воздействие на окружающую среду.

Особое место в международной практике занимает скандинавский подход, в котором сочетается культурно закреплённое право свободного доступа к природе (*allemannsretten*) и строгая система экологической сертификации, включающая такие стандарты, как *Green Key* и *Eco-Lighthouse*. Эти модели демонстрируют, как правовая традиция может быть дополнена современными механизмами регулирования, обеспечивающими устойчивое использование природных ресурсов.

В российской научной литературе экологический туризм и его правовое обеспечение исследуются в трудах В.И. Даниленко, Е.В. Шаблиной, А.А. Шихова и других. Учёные акцентируют внимание на несовершенстве правового режима особо охраняемых природных территорий (далее – ОППТ), ограниченности системы сертификации и слабой интеграции требований устойчивого развития в туристское законодательство. Они подчёркивают необходимость модернизации правовой базы, гармонизации норм экологического и туристского права, а также повышения роли региональных инициатив.

Таким образом, проведённый анализ научной литературы позволяет утверждать, что формирование эффективной

модели правового регулирования экологического туризма требует междисциплинарного подхода, институциональной согласованности и использования проверенных международных практик, обеспечивающих охрану природы при одновременном развитии туристской отрасли.

Методология. В ходе исследования применялись общенаучные и специально-юридические методы. В качестве основного метода использовался сравнительно-правовой анализ, позволивший выявить сходства и различия в правовом регулировании экологического туризма в зарубежных странах (Австралия, США, Великобритания, Норвегия, Россия) и Узбекистане. Использован формально-юридический метод для изучения нормативных правовых актов, регулирующих вопросы охраны природы, особо охраняемых природных территорий, туристской деятельности и экологической сертификации. Эмпирическую основу составили международные договоры, законы, подзаконные акты, государственные стратегии, официальные доклады органов государственной власти, материалы международных организаций (UNEP, UNWTO), а также научные публикации и аналитические обзоры. Кроме того, применялись методы логического и системного анализа при обобщении зарубежного опыта и оценке возможности его применения в Узбекистане. Комплексный подход к анализу источников позволил сформулировать обоснованные выводы и предложения по совершенствованию национального законодательства в сфере экологического туризма.

Основная часть

Опыт США. США обладают значительными рекреационными ресурсами, которые активно осваиваются и используются в туристической сфере. В стране находится множество охраняемых природных территорий, известных во всём мире и привле-

кающих как местных жителей, так и туристов из разных стран, особенно тех, кто проживает в городах и стремится к единению с природой. Благоприятные природные условия, включая разнообразный климат, обилие водных и почвенных ресурсов, способствуют развитию рекреационного и экологического туризма на значительной части территории страны [3].

Экологический туризм активно развивается на особо охраняемых природных территориях, управление которыми осуществляется как государственными ведомствами, так и частным сектором. Эта страна знаменита своими старейшими национальными парками, где накоплен значительный опыт в снижении негативных последствий массового туризма, эффективной логистике и организации разнообразных туристических активностей в природной среде.

Система регулирования экологического туризма отличается сложностью и многоуровневостью, включая нормативно-правовые акты федерального, регионального и муниципального уровней. При этом законодательство штатов играет ключевую роль в формировании туристической политики. Регулирование экотуризма охватывает широкий спектр вопросов: зонирование природных территорий, охрана окружающей среды, требования к строительству, лицензирование гидов и транспортных услуг, правила утилизации отходов, а также установление входных сборов и правил эксплуатации туристических объектов.

Федеральные законы, такие как закон о чистой воде, закон о чистом воздухе и закон об исчезающих видах, оказывают влияние на всю деятельность в сфере экотуризма, затрагивая как государственные, так и частные земли. Национальные парки, заповедники и леса регулируются специализированными органами, которые принимают меры для минимизации негативного воздействия человека на природу [4].

Нормативные акты, разработанные для конкретных территорий, направлены на предотвращение экологических последствий, связанных с антропогенной нагрузкой: шумовое загрязнение, уплотнение почвы, повреждение растительного покрова и разрушение мест обитания животных.

С 1970-х годов федеральное правительство США последовательно сокращает государственное регулирование в туристской сфере, передавая основные полномочия по контролю за деятельностью туристских компаний на уровень отдельных штатов. В настоящее время ключевую роль в формировании туристской политики на национальном уровне играет Консультативный совет по путешествиям и туризму (U.S. Travel and Tourism Advisory Board), работающий при Управлении международной торговли Министерства торговли США. Этот орган разрабатывает рекомендации по широкому кругу вопросов, влияющих на развитие индустрии, и участвует в формировании Национальной стратегии развития туризма [5, с. 48].

На уровне штатов вопросы регулирования курирует местные туристские администрации, каждая из которых реализует собственные управленческие подходы, учитывающие региональные особенности.

Важно отметить, что в Национальной стратегии развития туризма США устойчивость и экологическая безопасность не рассматриваются как приоритетные направления, в отличие от многих других стран. Тем не менее экотуризм получает косвенную поддержку через грантовые программы для малого бизнеса (например, в сфере агротуризма), образовательные инициативы и межведомственную координацию, в рамках общего развития туристской отрасли [6].

Государственные учреждения США, отвечающие за регулирование экотуризма,

ма: Служба национальных парков США (National Park Service, NPS), Лесная служба США (Forest Service, FS), Служба рыболовства и дикой природы США (Fish and Wildlife Service, FWS), Бюро землеустройства США (Bureau of Land Management, BLM), Агентство по охране окружающей среды (Environmental Protection Agency, EPA) Бюро мелиорации (Bureau of Reclamation, BOR).

Опыт Норвегии. С 2017 года правительство и парламент страны определили ключевые приоритеты национальной туристской политики, ориентированные на устойчивое развитие и конкурентоспособность. В рамках этой стратегии были увеличены государственные инвестиции в создание экологически безопасной туристской инфраструктуры.

Норвегия придерживается многовекового принципа – *allemannsretten*, предоставляющего каждому человеку право свободного передвижения по природным территориям. Этот принцип закреплён в законе об отдыхе на природе (Outdoor Recreation Act) от 1957 года, который гарантирует доступ к сельской местности для рекреации и активного отдыха. Он распространяется и на национальные парки (за исключением ООПТ), что даёт туристам больше свободы, чем во многих других странах Европы. Закон позволяет собирать грибы, ягоды, валежник, разжигать костры в холодный сезон, рыбачить в морских водах и останавливаться на ночлег в палатке практически на любых природных территориях [7].

Однако рост числа туристов ставит под угрозу этот традиционный принцип. Чтобы сохранить баланс между свободным доступом к природе и её охраной, Норвегия внедряет комплексный подход к управлению туризмом. Правительство ежегодно выделяет около 37 млн долларов на развитие экотуризма, модернизацию туристских маршрутов и создание альтернатив-

ных троп, что отражает концепцию «мягкого» регулирования [8, с. 56].

Значимую роль в экологическом туризме играют закон о сохранении биоразнообразия (Nature Diversity Act, 2009) и закон об экологической информации (Environmental Information Act, 2003), который регулирует доступ общественности к информации о состоянии окружающей среды и процессах принятия экологических решений.

Отдельное внимание уделяется сохранению природных комплексов в Арктике, где арктический туризм набирает популярность. В этой зоне создано множество заповедников с чётко установленными правилами поведения. Например, закон об охране окружающей среды архипелага Свальбард определяет меры защиты заповедных территорий, виды нарушений и предусмотренные санкции, включая штрафы и тюремное заключение [9].

В Норвегии действует система экосертификации туристских направлений, которая может представлять интерес для стран, стремящихся развивать экологически устойчивый туризм. В стране применяются различные эко-сертификаты, включая Green Travel, Ecotourism Norway, Nordic Swan Ecolabel, а также международные стандарты Eco-Lighthouse, The Green Key, ISO 14001 и Blue Flag. Эти сертификаты гарантируют, что туристские услуги соответствуют строгим требованиям в отношении сортировки и переработки отходов, рационального энергопотребления, использования химических веществ и взаимодействия с поставщиками. Причём данные стандарты зачастую строже, чем национальные нормы Норвегии.

Одним из ключевых инструментов развития экологически ответственного туризма является программа «Экологически устойчивые направления». Это единственный в Скандинавии сертификат, присуждаемый туристским регионам, продвигаю-

щим инициативы в области экологии, сохранения местных традиций, культурного наследия и устойчивого развития экономики. Хотя этот сертификат не свидетельствует о 100-процентной экологической чистоте направления, он подтверждает, что регион уже начал движение в этом направлении. Оценка сертифицированных местностей проводится раз в три года. На сегодняшний день статус экологически устойчивых направлений получили Сетсдал, регион Люнгенфьорд, Люсе-фьорд, Линдеснес, Фемунд Энгердал, Золотой маршрут. В процессе подтверждения находятся Восс, Рьюкан, Суннхордланд, Нарвик, Валдрес, остров Сенья, Нурефьель, Вестеролен, Лофотенские острова, Будё, Алта, Согнефьорд (включён в список Всемирного наследия ЮНЕСКО), Гейрангер-фьорд и Осло.

Опыт Великобритании. Основным нормативным актом, регулирующим сферу туризма в Великобритании, является закон о развитии туризма (Development of Tourism Act, 1969). Он предусматривает создание Британского управления по туризму и отдельных туристских советов для Англии, Шотландии и Уэльса, которые занимаются содействием развитию туризма как внутри страны, так и за её пределами. Закон также регулирует вопросы финансирования строительства новых гостиниц, модернизации существующих объектов, а также регистрации отелей и других туристских заведений [10, с. 85].

В Великобритании действует широкая законодательная база по охране окружающей среды, охватывающая вопросы борьбы с загрязнением, сохранения дикой природы, изменений климата, защиты исторических памятников и планирования развития территорий. Среди ключевых законов [11, с. 192]: закон о дикой природе и сельской местности (1981 г.) – основан на директивах Европейского Совета по защите диких птиц, способствует

сохранению национальных парков, исторических памятников и сельской местности; закон о планировании (1990 г.) – регулирует охрану зданий, включённых в список исторического наследия, и защищает заповедные территории; закон о национальных парках и доступе в сельскую местность (1949 г.) – определяет создание национальных парков и зон исключительной природной красоты, а также регулирует общественные права проезда; закон о древних памятниках и археологических районах (1979 г.) – обеспечивает защиту зданий и сооружений, имеющих историческую ценность; закон о сельской местности и праве проезда (2000 г.) – предоставляет гражданам право на свободное передвижение по незастроенным природным территориям, таким как горы, пустоши и холмы.

Особый интерес представляет опыт Великобритании в сфере организации туризма на охраняемых природных территориях. Национальные парки страны в первую очередь ориентированы на рекреационные потребности местных жителей, и большинство посетителей – это внутренние туристы, совершающие однодневные поездки.

Концепция национальных парков в Великобритании была официально принята после Второй мировой войны, в период значительных социальных преобразований. Создание этих природных зон рассматривалось как инструмент укрепления общественного благосостояния и повышения привлекательности страны. Разработкой национальной концепции охраняемых природных территорий занимался архитектор и градостроитель Джон Дауэр, который в 1945 году подготовил отчёт, заложивший основу для формирования системы национальных парков. В этом документе признавалась важность таких территорий не только с точки зрения экологической защиты, но и для обеспечения

качественного отдыха и повышения уровня жизни граждан.

Закон об окружающей среде 1995 года сыграл ключевую роль в развитии национальных парков Великобритании, закрепив рекомендации Доклада 1991 года. Важным нововведением стало создание независимых органов управления национальными парками, которые получили полномочия действовать автономно либо в сотрудничестве с местными властями.

Стоит отметить, что большая часть законодательства в этой сфере распространялась только на Англию и Уэльс. Несмотря на предложения по созданию национальных парков в Шотландии, первый такой парк появился там лишь в 2002 году в результате принятия закона о национальных парках (Шотландия) 2000 года. Такое запоздалое развитие объяснялось рядом факторов: 1) природные условия Шотландии – значительная часть территории представляла собой низкокачественные сельскохозяйственные угодья, защита которых не была в приоритете; 2) удалённость от населённых пунктов – горные районы Шотландии изначально не рассматривались как удобные места для национальных парков из-за труднодоступности; 3) отсутствие политической поддержки – в течение долгого времени создание парков не находило достаточной поддержки среди властей, что замедлило процесс их организации.

Лишь к концу 1990-х годов был принят окончательный закон, а в 2002 году в Шотландии официально появились два первых национальных парка.

В соответствии с законодательством Великобритании национальные парки обязаны разрабатывать пятилетний план управления, в котором отражается долгосрочное видение и стратегические направления их развития (UKANPA, 2012). В таких планах определяются основные вызовы, затрагивающие территорию, а так-

же меры по их устранению, обеспечивающие сохранение природного наследия для будущих поколений. Документы должны быть чёткими и лаконичными, подчёркивая уникальные особенности парка, но при этом оставаться гибкими для адаптации к изменениям [11, с. 193].

В стране действует сертификация туристических и гостиничных объектов. В рамках бизнес-схемы зелёного туризма представлены экологически чистые фермерские дома, пансионаты и коттеджи Англии и Уэльса, многие из которых отмечены наградами за устойчивое развитие. Программа «Этот зелёный мир» предоставляет информацию о экоинфраструктуре, включая органические усадьбы и экокоттеджи, работающие на энергии солнца и ветра.

Опыт России. В России, как и во всём мире, экологический туризм является важной составляющей устойчивого развития туристской отрасли. Хотя термин «экотуризм» появился в индустрии туризма около 20 лет назад, его трактовка остаётся разнообразной. В одних случаях его используют как маркетинговый термин для продвижения туристских продуктов, в других – рассматривают как путешествия в нетронутые природные уголки, минимально затронутые человеческой деятельностью [12].

В России создание ООПТ является традиционной и эффективной формой природоохранной деятельности. Их правовое регулирование охватывает широкий спектр нормативных актов, включая Конституцию РФ и ряд федеральных законов. Среди ключевых федеральных законов можно выделить [13]: «Об охране окружающей среды» (№ 7-ФЗ, 2002 г.); «Об особо охраняемых природных территориях» (№ 33-ФЗ, 1995 г.); «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» (№ 166-ФЗ, 2004 г.); «О территориях традиционного природопользования ко-

ренных малочисленных народов» (№ 49-ФЗ, 2001 г.); «Об охране озера Байкал» (№ 94-ФЗ, 1999 г.); «О животном мире» (№ 52-ФЗ, 1995 г.); «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» (№ 26-ФЗ, 1995 г.), а также другие нормативные акты, направленные на охрану и рациональное использование природных территорий.

Данные федеральные законы регулируют взаимоотношения общества и природы в процессе хозяйственной и иной деятельности, оказывающей влияние на природную среду – важнейшую часть окружающей среды, обеспечивающую жизнь на Земле. Их действие распространяется на всю территорию Российской Федерации, а также на континентальный шельф и исключительную экономическую зону РФ.

Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» регулирует правовой статус различных природоохранных зон, среди которых государственные природные заповедники, включая биосферные, национальные и природные парки, заказники, памятники природы, а также дендрологические парки, ботанические сады, лечебно-оздоровительные местности и курорты. Закон определяет их функции, порядок создания и правовой режим охраны [14].

В систему законодательства России об ООПТ также входят Лесной, Водный и Земельный кодексы, а также региональные и местные нормативно-правовые акты. Например, в Москве действует специальный закон «О схеме развития и размещения особо охраняемых природных территорий». В 2003 году Министерство природных ресурсов РФ утвердило Стратегию развития заповедников и национальных парков до 2015 года, включающую меры по совершенствованию законодательства.

Однако вопросы экологической ответственности в туристской индустрии до сих пор недостаточно развиты. Закон РФ

«Об основах туристской деятельности», а также национальные ГОСТы по туристско-экскурсионному обслуживанию практически не затрагивают экологические аспекты и уменьшение воздействия туризма на природу. Стандарты и правила гостиничного сервиса содержат лишь общие требования о недопущении ухудшения окружающей среды, но не предусматривают конкретных мер по охране природы [15, с. 119].

Создание четкой правовой базы для экологического туризма является перспективной задачей для развития отрасли. Развитие экотуризма может не только укрепить экономику, но и обеспечить защиту ООПТ, которые являются его основным объектом.

Опыт Австралии. Австралия является одним из лидеров в развитии экологически безопасного туризма. В стране широко распространены природоориентированные виды туризма, а охрана уникальных экосистем играет ключевую роль.

Для регулирования экотуризма создана развитая законодательная база. Природа Австралии рассматривается как важный элемент национального туристского продукта, что подтверждается подчинением правительственного туристского агентства Министерству природных ресурсов, энергетики и туризма. Среди федеральных законов, регулирующих эту сферу, выделяются: «Об охране окружающей среды и биологического разнообразия» (1999 г.) и «О морском парке Большого Барьерного Рифа» (1975 г.) [16, с. 137].

С 1994 года действует Национальная стратегия по развитию экотуризма (NES), которая обеспечивает комплексное планирование, развитие и управление экологическим туризмом. Она охватывает такие вопросы, как экологическая устойчивость, инфраструктура, мониторинг, маркетинг, образование и вовлечение коренного населения.

В Австралии действует система ООПТ, регулируемая как на федеральном, так и на уровне штатов. Для согласования полномочий между государством и регионами заключаются двусторонние соглашения (bilateral agreements). По каждому виду ООПТ разрабатываются планы управления (management plans), учитывающие возможности для развития экотуризма [17, с. 461].

Программа National Reserve System Program предусматривает партнёрство с частными инвесторами: государство компенсирует до 2/3 стоимости земельных участков, приобретаемых для охраны природы, а доходы направляются в специальный фонд (Australian National Parks Fund). Развивается и частная система ООПТ, где владельцы участков могут заключать соглашения об ограничении хозяйственной деятельности (conservative covenants) для сохранения природной среды. Таким образом, Австралия демонстрирует успешную интеграцию экотуризма в государственную и частную системы управления природными территориями, обеспечивая устойчивое развитие туризма.

Вопросы регулирования экологически безопасного туризма находятся в ведении нескольких государственных органов. Главным из них является Министерство природных ресурсов, энергетики и туризма Австралии, которое отвечает за развитие туристской отрасли, включая экотуризм. Кроме того, значительную роль играет Tourism Australia – правительственное агентство, занимающееся привлечением иностранных туристов, продвижением туристских услуг и маркетинговыми кампаниями. В рамках стратегии «Туризм-2020» агентство ставит перед собой задачу увеличения туристских расходов до 140 млрд долларов.

Управление национальными парками и ООПТ осуществляет Служба национальных парков Австралии (The Director

of National Parks), находящаяся в ведении Департамента окружающей среды, вод, культурного наследия и искусств. В каждом штате функционируют собственные агентства, регулирующие деятельность ООПТ [18]. Австралия также успешно реализует национальную программу сертификации экотуризма, которая стала основой для разработки международных стандартов в данной сфере.

Результаты исследования. Проведённое сравнительно-правовое исследование позволило выявить ключевые тенденции, принципы и механизмы правового регулирования экологического туризма в ряде зарубежных стран – Австралии, США, Норвегии, Великобритании, России – и в Республике Узбекистан. В результате анализа определены наиболее эффективные правовые подходы к устойчивому развитию экотуризма, а также выявлены существующие пробелы и вызовы в нормативной базе Узбекистана.

Опыт США иллюстрирует эффективность многоуровневой системы регулирования. Федеральные акты, такие как законы о чистой воде, о чистом воздухе, об исчезающих видах, обеспечивают основу экологической защиты. Региональное и местное законодательство дополняет федеральное регулирование, позволяя учитывать природные и экономические особенности конкретных территорий. Важной особенностью является участие государственных агентств (NPS, EPA, FWS) в разработке экологических стандартов, контроле за зонированием, выдаче лицензий и надзоре за деятельностью в ООПТ.

Норвегия демонстрирует иную, «мягкую» модель правового регулирования. Центральным принципом здесь выступает allemannsretten – всеобщее право на свободный доступ к природе, закреплённое в законе об отдыхе на природе (1957). Для сохранения баланса между откры-

тостью природы и её охраной используется система строгой сертификации туристских направлений (Green Travel, Ecotourism Norway, ISO 14001), а также законодательные акты в области биоразнообразия и экологической информации. Государственные инвестиции в инфраструктуру устойчивого туризма (более 37 млн долларов ежегодно) и разработка сертификатов устойчивых направлений способствуют формированию высоких стандартов экотуризма.

Австралия представляет собой пример комплексного правового подхода к развитию экологически безопасного туризма. Национальная стратегия по развитию экотуризма (National Ecotourism Strategy, 1994 г.) и закон об охране окружающей среды и биоразнообразия (1999 г.) устанавливают основу регулирования, в том числе через партнёрства с частными владельцами и использование системы частных ООПТ. Механизм заключения добровольных соглашений по сохранению природной среды (conservation covenants) дополняется государственной компенсацией за ограничение хозяйственной деятельности. Эффективная модель включает двусторонние соглашения между федеральным правительством и штатами, а также специализированную сертификацию (Ecotourism Australia), ставшую образцом на международном уровне.

Великобритания отличается сочетанием консервативного охранного законодательства и современной системы сертификации. Законы о дикой природе и сельской местности (1981 г.), о национальных парках и доступе в сельскую местность (1949 г.), о древних памятниках и археологических районах (1979 г.) и другие формируют основу правового регулирования. Развитие национальных парков направлено не только на сохранение природы, но и на повышение качества жизни населения.

Национальные парки обязаны разрабатывать пятилетние планы управления, адаптированные к изменениям климата, потоку туристов и социальным вызовам. Дополнительно применяется схема Green Tourism Business Scheme, способствующая сертификации туристических услуг и экообъектов.

В России развитие экотуризма осуществляется на основе традиционной модели охраны природы через сеть ООПТ. Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» (1995 г.) и ряд смежных актов (Лесной, Водный и Земельный кодексы) определяют правовой режим природных парков, заповедников, заказников и других. Однако существующее законодательство недостаточно интегрирует вопросы экотуризма в систему правового регулирования. ФЗ «Об основах туристской деятельности» слабо связан с экологическими требованиями, отсутствует система сертификации, а меры по контролю за антропогенной нагрузкой остаются ограниченными. Основными вызовами остаются недостаток финансирования, слабая координация между органами и нехватка образовательных программ.

В Узбекистане экологический туризм развивается в рамках общей государственной стратегии по повышению туристской привлекательности страны. Однако правовая база в этой сфере остаётся фрагментарной. Хотя существуют положения о природоохранной деятельности, отсутствует специализированное законодательство об экотуризме, а нормативные акты, регулирующие деятельность туристов на ООПТ, носят общий характер. Недостаточна система лицензирования гидов, контроля за инфраструктурой, не определены экологические стандарты туристских услуг. Это создаёт угрозы для природных комплексов и снижает потенциал устойчивого туризма.

Анализ международного опыта показывает, что для повышения эффективности регулирования экологического туризма в Узбекистане необходимо:

- принятие специализированного закона об экологическом туризме;
- введение системы обязательной сертификации туристских направлений и услуг;
- разработка стандартов поведения и инфраструктурных требований на природных территориях;
- усиление роли местных сообществ и частного сектора в охране природы;
- создание межведомственного координационного органа по экотуризму.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ показывает, что успешное развитие экологического туризма возможно только при комплексном подходе к правовому регулированию, основанном на балансе между защитой природы и интересами туризма. Узбекистану целесообразно адаптировать лучшие международные практики, особенно в части сертификации, институциональной координации и нормативного зонирования природных территорий. Это позволит не только сохранить уникальные природные комплексы, но и сформировать устойчивую модель развития туризма, соответствующую целям устойчивого развития и экологической безопасности.

Заключение

Сравнительно-правовой анализ механизмов регулирования экологического туризма в зарубежных странах и Узбекистане позволяет утверждать, что успешное развитие экотуризма невозможно без комплексной, целенаправленной и институционально поддержанной правовой базы.

Мировой опыт показывает, что эффективное правовое регулирование экологического туризма включает:

- разработку специализированных законов, учитывающих экологические аспекты туризма;
- развитие системы сертификации и стандартов экотуризма;
- вовлечение частного бизнеса и местных сообществ в развитие экотуризма;
- баланс между охраной природы и развитием туристской отрасли.

Так, Австралия и США успешно сочетают государственное регулирование и частные инициативы. Норвегия и Великобритания делают упор на сертификацию и устойчивое развитие туризма. Россия пока отстаёт в развитии экотуризма из-за слабой нормативной базы и недостаточного финансирования.

Для Узбекистана полезным будет внедрение международных стандартов сертификации, развитие частно-государственного партнёрства и усиление контроля за экологической безопасностью туризма.

Узбекистан, располагая богатым природным потенциалом, имеет все предпосылки для формирования собственной модели устойчивого экотуризма. Однако для этого необходимы активные шаги в правотворческой, институциональной и образовательной плоскостях. Интеграция международных стандартов, развитие системы подготовки кадров, внедрение цифровых решений в управление туризмом и охраной природы станут важными элементами национальной стратегии.

Развитие правового регулирования экологического туризма в Узбекистане не только позволит развивать туристскую отрасль, но и обеспечит долгосрочную охрану уникальных экосистем, повышение качества жизни населения и укрепление позиций страны на международной арене как экологически ответственного государства.

REFERENCES

1. Afanas'ev O.E., Afanas'yeva A.V. Ponyatiye «ekologicheskiy turizm» v mirovoy i rossiyskoy praktike: sravnitel'nyy analiz i keysy [The concept of ecotourism in global and Russian practice: comparative analysis and case studies]. *Modern Problems of Service and Tourism*, 2017, vol. 11, no. 4, pp. 7–25.
2. Afanas'eva A.V. Zarubezhnyy opyt upravleniya v sfere ekoturizma: tendentsii i modeli razvitiya [Foreign experience in ecotourism management: trends and development models]. *Service in Russia and abroad*, 2020, vol. 14, no. 3, pp. 27–56. DOI: 10.24411/1995-042X-2020-10303
3. Nikitin A.I., Fedorova S.V. Ekoturizm v SShA [Ecotourism in the USA]. *StrojMnogo*, 2017, no. 2(7). Available at: <http://stroymnogo.com/science/economy/ekologicheskiy-turizm-v-ssha/>
4. Blamey R. Ecotourism: the search for an operational definition. *Journal of Sustainable Tourism*, 1997, vol. 5, no. 2, pp. 109–130. DOI: 10.1080/09669589708667280.
5. Reid S.E., Marion J.L. A comparison of campfire impacts and policies in seven protected areas. *Environmental Management*, 2005, vol. 36, no. 1, pp. 48–58.
6. National Park Service. Programmy «Junyj rejndzher». Junior Ranger Programs. U.S. Department of the Interior, 2016. Available at: <https://www.nps.gov>
7. Björk P. Ecotourism from a conceptual perspective: an extended definition of a unique tourism form. *International Journal of Tourism Research*, 2000, vol. 2, pp. 189–202.
8. Tazhibayeva T.L., Isaldayeva S.Zh. Oriyentatsiya na Zapad: vozmozhnosti primeneniya zarubezhnogo opyta i modeley ekoturizma v Kazakhstane [Focus on the West: applying foreign experience in ecotourism development in Kazakhstan]. *Herald of the Treasury. Geographical Series*, 2013, no. 1(36), pp. 56–64.
9. Strategiya pravitel'stva Norvegii dlya Kraynego Severa [Norwegian Government Strategy in Northern Regions]. Available at: <https://shhshhshh.regjeringen.no/globalassets/up-load/ud/vedlegg/strategiru.pdf>
10. Cater E. Ecotourism in the Third World: problems for sustainable tourism development. *Tourism Management*, 1993, vol. 14, no. 2, pp. 85–90. DOI: 10.1016/0261-5177(93)90040-R.
11. Donohoe H.M., Needham R.D. Ecotourism: The Evolving Contemporary Definition. *Journal of Ecotourism*, 2006, vol. 5, no. 3, pp. 192–210. DOI: 10.2167/joe152.0.
12. Lukina E.A. Ekoturizm i rossiyskoye zakonodatel'stvo [Ecotourism and Russian Legislation]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskiy-turizm-i-zakonodatelstvo-rossii>
13. Normativnaya baza «Konsul'tant Plyus» [Regulatory legal base “Consultant Plus”]. Available at: <https://www.consultant.ru/document>
14. Federal'nyy zakon ot 14 marta 1995 g. N 33-FZ “Ob osobo okhranyayemykh prirodnykh territoriyakh” (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Federal Law of March 14, 1995 No. 33-FZ “On Specially Protected Natural Territories” (as amended)]. Available at: <http://base.garant.ru/10107990/#ixzz3jiMafUVG>
15. Voskolovich N.A., Mar'in N.G. Ekoturizm kak perspektivnoye napravleniye [Ecotourism as a promising direction]. In: Socio-economic problems of development of individual branches of the service sector. Moscow, Faculty of Economics, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, 2017, pp. 119–127.
16. Hall C.M. Ecotourism in Australia, New Zealand and the South Pacific: Appropriate tourism or a new form of ecological imperialism? In: Ecotourism: A Sustainable Option? London & Chichester: Royal Geographical Society and John Wiley, 1994, pp. 137–157.
17. Fennell D., Ebert K. Tourism and the precautionary principle. *Journal of Sustainable Tourism*, 2004, vol. 12, no. 6, pp. 461–479. DOI: 10.1080/09669580408667249.
18. Wondirad A., Tolkach D., King B. Stakeholder collaboration as a major factor for sustainable ecotourism development in developing countries. *Tourism Management*, 2020, vol. 78. DOI: 10.1016/j.tourman.2019.104024.

Kelib tushgan / Получено / Received: 11.07.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 15.08.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 25.08.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.4./EMMZ7616

UDC: 349.6(045)(575.1)

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И ПРИНЦИПЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Отаубаева Айгуль Бахрамовна,
самостоятельный соискатель
Ташкентского государственного
юридического университета
ORCID: 0009-0001-7696-0134
e-mail: Otaubaeva@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена комплексному исследованию правовой природы и принципов административной ответственности за экологические правонарушения в законодательстве Республики Узбекистан с проведением сравнительно-правового анализа правовой системы Республики Казахстан. Экологические правонарушения рассматриваются автором как особая категория противоправных и общественно опасных деяний, которые нарушают экологический правопорядок, причиняют ущерб окружающей среде и создают угрозу устойчивому развитию. Административная ответственность в данной сфере выступает важнейшей формой публично-правового воздействия, направленной на предотвращение вредных действий, обеспечение восстановления нарушенного правового баланса и защиту прав граждан на благоприятную окружающую среду. В статье подробно раскрываются ключевые принципы административной ответственности, включая законность, справедливость, гуманизм, индивидуализацию наказания, неотвратимость ответственности, пропорциональность, публичность и профилактическую направленность. Сравнительный анализ с законодательством Республики Казахстан выявляет более высокий уровень детализации правовых норм, институциональной проработки и применения процессуальных гарантий, что служит основой для формулирования предложений по совершенствованию Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности. Особое внимание уделено характеристике специфических особенностей правового регулирования экологических правонарушений: составам правонарушений, кругу субъектов, видам санкций, механизмам возмещения ущерба и средствам правовой защиты. Проведённый сравнительно-правовой подход, основанный на анализе национального и зарубежного опыта, позволяет определить общие тенденции в развитии института административной ответственности и выявить различия в степени детализации правовых норм, институциональном обеспечении и процессуальных гарантиях, что имеет практическое значение для формирования эффективной системы охраны окружающей среды в Узбекистане.

Ключевые слова: экологические правонарушения, административная ответственность, юридическая природа, принципы права, Республика Узбекистан, Республика Казахстан, охрана окружающей среды, экологическая безопасность, правоприменение, сравнительно-правовой анализ

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI QONUNCHILIGIDA EKOLOGIK HUQUQBUZARLIKLAR UCHUN MA'MURIY JAVOBGARLIKNING YURIDIK TABIATI VA TAMOYILLARI: QOZOG'ISTON RESPUBLIKASI MISOLIDA QIYOSIY-HUQUQIY TAHLIL

Otaubayeva Aygul Baxramovna,
Toshkent davlat yuridik universiteti
mustaqil izlanuvchisi

Annotatsiya. Ushbu maqola O'zbekiston Respublikasi qonunchiligida ekologik huquqbuzarliklar uchun ma'muriy javobgarlikning huquqiy tabiati va tamoyillarini kompleks tadqiq etishga bag'ishlangan bo'lib, Qozog'iston Respublikasi huquqiy tizimi bilan qiyosiy-huquqiy tahlilni ham o'z ichiga oladi. Ekologik huquqbuzarliklar muallif tomonidan ekologik huquqiy tartibotni buzadigan, atrof-muhitga zarar yetkazadigan va barqaror rivojlanishga tahdid soladigan alohida toifadagi g'ayriqonuniy hamda ijtimoiy xavfli xatti-harakatlar sifatida ko'rib chiqiladi. Ushbu sohada ma'muriy javobgarlik zararli xatti-harakatlarning oldini olish, buzilgan huquqiy muvozanatni tiklashni ta'minlash va fuqarolarning qulay atrof-muhitga bo'lgan huquqlarini himoya qilishga qaratilgan muhim davlat-huquqiy mexanizmi sifatida namoyon bo'ladi. Maqolada ma'muriy javobgarlikning asosiy prinsiplari, jumladan: qonuniylik, adolat, gumanizm, jazoni individuallashtirish, javobgarlikning muqarrarliligi, mutanosiblik, oshkoralik va profilaktika yo'nalishlari batafsil yoritilgan. Qozog'iston Respublikasi qonunchiligi bilan qiyosiy tahlil natijalari ushbu davlatda huquqiy normalar, institutsional ta'minot va protsessual kafolatlarning yanada yuqori darajada aniq belgilanganini ko'rsatadi. Shu asosda O'zbekiston Respublikasining Ma'muriy javobgarlik to'g'risidagi kodeksini takomillashtirish bo'yicha takliflar ishlab chiqiladi. Tadqiqotda ekologik huquqbuzarliklarning tarkibi, subyektlari, sanksiyalari, yetkazilgan zararni qoplash mexanizmlari hamda huquqiy himoya vositalariga ham alohida e'tibor qaratildi. Milliy va xorijiy tajribani tahlil qilishga asoslangan qiyosiy-huquqiy yondashuv, ma'muriy javobgarlik institutining rivojlanishidagi umumiy tendensiyalarni aniqlash imkonini beradi. Shuningdek, u huquqiy normalarning batafsil darajasi, institutsional ta'minot va protsessual kafolatlardagi farqlarni ko'rsatib beradi hamda O'zbekistonda atrof-muhitni muhofaza qilishning samarali tizimini shakllantirish uchun amaliy ahamiyatga ega.

Kalit so'zlar: ekologik huquqbuzarliklar, ma'muriy javobgarlik, yuridik tabiati, huquq tamoyillari, O'zbekiston Respublikasi, Qozog'iston Respublikasi, atrof-muhitni muhofaza qilish, ekologik xavfsizlik, huquqni qo'llash amaliyoti, qiyosiy-huquqiy tahlil

THE LEGAL NATURE AND PRINCIPLES OF ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR ENVIRONMENTAL OFFENSES IN THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS WITH THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Otaubayeva Aigul Bakhramovna,
Independent researcher at Tashkent State University of Law

Abstract. This article is dedicated to a comprehensive study of the legal nature and principles of administrative liability for environmental offenses in the legislation of the Republic of Uzbekistan, with a comparative legal analysis of the legal system of the Republic of Kazakhstan. Environmental offenses are considered by the author as a special category of illegal and socially dangerous acts that violate environmental law and order, cause damage to the environment, and create a threat to sustainable

development. Administrative liability in this area serves as the most important form of public legal influence aimed at preventing harmful actions, ensuring the restoration of the violated legal balance, and protecting citizens' rights to a favorable environment. The article details the key principles of administrative liability, including legality, fairness, humanism, individualization of punishment, inevitability of responsibility, proportionality, publicity, and preventive orientation. Comparative analysis with the legislation of the Republic of Kazakhstan reveals a higher level of detail in legal norms, institutional elaboration, and application of procedural guarantees, which serves as a basis for formulating proposals for improving the Code of the Republic of Uzbekistan on Administrative Liability. Special attention is paid to the characteristics of the specific features of legal regulation of environmental offenses: the composition of offenses, the range of subjects, the types of sanctions, the mechanisms for compensation for damages, and the means of legal protection. The conducted comparative legal approach, based on the analysis of national and foreign experience, allows for the identification of general trends in the development of the institution of administrative liability and the disclosure of differences in the degree of detail of legal norms, institutional support, and procedural guarantees, which is of practical importance for the formation of an effective environmental protection system in Uzbekistan..

Keywords: *environmental offenses, administrative liability, legal nature, principles of law, Republic of Uzbekistan, Republic of Kazakhstan, environmental protection, ecological safety, law enforcement, comparative legal analysis*

Введение

В условиях усиливающихся глобальных экологических вызовов правовое регулирование охраны окружающей среды приобретает особое значение. Одним из важнейших инструментов обеспечения экологической безопасности и устойчивого природопользования выступает институт юридической ответственности, в частности административной. Экологические правонарушения, наносящие вред природе, здоровью населения и биоразнообразию, требуют оперативного и эффективного реагирования со стороны государства. Административная ответственность в этом контексте является ключевым механизмом пресечения и предупреждения противоправных действий, затрагивающих природную среду.

Среди правовых механизмов, направленных на обеспечение благоприятной окружающей среды, сохранение биосфер, а также на рациональное использование и восстановление природных ресурсов, важнейшую роль играет институт юридической ответственности. Его сущность заключается в осознании каждым

членом общества необходимости соблюдения установленных норм поведения в сфере взаимодействия человека с природой. На протяжении многих лет у населения нашей страны и других государств сформировались устойчивые представления о допустимых границах воздействия на экологические системы. Люди осознали, как следует защищать природную среду, каких последствий следует избегать при использовании технических средств и новых материалов, а также какие формы вмешательства в природу категорически неприемлемы. Это понимание стало основой для формирования соответствующих правовых норм и санкций, обеспечивающих соблюдение экологических требований в интересах настоящих и будущих поколений.

Республика Узбекистан, как и многие другие страны, уделяет значительное внимание совершенствованию законодательства в сфере охраны окружающей среды. Вместе с тем в целях повышения эффективности правоприменения актуальным представляется сравнительный анализ опыта других государств, в частности Республики Казахстан, обладающей

схожими правовыми традициями и экологическими проблемами.

Цель исследования. Цель данного исследования – выявить юридическую природу, сущностные черты и принципы административной ответственности за экологические правонарушения в Узбекистане, а также провести сравнительно-правовой анализ казахстанского законодательства, выделив общие черты, отличия и перспективы гармонизации правовых подходов.

Литературный обзор. Вопросы административной ответственности за экологические правонарушения нашли широкое отражение в юридической литературе как Республики Узбекистан, так и Республики Казахстан. Теоретические основы административного принуждения, а также природы и функций административной ответственности рассматривались в трудах таких отечественных учёных, как Ж.Т. Холмуминов, М.Х. Рустамбаев, Ю.А. Жураев, чьи исследования подчёркивают важность административно-правового регулирования в сфере охраны окружающей среды. Эти авторы обращают внимание на необходимость гармонизации отраслевого законодательства и усиления контроля со стороны государственных органов.

Среди казахстанских исследователей значительный вклад в развитие теории экологической и административной ответственности внесли Д.Л. Байдельдинов, Ж.С. Елюбаев, А.С. Макарова, которые анализируют содержание административной ответственности через призму принципов законности, индивидуализации, неотвратимости и гуманизма. Байдельдинов выделяет условия наступления административной ответственности: наличие экологического проступка, вина и нарушенная правовая норма – это позволяет глубже понять сущность административного воздействия.

Ш.Х. Файзиев рассматривает юридическую ответственность за экологические правонарушения как межотраслевую категорию, охватывающую нормы административного, уголовного, гражданского и экологического права. Он подчёркивает необходимость комплексного подхода при применении санкций к правонарушителям и важность профилактики правонарушений.

Исследования Андрушкявичюса (2008) и Шедбараса (2005) раскрывают теоретико-прикладные аспекты административной ответственности, в том числе её цель – предотвращение повторных правонарушений и восстановление правового порядка.

Законодательные источники, такие как Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности (далее – КоАО) и Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее – КоАП), служат нормативной основой анализа. Они содержат нормы, регулирующие порядок привлечения к ответственности за экологические правонарушения, а также принципы административного производства.

Сравнительно-правовой подход, основанный на изучении национального и зарубежного опыта, позволяет выявить как общие тенденции (универсальность принципов ответственности, наличие специальных норм охраны природы), так и различия, в частности: в степени детализации правовых норм, институциональном обеспечении, наличии процессуальных гарантий и инструментов правовой защиты.

Таким образом, проанализированная литература демонстрирует высокий научный интерес к проблемам административной ответственности в сфере охраны окружающей среды, что подтверждает актуальность выбранной темы и необходимость её дальнейшего комплексного

изучения с учётом международных и региональных практик.

Методология. Для достижения целей настоящего исследования применён комплекс научных методов, обеспечивающих всесторонний анализ административной ответственности за экологические правонарушения в законодательстве Республики Узбекистан и Республики Казахстан. Прежде всего, использован сравнительно-правовой метод, который позволил выявить сходства и различия в нормативной регламентации, а также оценить степень правовой детализации и институциональной развитости в каждой стране. Аналитический метод использовался для изучения действующих правовых норм, выявления проблемных аспектов правоприменения и анализа научной литературы по теме. Системный подход обеспечил рассмотрение административной ответственности как элемента целостного механизма экологического регулирования и правопорядка. Кроме того, применялся формально-юридический метод для интерпретации положений кодексов и специальных законов в сфере охраны окружающей среды.

Комплексное использование указанных методов позволило обеспечить объективность и научную обоснованность сделанных выводов и рекомендаций.

Основная часть

Экологическая опасность правонарушений в сфере охраны окружающей среды заключается не только в риске нанесения ущерба экологическим интересам общества, но и в значительном вреде, который они могут причинить устойчивым связям внутри самих экосистем. Более точным и содержательным можно считать определение экологического правонарушения как общественно опасного, виновного действия или бездействия, запрещённого законом под угрозой применения санкций, направленного на наруше-

ние экологических отношений и нанесение вреда окружающей среде [1, с. 36].

По мнению Д.Л. Байдельдинова, экологическое правонарушение представляет собой противоправное и виновное поведение, выраженное в форме действия либо бездействия, которое нарушает экологические права и законные интересы граждан, юридических лиц и государства, а также причиняет ущерб или создаёт реальную угрозу нанесения вреда окружающей природной среде [2, с. 112].

Экологические правонарушения – это действия (или бездействие), нарушающие экологическое законодательство и порядок, наносящие ущерб окружающей среде, здоровью людей и имуществу. Ответственность за экологические правонарушения связана с общими проблемами реализации законов, то есть она обладает основными чертами и принципами, характерными для юридической ответственности в целом [3].

Ш.Х. Файзиев определяет юридическую ответственность за экологические правонарушения как совокупность правовых мер, предусмотренных экологическим, уголовным, административным, трудовым, гражданским и экономико-финансовым законодательством, применяемых при нарушении требований охраны окружающей среды, условий использования природных ресурсов и норм экологической безопасности. Это определение демонстрирует комплексный характер подхода к ответственности в экологической сфере, так как включает все ключевые отрасли права, регулирующие данные отношения. Главные задачи экологической ответственности – защита экологического правопорядка, привлечение нарушителей к ответственности, предупреждение новых правонарушений и возмещение причинённого ущерба [4, с. 88].

Экологическое правонарушение представляет собой противоправное поведе-

ние физического или юридического лица, выраженное в действии либо бездействии, которое противоречит установленным требованиям экологического законодательства. Такая противоправность проявляется в полном или частичном несоблюдении норм, правил и стандартов, закреплённых в законах, подзаконных актах, а также в локальных нормативных документах. Несоответствие поведения экологическим нормам свидетельствует о нарушении правового порядка в сфере охраны окружающей среды и использования природных ресурсов. Важно учитывать, что ответственность наступает не только за нарушение законов, но и за игнорирование подзаконных и локальных экологических предписаний.

Проанализировав изложенное, можно определить экологическое правонарушение как противоправное и виновное деяние, совершаемое субъектом, обладающим правоспособностью и дееспособностью, которое причиняет экологический вред либо создаёт реальную угрозу его возникновения, а также нарушает охраняемые законом права и законные интересы участников экологических правоотношений. Основными признаками такого правонарушения являются его экологическая направленность, экологическая опасность и противоправность. Под экологической направленностью понимается то, что действия нарушителя связаны с ухудшением состояния окружающей среды и нарушением установленного правового режима использования природных ресурсов. Она проявляется и в случаях посягательства на экологические права и интересы человека, которые находятся под защитой закона.

Институт ответственности за экологические правонарушения играет важную роль в предупреждении незаконных действий, используя для этого специфические правовые механизмы [5]. Ознакомле-

ние граждан с нормами ответственности способствует формированию осознанного и дисциплинированного отношения к собственному поведению в сфере охраны окружающей среды. Он ясно обозначает границы допустимого, за которые нельзя выходить без последствий. Реализация мер юридической ответственности позволяет восстановить нарушенный экологический правопорядок, а в случае нанесения ущерба здоровью или имуществу — обеспечить компенсацию пострадавшим лицам, тем самым укрепляя справедливость и правовую стабильность.

В данном исследовании мы рассмотрим природу административной ответственности за экологические правонарушения, проанализируем её сущностные характеристики, особенности правового регулирования, а также значение в системе охраны окружающей среды, направленной на предупреждение, пресечение и устранение последствий противоправных деяний в сфере экологических отношений.

Административная ответственность играет важную роль в механизме поддержания правового порядка в сфере общественных отношений, связанных с обеспечением экологической безопасности, охраной окружающей среды и рациональным природопользованием, выступая эффективным средством предупреждения и пресечения экологически вредного поведения [6].

Одним из ключевых аспектов исследования административных экологических правонарушений является их разграничение с экологическими преступлениями. Оба эти вида противоправных деяний служат основанием для применения публично-правовой ответственности и имеют ряд общих признаков, в частности: посягательство на экологические правоотношения, причинение вреда окружающей среде, отдельным природным объектам,

а также угрозу здоровью и жизни людей. Основные различия между ними заключаются в степени общественной опасности: экологические преступления характеризуются более тяжкими последствиями, значительным ущербом природным системам, вредом для здоровья и имущества граждан, могут носить систематический характер, что и обуславливает более строгие меры ответственности.

По мнению Шедбараса, административная ответственность является самостоятельной формой юридической ответственности, реализуемой в рамках административного процесса в соответствии с установленными правовыми нормами [7].

По мнению Andruškevičius, административная ответственность – это вид юридической ответственности, заключающийся в обязанности физических и юридических лиц отвечать за запрещённые законом деяния с целью предотвращения их повторного совершения и предупреждения поведения, опасного для общества [8].

Административная ответственность за экологические правонарушения применяется к физическим и юридическим лицам за совершение административных правонарушений. Целью назначаемых в этом порядке административных взысканий является обеспечение законности и правопорядка при осуществлении государственного управления. Нарушение требований охраны окружающей среды – это ситуация, при которой окружающая среда оказывается незащищённой от воздействия физических и юридических лиц в процессе их взаимодействия с экологическими факторами: экономической деятельностью, промышленным развитием и другими негативными действиями, влияющими на загрязнение окружающей среды, здоровье человека и другие факторы, ранее не упомянутые, которые приводят к отрицательным последствиям [9].

По мнению отечественного учёного Ж.Т.Холмуминова, административная ответственность за экологические правонарушения в виде предупреждения, штрафа и других мер взыскания предусмотрена в Кодексе Республики Узбекистан об административной ответственности, а также в некоторых актах экологического законодательства (например, в Законах Республики Узбекистан «Об охране природы», «О воде и водопользовании», «О недрах», «Об охране атмосферного воздуха», «Об охране и использовании растительного мира», «Об охране и использовании животного мира», «О лесе», Земельном кодексе и др.). Она применяется специально уполномоченными государственными органами управления природопользованием и охраны окружающей природной среды [10, с. 25].

Согласно мнению учёных-правоведов Узбекистана М.Х.Рустамбаева, М.Б.Усманова, Ю.А.Жураева и других, административная ответственность представляет собой одну из форм юридической ответственности, которая наиболее широко используется в случаях нарушений экологического законодательства. Основанием для её применения является факт совершения административного правонарушения. КоАО предусматривает меры административного воздействия за такие правонарушения. Эти меры применяются, если не имеется достаточных оснований для привлечения нарушителя к уголовной ответственности [11, с. 66].

По мнению автора из Казахстана Д.Л.Байдельдинова, административная ответственность за экологические правонарушения наступает при одновременном наличии трёх элементов: во-первых, в деянии должны проявляться признаки экологического проступка; во-вторых, оно должно быть совершено виновно – умышленно или по неосторожности; в-третьих, должна действовать правовая

норма, устанавливающая запрет на такое поведение и санкцию за его нарушение [12, с. 29].

По мнению Ж.С. Елюбаева, административная ответственность представляет собой вид юридической ответственности граждан, должностных и юридических лиц за совершение административных правонарушений. В отличие от других видов ответственности, административная ответственность имеет надведомственный характер, поскольку она применяется не администрацией предприятия, а специально уполномоченными органами и должностными лицами. Это могут быть административные комиссии, органы санэпиднадзора, охраны водных ресурсов, рыбохраны, охотхозяйства, технические инспекции труда. В Казахстане порядок и основания привлечения к административной ответственности регулируются Кодексом Республики Казахстан об административных правонарушениях и другими нормативными актами, если нарушение не влечёт уголовной ответственности [13].

Анализируя приведённые определения, можно заключить, что административная ответственность за экологические правонарушения – это самостоятельный вид публично-правовой ответственности, наступающий при совершении субъектом (физическим или юридическим лицом) виновного действия или бездействия, нарушающего экологические нормы и повлёкшего вред либо угрозу вреда окружающей среде. Она реализуется уполномоченными органами через предупреждения, штрафы и иные санкции, направленные на восстановление экологического правопорядка, возмещение ущерба и предотвращение повторных нарушений.

Административная ответственность обладает рядом характерных особенностей. Во-первых, она основана на собственной нормативно-правовой базе, ре-

гулирующей различные аспекты деятельности государственных органов и органов местного самоуправления по обеспечению правопорядка. Во-вторых, её нормы имеют универсальный характер, распространяются на всех – как на физических, так и на юридических лиц. В-третьих, такая ответственность применяется исключительно в случае совершения административного проступка.

Принципы административной ответственности, представленные А.С. Макаровой [14], охватывают важные аспекты правовой системы и предназначены для обеспечения справедливости, разумности и законности в применении административных санкций: 1) принцип законности; 2) принцип неотвратимости ответственности; 3) принцип индивидуализации ответственности; 4) принцип справедливости; 5) принцип презумпции невиновности; 6) принцип целесообразности; 7) принцип гуманизма.

Принципы административной ответственности в полной мере распространяются и на сферу охраны окружающей среды, формируя правовые основы привлечения к ответственности за экологические правонарушения.

Так, принцип законности обеспечивает строгое соблюдение экологического законодательства при выявлении и рассмотрении дел о правонарушениях, связанных с загрязнением окружающей среды, нарушением режима природопользования и другими действиями, наносящими вред экосистеме.

Неотвратимость ответственности служит гарантией того, что лица, нарушившие экологические нормы, неизбежно будут привлечены к ответственности, независимо от их статуса, тем самым формируя профилактическое воздействие на правонарушителей.

Принцип индивидуализации позволяет учитывать характер экологического

правонарушения, степень причинённого вреда, личность правонарушителя (будь то физическое или юридическое лицо), что особенно важно в контексте разнообразия экологических объектов и форм воздействия на них.

Справедливость в применении санкций означает, что мера административного воздействия должна соответствовать тяжести экологического ущерба и вине нарушителя.

Презумпция невиновности обеспечивает защиту прав лица, привлекаемого к ответственности за экологическое правонарушение, и исключает возможность необоснованного обвинения.

Целесообразность проявляется в том, что принимаемые меры направлены не только на наказание, но и на предупреждение новых правонарушений, а также на восстановление нарушенных экологических прав.

Принцип гуманизма требует, чтобы санкции, применяемые к нарушителям экологического законодательства, не унижали человеческого достоинства и соблюдали фундаментальные права личности, что особенно актуально при взаимодействии с населением в сфере охраны окружающей среды.

В соответствии со статьями 8–24 КоАП Республики Казахстан [15], законодатель выделяет и детализирует ключевые принципы административного производства, такие как: законность, равенство перед законом и судом, презумпция невиновности, принцип вины, недопустимость повторного привлечения к ответственности, гуманизм, уважение прав личности, право на защиту, гласность, безопасность и судебную защиту. Эти положения охватывают как материальные, так и процессуальные гарантии прав лиц, привлекаемых к административной ответственности.

В отличие от вышесказанного, статья 3 КоАО Республики Узбекистан формули-

рует основные принципы в обобщённом виде: законность, равноправие, демократизм, гуманизм, справедливость и неотвратимость ответственности за вину. Таким образом, казахстанский подход отличается большей конкретизацией и системностью, в то время как законодательство Республики Узбекистан ограничивается провозглашением базовых положений без их развёрнутого раскрытия. Это свидетельствует о различиях в подходах к нормативному закреплению принципов, при общей направленности на защиту прав и законных интересов личности.

В Узбекистане ряд положений изложен более обобщённо, а ключевые гарантии прав и свобод личности, включая презумпцию невиновности, неприкосновенность личности и право на юридическую помощь, в большей степени регулируются на уровне Конституции. Это указывает на различия в степени детализации и институционального обеспечения прав участников административного процесса в двух странах.

Результаты исследования. В ходе проведённого сравнительно-правового анализа были получены следующие результаты, отражающие специфику административной ответственности за экологические правонарушения в законодательстве Узбекистана и Казахстана.

Во-первых, установлено, что экологические правонарушения в Узбекистане и Казахстане имеют схожую правовую природу: они рассматриваются как противоправные, общественно опасные деяния, направленные против экологического правопорядка. Однако в Узбекистане определение экологических правонарушений имеет более общий характер, тогда как в Казахстане законодатель чётко дифференцирует составы правонарушений по объектам экологических отношений (земля, вода, воздух, животный и растительный мир и т. д.).

Во-вторых, принципы административной ответственности в двух странах имеют различную степень проработки. В КоАО Республики Узбекистан они представлены в обобщённой форме (законность, гуманизм, справедливость и др.), тогда как в КоАП Республики Казахстан они закреплены системно и детализированно (ст. 8–24), включая такие важные положения, как презумпция невиновности, индивидуализация наказания, недопустимость повторного привлечения к ответственности и др.

В-третьих, административные санкции, предусмотренные в обеих странах, в целом совпадают (предупреждение, штраф, конфискация орудия правонарушения, приостановление деятельности и др.), однако в Казахстане действуют более строгие меры в отношении юридических лиц, в том числе возможность временно-го лишения лицензии или разрешения на природопользование. В Узбекистане данное направление требует дальнейшего развития.

В-четвёртых, установлено, что в Узбекистане отсутствует единая система экологического мониторинга правонарушений и правоприменительной практики, в то время как в Казахстане действует Единый реестр административных правонарушений, включающий сведения о экологических делах, что повышает транспарентность и подотчётность системы.

В-пятых, выявлено, что в Узбекистане правовые гарантии участников административного процесса (например, право на защиту, презумпция невиновности, судебная защита) в большей степени обеспечиваются на уровне Конституции и общих принципов, тогда как в Казахстане данные гарантии более чётко интегрированы в Кодекс об административных правонарушениях.

Также выявлена необходимость кодификации экологического законодатель-

ства в Узбекистане, что позволит упростить правоприменение и обеспечить единообразие в толковании и применении норм. На данный момент большое количество актов (например, законы «О воде», «О недрах», «О воздухе» и т.д.) регулируют отдельные вопросы экологических правонарушений, что затрудняет системный подход.

Таким образом, результаты исследования демонстрируют, что несмотря на общие цели и сходство в принципах, Казахстан демонстрирует более продвинутый уровень институционализации административной ответственности в экологической сфере, что может быть полезным ориентиром для реформирования законодательства Узбекистана. Конкретизация принципов, усиление правовых гарантий, цифровизация контроля и унификация правовых актов являются приоритетными направлениями развития в рамках правовой охраны окружающей среды.

Заключение

На основе сравнительного анализа можно предложить следующие рекомендации по совершенствованию Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности в части регулирования ответственности за экологические правонарушения:

1. *Совершенствование системы принципов.* Рекомендуется учесть опыт Республики Казахстан и закрепить каждый из ключевых принципов – законность, презумпция невиновности, гуманизм, равенство перед законом и судом и др. – в отдельных статьях с их детальным содержательным раскрытием. Это повысит уровень юридической определённости и обеспечит единообразное применение норм. Целесообразно дополнить КоАО новыми принципами, включая:

- недопустимость повторного привлечения к административной ответственности за одно и то же правонарушение;

- право на квалифицированную юридическую помощь;
- гласность рассмотрения дел;
- независимость органов и должностных лиц, уполномоченных рассматривать экологические правонарушения.

Введение таких положений обеспечит усиление правовых гарантий и приведёт национальное законодательство в соответствие с международными стандартами.

2. Гарантии прав личности и правовая защита. Желательно чётко закрепить неприкосновенность личности, частной жизни и собственности, а также право на обжалование и судебную защиту. Подобный подход реализован в КоАП Республики Казахстан (ст. 14–24) и может быть полезен для совершенствования законодательства нашей республики.

3. Основные принципы административной ответственности за экологические правонарушения:

- принцип пропорциональности – меры ответственности должны соответствовать характеру и степени тяжести правонарушения и быть соразмерны причинённому экологическому ущербу.

- принцип объективности – административная ответственность может наступать независимо от формы вины правонарушителя, включая непреднамеренные деяния, если они привели к нарушению экологического законодательства;

- принцип индивидуализации ответственности – каждый случай правонарушения требует отдельной оценки с учётом обстоятельств дела, степени вины и наличия предыдущих нарушений;

- принцип публичности – применение мер ответственности должно способствовать предупреждению новых правонарушений и формированию экологической культуры среди граждан и организаций;

- принцип справедливости – санкции должны обеспечивать баланс между на-

казанием и последствиями для окружающей среды, учитывая интересы общества и здоровья населения;

- принцип профилактики – административные меры направлены не только на наказание, но и на предотвращение будущих экологических нарушений.

4. Специфические особенности административной ответственности в сфере экологии:

1) предмет экологических правонарушений – их состав охватывает широкий спектр общественных отношений, связанных с использованием и охраной природных ресурсов (земель, вод, недр, лесов, атмосферного воздуха, а также с сохранением флоры и фауны);

2) конкретизация правонарушений – ответственность наступает исключительно за деяния, прямо определённые в законе, что обеспечивает правовую определённость и исключает произвольное применение санкций;

3) меры административной ответственности – среди предусмотренных мер: предупреждение, административный штраф, конфискация орудий правонарушения, административный арест, приостановление деятельности, изъятие лицензии на использование природных ресурсов, возмещение экологического ущерба, административное выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства;

4) субъекты ответственности – к ответственности могут привлекаться граждане, иностранные граждане, лица без гражданства, юридические лица и должностные лица, что подчёркивает универсальность применения экологических норм;

5) компетенция уполномоченных органов – меры ответственности применяются специализированными органами и должностными лицами, обладающими законными полномочиями, что гарантирует

профессионализм и соблюдение процедур;

6) предусмотренность наказания – применяются исключительно санкции, установленные КоАО. Допускается освобождение от ответственности за малозначительные правонарушения, что обеспечивает справедливость и гибкость правоприменительной практики;

7) возмещение экологического ущерба – привлечение к административной ответственности не освобождает от обязанности возмещения причинённого вреда.

При этом штраф направляется в бюджет или специальные экологические фонды, тогда как возмещение ущерба осуществляется непосредственно потерпевшим или в восстановление окружающей среды.

Комплексное совершенствование принципов и механизмов административной ответственности позволит укрепить систему правовой охраны окружающей среды, повысить эффективность экологического контроля и приблизить национальное законодательство к международным стандартам.

REFERENCES

1. Abdraimov B., Zharylkasyn Ye. Vozmeshcheniye vreda okruzhayushchey srede po zakonodatel'stvu Respubliki Kazakhstan [Compensation for environmental damage under the legislation of the Republic of Kazakhstan]. Almaty, Yurist Publ., 2001, p. 80.
2. Baideldinov D.L. Ekologicheskoye zakonodatel'stvo Respubliki Kazakhstan [Environmental law of the Republic of Kazakhstan]. Almaty, 2005, p. 249.
3. Hanna A., Myroslava S., Khrystyna H., Roksolana B. Environmental offences and environmental protection: theoretical and applied aspects. *International Journal of Agricultural Extension*, Spec. Iss. (02), 2021, pp. 1–10. DOI: 10.33687/ijae.009.00.3956
4. Fayziyev Sh.Kh. Yuridicheskaya otvetstvennost' za narusheniye zakonodatel'stva ob okhrane okruzhayushchey sredy: voprosy pravovogo obespecheniya [Legal liability for violation of environmental legislation: legal aspects]. *Yurisprudensiya*, 2022, vol. 5, pp. 88–96.
5. Koryakovtsev Yu.N., Sobol' I.A. Sostoyaniye i perspektivy sovershenstvovaniya administrativnoy otvetstvennosti za ekologicheskiye pravonarusheniya [Status and prospects of improving administrative responsibility for environmental violations]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-perspektivy-sovershenstvovaniya-administrativnoy-otvetstvennosti-za-ekologicheskie-pravonarusheniya>
6. Diusenov E.A. Administrativnaya otvetstvennost' za ekologicheskiye pravonarusheniya [Administrative responsibility for environmental violations]. *KazNU Bulletin. Law Series*, 2009, vol. 51(3). Available at: <https://bulletin-law.kaznu.kz/index.php/journal/article/view/114>
7. Šedbaras S. Administrative responsibility. Vilnius, Justitia Publ., 2005. Available at: <https://gs.elaba.lt>
8. Andriuškevičius A. Administrative law. Vilnius: Legal Information Department of the Public Enterprise Registry Center, 2008. Available at: <https://gs.elaba.lt>
9. Gintarė G. Administrative responsibility for environmental violations in Lithuania. 2023. Available at: <https://gs.elaba.lt>
10. Kholmuminov Zh.T. Ekologicheskoye pravo (na osnove prirodookhrannogo zakonodatel'stva Respubliki Uzbekistan): Al'bom skhem [Environmental law (based on the environmental legislation of the Republic of Uzbekistan): Diagram manual]. Tashkent, Tafakkul Publ., 2010, p. 272

11. Rustambaev M.Kh., Usmanov M.B., Juraev Yu.A. Ekologicheskoye zakonodatel'stvo Respubliki Uzbekistan [Environmental law of the Republic of Uzbekistan]. N.K. Skripnikov, Yu.A. Juraev (Eds). Tashkent, Tashkent State Law Institute Publ., 2006, p. 415.
12. Baideldinov D.L. Yuridicheskaya otvetstvennost' za ekologicheskiye pravonarusheniya [Legal responsibility for environmental violations]. Almaty, 1993, p. 258.
13. Elyubayev Zh.S. Voprosy yuridicheskoy otvetstvennosti v ekologicheskoy sfere v kontekste Kontseptsii novogo Ekologicheskogo kodeksa Respubliki Kazakhstan [Issues of legal liability in the environmental sphere in the context of the Concept of the new Environmental Code of Kazakhstan]. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32684204&pos=5;-106
14. Makarova A.S. Administrativnaya otvetstvennost' za ekologicheskiye pravonarusheniya [Administrative responsibility for environmental violations]. *Koncept*, 2017, vol. 39, pp. 3666–3670. Available at: <http://e-koncept.ru/2017/971060.htm>
15. Code of the Republic of Kazakhstan on Administrative Offenses, adopted on July 5, 2014. No. 235-V. Available at: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235>

Kelib tushgan / Получено / Received: 16.07.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 07.08.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 25.08.2025

DOI:10.51788/tsul.jurisprudence.5.4./RKK03062

UDC: 347.965(045)(575.1)

ADVOKATLAR KASBIY TAYYORGARLIGINING O'ZIGA XOS XUSUSIYATLARI VA UNI TAKOMILLASHTIRISH MASALALARI

To'ychiyeva Malika Botir qizi,
Toshkent davlat yuridik universiteti
tayanch doktoranti,
Sud, huquqni muhofaza qiluvchi organlar va
advokatura kafedrası o'qituvchisi
ORCID: 0009-0004-5858-1538
e-mail: malikatuychiyeva97@gmail.com

Annotatsiya. Ushbu maqola mamlakatimizda advokatlar kasbiy tayyorgarligi institutini yanada takomillashtirish masalasiga bag'ishlangan bo'lib, unda bir qator ilmiy g'oyalar ilgari suriladi. Xususan, ta'lim tizimi va ta'lim to'g'risidagi qonunchilikda kasbiy tayyorgarlikning o'рни hamda ahamiyati yoritib beriladi. Advokatlik faoliyatiga kirib kelayotgan mutaxassislarini o'qitish va ularning bilimlarini doimiy ravishda oshirib borishning davlat ahamiyatiga molikligi ta'kidlanadi. Shuningdek, davlat va jamiyat ehtiyojlaridan kelib chiqib advokatlar kasbiy tayyorgarligining dolzarbligi tahlil qilinadi. Maqolada milliy va xorijiy olimlarning qarashlariga murojaat qilingan, ilmiy munozara yuritilgan va muallifning shaxsiy fikr hamda munosabati bayon etilgan. Advokatlar uchun kasbiy tayyorgarlikning zaruriy jihatlari tahlil qilinib, mazkur jarayonda e'tibor qaratilishi lozim bo'lgan masalalar yuzasidan fikr va mulohazalar bildiriladi. Shu bilan birga, sohani tartibga soluvchi respublika miqyosidagi normativ-huquqiy hujjatlar tahlil qilinib, mavjud kamchiliklarni bartaraf etish bo'yicha qonunchilikka oid takliflar ilgari suriladi. Advokatlar kasbiy tayyorgarligi bilan bog'liq xalqaro standartlar va xorijiy tajriba o'rganilib, ular mamlakatimiz qonunchiligi bilan qiyosiy tahlil qilinadi.

Kalit so'zlar: advokat, advokatning kasbiy tayyorgarligi, advokat shaxsini shakllantirishda zaruriy bilim va ko'nikmalar, advokat maqomi, "Ta'lim to'g'risida"gi Qonun, advokat kasbiy nufuzi

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ АДВОКАТОВ И ВОПРОСЫ ЕЁ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Туйчиева Малика Ботир кизи,
базовый докторант, преподаватель кафедры
«Суд, правоохранительные органы и адвокатура»
Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам дальнейшего совершенствования института профессиональной подготовки адвокатов в нашей стране и содержит ряд научных идей и предложений. В частности, раскрывается место и значение профессиональной подготовки в системе образования и законодательстве об образовании. Подчеркивается

государственная значимость обучения специалистов, вступающих в адвокатскую деятельность, и постоянного повышения уровня их знаний. Анализируется актуальность профессиональной подготовки адвокатов исходя из потребностей государства и общества. В статье обращается внимание на взгляды национальных и зарубежных учёных, ведётся научная дискуссия, приводятся личные мнения и позиции автора. Рассматриваются необходимые аспекты профессиональной подготовки адвокатов, излагаются идеи и предложения по вопросам, требующим особого внимания в данном процессе. Кроме того, исследуются республиканские нормативно-правовые акты, регулирующие данную сферу, выявляются имеющиеся недостатки и предлагаются рекомендации по их устранению. Изучаются международные стандарты и зарубежный опыт, связанные с профессиональной подготовкой адвокатов, которые сопоставляются с национальным законодательством.

Ключевые слова: адвокат, профессиональная подготовка адвоката, необходимые знания и навыки в формировании личности адвоката, статус адвоката, Закон «Об образовании», профессиональный престиж адвоката

FEATURES OF PROFESSIONAL TRAINING OF ADVOCATES AND ISSUES OF ITS IMPROVEMENT

Tuychieva Malika Botir kizi,

Basic doctoral student,
Lecturer at the Department of Court,
Law Enforcement Agencies and Advocacy,
Tashkent State University of Law

Abstract. This article is dedicated to the issue of further improving the institution of professional training of advocates in our country and puts forward a number of scientific ideas. In particular, the role and importance of professional training are highlighted in the education system and legislation on education. It is emphasized that the training of specialists entering the legal profession and the continuous improvement of their knowledge are of national importance. Also, based on the needs of the state and society, the relevance of the professional training of advocates is analyzed. The article refers to the views of national and foreign scientists, conducts scientific discussions, and expresses the author's personal opinion and attitude. The necessary aspects of professional training for advocates are analyzed, and opinions and considerations are expressed on issues that should be paid attention to in this process. At the same time, normative legal acts regulating the sphere at the republican level will be analyzed, and legislative proposals will be put forward to eliminate existing shortcomings. International standards and foreign experience related to the professional training of advocates are studied, and they are compared with the legislation of our country.

Keywords: advocate, professional training of an advocate, essential knowledge and skills in the formation of the identity of an advocate, the status of an advocate, Law "On Education," professional reputation of an advocate

Kirish

Bugungi kunda O'zbekistonda barcha sohalarda ta'limga bo'lgan e'tibor sezilarli darajada ortib bormoqda. Mamlakatimizda ta'lim tizimini rivojlantirish, malakali kadrlar tayyorlash maqsadlariga katta kuch va mablag' sarflanmoqda. Shu jumladan, davlat budjetidan ta'lim sohasi uchun keng miq-

yosda resurslar yo'naltirilmoqda. Natijada, maktabgacha ta'lim, umumiy o'rta ta'lim, oliy ta'lim tizimlari hamda ilmiy-tadqiqot muassasalari faoliyatida sifat jihatidan muhim o'zgarishlar yuz bermoqda. Mamlakatimiz rahbari ham bu borada quyidagicha ta'kidlaydi: "Yoshlarni zamonaviy bilim va tajriba, milliy va umumbashariy qadriyatlar

asosida mustaqil va mantiqiy fikrlaydigan, ezgu fazilatlar egasi bo'lgan insonlar etib voyaga yetkazamiz" [1, 11-b.].

Shu jumladan, yuksak axloqiy fazilatlariga ega, ma'nan yetuk va o'z sohasining bilimdoni bo'lgan huquqshunos kadrlarni tayyorlash davlat siyosatida muhim o'rin tutmoqda. Bunga sabab sifatida huquqshunoslarning jamiyatda adolatni qaror toptirish, aholining huquqiy ong va madaniyatini yuksaltirishdagi beqiyos o'rnini ko'rsatish mumkin. Ta'kidlash joizki, O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2023-yil 11-sentabrdagi PF-158-sonli "O'zbekiston – 2030 strategiyasi to'g'risida"gi Farmonida ham xalq xizmatidagi, adolatli va zamonaviy davlatni barpo etish masalasi strategiyaning asosiy g'oyasi sifatida belgilangan.

Ma'lumki, O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasining 29-moddasida har bir shaxsning malakali yuridik yordam olish huquqi kafolatlangan bo'lib, qonunda nazarda tutilgan hollarda bunday yordam davlat hisobidan ko'rsatilishi belgilangan. Shuningdek, Konstitutsiyaning 141-moddasiga muvofiq, jismoniy va yuridik shaxslarga malakali yuridik yordam ko'rsatish maqsadida advokatura faoliyat yuritadi. Shundan kelib chiqib aytish mumkinki, malakali yuridik yordam ko'rsatish davlat va jamiyat oldida turgan eng muhim vazifalardan biridir. Shu jihatdan, advokatlarning kasbiy tayyorgarligi, ularning yetarli bilim va amaliy ko'nikmalarga ega bo'lishi adolatli va zamonaviy davlatni barpo etish yo'lida muhim qadamlardan biri hisoblanadi.

Davlatimiz rahbari Sh.Mirziyoyev ham malakali kasbiy tayyorgarlik sanoatlashtirish, umuman, davlat rivojining asosi ekanini ta'kidlab o'tgan [2].

Mazkur sohada tadqiqot olib borgan olimlar A.V. Ragulin va M.S. Shayxullinning ta'kidlashicha, advokaturaga kadrlarni tanlash va jalb etish masalalari dolzarb hisoblanadi. Bu jarayon nafaqat alohida advokatura tuzilmalariga, balki butun advokatura institu-

tiga bevosita taalluqlidir. Zero, tashabbuskor, bilimli va advokatlik etikasiga rioya qiluvchi yuristlar advokatura nufuzini fuqarolar nazarida yuksaltiradi. Aksincha, yetarli tayyorgarlikka ega bo'lmagan hamda kasbning axloqiy-me'yoriy talablarini buzadigan yuristlar jamiyatning advokaturaga – jismoniy va yuridik shaxslarning huquq hamda erkinliklarini samarali himoya qilishga qaratilgan institut sifatidagi – munosabatiga salbiy ta'sir ko'rsatadi [3].

Rus olimasi Y.E. Makushkina fikricha, o'qitish jarayoni, nomzodlarning stajirovkasi va imtihon topshirish tartibini takomillash-tirish kasbga nisbatan past motivatsiyaga ega shaxslar oqimini kamaytirishga xizmat qiladi. Shuningdek, bu jarayon nomzodlar tayyorgarligi sifatini oshirish, Advokatlar palatasi tomonidan tashkil etiladigan tashkiliy hamda moliyaviy to'siqlar amaliyotiga barham berishga yo'naltirilgan bo'lishi lozim [4].

I. Yusupov, G. Kuchkarova va L. Achilovalarning fikricha, advokatlarning ta'limi va kasbiy tayyorgarligi sifati ularning kasbiy kompetentligiga, mijozlarning huquq va manfaatlarini himoya qilish qobiliyatiga bevosita ta'sir qiladi. Advokatlarni tayyorlash va ta'lim tizimini o'rganish kuchli va zaif tomonlarni aniqlash, shuningdek, ta'lim sifatini oshirish bo'yicha chora-tadbirlarni belgilash, jumladan o'quv dasturlari va kurslarini takomillashtirish bo'yicha takliflar ishlab chiqish imkonini beradi [5].

Xorijiy tajribaga murojaat qiladigan bo'lsak, Buyuk Britaniya, AQSh, Rossiya, Germaniya, Fransiya va Yaponiya kabi rivojlangan mamlakatlarda advokatlarning kasbiy tayyorgarligiga alohida e'tibor qaratilmoqda.

Mazkur masala yurtimizda ham dolzarb ahamiyat kasb etib, buni quyidagi statistik ma'lumotlar yanada yaqqol ifodalaydi. 2023-yilda Oliy Majlis Senatining Sudhuquq masalalari va korrupsiyaga qarshi kurashish qo'mitasi raisi Narimon Umarov ta'kidlaganidek, O'zbekistonda o'rtacha

7,6 ming aholiga atigi 1 nafar advokat to'g'ri keladi. Xalqaro standartlarga ko'ra bu ko'rsatkich juda past sanaladi. Masalan, Isroilda har 136 kishiga, Italiyada 265 kishiga, Germaniyada esa 499 kishiga 1 nafar advokat to'g'ri keladi [6].

Mazkur ma'lumotlarni amaldagi holat bilan qiyoslaydigan bo'lsak, 2025-yil 1-yanvar holatiga ko'ra, mamlakatimizda 6017 nafar advokat faoliyat yuritmoqda. Shundan ayollar ulushi 946 nafarni, erkaklar ulushi esa 5071 nafarni tashkil etadi. Jami advokatlik tuzilmalarining soni 3429 tani tashkil etib, shundan 75 tasi hay'at, 478 tasi firma, 2876 tasi byuro shaklida faoliyat yuritmoqda [7]. Demak, so'nggi ikki yil davomida advokatlar soni ortgan bo'lsa-da, aholiga nisbatan o'rtacha hisobda 6239 kishiga 1 nafar advokat to'g'ri kelmoqda. Bu ko'rsatkich ham rivojlangan davlatlardagidan ancha orqada ekanligini ko'rsatadi.

Sh. Ismailovning fikricha, advokatlar sonining kamligi bilan bir qatorda, ularning yoshi bo'yicha tarkibida ham nomutanosiblik kuzatiladi. Jumladan, 2023-yilda 30 yoshgacha bo'lgan advokatlar ulushi atigi 1 foizdan biroz ko'proqni tashkil etgan. Bu esa yuridik yo'nalish bitiruvchilari orasida advokatlik kasbiga qiziqish pastligini anglatadi. Bunga advokatura instituti haqida yetarli ma'lumotning yo'qligi, kasbning jozibador emasligi, katta talab va kuchli raqobat bilan birga ishning beqarorligi haqidagi tasavvurlar ham sabab bo'lmoqda. Shu bois yoshlar kasb tanlashda barqaror martaba va moddiy jihatdan kafolatlangan sohalarga ustunlik bermoqda [8].

Yuqoridagilardan anglashiladiki, advokatlarning kasbiy tayyorgarligi bugungi kunda dolzarb hisoblanib, bu nafaqat alohida advokatlik tuzilmalari, balki bevosita advokaturaning kasbiy nufuziga ta'sir ko'rsatadi. Zero, yurtimizda advokatura sohasida amalga oshirilayotgan islohotlarning tub zahirida advokaturaning nufuzini har qachongidan ko'ra oshirish yotibdi desak, mubolag'a bo'lmaydi.

Asosiy qism

Advokatlarning kasbiy tayyorgarligining ahamiyatiga to'xtalar ekanmiz, avvalo mazkur sohada tadqiqot olib borgan olimlarning fikrlarini tahlil qilish lozim.

O.G. Vlasova va N.G. Mesherinalarning ta'kidlashicha, advokat mehnati yuridik kasblar orasida eng murakkablaridan biri hisoblanadi. Bu murakkablik, birinchi navbatda, advokat faoliyati jarayonida doimiy ravishda axloqiy va huquqiy muammolarni hal qilish zarurati bilan bog'liqdir. Shu bilan birga, advokat shaxsiga qo'yiladigan talablarning o'zaro ziddiyatligi ham bu kasbning o'ziga xos jihati hisoblanadi. Bir tomondan, advokat – qonun vakili bo'lib, uning asosiy vazifasi haqiqatni izlash va obyektiv faktlarni aniqlashdan iborat. Boshqa tomondan, advokat mehnatining mohiyati muayyan darajada subyektivlikka ega bo'lib, bu shaxs manfaatlarini himoya qilish jarayonida muqarrar ravishda namoyon bo'ladi [9].

Y.I. Solovyeva va O.V. Pospelovlarning fikricha, advokatura mavjud bo'lgan butun tarix davomida professionallik, etika va xulq-atvor me'yorlari nuqtayi nazaridan eng yuqori talablar qo'yilgan sohalardan biri bo'lib kelgan. Bugungi kunda ham advokat malakali yuridik yordam ko'rsata oladigan, yuksak obro'-e'tiborga ega bo'lgan mutaxassis sifatida jamiyatda o'z o'rnini saqlab qolishi uchun advokatlik faoliyatiga tayyorgarlik tizimini takomillashtirish muhimdir. Shu jumladan, malaka imtihonini topshirayotgan nomzodlarni baholash mezonlarini qonun darajasida aniq belgilash, imtihonning amaliy yo'nalishiga alohida e'tibor qaratish zarur [10].

Ingliz olimi Norman Birkett advokatlik san'atiga xos bir qator sifatlarni alohida qayd etadi. Unga ko'ra, advokat halollik, yoqimli nutq ohangi, hozirjavoblik, tezkor va moslashuvchan fikrlash qobiliyati, inson tabiatiga oid bilimlarga ega bo'lish, jasorat, yaxshi xulq-atvor va o'zini boshqara olish, shuningdek, chuqur huquqiy bilimlarga ega bo'lishi lozim [11].

L.N. Svetovanning fikricha, advokatlarning kasbiy tayyorgarligi polikompetentlikni shakllantirishga xizmat qilishi kerak. Bu esa kasbiy, yuridik, kommunikativ, psixologik, ijtimoiy-psixologik hamda konfliktologik kompetensiyalarni o'z ichiga oladi [12].

T.R. Shakirov ta'kidlaganidek, yuridik kasbiga kirish shartlari va tartibi, bir tomondan, professionallik va yuksak axloqiy fazilatlarini ta'minlashi, ikkinchi tomondan esa advokatlarning mustaqilligiga putur yetkazadigan darajada qat'iy bo'lmasligi lozim [13].

Z.D. Gogurchunova va M.M. Magdilovlarning fikricha, advokat maqomini olish bilan bog'liq amaldagi tartiblarni qayta ko'rib chiqish, ortiqcha byurokratik to'siqlarni bartaraf etish, yosh mutaxassislarni qo'llab-quvvatlash dasturlarini joriy etish zarur. Shuningdek, o'quv jarayonini takomillashtirish va kadrlar tayyorlash tizimini zamonaviy talablar asosida qayta tashkil etish advokatlik kasbining jozibadorligini oshiradi hamda uning ochiqqligini ta'minlaydi. Natijada bu nafaqat advokatura instituti, balki jamiyat manfaatlariga ham xizmat qiladi [14].

Bizning fikrimizcha, qonunchilikning doimiy takomillashuvi, yuridik amaliyotga yangi texnologiyalarning joriy etilishi va bozor iqtisodiyotining rivojlanishi advokatlardan muntazam ravishda o'z ustida ishlashni talab etadi. Shu bilan birga, advokat shaxsiga qo'yilayotgan talablarning ortib borishi ham ularning doimiy ravishda malaka oshirishini va kasbiy rivojlanishini taqozo etmoqda.

Xalqaro standartlarda advokat maqomini olish uchun zaruriy shart sifatida yuridik tayyorgarlikning yuqori darajasi hamda axloqiy sifatlarning mavjudligini ta'minlash muhimligi ta'kidlanadi [15]. Shu nuqtayi nazardan, mamlakatimizda ham advokat bo'lish uchun qator talablar belgilangan. Jumladan, O'zbekiston Respublikasi fuqaroligiga ega bo'lish, oliy yuridik ma'lumotga ega bo'lish hamda belgilangan tartibda advokatlik faoliyati bilan shug'ullanish huquqini beruvchi litsenziyani olish shart etib qo'yilgan.

Advokatlik maqomini olish istagidagi shaxs bir necha ta'lim bosqichlarini bosib o'tishi zarur. Xususan, O'zbekiston Respublikasining "Advokatura to'g'risida"gi Qonuniga muvofiq, talabgor avvalo yuridik ixtisoslik bo'yicha bakalavr yoki magistr darajasiga ega bo'lishi lozim. Shundan so'ng, advokatlik tuzilmasida uch oylik stajirovka o'tashi va malaka imtihonini muvaffaqiyatli topshirishi talab qilinadi. Ushbu bosqichlar yakunlangach, belgilangan tartibda litsenziya va advokatlik guvohnomasi beriladi hamda shaxs advokat maqomiga ega bo'ladi.

Mazkur qonunning 122-moddasida Advokatlar palatasining asosiy vazifalaridan biri sifatida advokatlarning kasbiy tayyorgarligini tashkil etish va ularning malakasini oshirish nazarda tutilgan. Shuningdek, 7-moddaga ko'ra, advokat o'z bilim va ko'nikmalarini doimiy ravishda takomillashtirib borishi, Advokatlar palatasi tomonidan belgilangan tartibda uch yilda kamida bir marta kasbiy malakasini oshirishi shartligi belgilangan. Biroq amaldagi qonunchilikda advokatning kasbiy tayyorgarligiga oid aniq talablar belgilanmagan. Xususan, malaka oshirishning shakllari, o'qitish tartibi va boshqa tashkiliy jihatlar bo'yicha huquqiy normalar mavjud emas. Natijada, yuridik amaliyotda advokatlarchun kasbiy tayyorgarlik mexanizmi to'liq shakllanmaganligicha qolmoqda.

O'zbekiston Respublikasining Mehnat kodeksida xodimlarni kasbga tayyorlash tushunchasiga ham ta'rif berilgan. Jumladan, xodimlarni qayta tayyorlash deganda, texnologiyalar yoki mehnat jarayoniga qo'yiladigan talablar o'zgarib borayotgan sharoitda yangi kasbiy bilim, malaka va ko'nikmalarni egalash yoki mutlaqo yangi kasbni o'zlashtirish uchun o'qitish tushuniladi (367-modd).

O'zbekiston Respublikasining "Ta'lim to'g'risida"gi Qonunida esa quyidagi ta'lim turlari ko'rsatib o'tilgan (7-modd):

- maktabgacha ta'lim va tarbiya;
- umumiy o'rta va o'rta maxsus ta'lim;
- professional ta'lim;

- oliy ta’lim;
- oliy ta’limdan keyingi ta’lim;
- kadrlarni qayta tayyorlash va ularning malakasini oshirish;

- maktabdan tashqari ta’lim.

Shundan kelib chiqib, mehnat qonunchiligida kasbiy tayyorgarlik tushunchasi mavjud bo’lsa-da, “Ta’lim to’g’risida”gi Qonunda u alohida ta’lim turi sifatida nazarda tutilmagani ko’rish mumkin. Bu esa qonunchilikdagi muayyan bo’shliq sifatida baholanadi. Sababi mamlakatimizning ayrim sohalarida kasbiy tayyorgarlik xodimning majburiyati sifatida belgilangan. Masalan, O’zbekiston Respublikasining “Ichki ishlar organlari to’g’risida”gi Qonunida ichki ishlar organlariga xizmatga qabul qilinadigan fuqarolar maxsus kasbiy tayyorgarlikdan yoki qayta tayyorgarlikdan majburiy tartibda o’tishi belgilangan (31-modda).

Xulosa

Yuqoridagilardan shunday xulosa qilish mumkinki, advokatura institutini takomillashtirish, uni xalqaro standartlarga moslashtirish, sohaga yangi kirib kelayotgan yosh advokatlarning kasbiy tayyorgarligini zamon talablari bilan uyg’unlashtirish, bu jarayonning qonunchilikda mustahkamlab qo’yilishi hamda amaliy mexanizmlarini ishlab chiqish bugungi kunning dolzarb vazifalaridan biridir.

Birinchidan, davlat va jamiyatning yuqori malaka, kompetensiya, axloqiy qadriyatlar hamda yumshoq ko’nikmalarga ega kadrlarga bo’lgan ehtiyojini ta’minlashda kasbiy

tayyorgarlik muhim ta’lim shakllaridan biri sifatida e’tirof etilishi mumkin. Shu bois kasbiy tayyorgarlikni O’zbekiston Respublikasi “Ta’lim to’g’risida”gi Qonunining 7-moddasida alohida ta’lim turi sifatida nazarda tutish maqsadga muvofiqdir.

Ikkinchidan, advokatning kasbiy tayyorgarligi tushunchasi qonunchilikda aniq belgilab qo’yilmaganligi sababli mazkur atama turlicha talqin qilinmoqda. Ba’zi olimlar uni advokat maqomiga ega bo’lgunga qadar o’tiladigan bosqich – oliy ta’lim, stajirovka va malaka imtihoni jarayoni sifatida izohlashsa, boshqalar uni advokat maqomini olgandan keyingi faoliyat davri bilan bog’laydilar. Shu nuqtayi nazardan, “Advokatura to’g’risida”gi Qonunda advokatning kasbiy tayyorgarligi tushunchasi va uning amalga oshirish shakllari aniq ko’rsatib o’tilishi zarur.

Uchinchidan, advokatlarning kasbiy tayyorgarligini tashkil etishda Advokatlar palatasining rolini kuchaytirish lozim. Xususan, palata qoshida tajribali advokatlar ishtirokida maxsus kasbiy tayyorgarlik kurslarini yo’lga qo’yish mexanizmini ishlab chiqish maqsadga muvofiqdir.

To’rtinchidan, advokatlarning kasbiy tayyorgarligi faqat nazariy va amaliy bilimlarni boyitish bilan cheklanmasligi, balki ularning psixologik tayyorgarligi va yumshoq ko’nikmalarini shakllantirishga ham alohida e’tibor qaratilishi lozim. Shu bois advokatlar kasbiy tayyorgarligining amaliy mexanizmini ishlab chiqish mazkur yo’nalishda muhim qadam bo’lib xizmat qiladi.

REFERENCES

1. O’zbekiston Respublikasi Prezidenti Sh. Mirziyoyevning Oliy Majlisga murojaatnomasi hamda O’zbekiston yoshlari forumida so’zlagan nutqidan iqtiboslar [Excerpts from the address of the President of the Republic of Uzbekistan Sh. Mirziyoyev to the Oliy Majlis and his speech at the Youth Forum of Uzbekistan]. Tashkent, Tasvir Publ., 2021, p. 52.
2. Malakali kasbiy tayyorgarlik – davlat rivojining asosi [Quality professional training – the basis of country’s development]. Available at: <https://president.uz/oz/lists/view/8108>

3. Ragulin A.V., Shaykhullin M.S. Sovremennyye problemy i tendentsii professional'nogo razvitiya advokata [Modern problems and tendencies of professional development of advocate]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-i-tendentsii-professionalnogo-razvitiya-advokata>
4. Makushkina Ye.E. Nekotoryye problemy professional'noy podgotovki advokotov i sdachi kvalifikatsionnogo ekzamina v svete reformy rynka yuridicheskikh uslug [Some problems of vocational training of advocates and delivery of a qualification examination in the light of reform of the market of legal services]. Available at: [file:///C:/Users/HP/Downloads/nekotorye-problemy-professionalnoy-podgotovki-advokotov-i-sdachi-kvalifikatsionnogo-ekzamina-v-svete-reformy-rynka-yuridicheskikh-uslug%20\(4\).pdf](file:///C:/Users/HP/Downloads/nekotorye-problemy-professionalnoy-podgotovki-advokotov-i-sdachi-kvalifikatsionnogo-ekzamina-v-svete-reformy-rynka-yuridicheskikh-uslug%20(4).pdf)
5. Yusupov I., Kuchkarova G., Achilova L. Sovremennyye problemy i tendentsii razvitiya advokatury v Respublike Uzbekistan [Contemporary Issues and Development Trends of the Advocacy in the Republic of Uzbekistan]. Available at: <https://zenodo.org/records/8213624>
6. Advokatura zamon talabiga mos sohaga aylanadi [The Advocacy will evolve to meet modern requirements]. Available at: <https://www.senat.uz/articles/post-1189>
7. O'zbekiston Respublikasi Advokatlar palatasining 2025-yil 1-yanvar holatiga ko'ra advokatlik tuzilmalari va advokatlar haqidagi ma'lumoti. [Information about the Advocacy organizations and advocates of the Chamber of Advocates of the Republic of Uzbekistan as of January 1, 2025]. Available at: <https://paruz.uz/uploads/2025/01/2025-uz.pdf>
8. Ismailov Sh. Sovremennyye problemy v privilechenii molodykh kadrov v advokatskuyu professiyu [Contemporary issues in attracting young people to the profession of an advocate]. *Science, Innovation and education: Key Vectors of Social Progress*, 2024, vol. 1(1), pp. 138–143. Available at: <https://inlibrary.uz/index.php/science-innovation-education/article/view/60359>
9. Vlasova O.G., Meshcherina N.G. Issledovaniye psikhologicheskikh osobennostey truda advokata v kontekste zadach professional'noy podgotovki spetsialistov [Study of the Psychological Characteristics of a Lawyer's Work in the Context of Professional Training Objectives]. Available at: [file:///C:/Users/HP/Downloads/issledovanie-psihologicheskikh-osobennostey-truda-advokata-v-kontekste-zadach-professionalnoy-podgotovki-spetsialistov%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/HP/Downloads/issledovanie-psihologicheskikh-osobennostey-truda-advokata-v-kontekste-zadach-professionalnoy-podgotovki-spetsialistov%20(1).pdf)
10. Solov'yeva Yu.I., Pospelov O.V. Aktual'nyye problemy priobreteniya statusa advokata i podgotovki k advokature [Current issues of acquiring the status of an advocate and preparing for the advocacy]. *Science and World*, 2014, vol. 10(14). Available at: [https://scienceph.ru/d/413259/d/science-and-world--10-\(14\)-october-vol.-ii.pdf#page=44](https://scienceph.ru/d/413259/d/science-and-world--10-(14)-october-vol.-ii.pdf#page=44)
11. Presidential Address to the Holdsworth Club in Birmingham in May 1954, quoted in H Montgomery Hyde, Norman Birkett: The Life of Lord Birkett of Ulverston. London, Hamish Hamilton Publ., 1965, pp. 551–554.
12. Svetova L.N. Psikhologicheskiye osobennosti professiogrammy advokotov [Psychological Characteristics of the Professional Profile of Lawyers]. *Applied Legal Psychology*, 2020, vol. 1(50), pp. 111–117. DOI: 10.33463/2072-8336.2020.1(50).111-117.
13. Shakirov T.R. Mezhdunarodnyye standarty nezavisimosti i podotchetnosti advokotov [International standards of independence and accountability of advocates]. Available at: <file:///C:/Users/HP/Downloads/mezhdunarodnye-standarty-nezavisimosti-i-podotchetnosti-advokotov.pdf>
14. Gogurchunova Z.D., Magdilov M.M. Problemy osushchestvleniya advokatskoy deyatelnosti [Problems of carrying out advocacy activities]. *Human Progress*, 2024, vol. 10, no. 8, p. 21. Available at: http://progresshuman.com/images/2024/Tom10_8/Gogurchunova.pdf
15. Rekomendatsiya № R 21 Komiteta ministrov Soveta Yevropy "O svobode osushchestvleniya professii advokata" [Recommendation Rec 21 of the Committee of Ministers to member States on the freedom of exercise of the profession of lawyer]. Collection of international documents "Human Rights and Legal Proceedings", Moscow, 2002.

Kelib tushgan / Получено / Received: 10.07.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 07.08.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 25.08.2025

DOI:10.51788/tsul.jurisprudence.5.4./REUU7153
UDC: 343.42(045)(575.1)

A LEGAL ANALYSIS OF THE SUBJECT OF THE FAMILY (DOMESTIC) VIOLENCE IN UZBEKISTAN: BRIDGING THE LEGAL GAP

Nodirov Muzaffar Akhmadovich,
Deputy Dean of the Faculty of Criminal Justice,
Tashkent State University of Law,
Doctor of Philosophy (PhD) in Law
ORCID: 0000-0003-3970-2985
e-mail: m.nodirov@tsul.uz

Tursunmurodov Komron Turgun ugli,
Student at the Faculty of Criminal Justice,
Tashkent State University of Law,
ORCID: 0009-0008-3171-0917
e-mail: tursunmurodov3009@gmail.com

Abstract. *This article analyzes the issue of defining the circle of subjects of family (domestic) violence in the Republic of Uzbekistan. The conducted research has shown that the list of such subjects is strictly limited due to the clarifications provided by the Plenum of the Supreme Court of Uzbekistan. Particular difficulty arises in the interpretation of the term “individuals living together on the basis of a single household.” In practice, some investigators and courts include in this category mothers-in-law, fathers-in-law, daughters-in-law, adult children, and other relatives, which contradicts the legal position of the highest judicial authority in the country. A comparative legal analysis of the legislation and practices of foreign countries demonstrates that the subjects of family (domestic) violence are recognized not only as spouses and individuals in intimate relationships, but also as mothers-in-law, fathers-in-law, brothers and sisters of the spouse, and other family members who jointly maintain a household with the victim. At the same time, current judicial practice in Uzbekistan indicates that psychological and economic violence is also perpetrated by such persons; however, these acts often go unpunished due to the formal absence of a legally recognized subject of the offense. In this regard, the authors propose a broad interpretation of the term “individuals living together on the basis of a single household” to include the above-mentioned individuals living together with the victim in order to eliminate the existing legal gap and to enhance the effectiveness of measures to combat family (domestic) violence.*

Keywords: *family (domestic) violence, in-laws, single household, adult children, subject of the offense*

O'ZBEKISTONDA OILAVIY (MAISHIY) ZO'RAVONLIK SUBYEKTINING HUQUQIY TAHLILI: HUQUQIY BO'SHLIQNI BARTARAF ETISH

Nodirov Muzaffar Axmadovich,

Toshkent davlat yuridik universiteti
Jinoiy odil sudlov fakulteti dekan o'rinbosari,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD)

Tursunmurodov Komron Turg'un o'g'li,

Toshkent davlat yuridik universiteti
Jinoiy odil sudlov fakulteti talabasi

Annotatsiya. Mazkur maqolada O'zbekiston Respublikasida oilaviy (maishiy) zo'ravonlik subyektlari doirasini aniqlash muammosi tahlil etiladi. O'tkazilgan tadqiqot natijalari shuni ko'rsatadiki, mazkur subyektlar ro'yxati O'zbekiston Respublikasi Oliy Sudi Plenumining tushuntirishlariga asosan qat'iy ravishda cheklangan. Ayniqsa, "bir ro'zg'or asosida birgalikda yashayotgan shaxslar" tushunchasini talqin qilishda muammolar yuzaga kelmoqda. Amaliyotda ayrim tergovchilar va sudlar ushbu toifaga qaynona, qaynota, kelin, voyaga yetgan farzandlar va boshqa qarindoshlarni ham kiritmoqdalar, bu esa mamlakatning oliy sud instansiyasi huquqiy pozitsiyasiga zid keladi. Xorijiy mamlakatlar qonunchiligi va amaliyotining qiyosiy-huquqiy tahlili shuni ko'rsatadiki, oilaviy (maishiy) zo'ravonlik subyektlari faqat turmush o'rtoqlar yoki yaqin munosabatda bo'lgan shaxslar bilangina cheklanmaydi. Bunday subyektlar qatoriga, shuningdek, qaynona, qaynota, er-xotinning opa-singillari va akalari hamda jabrlanuvchi bilan birga xo'jalik yurituvchi boshqa oila a'zolari ham kiradi. Shu bilan birga, O'zbekiston sud amaliyoti shuni ko'rsatmoqdaki, yuqorida ko'rsatilgan shaxslar tomonidan ruhiy va iqtisodiy zo'ravonlik holatlari ham sodir etilmoqda, biroq bu harakatlar huquqbuzarlik subyekti belgilarining formal jihatdan yo'qligi sababli jazosiz qolmoqda. Shu munosabat bilan "bir ro'zg'or asosida birgalikda yashayotgan shaxslar" tushunchasini keng talqin qilish, unga jabrlanuvchi bilan birga yashovchi yuqorida sanab o'tilgan shaxslarni ham kiritish taklif qilinadi. Bu esa mavjud huquqiy bo'shliqni bartaraf etish va oilaviy (maishiy) zo'ravonlikka qarshi kurashish samaradorligini oshirishga xizmat qiladi.

Kalit so'zlar: oilaviy (maishiy) zo'ravonlik, turmush orqali qarindoshlar, umumiy xo'jalik, voyaga yetgan farzandlar, huquqbuzarlik subyekti

ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУБЪЕКТА СЕМЕЙНОГО (БЫТОВОГО) НАСИЛИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ: ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРАВОВОГО ПРОБЕЛА

Нодиров Музаффар Ахмадович,

доктор философии по юридическим наукам (PhD),
заместитель декана факультета уголовного правосудия
Ташкентского государственного юридического университета

Турсунмuroдов Комрон Тургун угли,

студент факультета уголовного правосудия
Ташкентского государственного юридического университета

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения круга субъектов семейного (бытового) насилия в Республике Узбекистан. Проведённое исследование показало, что перечень таких субъектов существенно ограничен разъяснениями, данными Пленумом Верховного суда Республики Узбекистан. Особые трудности вызывает толкование понятия «лица, проживающие совместно на основании общего хозяйства». На практике некоторые следователи и суды относят к этой категории свекровей, свёкров, невесток, взрослых детей

и иных родственников, что противоречит правовой позиции высшей судебной инстанции страны. Сравнительно-правовой анализ законодательства и правоприменительной практики зарубежных стран демонстрирует, что субъектами семейного (бытового) насилия признаются не только супруги и лица, состоящие в близких интимных отношениях, но также свекрови, свёкры, братья и сёстры супруга, а также иные члены семьи, совместно ведущие хозяйство с потерпевшим. При этом современная судебная практика Узбекистана показывает, что психологическое и экономическое насилие совершается и такими лицами; однако данные деяния зачастую остаются безнаказанными в силу формального отсутствия юридически признанного субъекта правонарушения. В этой связи авторы предлагают более широкое толкование понятия «лица, проживающие совместно на основании общего хозяйства» с включением вышеуказанных категорий лиц, проживающих совместно с потерпевшим. Такой подход позволит устранить существующий правовой пробел и повысить эффективность мер по противодействию семейному (бытовому) насилию.

Ключевые слова: семейное (бытовое) насилие, родственники, общее хозяйство, взрослые дети, субъект правонарушения

Introduction

On August 27, 2024, the Criminal Court of the Balikchi district reviewed a criminal case concerning the actions of U.A. (the daughter-in-law) against G.A. (the mother-in-law), which involved inflicting minor bodily harm. The investigator classified U.A.'s actions as family (domestic) violence under Article 126¹ of the Criminal Code and issued it to the criminal court. The Criminal Court agreed with this classification and rendered a verdict. However, following a prosecutor's protest, the criminal case underwent review by the cassation instance of the court for criminal cases of the Andijan region.

The judicial panel found that both the investigator and the trial court misinterpreted the term "individuals living together on the basis of a single household" in classifying U.A.'s actions. Consequently, the panel reclassified the offense under Article 109 of the Criminal Code, citing the absence of a legally recognized subject of family (domestic) violence [1].

Recent judicial practice indicates that such misclassifications are occurring with increasing frequency. Moreover, despite the recent criminalization of this offense, no dedicated legal research in Uzbekistan has analyzed the role of the "subject" element

in determining the proper classification of family (domestic) violence cases. This paper, therefore, represents the first comprehensive study devoted to this issue.

Nevertheless, substantial research on related matters has been conducted by foreign scholars. For example, M.R. Turaeva, Ch.M. Becker [5], M.N. Bogodirova, M.A. Goibzoda, F.S. Odinaeva [6], M. Ragavan, and K. Iyengar [7] have examined the role of in-laws as perpetrators of domestic violence, focusing primarily on emotional abuse. Similarly, M. Rew, G. Gangoli, and A. Gill have investigated instances of economic domestic violence committed by in-laws [11]. Moreover, V. Heydrich [19], J.R. Greenberg, M. McKibben, J.A. Raymond [20], B. Johnson, T. Richert, and B. Svensson [21] have examined domestic violence perpetrated by adult children, thereby expanding the scope of scholarly inquiry beyond spousal or in-law relationships. These studies are predominantly based on survey data collected within specific socio-cultural contexts, including India, Tajikistan, Afghanistan, and Pakistan.

By contrast, this paper approaches the issue of domestic violence through an analysis of judicial practice in Uzbekistan, drawing on criminal court decisions available

on the Supreme Court's open-access website (www.public.sud.uz) and enriched by a comparative review of relevant criminal legislation from selected foreign jurisdictions.

In light of the abovementioned case and recent judicial practice in Uzbekistan, this paper aims to achieve the following:

First, to analyze the legal meaning and scope of "individuals living together on the basis of a single household" within the context of domestic violence legislation.

Second, to examine whether in-laws as well as adult children can be held criminally liable for domestic violence under Uzbek law.

Finally, to assess whether the Supreme Court's clarifications inadvertently create a legal loophole, thereby preventing certain individuals from being held criminally liable.

Main body

The conducted research and analysis of judicial practices revealed that investigators and courts occasionally fail to classify the crime of family (domestic) violence due to the discrepancies between the codes that criminalize this crime (administrative offense) and the interpretation of the Supreme Court of Uzbekistan.

The provisions of Article 59² of the Code of Administrative Responsibility and Article 126¹ of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan establish that domestic violence is committed against four categories of individuals:

- 1) a spouse;
- 2) an ex-spouse;
- 3) a person who has a common child;
- 4) a person living together on the basis of a single household.

The individuals listed above are simultaneously victims and subjects of domestic violence. In other words, only these individuals can commit domestic violence against each other. For example, a husband intimidates his wife, isolating her from close relatives as a result of a quarrel. Alternatively, an ex-wife inflicts bodily harm

that results in a slight, permanent loss of ability to work for her former husband. Or, Azamat, who is a partner of Shakhnoza and lives together with her on the basis of a single household, obstructs her right to work, i.e., does not allow her to engage in employment or perform other actions that create such an obstacle.

From this, it should be understood that the circle of individuals who are subjects of domestic violence is strictly limited. Therefore, not any individual can commit this act, but only a limited group of individuals specified in Article 59² of the Code of Administrative Liability and Article 126¹ of the Criminal Code. That is, spouses, ex-spouses, individuals living together on the basis of a single household, and individuals who have a common child are considered special subjects.

Since the Code of Administrative Liability and the Criminal Code do not provide a legislative definition for the aforementioned individuals, it is deemed necessary to refer to the clarifications provided in the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of Uzbekistan "On Amendments and Additions to Certain Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of Uzbekistan on Administrative and Criminal Cases in Connection with Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of Uzbekistan as a Result of Further Improvement of the System of Reliable Protection of Rights, Freedoms, and Legitimate Interests of Women and Children" No. 30 dated November 20, 2023, as well as "On Judicial Practice in Cases of Intentional Bodily Harm" No. 6 dated June 27, 2007.

These resolutions clarify these terms as follows:

1) *a spouse* – individuals whose marriage is registered with civil status authorities;

2) *an ex-spouse* – individuals whose marriage has been dissolved or declared invalid under the established legal procedure;

3) *individuals who have a common child* – a man and a woman who have children as a result of their relationship;

4) *individuals living together on the basis of a single household* – a man and a woman living in marital relations in a specific apartment or house, owning common property and financial resources.

The interpretation of the first three categories of individuals appears to be straightforward due to their clarity. For example, individuals who have a common child are those who do not have a registered marriage but have a child as a result of their relationship. In other words, the legislation refers to a man and a woman who have a common child outside of marriage.

Judicial practice shows that subjects classified as “individuals living together on the basis of a single household” often include not only a man and a woman in marital relations but also other family members who reside together. For instance, this can include a mother-in-law, father-in-law, husband’s sisters or brothers, adult children, parents, and so on.

This, in turn, leads to situations where, in the presence of signs and all elements of domestic violence (except the subject), the actions of a mother-in-law towards her daughter-in-law are classified by investigators as domestic violence. As a result, these cases create a criminal law error and represent a deviation from the clarifications provided by the Plenum of the Supreme Court. Notably, the clarifications from the Supreme Court are not recommendatory, as Article 25 of the Law “On Courts” states that the clarifications of the Plenum of the Supreme Court of Uzbekistan regarding the application of legislation are *mandatory* for courts and officials applying the legislation for which the clarification has been provided. Therefore, deviation from the clarifications of the Plenum of the Supreme Court is unacceptable.

The following cases illustrate the deviation from clarifications of the Plenum of the Supreme Court that resulted in incorrect classification of the crimes or administrative offenses.

Case 1 (mother – adult son). On August 2, 2024, the Zangiata District Court of Tashkent Region for criminal cases noted an error by the investigator in qualifying the actions of D.O. (adult son), which involved humiliating the honor and dignity of I.T. (mother). The court determined that the investigator had incorrectly classified this act as domestic violence. Taking into account that the offense was committed not between spouses but between a mother and her adult son, the court reclassified D.O.’s actions under Article 41 of the Code of Administrative Responsibility [2].

From this case, we can learn that family (domestic) violence cannot be committed by parents towards their adult children or by adult children towards their parents. At the same time, it was not until 2024 that the legislative body included a child as a victim of family (domestic) violence, making it possible for courts to hold parents liable for committing violence against their underage children.

Case 2 (father – daughter). On November 11, 2024, the Koson District Court for criminal cases, having reviewed the criminal case against the defendant (the father), who periodically inflicted beatings and tortured the victim (his underage daughter) from 2019 to 2024, noted that the investigator made an error in qualifying the defendant’s actions. In particular, he qualified the defendant’s actions (the father), which involved torture and beatings resulting in serious bodily harm to his daughter, under part 4 of article 126¹ and subparagraphs “a” and “b” of Part 2 of Article 110 of the Criminal Code. The court concluded that the investigator had overly qualified the defendant’s actions under subparagraphs

“a” and “b” of Part 2 of Article 110 of the Criminal Code, as this was already covered by Part 4 of Article 126¹ of the Criminal Code [3].

This indicates that the investigator did not take into account that the father of the victim could be a subject of domestic violence. In other words, although the father inflicted beatings and tortured his daughter, his actions should have been qualified under Part 4 of Article 126¹ of the Criminal Code, as special norms (in our case, these norms stem from the subject of the crime) always prevail in cases of norm competition. Thus, parents can commit family (domestic) violence and are subject to either administrative or criminal liability.

Case 3 (bride – sister-in-law). On August 1, 2024, the Yakkabog District Court for criminal cases classified the actions of E.M. (bride), which involved humiliating the honor and dignity of S.A. (younger sister of the husband) using coarse language, as domestic violence under Part 1 of Article 59² of the Code of Administrative Liability [4].

Under current legislation, E.M.’s actions do not meet the criteria for the subject of family (domestic) violence and, therefore, do not constitute an administrative offense. Her conduct should instead have been classified as an insult, as defined in Article 41 of the Code of Administrative Liability. Although E.M. shares a dwelling within a single household with the victim, she does not fall under the category of individuals recognized as subjects of family (domestic) violence, according to the clarifications issued by the Plenum of the Supreme Court. These clarifications define “individuals living together on the basis of a single household” as a man and a woman in a marital relationship residing in a specific apartment or house, jointly owning property and financial resources.

However, we contend that the Supreme Court’s interpretation creates legal gaps

in holding accountable those who openly perpetrate family (domestic) violence yet avoid legal consequences. Specifically, when parents-in-law, daughters-in-law, sons-in-law, or the husband’s siblings or adult children engage in conduct that constitutes family (domestic) violence, they are not held liable under Article 126¹ of the Criminal Code or Article 59² of the Code of Administrative Liability. Although they may be prosecuted under other provisions of these codes—typically for offenses that serve as alternatives to physical violence—emotional and economic forms of domestic abuse remain largely unaddressed and unpunished.

This issue is particularly salient in the context of patrilocal marriages, where a wife resides in her husband’s natal household—a common practice in Uzbekistan. As researchers M.R. Turaeva and Ch.M. Becker observe, women in such family structures are significantly more exposed to emotional abuse, particularly from their in-laws. For example, their research indicates that the presence of a mother-in-law is strongly associated with increased levels of emotional abuse within Tajik households [5].

Studies conducted by M.N. Bogodirova, M.A. Goibzoda, and F.S. Odinaeva revealed that out of 211 married women surveyed, 56 (26.5%) had separated from their first families and entered into a second marriage due to emotional domestic violence and abuse, primarily from their husbands or mothers-in-law [6]. Similarly, M. Ragavan and K. Iyengar postulated that in India, psychological abuse is frequently perpetrated by mothers-in-law against their daughters-in-law [7].

Research by F. Tasmin, M. Islam, M. Hasan, G. Mostafa, and M. Rahman demonstrated a clear correlation between various forms of domestic violence—particularly emotional abuse—and postpartum depression [8]. The study concluded that domestic violence committed by in-laws is highly prevalent

in Bangladesh and strongly associated with adverse maternal mental health outcomes, particularly postpartum depression.

R. Jewkes, J. Corboz, and A. Gibbs found that in Afghanistan, 14% of 932 women reported experiencing domestic violence from their mothers-in-law within a 12-month period. The same study also documented abuse perpetrated by fathers-in-law and siblings-in-law, highlighting the broader role of extended family members in domestic violence dynamics [9].

In addition to emotional abuse, economic domestic violence is also frequently perpetrated by in-laws. This form of violence often manifests in the restriction of a daughter-in-law's right to employment by her mother-in-law or father-in-law. A. Bentley reported that in Mumbai, following marriage, in-laws were the primary perpetrators of emotional or economic violence in 77% of cases, while husbands were the principal perpetrators of physical violence (86%) [10]. Similarly, M. Rew, G. Gangoli, and A. Gill observed that economic violence commonly involved limiting a daughter-in-law's autonomy over financial decisions, including earning income, accessing funds, and managing household expenditures [11].

In the context of traditional Uzbek families—where women often reside with their husband's extended family—domestic violence frequently arises from conflicts between daughters-in-law and mothers-in-law, as well as other cohabitants in the household. According to Sh. Sobirov, in 2021 alone, protection orders were issued in 1,559 cases to protect women from their mothers-in-law, 1,128 from their daughters-in-law, and 9,989 from other individuals such as former spouses, partners, fathers, and others [12].

India's *Protection of Women from Domestic Violence Act, 2005* includes in-laws and other relatives residing in a

shared household within the definition of a "domestic relationship," thereby recognizing in-laws as potential perpetrators of domestic violence [13]. A similar definition is adopted in Pakistan's *Domestic Violence (Prevention and Protection) Bill* [14].

In Turkey, in-laws are recognized as subjects of family (domestic) violence. Turkey's *Law on the Protection of Family and Prevention of Violence against Women* defines domestic violence as:

"Any physical, sexual, psychological, or economic violence between the victim and the perpetrator, and among family members or individuals regarded as family members, whether or not they live in the same household" [15].

Georgia's *Criminal Code* defines domestic violence as any act of violence committed by one family member against another [16]. Additionally, the *Law of Georgia on Combating Violence against Women and (or) Domestic Violence, Protecting Victims of Violence, and Providing Assistance to Them* provides an extensive definition of "family members." This includes mothers, fathers, grandmothers, grandfathers, spouses, children (including stepchildren and adopted children), guardians and their spouses, individuals involved in raising a child (e.g., adoptive parents), grandchildren, siblings, in-laws, former spouses, individuals in common-law marriages and their family members, as well as guardians or supporters living in the same household [17].

In Azerbaijan, the subjects of family (domestic) violence are explicitly defined as both close and distant relatives of the victim [18].

Adult children are also recognized as potential perpetrators of domestic violence in various legal and empirical frameworks. V. Heydrich found that adult children may commit physical violence against their parents due to financial stress [19]. J.R.Greenberg, M. McKibben,

and J.A. Raymond linked such violence to substance abuse, particularly involving drugs and alcohol [20]. Similarly, B. Johnson, T. Richert, and B. Svensson reported that nearly 20% of parents in Sweden had experienced physical violence from their adult children at some point in their lives [21].

Studies conducted by M. Klun, A. Rucman, and D. Frangez further revealed that domestic violence perpetrated by adult children against their parents often included physical, psychological, and social abuse [22].

The *United Kingdom's Domestic Abuse Act 2021* explicitly defines adult domestic abuse as:

“A behavior of a person towards another person is domestic abuse if both individuals are aged 16 or over and are personally connected to each other, and the behavior is abusive” [23].

Likewise, South Africa's *Domestic Violence Act No. 116 of 1998* recognizes adult family members as potential perpetrators of domestic violence [24]. The same principle is enshrined in Korea's *Act on Special Cases Concerning the Punishment of Crimes of Domestic Violence* (Act No. 19068, 2022) [25].

Accordingly, we argue that the term “*individuals living together on the basis of a single household*” warrants a broader interpretation and should encompass in-laws, adult children, and other members residing within the same household.

We propose that the category of subjects of family (domestic) violence be expanded to include other individuals who maintain a specific familial or household relationship with the victim—particularly mothers-in-law, fathers-in-law, daughters-in-law, adult sons and daughters, among others. Notably, we do not consider it necessary to amend Article 59² of the Code of Administrative Responsibility or Article 126¹ of the Criminal Code, as these provisions already afford investigators and courts sufficient discretion

to interpret the term “individuals living together on the basis of a single household” in an inclusive manner, thereby extending legal protection to a broader range of family members.

Instead, we recommend amending the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of Uzbekistan “On Judicial Practice in Cases of Intentional Bodily Harm” No. 6 dated June 27, 2007. Such clarification would provide the judiciary with a more comprehensive and unified interpretative framework, ensuring that acts of domestic violence committed by extended family members do not go unpunished due to overly narrow definitions.

The following table presents a comparison between the currently recognized and the proposed subjects of family (domestic) violence under Uzbek law, highlighting the need for a more inclusive interpretation of the term “individuals living together on the basis of a single household.”

Table
The current and proposed subjects of family (domestic) violence in Uzbekistan

No	Current subjects of family (domestic) violence	No	Proposed subjects of family (domestic) violence
1	Spouses (husband and wife)	1	In-laws (mother-in-law, father-in-law, daughter-in-law, sister-in-law, brother-in-law, etc.)
2	Ex-spouses (ex-husband and ex-wife)	2	Adult children → adult parents
3	Individuals who have a common child (unmarried partners who have a child)	3	Adult parents → adult children
4	Individuals living together on the basis of a single household (only intimate partners, man and woman)	4	Other family members or relatives residing in a shared household (e.g. adult siblings)

Conclusion

The analysis of judicial practice and comparative legal frameworks demonstrates that the current interpretation of “individuals living together on the basis of a single household” under Uzbek law is unduly narrow and fails to capture the full spectrum of familial relationships in which domestic violence may occur. As shown, this restrictive approach—established in the Supreme Court’s existing clarifications—has led to misclassification of offenses, inconsistencies in judicial practice, and, in some cases, the avoidance of liability by perpetrators whose conduct clearly falls within the sociological and criminological reality of domestic violence.

While the Criminal Code and the Code of Administrative Responsibility already list the categories of potential subjects, their interpretative scope can and should be broadened without legislative amendment. Comparative jurisprudence from jurisdictions such as India, Pakistan, Turkey, Georgia, Azerbaijan, the United Kingdom, South Africa, and Korea illustrates that extended family members—including in-laws and adult children—are widely recognized as

potential perpetrators of domestic violence. Empirical research further underscores the prevalence of abuse perpetrated by these groups, particularly in patrilocal households, where hierarchical family structures can facilitate emotional, economic, and even physical abuse.

In light of these findings, it is both legally and socially imperative to revise the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of Uzbekistan “On Judicial Practice in Cases of Intentional Bodily Harm” No. 6 (27 June 2007), so as to explicitly include in-laws, adult children, and other cohabiting relatives within the definition of “individuals living together on the basis of a single household.” Such reform would harmonize judicial practice, close existing interpretative gaps, and ensure that all victims of domestic violence—regardless of their precise familial relationship to the perpetrator—receive equal protection under the law. Only through an inclusive, contextually responsive interpretation can the legal system effectively address the realities of domestic violence in Uzbekistan and align domestic jurisprudence with international best practices.

REFERENCES

1. The decision of the Andijan regional criminal court judicial panel’s cassation instance, no. 1-1704-2401/138. 2025. Available at: https://drive.google.com/file/d/1N_7mKfrwXhIh6TdEJA1Y90Ti8XErUS/view?usp=sharing
2. The decision of the criminal court of Zangiata district, no. 3-1101- 2402/3509. 2024. Available at: https://drive.google.com/file/d/1r_d086qjewzv8HKxD2qgny2pibfkbkh2/view?usp=sharing
3. The decision of the criminal court of Koson district, no. 1-1809-2401/248. 2024. Available at: https://drive.google.com/file/d/1l9ygX51tU8lRyXSpXOmKIH5vhaIQR3s_/view?usp=sharing
4. The decision of the criminal court of Yakkabag district, № 3-1804- 2401/1556. 2024. Available at: <https://drive.google.com/file/d/17bfsPRWPzGvDLQjKRu2IcD66wILHCDE3/view?usp=sharing>
5. Turaeva M.R., Becker C.M. Daughters-In-Law and Domestic Violence: Patrilocal Marriage in Tajikistan. *Feminist Economics*, 2022, vol. 28(4), pp. 60–88. DOI:10.1080/13545701.2022.2060518
6. Bogodyrova M.N., Goibzoda M.A., Odinayeva F.S.. Nasiliye v sem’ye v Tadzhikistane: pravovyye i mediko-sotsial’nyye problemy [Domestic Violence in Tajikistan: Legal and Medical-Social Problems]. *Healthcare in Tajikistan*, 2021, p. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-v-semie-v-tadzhikistane-provovye-i-mediko-sotsialnye-problemy>

7. Ragavan M., Iyengar K. Violence Perpetrated by Mothers-in-Law in Northern India: Perceived Frequency, Acceptability, and Options for Survivors. *Journal of Interpersonal Violence*, 2020, vol. 35(17-18), pp. 3308–3330. DOI: 10.1177/0886260517708759
8. Tasnim F., Rahman M., Islam M.M. Exposure to domestic violence and the risk of developing depression within 6 months postpartum in Bangladesh. *Soc Psychiatry Psychiatr Epidemiol*, 2021, vol. 56, pp. 1189–1200. DOI: 10.1007/s00127-020-01998-3
9. Jewkes R., Corboz J., Gibbs A. Violence against Afghan women by husbands, mothers-in-law and siblings-in-law/siblings: Risk markers and health consequences in an analysis of the baseline of a randomised controlled trial. *PLoS ONE*, 2019, vol. 14(2). DOI: 10.1371/journal.pone.0211361
10. Bentley A. The role of in-laws as perpetrators of violence against women in Mumbai. *International Journal of Social Sciences and Interdisciplinary Studies*, 2018, vol. 3(1), pp. 4–20. Available at: https://dergipark.org.tr/en/pub/ijssis/issue/55412/759781#article_cite
11. Rew M., Gangoli G., Gill A.K. “Violence between Female In-laws in India. *Journal of International Women’s Studies*, 2013, vol. 14, iss. 1, art. 9. Available at: <https://vc.bridgew.edu/jiws/vol14/iss1/9>
12. Sobirov Sh. Domashneye nasiliye v Uzbekistane: masshtaby problemy i puti resheniya [Domestic Violence in Uzbekistan: The Scale of the Problem and Solutions]. *Society and Innovation*, 2025, vol. 6(2/S), pp. 385–401. DOI: 10.47689/2181-1415-vol6-iss2/S-pp385-401
13. India’s Protection of Women from Domestic Violence Act, 2005. Available at: https://www.indiacode.nic.in/bitstream/123456789/15436/1/protection_of_women_from_domestic_violence_act%2C_2005.pdf
14. Pakistan’s Domestic Violence (Prevention and Protection) Bill, 2012. Available at: <https://www.af.org.pk/Important%20Courts'%20judgement/Women%20protection%20against%20domestic%20violence%20bil%2013pages.pdf>
15. Turkish Law Code on Protection of Family and Prevention of Violence Against Women, 2012. Available at: <https://dekaum.deu.edu.tr/wp-content/uploads/2016/05/law-6284.pdf>
16. Criminal Code of Georgia. 1999, no. 2287. Available at: <https://policehumanrightsresources.org/content/uploads/2016/08/Criminal-Code-Georgia.pdf?x80005>
17. The Law of Georgia on “Combating Violence against Women and (or) Domestic Violence, Protecting Victims of Violence, and Providing Assistance to Them,”. 2017, no. 761. Available at: <https://rm.coe.int/georgia-law-of-georgia-on-the-elimination-of-violence-against-women-an/1680ad3cc3>
18. Code of Administrative Offenses of the Republic of Azerbaijan. 2015, no. 96-VQ. Available at: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36865427#pos=6;-132
19. Von H.L., Schiamberg L.B., Chee G. Social-Relational Risk Factors for Predicting Elder Physical Abuse: An Ecological Bi-Focal Model. *The International Journal of Aging and Human Development*, 2012, vol. 75(1), pp. 71–94. DOI: 10.2190/AG.75.1.f
20. Greenberg, J.R., McKibben M., Raymond J.A. Dependent Adult Children and Elder Abuse. *Journal of Elder Abuse & Neglect*, 1990, vol. 2(1–2), pp. 73–86. DOI: 10.1300/J084v02n01_05
21. Johnson B., Richert T., Svensson B. Physical Violence and Property Damage towards Parents, Committed by Adult Children with Drug Problems. *J Fam Viol*, 2022, vol. 37, pp. 165–180. DOI: 10.1007/s10896-020-00181-1
22. Klun M., Bučar R.A., Frangež D. Violence Against Parents by Adult Children: A Systematic Literature Review of Empirical Studies. *Trauma, Violence, & Abuse*, 2024, vol. 26(3), pp. 451–467. DOI:10.1177/15248380241280955
23. The UK’s Domestic Abuse Act, 2021. Available at: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2021/17/section/1/enacted>
24. South African Domestic Violence Act No. 116 of 1998. Available at: <https://www.justice.gov.za/legislation/acts/1998-116.pdf>
25. Korean Act on Special Cases Concerning the Punishment of Crimes of Domestic Violence No. 19068, 2022. Available at: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=61675&lang=ENG

Kelib tushgan / Получено / Received: 11.07.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 07.08.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 25.08.2025

DOI:10.51788/tsul.jurisprudence.5.4./OUWF1472
UDC: 343.359(045)(575.1)

KONTRABANDA JINOYATI OBYEKTIV BELGILARINING YURIDIK TALQINI

Utebayev Salamat Maksetbay uli,
Berdaq nomidagi
Qoraqalpoq davlat universiteti doktoranti
ORCID: 0009-0001-0541-6801
e-mail: salamatutebaev232@gmail.com

Annotatsiya. Kontrabanda jinoyatining obyektiv belgilarini jinoyatning obyekti va obyektiv tomoni belgilari, shuningdek, ushbu belgilar bilan bevosita bog'liq fakultativ elementlar tashkil etadi. Jinoyat obyekti har qanday jinoyatning majburiy elementi bo'lishi asnosida kontrabandaning obyekti masalasida huquqshunos olimlar tomonidan kontrabanda jinoyat qonunining qaysi bobidan o'rin olgani va uning predmetiga nimalar kirishiga qarab, turlicha fikrlar bildirilgan. Kontrabandaning umumiy obyektivni aniqlashda ko'plab olimlar an'anaviy ravishda Jinoyat kodeksi maxsus qismining o'rganilayotgan norma joy olgan bo'limiga amal qilishadi. Mazkur maqolada kontrabanda jinoyatining obyektiv tomoniga oid belgilarning yuridik talqini chuqur tahlil qilingan. Jumladan, kontrabanda tushunchasi, uning jinoyat huquqi tizimidagi o'rni, bojxona chegaralaridan tovarlar, valyuta, moddiy boyliklar, ashyolar yoki boshqa predmetlarni noqonuniy olib o'tish harakatlarining yuridik mohiyati ochib berilgan. Maqolada Jinoyat kodeksining 246-moddasi asosida kontrabanda jinoyatining tarkibiy elementlari, xususan, harakat (yoki harakatsizlik), voqea sodir bo'lish vaqti va joyi, jinoyat qurollari hamda usullarining tahliliga alohida e'tibor qaratilgan. Shuningdek, kontrabandaning sodir etilish shakllari, unga xos bo'lgan ijtimoiy xavf darajasi va iqtisodiy xavfsizlikka tahdidi asosida uning boshqa turdagi bojxona huquqbuzarliklaridan farqlari yoritilgan. Maqola amaldagi qonunchilikni yanada takomillashtirish zaruratini asoslash va kontrabanda jinoyatlarining oldini olishga oid samarali mexanizmlarni ishlab chiqishga qaratilgan ilmiy-amaliy tavsiyalarni o'z ichiga oladi. Shuningdek, maqola so'ngida mavzu yuzasidan muallifning takliflari ham bayon etilgan.

Kalit so'zlar: kontrabanda, jinoyat tarkibi, obyektiv tomon, bojxona chegarasi, noqonuniy harakat, bojxona qonunchiligi, ma'muriy javobgarlik, jinoiy javobgarlik

ЮРИДИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОНТРАБАНДЫ

Утебаев Саламат Максетбай улы,
докторант Каракалпакского государственного
университета имени Бердаха

Аннотация. Объективные признаки преступления контрабанды образуются совокупностью характеристик объекта и объективной стороны преступления, а также факультативных элементов, непосредственно связанных с ними. Поскольку объект преступления является обязательным элементом любого состава преступления, среди

учёных-правоведов существуют различные мнения относительно объекта контрабанды в зависимости от того, к какой главе уголовного закона она отнесена и какие предметы входят в её состав. При определении общего объекта контрабанды многие исследователи традиционно опираются на раздел Особенной части Уголовного кодекса, в котором расположена анализируемая норма. В статье представлен углублённый юридический анализ объективной стороны преступления контрабанды. В частности, раскрывается сущность понятия «контрабанда», её место в системе уголовного права, а также правовая природа действий, связанных с незаконным перемещением товаров, валюты, материальных ценностей, предметов или иных объектов через таможенные границы. Особое внимание уделено анализу составных элементов преступления контрабанды на основе статьи 246 Уголовного кодекса: действия (или бездействия), времени и места совершения преступления, используемых орудий и способов. Также рассматриваются формы совершения контрабанды, уровень её общественной опасности и степень угрозы экономической безопасности государства, что позволяет выявить отличия контрабанды от иных видов таможенных правонарушений. В работе обосновывается необходимость совершенствования действующего законодательства и предлагаются научно-практические рекомендации по разработке эффективных механизмов предупреждения преступлений в данной сфере. В заключительной части статьи представлены авторские предложения по дальнейшему развитию правового регулирования.

Ключевые слова: контрабанда, состав преступления, объективная сторона, таможенная граница, незаконные действия, таможенное законодательство, административная ответственность, уголовная ответственность

THE LEGAL INTERPRETATION OF THE OBJECTIVE ELEMENTS OF THE CRIME OF SMUGGLING

Utebayev Salamat Maksetbay uli,

Doctoral student at Karakalpak State University
named after Berdakh

Abstract. The objective signs of smuggling are the signs of the object and objective side of the crime, as well as optional elements directly related to these signs. Since the object of a crime is a mandatory element of any crime, legal scholars have expressed different opinions on the object of smuggling, depending on which chapter of the criminal law smuggling is contained in and what is included in its subject. When determining the general object of smuggling, many scholars traditionally adhere to the section of the Special Part of the Criminal Code, which contains the norm under study. This article provides an in-depth analysis of the legal interpretation of the objective aspects of smuggling. In particular, the concept of smuggling, its place in the system of criminal law, and the legal essence of the illegal movement of goods, currency, material assets, objects, or other items across customs borders are revealed. The article, based on Article 246 of the Criminal Code, pays special attention to the analysis of the constituent elements of the crime of smuggling, in particular, the act (or inaction), the time and place of the event, and the instruments and methods of the crime. Also, based on the forms of smuggling, the level of social danger inherent in it, and the threat to economic security, its differences from other types of customs offenses are highlighted. The article contains scientific and practical recommendations aimed at substantiating the need for further improvement of current legislation and developing effective mechanisms for preventing smuggling crimes. Also, at the end of the article, the author's proposals on the topic are presented.

Keywords: smuggling, elements of a crime, objective side (of a crime), customs border, unlawful action, customs legislation, administrative liability, criminal liability

Kirish

Zamonaviy sharoitda transmilliy jinoyatlar qatorida kontrabanda jinoyati global va mintaqaviy miqyosda eng xavfli huquqbuzarliklardan biri sifatida namoyon bo'lmoqda. Bu jinoyat davlatning iqtisodiy manfaatlari va moliyaviy barqarorligiga putur yetkazish bilan birga, jamoat xavfsizligi, aholining sog'lig'i, ekologik barqarorlik, madaniy merosni asrash hamda xalqaro xavfsizlikka ham jiddiy tahdid tug'diradi. O'zbekiston Respublikasida olib borilayotgan iqtisodiy islohotlar, tashqi savdo aylanmasining ortishi va transport-logistika tizimining kengayishi bojxona chegaralari orqali noqonuniy tovar aylanmasi xavfini kuchaytiradi.

Kontrabanda jinoyatining obyektiv belgilarini to'g'ri talqin etish, uni boshqa bojxona huquqbuzarliklaridan farqlash va sud-amaliyotida yagona yondashuvni ta'minlash masalalari dolzarbligicha qolmoqda. Amaldagi qonunchilikda ayrim normativ bo'shliqlar, turlicha talqinlar va huquqni qo'llashdagi noaniqliklar jinoyatni to'g'ri kvalifikatsiya qilishga to'sqinlik qilmoqda. Shu sababli kontrabanda jinoyatining obyektiv belgilarini chuqur o'rganish va ularni huquqiy jihatdan izchil asoslash bugungi kunda juda muhimdir.

Ushbu maqolaning asosiy maqsadi – O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksining 246-moddasi doirasida kontrabanda jinoyatining obyektiv belgilarini ilmiy-huquqiy tahlil qilish, ularning tarkibiy elementlarini aniqlash va huquqni qo'llash amaliyotida uchraydigan muammolarni bartaraf etish bo'yicha ilmiy-amaliy tavsiyalar ishlab chiqishdir.

Kontrabanda jinoyatining obyektiv belgilarini jinoyatning obyekti va obyektiv tomoni belgilari, shuningdek, ushbu belgilar bilan bevosita bog'liq fakultativ elementlar tashkil etadi.

Jinoyat obyekti har qanday jinoyatning majburiy elementi bo'lishi asnosida kontrabandaning obyekti masalasida huquqshunos olimlar tomonidan kontrabanda jinoyat qonunining qaysi bobidan o'rin olgani va

uning predmetiga nimalar kirishiga qarab, turlicha fikrlar bildirilgan. Bunga sabab kontrabanda buyumlari masalasi munozarali ekanligidir. Ya'ni buni qonunda kontrabanda obyekti bo'lgan ijtimoiy munosabatlar turlari to'g'ridan to'g'ri belgilanmagani, shuningdek, kontrabanda, boshqa ko'plab jinoyatlar singari bir vaqtning o'zida jinoyat qonuni bilan himoyalangan bir nechta ijtimoiy munosabatlarga zarar yetkazishi mumkinligi bilan izohlash mumkin (masalan, noqonuniy giyohvand moddalar, kuchli, zaharli moddalar va boshqalarni olib kirish, eksport qilish va boshqalar).

Kontrabanda jinoyatini huquqiy jihatdan to'g'ri baholash va unga qarshi samarali kurash olib borish uchun dastlab ushbu jinoyatning tarkibiy elementlarini, xususan, uning obyektiv tomoniga oid belgilarni chuqur tahlil qilish alohida ahamiyatga ega. Jinoyatning obyektiv belgilarini to'g'ri aniqlash uni boshqa bojxona qoidabuzarliklaridan farqlash, jinoyat tarkibi mavjudligini aniqlashda hal qiluvchi omil bo'lib xizmat qiladi.

Kontrabandaning umumiy obyektini aniqlashda ko'plab olimlar an'anaviy ravishda Jinoyat kodeksining maxsus qismidagi o'rganilayotgan norma joy olgan bo'limiga amal qilishadi [1; 2].

Yoritilayotgan va tahlil qilinayotgan kontrabanda jinoyati obyektiv belgilarining yuridik talqiniga bag'ishlangan mazkur ilmiy tadqiqotimizda kontrabanda jinoyatining obyektiv tomoniga oid belgilarning yuridik talqini, jinoyat kodeksidagi normalar asosida ilmiy-amaliy yondashuvlar, shuningdek, amaldagi qonunchilikda mavjud muammolar va takomillashtirish yo'llari tahlil qilinadi. Ushbu jarayonlarning birmuncha murakkabligi mavzuning dolzarbligidan, tadqiq etish ehtiyoji borligidan dalolat beradi desak, adashmaymiz.

Asosiy qism

Umuman olganda, huquqshunos olimlar tomonidan kontrabanda "bir vaqtning o'zida bir nechta obyektlarga tajovuz qila-

digan ko'p obyektli jinoyat" sifatida baholanadi [3]. Jumladan, B.V. Voljenkin kontrabandaning bevosita obyekti sifatida "tashqi iqtisodiy faoliyatni amalga oshirishning belgilangan tartibini tartibga soluvchi ijtimoiy munosabatlar"ni qayd etgan. V.I. Mixaylov va A.V. Fedorovlar bunday obyekt sifatida "bojxona ishi sohasidagi jinoyat qonuni bilan qo'riqlanadigan, bojxona chegarasi orqali tovar ayirboshlashning belgilangan tartibini va budjetga bojxona bojlari va yig'imlarini kiritishni ta'minlaydigan ijtimoiy munosabatlar"ni belgilaganlar [4]. N.A. Lopashenkoning nuqtayi nazariga ko'ra, kontrabandaning bevosita obyekti "iqtisodiy faoliyatda xulq-atvorning bila turib jinoiy shakllarini taqiqlash prinsipiga mos keladigan ijtimoiy-iqtisodiy munosabatlar" hisoblanadi. A.V. Naumovning fikricha, kontrabandaning bevosita obyekti "bojxona chegarasi orqali tovar aylanmasini ta'minlashga qaratilgan tashqi iqtisodiy faoliyatning belgilangan tartibi" hisoblanadi. G.A. Rusanov ham kontrabandaning bevosita obyekti sifatida "tashqi iqtisodiy faoliyatni amalga oshirishning belgilangan tartibi"ni ko'rsatadi [5].

Shuningdek, mazkur jinoyatning obyekti bo'yicha quyidagi olimlarning ham fikrlariga to'xtalib o'tish o'rinli. I.M. Galperin kontrabanda obyektini "bojxona qonunchiligi bilan qo'riqlanadigan, davlatning iqtisodiy xavfsizligiga rioya etilishini ta'minlaydigan ijtimoiy munosabatlar" deb ta'riflagan. Y.V. Gracheva o'z ilmiy ishlarida kontrabanda obyekti davlatning iqtisodiy tizimida (tovarlar, qimmatbaho metallar, valyuta kontrabandasi), jamoat xavfsizligi (qurol-yarog', narkotik moddalar, zaharli moddalar kontrabandasi) va madaniy meros (tarixiy va madaniy boyliklar noqonuniy olib o'tilganda) bo'lishi mumkinligini ta'kidlagan. A.I. Dolgova kontrabanda obyektini tovarlarni qonunga xilof ravishda chegara orqali olib o'tish bilan buziladigan iqtisodiy va ijtimoiy munosabatlar majmui,

deb ta'riflagan. U strategik muhim tovarlar (masalan, qurol yoki zaharli moddalar) kontrabandasida nafaqat iqtisodiyot, balki butun jamiyat xavfsizligi ham jinoyat obyektiga aylanishiga alohida e'tibor qaratdi [6]. V.N. Kudryavsev jinoyatlarni kvalifikatsiya qilish nazariyasida obyektini kontrabandani to'g'ri kvalifikatsiya qilishga imkon beradigan jinoyat tarkibining asosiy elementi sifatida tavsiflagan. Uning ta'kidlashicha, kontrabandaning har xil turlari (tovar, narkotik, qurol) uchun asosiy obyekt o'zgarishi mumkin, lekin bu har doim davlat va jamiyat manfaatlariga ta'sir qiladi [7]. N.F. Kuznetsov kontrabanda obyektini uning moliyaviy tizimini himoya qilish hamda tovarlar va boyliklarning noqonuniy aylanishidan zararining oldini olish maqsadida davlat tomonidan qo'riqlanadigan iqtisodiy munosabatlar sifatida ajratgan. Uning ta'kidlashicha, kontrabanda turiga qarab, obyekt kengayishi va jamoat xavfsizligini o'z ichiga olishi mumkin [8]. A.N. Ignatov Rossiya Federatsiyasi Jinoyat kodeksiga sharhlarida kontrabanda obyektini quyidagicha ta'riflagan: "Asosiy obyekt – davlatning iqtisodiy xavfsizligi va tashqi iqtisodiy faoliyatning belgilangan tartibi. Qo'shimcha obyektlar – aholi salomatligi (giyohvand moddalarni kontrabanda qilishda), ekologik xavfsizlik (zaharli moddalarni noqonuniy olib o'tishda), madaniy meros (tarixiy boyliklarni olib chiqishda)" [9].

Ko'rsatilgan kontrabanda obyekti haqidagi fikrlariga ko'ra, olimlarni quyidagicha ajratish mumkin:

1. Davlatning iqtisodiy manfaatlari va xavfsizligi (A.I. Boyko, B.V. Voljenkin, S.V. Maksimov, V.I. Mixaylov)
2. Madaniy boyliklarni muhofaza qilish (L.Y. Rodina, G.A. Korchagin)
3. Xalqaro va davlat huquq normalarini muhofaza qilish (Y.P. Garmayeva, A.S. Gorelik)
4. Jamoat tartibi va salomatligini buzish (I.A. Klepitskiy, Y.I. Suchkov)

5. Tashqi savdo va moliyaviy sohani himoya qilish (D.V. Kozemaslov, L.F. Rogatix)

6. Ijtimoiy tahdid va aholi xavfsizligi (Sh.N. Saidov, Y.O. Filippova) [10].

Demak, aksariyat olimlar kontrabandaning asosiy obyekti davlatning iqtisodiy xavfsizligi va tovarlarni bojxona chegarasi orqali olib o'tishning belgilangan tartibi, degan fikrda to'xtalgan. Biroq kontrabanda predmetining o'ziga xos xususiyatlariga (tovarlar, narkotiklar, qurollar, madaniy boyliklar) qarab, obyekt jamoat xavfsizligi, aholi salomatligi, madaniy meros yoki ekologik xavfsizlik kabi boshqa ijtimoiy munosabatlarni ham o'z ichiga olishi mumkin.

Kontrabandaning obyekti – mazkur jinoyat predmeti hisoblangan narsalarni bojxona chegarasidan olib o'tishning qonun bilan belgilangan tartibi, shuningdek, jamoat xavfsizligi, aholi salomatligi, insoniyat tinchligi va xavfsizligi.

Jinoyatning obyektiv tomoni xususida to'xtaladigan bo'lsak, jinoyatning obyektiv tomoni ijtimoiy-xavfli qilmishning tashqi tomoni bo'lib, jinoyatning qanday sodir etilishini ko'rsatadi. Aynan ijtimoiy xavfli qilmishning tashqi tomoni bir jinoyatni ikkinchisidan ajratish imkonini beradi, chunki bitta obyektga tajovuz qilish ijtimoiy xavfli qilmish xarakteri va darajasi bo'yicha umuman boshqa bo'lishi mumkin.

Jinoyatning obyektiv tomoni asosan O'zbekiston Respublikasi JKning maxsus qismi moddalari dispozitsiya va bandlarida ko'rsatiladi va u aynan moddaning dispozitsiyasida ta'riflanadi.

Kontrabanda jinoyatining obyektiv tomoni kuchli ta'sir qiluvchi zaharli, zaharlovchi, radioaktiv, portlovchi moddalar, portlatish qurilmalari, qurol-yarog', o'qotar qurol yoki o'q-dorilar, giyohvandlik vositalari, ularning analoglari yoki psixotrop moddalarni yoki diniy ekstremizm, separatizm va aqidaparastlikni targ'ib qiluvchi materiallar, yadroviy, kimyoviy, biologik va ommaviy qirg'in qurolining boshqa turlari,

shunday qurollarni yaratishda foydalaniishi mumkinligi ayon bo'lgan material va moslamalarni O'zbekiston Respublikasi bojxona chegarasi orqali olib o'tishning bir necha turi kuzatiladi.

1. *Yuqorida nomi sanalgan material va moslamalarni bojxona nazoratini chetlab olib o'tish* deganda kontrabanda predmetini bojxona organlari tomonidan belgilangan joylardan boshqa joylarda yoxud bojxona rasmiylashtiruvi amalga oshiriladigan vaqtdan tashqari vaqtda qonunga xilof ravishda olib o'tish tushuniladi. O'zbekiston Respublikasi Oliy Sudi Plenumining "Bojxona to'g'risidagi qonunchilikni buzish va kontrabandaga oid ishlar bo'yicha sud amaliyoti to'g'risida"gi qarorida ta'kidlanganidek, "bojxona nazoratini chetlab, tovarlar yoki boshqa moddiy qimmatliklar, shuningdek, kontrabanda ashyolari uchuvchisiz uchadigan apparatdan foydalanilgan holda O'zbekiston Respublikasi bojxona chegarasidan o'tkazilganida JK 244⁴-yoxud 248¹-moddasi bilan jinoyatlar majmui bo'yicha kvalifikatsiya qilinishi lozim".

2. *Bojxona nazoratidan yashirib o'tish* deganda kontrabanda predmetini tashqaridan qaraganda ko'rinmaydigan tarzda yashirib, shu jumladan, maxfiy tuynuklardan yoki kontrabanda predmetini payqashni qiyinlashtiradigan boshqa usullardan foydalanib yoxud bir predmetni boshqa predmetga o'xshatib ko'rsatish, uni boshqa buyumlar bilan aralashtirgan holda yashirish orqali ko'zdan pana qilish tushuniladi.

R. Kabulovning fikricha, "tovarlarni olib o'tish (yoki boshqa tarzda ko'chirish) nazoratsiz yoki nazoratdan yashirib o'tish maxsus tayyorlangan narsa yashiradigan hamyonlar, joylarda bojxona chegarasidan boyliklarni yashirib olib o'tayotganda, shuningdek, ushbu maqsadlarda maxsus moslashgan idishlar yoki transport vositalaridagi pana joylar, bagajlar, kiyim-kechaklar, oziq-ovqat mahsulotlari (masalan, ikki qavat tagligi bo'lgan jomadon yoki konserva bankasidan foydalanish, kiyimda bo'shliq yoki narsa ya-

shiradigan joylarni qoldirish va hokazolar)da namoyon bo'ladi" [11].

E. Muxamadaliyev esa "tovarlarni bojxona nazoratidan yashirish deganda ularni topishni qiyinlashtirish yoxud ularning asl xususiyati yoki miqdorini yashirish (masalan, ayrim tovarlarga boshqasining ko'rinishini berish, tovarlarni qonunga xilof ravishda bojxona chegarasidan o'tkazish uchun maxsus tayyorlangan yoki moslashtirilgan xufiya joylardan (jomadonlar, sumkalar, transport vositalari, konteynerlar va boshqa tashish vositalarining konstruksiyaviy (tuzilish) xususiyatiga ko'ra, ashyolarini saqlash yoki tashishga mo'ljallanmagan bo'shliqlari, devorlari (ramalari) oralaridan foydalanish, jinoyat predmetlarini odam tanasida yashirish)ga qaratilgan har qanday harakatlar tushuniladi" [12] deb hisoblaydi.

Bojxona nazoratidan yashirib o'tish kontrabanda predmetini bojxona chegarasidan olib o'tilishi taqiqlanmagan, muomalasi cheklanmagan boshqa buyumlarga o'xshatib, tashqi ko'rinishini o'zgartirish orqali ham amalga oshirilishi mumkin. Bunda kontrabanda predmetining tashqi belgilari jiddiy o'zgartirilishi natijasida uni tashqi ko'zdan kechirishda boshqa turdagi predmet deb hisoblash mumkin bo'ladi. Masalan, giyohvandlik moddasi un, shakar kabi iste'mol tovarlari, portlovchi moddalar ham maishiy tovarlar ko'rinishida olib o'tilishi mumkin.

3. *Bojxona hujjatlari yoki vositalariga o'xshatib yasalgan hujjatlardan aldash yo'li bilan foydalanib o'tish* deganda kontrabanda predmeti bo'lgan buyum va predmetlarni bojxona chegarasidan olib o'tish uchun asos sifatida bojxona nazorati organlariga qalbakligi ayon bo'lgan yoxud noqonuniy yo'l bilan qo'lga kiritilgan, ya'ni boshqa mahsulotlarga tegishli bo'lgan bojxona hujjatlarini yoki vositalarini yoxud ularga o'xshatib yasalgan hujjatlarni taqdim etish, xuddi shuningdek, soxta yorliq, tamg'a, markirovka, shtamp, muhr va boshqa vositalarni yoxud haqiqiy bo'lsa-da, boshqa mahsulotlarga tegishli bo'lganlaridan

foydalanish tushuniladi. Bunda aldash bojxona organiga kontrabanda predmetini bojxona chegarasidan o'tkazish maqsadida soxta hujjatlarni, noqonuniy yo'l bilan olingan hujjatlarni, noto'g'ri ma'lumotlar ko'rsatilgan hujjatlarni, boshqa mahsulotlarga taalluqli hujjatlarni, shu jumladan, ularni bojxona hujjatlari yoki vositalariga o'xshatib yasagan holda taqdim etishda namoyon bo'ladi. Bunda bojxona organlarini aldash kontrabanda predmetini bojxona chegarasidan o'tkazish maqsadiga erishishga yo'naltirilgan bo'ladi. Aldash kontrabanda jinoyati obyektiv tomonining har qanday usuliga xos bo'lishi mumkin.

Soxta hujjatlar deganda to'liq qalbaki bo'lgan hujjatlar yoki asli haqiqiy bo'lsa-da, noqonuniy o'zgartirish kiritilgan, ya'ni matnning bir qismi o'chirib tashlangan, qo'shimcha ma'lumotlar kiritilgan va boshqacha tarzda tuzatilgan hujjatlar tushuniladi.

Oliy Sud Plenumining 2023-yil 20-fevraldagi "Bojxona to'g'risidagi qonunchilikni buzish va kontrabandaga oid ishlar bo'yicha sud amaliyoti to'g'risida"gi 2-sonli qaroriga ko'ra, bojxona hujjatlari yoki bojxona identifikatsiyalash vositalariga o'xshatib yasalgan hujjatlardan aldash yo'li bilan foydalanish deb bila turib qalbaki hujjatlar; bila turib yolg'on ma'lumotlar kiritilgan hujjatlar; qonunga xilof ravishda olingan yoki boshqa tovarlarga tegishli hujjatlar; haqiqiy bo'lmagan hujjatlarni bojxona organlariga taqdim etish, shuningdek, qalbakilashtirilgan bojxona identifikatsiyalash vositalaridan (plombalar, muhrlar, tamg'alar bosish, identifikatsiyalash belgilari, shtamplar va BK 197-moddasida nazarda tutilgan boshqa identifikatsiyalash vositalari) yoki boshqa tovarlarga tegishli haqiqiy identifikatsiyalash vositalaridan foydalanish tushunilishi lozim.

4. *Kontrabanda usuli sifatida deklaratsiyaga kiritmaslik yoki o'zgacha nom bilan deklaratsiyaga kiritish deganda* shaxslarning chegaradan o'tkazilishi lozim bo'lgan kontrabanda ashyolarini deklaratsiya qilish tartibini

buzishi bilan bog'liq harakatlari, ya'ni bojxona qonunlari tomonidan o'rnatilgan deklaratsiya qilish formasi va joyi to'g'risidagi, uni amalga oshirish tartibi to'g'risidagi, deklaratsiya va boshqa qo'shimcha hujjatlar taqdim etish muddatlari to'g'risidagi talablarga rioya etmaslik, shuningdek, O'zbekiston Respublikasi hududiga olib kirilayotgan yoki uning hududidan olib chiqilayotgan kontrabanda ashyolari, tovar yoki boshqa qimmatliklarning turi, soni xususida deklaratsiyaga soxta ma'lumotlar kiritish tushuniladi.

O'zbekiston Respublikasi Oliy Sudi Plenumining "Bojxona to'g'risidagi qonunchilikni buzish va kontrabandaga oid ishlar bo'yicha sud amaliyoti to'g'risida"gi qarorida esa hujjat qalbaki ekanini bila turib, uni bojxona organlariga haqiqiy hujjat sifatida taqdim etgan shaxs harakatlari JK 246-moddasi bilan kvalifikatsiya qilinishi va qo'shimcha ravishda 228-moddasi bilan kvalifikatsiya qilishni talab etishiga oid norma belgilanmagan.

Ba'zi adabiyotlarda bila turib qalbaki hujjat tuzgan yoki hujjatga yoxud bila turib olgan qalbaki hujjatiga soxta ma'lumotlar kiritgan va uni bojxona organlariga haqiqiy hujjat sifatida taqdim etgan shaxs jinoyatlar majmui bo'yicha O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksining 209- yoki 228-moddasi bilan jinoy javobgarlikka tortilishi belgilangan [13]. Shu sababli, sudlar tomonidan kontrabanda sodir etgan shaxs tomonidan qalbaki hujjat asosida qonun bilan taqiqlangan buyum yoki ashyolarning O'zbekiston Respublikasi davlat chegarasidan o'tkazilishini JKning 228- va 246-moddalari asosida jinoyatlar majmui sifatida kvalifikatsiya qilinishiga sabab bo'lmoqda. Mazkur holatni jinoyatning fakultativ belgisi zaruriy belgi sifatida kelganida ham fakultativ belgi sifatida baholanib, jazo tayinlashda javobgarlikni og'irlashtiruvchi holat bo'layotgani sifatida baholash mumkin.

Shu o'rinda jinoyatning fakultativ belgilari jinoyatning mohiyatiga ko'ra usiz amalga oshirish imkoni yo'qligidan kelib chiqib jinoyatning asosiy tarkibiy elementi sifatida

kelishi mumkinligini, bunda qonun chiqaruvchi tomonidan jinoyatning fakultativ belgilari jinoyat qonuni maxsus normasida aks etgani katta ahamiyatga egaligini alohida qayd etib o'tish lozim [14].

JKning 246-moddasida kontrabanda jinoyatini bojxona nazoratini chetlab yoki bojxona nazoratidan yashirib yoxud bojxona hujjatlari yoki vositalariga o'xshatib yasalgan hujjatlardan aldash yo'li bilan foydalanib, deklaratsiyasiz yoki boshqa nomga yozilgan deklaratsiyadan foydalanib sodir etish belgilangani, ya'ni bojxona hujjatlarini soxtalashtirish hamda deklaratsiyasiz kontrabanda ashyolarini davlat chegarasidan o'tkazish mazkur jinoyatning obyektiv tomonidagi zaruriy belgi ekanini inobatga olish lozim. Mazkur holatda shaxsning kontrabandani bojxona nazoratini chetlab yoki bojxona nazoratidan yashirib yoxud bojxona hujjatlari yoxud vositalariga o'xshatib yasalgan hujjatlardan aldash yo'li bilan foydalanib, deklaratsiyasiz yoki boshqa nomga yozilgan deklaratsiyadan foydalanib sodir etishi jinoyatni sodir qilish usuli, ya'ni jinoyat sodir qilinayotganda aybdor tomonidan jinoyatni sodir qilishda ishlatiladigan aniq usul va uslublar birligi deb baholash maqsadga muvofiq [15]. Zero, o'zi aslida qonun bilan taqiqlangan ashyoni davlat chegarasidan olib o'tuvchi shaxsda ushbu ashyo hujjatini soxtalashtirmasdan olib o'tishning iloji yo'q. Bojxona to'g'risidagi qonun hujjatlarini buzish jinoyatida esa hujjatni soxtalashtirmasdan ham ashyoni olib kirish imkoniyati mavjud.

Xulosa

Kontrabanda jinoyatining obyektiv belgilariga oid yuqorida keltirilgan fikrlar hamda tadqiqot ishi yuzasidan kontrabandaning kvalifikatsiya qilinishida jinoyat huquqi nazariyasining ahamiyatiga asoslangan holda tadqiqot ishi yuzasidan quyidagi xulosa va takliflarni keltirib o'tish maqsadga muvofiqdir:

birinchidan, JK 246-moddasi kontrabanda tarkibiga kiruvchi diniy ekstremizm, separatizm va aqidaparastlikni targ'ib qiluvchi

materiallarni JKning 244³-moddasi 2-qismi sifatida kiritish maqsadga muvofiq. Zero, kontrabanda dunyo hamjamiyati tomonidan qarshi kurashish uchun samarali choralarni ishlab chiqish bo'yicha sa'y-harakatlarni faollashtirishni talab etuvchi transmilliy jinoyat sifatida e'tirof etiladi va buning uchun davlatlar tomonidan kontrabanda haqida yagona tushuncha hamda umumiy yondashuv talab etadi. Shuningdek, JKning 244³-moddasi kontrabanda bilan turdosh obyektni, ya'ni jamoat xavfsizligini tashkil etishi hamda mazkur taklif bilan JKning 244³-moddasi ham ikki qismdan iborat bo'lishi, predmetlarning ijtimoiy xavflilik xususiyatiga qarab jazo choralari ham kuchayib borishi nazarda tutiladi;

ikkinchidan, JKning 246-moddasi 1-qismida psixotrop moddalarning aniq miqdor ko'rsatkichlari, ya'ni ozginadan ko'p miqdorning belgilanishi maqsadga muvofiq. To'g'ri, har qanday psixotrop moddaning davlat chegarasidan o'tkazilishi o'ta xavfli va unda miqdor ko'rsatkichlari ahamiyatsiz ekanligi Oliy Sud Plenumining "Bojxona to'g'risidagi

qonunchilikni buzish va kontrabandaga oid ishlar bo'yicha sud amaliyoti to'g'risida"gi qarorida o'z ifodasini topgan. Biroq mazkur taklif orqali shaxslarning xorijiy mamlakatlarda tibbiy maqsadlarda foydalanilish maqsadida erkin savdosi yo'lga qo'yilgan tibbiy vositalarni o'z salomatligi uchun davlat chegarasidan olib kirishiga ruxsat berilishi nazarda tutilgan;

uchinchidan, Oliy Sud Plenumining "Bojxona to'g'risidagi qonunchilikni buzish va kontrabandaga oid ishlar bo'yicha sud amaliyoti to'g'risida"gi qaroriga kontrabanda hujjatlar qalbakilashtirilishi bilan sodir etilganida jinoyatlar majmui sifatida kvalifikatsiya qilinmasligi lozimligi to'g'risidagi normani kiritish lozim. Zero, bojxona hujjatlari yoki vositalariga o'xshatib yasalgan hujjatlardan aldash yo'li bilan foydalanish, deklaratsiyasiz yoki boshqa nomga yozilgan deklaratsiyadan foydalanish kontrabanda tarkibi obyektiv tomonining zaruriy belgisi hisoblanib, shaxsda mazkur harakatlarni amalga oshirmasdan taqiqlangan ashyoni davlat chegarasidan olib kirish imkoni mavjud emas.

REFERENCES

1. Naumov A.V. Rossiyskoye ugovnoye pravo [Russian criminal law]. Moscow, 1998, pp. 15, 153.
2. Zdravomyslova B.V. Ugolovnoye pravo Rossiyskoy Federatsii [Criminal law of the Russian Federation]. Moscow, 1996, pp. 116–119.
3. Karabanova Ye.N. Mnogoob'yektnye prestupleniya: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika [Multi-object crimes: theory, legislation, practice]. Moscow, 2020, pp. 22–23.
4. Mikhaylov V.I., Fedorov A.V. Tamozhennye prestupleniya: ugolovno-pravovoy analiz i obshchiye voprosy operativno-rozysknoy deyatel'nosti [Customs crimes: Criminal-legal analysis and general issues of operational-search activities]. Butterfly Publ., 1999, p. 344.
5. Rusanov G.A. Kontrabanda kul'turnykh tsennostey: ugolovno-pravovoye, kriminologicheskoye i sravnitel'no-pravovoye issledovaniye [Smuggling of cultural property: a criminal-legal, criminological and comparative-legal study]. Moscow, 2009, p. 200.
6. Dolgova A.I. Kriminologiya [Criminology]. Moscow, Norm Publ., 2005, p. 912.
7. Kudryavtsev V.N. Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestupleniy [General theory of crime classification]. Moscow, Lawer Publ., 2007, p. 302.
8. Kuznetsov A.P. Kontrabanda nalichnykh denezhnykh sredstv i (ili) denezhnykh instrumentov: ugolovno-pravovaya reglamentatsiya i voprosy kvalifikatsii [Smuggling of cash and/or monetary instruments: criminal law regulation and qualification issues]. Russian investigator Publ., 2015.

9. Utebayev S.M.U. The concept of smuggling criminal. *The American Journal of Political Science Law and Criminology*, 2023, vol. 5(12), pp. 22–29.
10. Utebayev S. Smuggling as a threat to public safety. *Development of Pedagogical Technologies in Modern Sciences*, 2025, vol. 4(1), pp. 62–67.
11. G'ulomov Z.X., Zufarov R.A., Kabulov R.K., Kudirov M.M. O'zbekiston O'zbekiston Respublikasi kodeksiga asoslanadi [Uzbekistan is based on the Code of the Republic of Uzbekistan]. Tashkent, Adolat Publ., 2002, pp. 232–233.
12. Muxamadaliyev E. Bojxona to'g'risidagi qonun hujjatlarini buzish jinoyatining obyektiv belgilari [Objective signs of the crime of violating customs legislation]. *Review of Law Sciences*, 2020, vol. 3, pp. 138–139.
13. Rustamboyev M.H. O'zbekiston Respublikasining Jinoyat kodeksiga sharh. Maxsus qism [Commentary on the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. Special part]. Tashkent, Adolat Publ., 2016, p. 704.
14. Popov A. N. Ob'yektivnaya storona sostava prestupleniya [The objective side of the crime]. Saint Petersburg, Saint Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation Publ., 2015, p. 47.
15. Utebayev S.M. Kontrabanda jinoyatining oldini olish muammolari [Problems of preventing smuggling crime]. *Newsletter of the Berdaq Karakalpak State University*, 2024, vol. 1(64), pp. 246–249.

Kelib tushgan / Получено / Received: 11.07.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 18.08.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 25.08.2025

DOI:10.51788/tsul.jurisprudence.5.4./TKBU6750

UDC: 343.7(045)(575.1)

ONLAYN BANKLAR FAOLIYATI SOHASIDA FIRIBGARLIKNI KVALIFIKATSIYA QILISH MASALALARI

Nurmanov Xolbek Rahmatilla o'g'li,

Toshkent davlat yuridik universiteti mustaqil izlanuvchisi

ORCID: 0009-0001-2582-7720

e-mail: xolbek.nurmanov123@gmail.com

Annotatsiya. Mazkur maqolada mamlakatimizning moliya va iqtisod sohasida tobora salmoqli o'ringa ega bo'lib borayotgan onlayn banklar faoliyatida kompyuter texnologiyalaridan foydalangan holda sodir etiladigan kiberfiribgarlik jinoyatlarini kvalifikatsiya qilish masalalari, ushbu jinoyatlarni sodir etishning ijtimoiy xavfli oqibatlarini, shuningdek, ularni sodir etish tufayli jabrlangan shaxslarning viktin harakatlari tahlil qilinadi. Muallif onlayn banklar faoliyati sohasidagi firibgarlik uchun milliy jinoyat qonunchiligida munosib javobgarlik choralari belgilanmaganligi, shu bois ushbu ijtimoiy xavfli qilmishlar uchun munosib va uning oldini olish uchun yetarli yuridik javobgarlikni belgilash zarur degan xulosaga kelgan, tadqiqotchining fikricha, asosiy obyekt ostida o'zga shaxsning mol-mulki yoki mulkiy huquqlari, moddiy manfaatlari, qo'shimcha obyekt ostida esa tegishli tartibda kompyuter texnologiyalari, kompyuter tizimlari tushunilishi lozim. Shu munosabat bilan maqolada milliy jinoyat qonunchiligiga o'zgartirishlar kiritish, shuningdek, O'zbekiston Respublikasi Oliy Sudi Plenumi qarorini onlayn banklar sohasida sodir etiladigan firibgarlik va o'g'rilikni o'zaro farqlash va to'g'ri kvalifikatsiya qilishga oid zarur huquqiy qoidalar bilan to'ldirishga oid taklif va tavsiyalar ilgari surildi.

Kalit so'zlar: firibgarlik, talon-toroj, bank, onlayn, kredit, o'g'rilik, mol-mulk, kompyuter axboroti

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ОНЛАЙН-БАНКИНГА

Нурманов Холбек Рахматилла угли,

самостоятельный соискатель

Ташкентского государственного

юридического университета

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы квалификации кибермошенничества, совершаемого с использованием компьютерных технологий в сфере онлайн-банкинга, который занимает всё более значимое место в финансово-экономической системе страны. Анализируются социально опасные последствия данных преступлений, а также вictimное поведение пострадавших лиц, ставших жертвами таких противоправных действий. Автор отмечает, что национальное уголовное законодательство пока не предусматривает адекватных мер ответственности за мошенничество в сфере онлайн-банкинга. В связи с этим делается вывод о необходимости установления надлежащих и достаточных юридических механизмов для предупреждения и пресечения данных правонарушений. По мнению автора, основным объектом преступления в данном случае являются имущество, имущественные

права и материальные интересы граждан, тогда как дополнительным объектом выступают компьютерные технологии и системы, используемые в банковской деятельности. В статье предложены рекомендации по внесению изменений в национальное уголовное законодательство, а также по дополнению постановления Пленума Верховного суда Республики Узбекистан правовыми положениями, направленными на разграничение и правильную квалификацию мошенничества и хищений, совершаемых в сфере онлайн-банкинга.

Ключевые слова: мошенничество, хищение, банк, онлайн, кредит, кража, имущество, компьютерная информация

ISSUES OF QUALIFICATION OF FRAUD IN THE SPHERE OF ONLINE BANKING

Nurmanov Kholbek Rahmatilla ugli,

Independent researcher at Tashkent State University of Law

Abstract. This article analyzes the issues of qualifying cyber fraud crimes committed using computer technologies in the activities of online banks, which are becoming increasingly important in the financial and economic sphere of our country, the socially dangerous consequences of committing these crimes, as well as the victim actions of persons affected by their commission. The author came to the conclusion that the national criminal legislation does not establish appropriate liability measures for fraud in the field of online banking activities; therefore, it is necessary to establish appropriate legal liability for these socially dangerous acts and sufficient for their prevention. According to the researcher, the main object should be understood as the property or property rights and material interests of another person, and the additional object should be understood as computer technologies and computer systems in the appropriate manner. In this regard, the article puts forward proposals and recommendations for amendments to the national criminal legislation, as well as for supplementing the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan with the necessary legal provisions for the differentiation and correct qualification of fraud and theft committed in the field of online banking.

Keywords: fraud, embezzlement, bank, online, credit, theft, property, computer information

Kirish

Bugungi kunda global axborot maydonida kibermakon bilan bog'liq yangidan yangi tahdidlar yuzaga kelmoqda. Shu bois virtual olamdagi hujumlardan himoyalaniş masalasi dunyo hamjamiyatini jiddiy tashvishga solmoqda.

Tahlillarga ko'ra, dunyo bo'ylab har yili 500 milliondan ortiq kiberhujumlar uyushiriladi [1]. Har soniyada 12 nafar insondan biri kibermakonda sodir etilgan hujumlar qurboniga aylanadi. Amerika Qo'shma Shtatlari, Fransiya, Angliya, Germaniya, Belgiya, Lyuksemburg kabi rivojlangan davlatlarda jinoyatlarning 60-65 foizi kiberhujumlar orqali sodir etilmoqda. O'zbekistonda ham so'nggi uch yilda bu turdagi jinoyatlar 8,3 baravarga ko'payib, hozirda umumiy jinoyatchilikning qariyb 5 foiziga yetgan.

2021–2024-yillarda kiberjinoyatlar oqibatida fuqarolarning 1 trillion 909 milliard so'mdan ortiq mablag'i talon-toroj qilingan. 2024-yilning o'zida esa zarar 603 milliard so'mni tashkil etgan.

Jumladan, 2019-yilda axborot texnologiyalari orqali 18 turdagi 863 ta jinoyat sodir etilgan bo'lsa, 2024-yilda 62 turdagi 58 ming 800 ta jinoyat qayd etilgan. Kiberjinoyatlarning umumiy jinoyatchilikdagi ulushi sezilarli ravishda ortishi ularning oldini olish zaruratini yanada dolzarblashtirmoqda.

2023-yilda kiberjinoyatlarning umumiy jinoyatchilikdagi ulushi 6,2 foizni tashkil etgan bo'lsa, 2024-yilda 44,4 foizga yetib, deyarli har ikkita jinoyatning biri axborot texnologiyalari orqali sodir etilgan. Kiberjinoyatlarning asosiy qismini (98 foizi) bank kar-

talari bilan bog'liq jinoyatlar (kibero'g'rilik va kiberfiribgarlik) tashkil qilmoqda [2].

Xususan, noqonuniy bank-moliya operatsiyalari orqali o'zgalarning plastik kartadagi mablag'larini o'zlashtirish, zararli viruslar tarqatish, qimor va tavakkalchilikka asoslangan onlayn o'yinlar, diniy aqidaparastlikka qaratilgan axborot xurujlari, onlayn savdo maydonidagi firibgarlik jinoyatlari ko'payib bormoqda.

Achinarlisi, axborot texnologiyalari yordamida huquqbuzarlik va jinoyatga qo'l urgan shaxslar orasida yoshlar ko'pchilikni tashkil etmoqda. Respublikamizda virtual olamdagi qonunbuzilishlarning aksariyati 16-23 yosh oralig'idagi o'smir-yoshlar tomonidan sodir qilinmoqda [3]. Bundan ko'rinib turibdiki, kiberxavfsizlikni ta'minlash masalasi bugun har qachongidan ham dolzarb ahamiyat kasb etmoqda.

Shunga ko'ra, 2025-yil 30-aprelda O'zbekiston Respublikasi Prezidentining "Axborot texnologiyalari yordamida sodir etiladigan jinoyatlarga qarshi kurashish faoliyatini yanada kuchaytirishga qaratilgan chora-tadbirlar to'g'risida"gi PQ-153-sonli qarori qabul qilindi. Mazkur qaror bilan voyaga yetmaganlar banklarda hisobraqamlar va bank kartalarini ochishi yuzasidan tegishli talablar ishlab chiqiladi va amaliyotga joriy etiladi.

Banklar ota-onalarni ularning voyaga yetmagan farzandlari bilan bog'liq shubhali (frod) operatsiyalar haqida xabardor qilish amaliyotini yo'lga qo'yadi.

Belgilangan vazifalarni amalga oshirishda ilmiy tadqiqotning umumiy va maxsus usullari: tizimli, sotsiologik, qiyosiy-huquqiy, tahliliy, miqdoriy tahlil (kontent-tahlil) va boshqa usullardan foydalanilgan. Mazkur usullarning barchasi ma'lum darajada tadqiqot natijalarining aniqligi va asoslanganligini ta'minlashga xizmat qildi.

Respublikamizda o'zgalar mulkini kompyuter vositalaridan foydalanib talon-toraj qilganlik uchun javobgarlik (X.R. Ochilov) [4] mavzusida falsafa doktori (PhD) dissertat-

siyasi, axborot texnologiyalari va xavfsizligi sohasidagi jinoyatlarga qarshi kurashishning jinoyat-huquqiy va kriminologik choralarini takomillashtirish (A.K. Rasulev) [5] mavzusida doktorlik dissertatsiyasi (DSc) himoya qilingan. Ushbu tadqiqotlarda o'zgalar mulkini talon-toraj qilish bilan bog'liq jinoyatlarning sabablari va sharoitlari, kompyuter firibgarligi, axborot texnologiyalari va xavfsizligi sohasidagi jinoyatlarga qarshi kurashishning jinoyat-huquqiy choralarini takomillashtirish tadqiq etilgan.

A.A. Shutova, M.A. Prostoserdov, M.Y. Shalyapina, A.Y. Chuprova, Z.I. Xisamovlarning iqtisodiyot sohasida axborot vositalaridan foydalanib, sodir etilgan jinoyatlar, S. Furnell (Avstraliya), P. Grabosky (AQSh), P. Himanenlarning (Finlandiya) kiberjinoyatchi va xaker shaxsi, E. Hickey (Avstriya), D. Parkerlarning (AQSh) kiberjinoyatlarning kriminologik jihatlariga bag'ishlangan tadqiqotlarini ta'kidlash lozim.

Asosiy qism

Global tarmoqqa ulanish, ma'lumotlarni qayta ishlashni avtomatlashtirish va masofadan kirishdan foydalangan holda operatsiyalarni ishlab chiqish kompyuter tizimlari orqali identifikatsiyalangan ma'lumot yoki shaxsiy ma'lumotlarni o'g'irlash imkoniyatlarining kengayishiga olib keldi. Bunday jinoyatlarning predmeti ham doimiy foydalanib kelinadigan identifikatsiya qiluvchi ma'lumotlar, ham yangi identifikatsiya qiluvchi ma'lumotlar, shu jumladan, kredit karta raqamlari, bank hisobvaragi ma'lumotlari, pasport va haydovchilik guvohnomasi raqamlari, Internetdagi hisoblar, parollar va IP-manzillardir.

Hozirgi vaqtda bank sohasida, jumladan, masofaviy bank tizimlari yoki onlayn bankingda "yuqori texnologiyalar" faol qo'llanmoqda.

Kiberjinoyatlar asosan quyidagi usullarda kuzatilmoqda:

60 foizi – zararli havolalar va dasturlar yuborish orqali bank kartasi yoki mobil

qurilma boshqaruvini qo'lga kiritish yo'li bilan;

16 foizi – turli aldovlar bilan bank kartasi hamda mobil ilovalardagi akkauntlar boshqaruvini tasdiqlovchi SMS kodni qo'lga kiritish yo'li bilan;

4 foizi – shaxs nomiga onlayn kredit rasmiylashtirish orqali;

11 foizi – onlayn savdo platformalaridagi firibgarliklar orqali;

9 foizi – turli usuldagi firibgarlik sxemalari orqali fuqarolarning pul mablag'larini jalb qilish tarzida sodir etilmoqda.

Shu bilan birga, ushbu bank xizmatlarining paydo bo'lishi bank sohasida sodir etilgan firibgarliklarni kvalifikatsiya qilishni sezilarli darajada murakkablashtirdi. Onlayn banking mijozning bankka shaxsiy tashrifisiz internet orqali bank xizmatlarini ko'rsatishga qaratilgan axborot texnologiyalari majmuidir. Onlayn bankingning eng keng tarqalgan namunasi telefonlar, kompyuterlar, bankomatlar yordamida bank operatsiyalarini amalga oshirishdir.

Mamlakatimizda moliyaviy firibgarlik yo'li bilan bank plastik kartochkalariga hujumlarning soni ortib borishi natijasida O'zbekiston Markaziy bankida kiberjinoatchilikka qarshi kurashish laboratoriyasi tashkil etildi [6].

Jumladan, Markaziy bank tomonidan taqdim etilgan ma'lumotlarga ko'ra, 2024-yilda firibgarlik yo'li bilan fuqarolar nomiga onlayn kredit ajratish orqali 463 ta holatda qariyb 15 mlrd so'm miqdorida moddiy zarar yetkazilgan.

Markaziy bank rahbari ushbu tizimni joriy etishda axborot xavfsizligiga alohida diqqat qaratish lozimligini tan oldi. Ushbu yo'nalishda O'zbekiston Markaziy banki Rossiya bankining kredit-moliya sohasida kompyuter hujumlari monitoringi va boshqaruv markazi – FinCERT bilan hamkorlik qilmoqda. Ushbu laboratoriya ehtimoliy hujumlarga barham berish va fuqarolar hisobiga tushayotgan pul mablag'larini ham kuzatib boradi.

Hozirgi vaqtda ushbu turdagi firibgarlikni kvalifikatsiya qilishda yuzaga keladigan bir qator muammolarni sanab o'tish mumkin. Avvalo, agar jinoyatchi bir vaqtning o'zida kompyuter ma'lumotlarini kiritish yoki o'zgartirishdan foydalansa va jabrlanuvchini aldasa, ushbu qurilmalar yordamida sodir etilgan talon-torojlar qanday kvalifikatsiya qilinadi? Bunda bir xil jinoiy harakatlar majmui ko'pincha turli jinoyat-huquqiy tusda baholanishi mumkin. Misol uchun, bir kishi Internetda mulkni sotish bo'yicha e'lonlarni topdi, e'lon muallifi bilan bog'lanib, uni bank kartasi raqami va kirish kodini ko'rsatishga ko'ndiradi, deylik. Shundan so'ng jinoyatchi karta egasi nomidan avtomatlashtirilgan tizimlarda ro'yxatga olinadi va jabrlanuvchining barcha hisoblariga kirish huquqiga ega bo'ladi. Shundan so'ng mablag'lar jabrlanuvchining hisob raqamlaridan firibgar tomonidan boshqariladigan hisoblarga o'tkaziladi.

Hozirgi holatlarga qaralsa, fuqarolar qaysi vaziyatlarda aldanib qolyapti? Firibgarlar fuqaroga telefon qilib, "Markaziy bankdanmiz", – deb o'zini tanishtiradi. "Sizni nomingizga falon summadagi (katta miqdor aytiladi) kredit rasmiylashtirilyapti, bu bizning tizimda ko'rinib turibdi", – deydi. Shunda fuqaro shoshib qoladi. Moliyaviy bilimi bo'lmagani uchun "rostdan ham nomimga kredit rasmiylashtiribdi" deb o'ylaydi-da, telefoniga qanaqa kod SMS bo'lib kelsa, hammasini firibgarlarga aytib qo'yadi. Hatto o'zi bilmagan holda telefonidan to'g'ridan to'g'ri boshqaruvni ham firibgarga bermoqda. Telegram'da ekranni ikkinchi odamga onlayn ko'rsatib berish funksiyasi bor. Undan foydalanilsa, ekraningizda nima qilayotganingiz firibgarga ko'rinib turadi. Firibgarlar shundan foydalanib, odamlar nomiga kreditlarni rasmiylashtirib olmoqda. Ularni aldamoqda.

Bundan tashqari, aholiga telefon qilayotgan firibgarlar asosan ruslar bo'lmoqda. Ular o'zbekchani bilmaydi. O'zbek fuqarosiga telefon qilyapti-da, rus tilida "Men Markaziy bankdanman", – deb o'zini tanishtiryapti.

O'zbekiston fuqarolarida nega Markaziy bank xodimi bo'lsa, o'zbekcha gapira olmayapti, degan shubha ham paydo bo'lmayapti. Firibgarlar asosan chet eldan kiberjinoyat sodir etmoqda. O'zbekistondan emas.

“Podmena nomera” degan dastur bor. Unda chet elda turgan holda o'zbekistonliklarga O'zbekistonning mobil raqami orqali qo'ng'iroq qilish imkoni bor. Siz o'sha dasturdan foydalangan xorijdagi odam bilan gaplashib bo'lgach, u raqamga qayta qo'ng'iroq qilsangiz, mutlaqo boshqa odam bilan bog'lanasiz. Odamlar shu orqali ko'p aldanib qolyapti [7].

Tan olish kerakki, garchi mamlakatimizda kibermakonda sodir etiladigan hujumlarga qarshi kurashadigan umumiy va maxsus organlar tashkil etilgan bo'lsa-da, kiberjinoyatchilikka oid nazariy va amaliy muammolar hali-hamon mavjud. Xususan, huquq-tartibot organlari kun sayin yangi turdagi kiberjinoyatlarga qarshi kurashishda tashkiliy-texnik, huquqiy va operatsion muammolarga duch kelmoqda.

Jumladan, texnik muammolar quyidagilar:

- atributsiya, ya'ni internet tarmog'iga ulangan kompyuter vositasidan foydalanib sodir etilgan kiberjinoyatda IP-adresni o'zgartirish yoki yo'q qilish orqali aybni boshqa internet foydalanuvchisi manziliga qaratish [8];

- “Darknet”, “Dark web”, “Deep web” saytlarining mavjudligi, ya'ni noqonuniy ravishda xavfsiz onlayn rejimini ta'minlashdir (kontrabanda, o'qotar qurollar, kredit karta raqamlari, noqonuniy pornografiya va qonunga xilof boshqa xizmatlarni sotib olish yoki sotish maqsadida).

- dasturiy ta'minotning zaifligi, ya'ni noto'g'ri konfiguratsiyalash orqali jinoyatchilarga o'z maqsadlarini amalga oshirishga yo'l berish;

- AT infratuzilmasining virtualizatsiya qilinganligi [9].

X. Ochilov nazdida, kompyuter texnologiyalaridan foydalanib sodir etilgan talon-

toroj uchun ham an'anaviy talon-torojga xos bo'lgan xususiyatlar tegishli bo'lib, bir qator o'ziga xos jihatlarni ham o'zida ifoda etadi:

birinchidan, jinoyat predmeti sifatida asosan elektron ko'rinishdagi pul mablag'i (naqd bo'lmagan pul)da namoyon bo'lishi;

ikkinchidan, sodir etish usuliga qarab tubdan farqlanadi, ya'ni:

a) jinoyat predmetiga tajovuz kompyuter vositasi orqaligina ishlatish mumkin bo'lgan qurollar (dastur)lardan foydalangan holda yuz berishi;

b) jinoyat usulini aniqlash jinoyatchi izini (virtual iz [10]) topishda va ish uchun muhim bo'lgan boshqa holatlarni aniqlashda muhim yo'llanma bo'lib xizmat qilishi [11];

uchinchidan, ushbu jinoyatning virtual kibermuhitda sodir etilishi;

to'rtinchidan, huquqqa xilof harakatni ma'lum masofa uzoqlikda turib sodir eta olish imkoniyati, jinoyat sodir etishning tezkorligi va bunda o'z shaxsining yashirinligini ta'minlay olish imkoniyati mavjudligi;

beshinchidan, jinoyatni zamonaviy axborot texnologiyalari sohasidagi maxsus bilimlardan foydalanmay ochish va fosh qilishning deyarli imkoni yo'qligi;

oltinchidan, jabrlanuvchi bank yoki kredit muassasalari hamda bankda o'z hisob raqamiga ega bo'lgan jismoniy va yuridik shaxslar ekanligi [4].

Shu bois T. Xasanov haqli ravishda aytib o'tganidek, bugungi kunda kompyuter jinoyatlari o'ziga xos spetsifikasi, virtuallik xususiyatlari ularni “oddiy” jinoyatlarga oid turkumida saqlash nomaqbul ekanligini ko'rsatmoqda [12].

Garchi milliy jinoyat qonunchiligimiz boshqa huquq sohalaridan ko'ra rivojlangan bo'lsa-da, JKda kiberhujumlar orqali shaxslarga zarar keltirganlik uchun jinoiy javobgarlik yetarlicha ochib berilmagan va faqatgina kompyuter vositasidan foydalanib talon-toroj qilish JK 167-moddasi (o'zlashtirish yoki rastrata yo'li bilan talon-toroj qilish) 3-qism “g” bandida “kompyuter texnikasi

vositalaridan foydalanib sodir etilgan bo'lsa", 168-moddasi (firibgarlik) 2-qismi "v" bandida "kompyuter texnikasi vositalaridan foydalanib sodir etilgan bo'lsa", 169-moddasi (o'g'rilik) 3-qismi "b" bandida "kompyuter tizimiga ruxsatsiz kirib" mazmunida tarqoq holda berilgan.

Shu sababli bu boradagi jinoyatlarni kvalifikatsiya qilishda turli muammolar, jumladan, ayrim hollarda aybdorning bir vaqtning o'zida Jinoyat kodeksining 4-, 8-10-moddalariga xilof ravishda ikki marta javobgarlikka tortilishi [13] yoki jazo tayinlashda shaxsning qilmishi qo'shimcha ravishda mazkur bob moddalari bilan ham kvalifikatsiya qilinishiga olib kelmoqda.

Shu munosabat bilan bir vaqtning o'zida kompyuter ma'lumotlarini kiritish (o'zgartirish) (Jinoyat kodeksining 278⁴-moddasi) va aldash (Jinoyat kodeksining 168-moddasi 2-qismi "v" bandi) yo'li bilan sodir etilgan firibgarlikni kvalifikatsiya qilish qoidalarini shakllantirish maqsadga muvofiq bo'lib, bu sud-tergov amaliyotida vujudga keladigan muammolarni birmuncha hal qiladi.

Kompyuter axboroti sohasida firibgarlik va o'g'rilikni farqlash quyidagi qoidalarga asoslanishi kerak deb hisoblaymiz:

birinchidan, o'zganing mol-mulkiga egalik qilishni osonlashtirish uchun shaxs tomonidan aldashdan foydalanilgan, keyinchalik boshqa yo'l bilan talon-toraj qilingan hollarda qilmish firibgarlik (Jinoyat kodeksining 168-moddasi) sifatida kvalifikatsiya qilinishi mumkin emas;

ikkinchidan, jinoyatchining ashyoni tasarruf etish imkoniyati aldash natijasida yuzaga kelmagan holatda ham, qilmish firibgarlik sifatida baholanishi mumkin emas.

Mazkur qoidalardan kelib chiqib, O'zbekiston Respublikasi Oliy Sudi Plenumining 2017-yil 11-oktabrdagi "Firibgarlikka oid ishlar bo'yicha sud amaliyoti to'g'risida"gi 35-son qaroriga bir qator tushuntirishlar kiritish zarur ko'rinadi.

Birinchidan, shuni aniqlash zarurki, shaxs tomonidan aldash bank hisobvaragi ma'lumotlariga kirish uchun foydalanilgan bo'lsa, mulkni talon-toraj qilish esa kompyuter ma'lumotlarini kiritish yoki o'zgartirish yo'li bilan sodir etilgan bo'lsa, bunday holatlarda qilmish jinoyatlar majmui sifatida, ya'ni kompyuter texnikasidan foydalangan holda firibgarlik (Jinoyat kodeksining 168-moddasi 2-qismi "v" bandi) va kompyuter ma'lumotlarini o'zgartirish (Jinoyat kodeksining 278⁴-moddasi) deb kvalifikatsiya qilinishi kerak.

Ikkinchidan, agar jinoyatchi kompyuter ma'lumotlaridan foydalangan holda (mobil qurilma orqali Telegram messenjeri, elektron pochta orqali yoki turli xil xabarlarini yuborishning boshqa vositalari orqali) to'g'ridan to'g'ri aldash natijasida (masalan, shaxs ixtiyoriy ravishda jinoyatchiga pul summasini o'tkazsa) jabrlanuvchining mol-mulkini yoki mulkiy huquqlarini tasarruf etish imkoniyatiga ega bo'lsa, u holda qilmish firibgarlik sifatida Jinoyat kodeksining 168-moddasi tegishli qismlari bo'yicha talon-toraj qilingan mol-mulk miqdorini hisobga olgan holda kvalifikatsiya qilinishi kerak, biroq ushbu moddaning 2-qismi "v" bandiga havola qilib bo'lmaydi, chunki mobil qurilmani kompyuter uskunasi tenglashtirish mumkin emas.

Onlayn banking tizimlaridan foydalangan holda sodir etilgan jinoyatlarni kvalifikatsiya qilish sohasidagi ikkinchi muammo bankomat orqali to'lov kartalaridan foydalangan holda sodir etilgan talon-torajliklarni kvalifikatsiya qilishdir. Bugungi kunda ular ancha keng tarqala boshladi. Shu munosabat bilan huquqni qo'llash amaliyotida va fanda mazkur talon-torajlikni Jinoyat kodeksining 168-moddasi 2-qismi "v" bandida nazarda tutilgan firibgarlik sifatida kvalifikatsiya qilish masalasi muhokama qilina boshladi, chunki bankomat mohiyatan kompyuter hisoblanadi.

Shu bilan birga, ko'pchilik ushbu firibgarlikning o'ziga xos xususiyatlarini ta'kidlaydi: ta'sir jabrlanuvchining ongiga emas, balki

kompyuter ma'lumotlariga qaratiladi; shaxsni aldash, jabrlanuvchining yordami bilan mol-mulkni topshirish yoki mulkka bo'lgan huquqlarni qo'lga kiritish namoyon bo'lmaydi; jinoyat quroli axborot, kompyuter ma'lumotlarini saqlash, uzatish va qayta ishlash vositalari hisoblanadi [14].

Shuni ta'kidlash kerakki, masalan, xorijiy sud amaliyotida (Rossiya Federatsiyasi Oliy sudi Plenumining 2007-yil 27-dekabrda 51-sonli "Firibgarlik, o'zlashtirish va rastrata ishlari bo'yicha sud amaliyoti to'g'risida"gi qarori [15]) bunday talon-torajliklar o'g'rilik sifatida kvalifikatsiya qilinadi.

Qolaversa, aybdor tomonidan o'zganing plastik kartasining ochiqdan ochiq talon-toraj qilinishi oqibatida plastik kartaning qiymati miqdorida jabrlanuvchiga zarar yetkaziladi. Biroq aybdor jabrlanuvchiga nisbatan hayot yoki sog'liq uchun xavfli bo'lmagan zo'rlik ishlatib, undan bank plastik kartasining kodini yoki plastik kartani boshqarish, undan to'liq foydalanish imkonini beruvchi, telefonga o'rnatilgan mobil ilovaning kodini bilib, plastik kartadagi mablag'ni o'z ixtiyoriga o'tkazsa, ya'ni boshqa hisobraqamga yuborsa yoxud naqdlashtirsa, qilmishni talonchilik deb baholash lozim. Bordi-yu, aybdor o'ziga bog'liq bo'lmagan holda qilmishni oxiriga yetkaza olmasa, u holda talonchilikka suiqasd deb baholash lozim. Shunday ekan, elektron mablag'lar ham talonchilik predmeti bo'lishi mumkin [16].

Terminalda kredit olish va soxta kartadan foydalangan holda bankomatda pul olish umumiy xususiyatga ega – firibgarlikka xos bo'lgan aldamchi harakatlarning yo'qligidir. Shuning uchun nusxasi avtomatik ravishda terminal tomonidan olinadigan, o'zga shaxsning pasportidan foydalanib, kredit olish huquqiga ega bo'lish jinoyatini kvalifikatsiya qilishda, Jinoyat kodeksining 168-moddasi 2-qismining "v" bandiga havola qilish mumkin emas. Ushbu harakatlar ko'proq o'g'rilik belgilarini o'z ichiga oladi va birligiga o'xshash qilmish ekanligi sababli ban-

komatdan soxta kredit karta yordamida pul mablag'larini talon-toraj qilish kabi o'g'rilik tarzida baholanishi kerak.

Agar har ikki holatda ham bitimning kontragenti sifatida tashkilot tomonidan vakolat berilgan hamda jinoyat subyektining harakatlariga aldanib qolgan jismoniy shaxs emas, balki kompyuter namoyon bo'lib, jinoyatning predmeti sifatida esa naqd pul ko'rinishidagi mablag'lar gavdalangan bo'lsa, naqd pul mablag'lari shaklidagi kreditni talon-toraj qilish bilan bankomatdan naqd pul mablag'larini talon-toraj qilishni turlicha kvalifikatsiya qilishni asosli deb hisoblash qiyin.

Shu bilan birga, bankomatga maxsus texnik moslamalar o'rnatgan, keyinchalik bank kartasidan pul mablag'larini talon-toraj (ma'lumot, karta kodlari va parollarini o'qish orqali) qilgan sudlanuvchining xatti-harakatlari nafaqat Jinoyat kodeksining 169-moddasi 3-qismi "b" bandi bilan (qonunga xilof ravishda (ruxsatsiz) axborot tizimiga kirib yoki undan foydalanish), balki shuningdek, Jinoyat kodeksining 278²-moddasi (Kompyuter axborotidan qonunga xilof ravishda (ruxsatsiz) foydalanish) bilan kvalifikatsiya qilinishi kerak, deb hisoblaymiz, chunki ushbu modda dispozitsiyasida boshqa narsalar qatori "kompyuter axborotidan qonunga xilof ravishda (ruxsatsiz) foydalanish"ga ishora qilinadi.

Xulosa

Yuqorida tahlil qilingan muammolarning yechimi sifatida O'zbekiston Respublikasi Oliy Sudi Plenumining 2017-yil 11-oktabrda 35-sonli "Firibgarlikka oid ishlar bo'yicha sud amaliyoti to'g'risida"gi 35-son qaroriga o'zgartirish kiritishni va qarorning 20-bandini quyidagi tahrirda bayon etishni taklif etamiz.

"20. Tushuntirilsinki, kompyuter texnikasi vositalaridan foydalanib firibgarlik sodir etish (JK 168-moddasi ikkinchi qismi "v" bandi) deganda, moliya, bank muassasalari, fondlar va sh.k.larda bo'lgan, mulkni aldov yo'li bilan kompyuter texnikasi vositalari yordamida ma-

nipulyatsiya qilish orqali amalga oshiriladigan talon-torajlik tushuniladi. Bunday firibgarlik kompyuter tizimida ishlov beriladigan, tegishli axborot tashuvchilarda saqlanadigan yoki ma'lumotlarni uzatish tarmoqlari bo'yicha beriladigan axborotni o'zgartirish yo'li bilan ham, moliya, bank muassasalari kompyuter tizimiga yolg'on axborot kiritish yo'li bilan ham sodir etilishi mumkin.

Basharti shaxs tomonidan aldash bank hisobvarag'i ma'lumotlariga kirish uchun foydalanilgan bo'lsa, mulkni talon-toraj qilish esa kompyuter ma'lumotlarini kiritish yoki o'zgartirish yo'li bilan sodir etilgan bo'lsa, bunday holatlarda qilmish jinoyatlar majmui sifatida, ya'ni kompyuter texnikasidan foydalanilgan holda firibgarlik (Jinoyat kodeksining 168-moddasi 2-qismi "v" bandi) va kompyuter ma'lumotlarini o'zgartirish (Jinoyat kodeksining 278⁴-moddasi) deb kvalifikatsiya qilinishi kerak.

Shu bilan birga, agar jinoyatchi kompyuter ma'lumotlaridan foydalangan holda (mobil qurilma orqali Telegram messenjeri, elektron pochta orqali yoki turli xil xabarlarini yuborishning boshqa vositalari orqali) to'g'ridan to'g'ri aldash natijasida (masalan, shaxs ixtiyoriy ravishda jinoyatchiga pul summasini o'tkazsa) jabrlanuvchining mol-mulkini yoki

mulkiy huquqlarini tasarruf etish imkoniyatiga ega bo'lsa, u holda qilmish firibgarlik sifatida Jinoyat kodeksining 168-moddasi tegishli qismlari bo'yicha talon-toraj qilingan mol-mulk miqdorini hisobga olgan holda kvalifikatsiya qilinishi kerak, bunda ushbu moddaning 2-qismi "v" bandiga havola qilish shart emas.

Bankomatga maxsus texnik moslamalar o'rnatgan, keyinchalik bank kartasidan pul mablag'larini talon-toraj (ma'lumot, karta kodlari va parollarini o'qish orqali) etgan sudlanuvchining xatti-harakatlari nafaqat Jinoyat kodeksining 169-moddasi 3-qismi "b" bandi (qonunga xilof ravishda (ruxsatsiz) axborot tizimiga kirib yoki undan foydalanish), balki Jinoyat kodeksining 278²-moddasi (Kompyuter axborotidan qonunga xilof ravishda (ruxsatsiz) foydalanish) bilan ham kvalifikatsiya qilinishi kerak".

Bizning fikrimizcha, O'zbekiston Jinoyat kodeksida kiber talon-toraj bo'yicha tegishli moddalar mavjud bo'lmagan sharoitda ushbu tushuntirishlarning kiritilishi huquqni muhofaza qiluvchi organlar va sudlarga talon-torajlikning ushbu eng zamonaviy turlarini bir xilda va to'g'ri kvalifikatsiya qilishda yordam berishi mumkin.

REFERENCES

1. Virtual olamdagi global tahdid [Global threat in the virtual world]. Available at: https://uza.uz/uz/posts/virtual-olamdagi-global-tahdid_350549?q=%2Fposts+%2Fvirtual-olamdagi-global-tahdid_350549
2. O'zbekistonda 2021–2024-yillarda banklar va fuqarolar kiberjinoyatlardan 1,9 trln so'm zarar ko'rdi [In Uzbekistan, banks and citizens suffered losses of 1.9 trillion soums from cybercrime in 2021–2024]. Available at: <https://www.gazeta.uz/oz/2025/05/29/kiberjinoyat/>
3. Yoshlarimizni kiber jinoyotlar xavfidan ogohlantirish – dolzarb vazifasi [Warning our youth about the dangers of cybercrime is an urgent task]. Available at: <https://kukaldosh.uz/26/02/2024/12530>
4. Achilov X.R. Kompyuter vositalaridan foydalangan holda birovning mulkini talon-toraj qilganlik uchun javobgarlik [Liability for the theft of someone else's property using computer tools]. Tashkent, 2017.
5. Rasulov A.K. Axborot texnologiyalari va xavfsizlik sohasida jinoyatlarga qarshi kurashishning jinoiy-huquqiy va kriminalistik chora-tadbirlarini takomillashtirish [Improving criminal law and

forensic measures to combat crimes in the field of information technology and security]. Tashkent, 2018.

6. O'zbekiston Markaziy bankida kiberjinoyatlarga qarshi kurash laboratoriyasi ochildi [A laboratory for combating cybercrime has been opened at the Central Bank of Uzbekistan]. Available at: <https://daryo.uz/k/2019/05/04/ozbekiston-markaziy-bankida-kiberjinoyatlarga-qarshi-kurash-laboratoriyasi-ochildi/>

7. Markaziy bank vakili O'zbekistondagi asosiy kiber firibgarliklar xorijdan turib sodir etilmoqda [Central Bank representative: Major cyber frauds in Uzbekistan are being committed from abroad]. Available at: <https://daryo.uz/2024/04/03/ozbekistonda-asosiy-kiber-firibgarliklar-xorijdan-turib-sodir-etilmoqda-markaziy-bank-vakili>

8. Kiberprestupnost'. Modul' 1. Vvedeniye v kiberprestupnost'. Obrazovaniye vo imya pravosudiya seriya universitetskikh moduley [Cybercrime Module 1 Introduction to Cybercrime Education for Justice University Module Series]. United Nations Office on Drugs and Crime. Vienna, 2019.

9. Kiberprestupnost'. Modul' 9. Serii moduley po kiberprestupnosti: Kiberbezopasnost' i preduprezhdeniye kiberprestupnosti: prakticheskiye metody i mery [Cybercrime. Module 9. Cybercrime Module Series: Cybersecurity and Cybercrime Prevention: Practical Methods and Measures]. United Nations Office on Drugs and Crime, Vienna, 2019.

10. Usov A.I. Kontseptual'nyye osnovy sudebnoy kompyuterno-tekhnicheskoy ekspertizy [Conceptual foundations of forensic computer-technical examination]. Moscow, 2002, p. 14.

11. Tret'yak M. Problemy kvalifikatsii novykh sposobov moshennichestva [Problems of qualification of new methods of fraud]. *Criminal Law*, 2015, vol. 2, pp. 94–98.

12. Xasanov T. O'g'irlik uchun jinoiy javobgarlik va uning oldini olish [Criminal liability for theft and its prevention]. Tashkent, 2019.

13. Anorbayev A.U. Kiberhujumlar orqali o'zgalarning mulkini talon-taroj qilish bilan bog'liq jinoyatlarning huquqiy holati [Legal status of crimes related to the plundering of other people's property through cyberattacks]. *Journal of Legal Studies*, 2019, vol. 9, p. 51.

14. Tret'yak M.I. Pravila kvalifikatsii kompyuternogo moshennichestva i prestupleniy, predusmotrennykh gl. 28 UK RF [Rules for the qualification of computer fraud and crimes provided for in Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Criminal Law*, 2014, vol. 4.

15. Plenum verkhovnogo suda rossiyskoy federatsii [Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_74060/

16. Abduqodirov F.F. Talonchilikka qarshi kurashning jinoiy-huquqiy chora-tadbirlarini takomillashtirish [Improving criminal law measures to combat robbery]. Tashkent, 2022, p. 77.

Kelib tushgan / Получено / Received: 17.07.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 15.08.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 25.08.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.4./UNUL9030

UDC: 343.216(045)(575.1)

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI JINOYAT QONUNCHILIGIDA JAMIYATDAN AJRATISH BILAN BOG'LIQ BO'LMAGAN JINOIY JAZOLARNING RIVOJLANISH TARIXI

Ma'murov Sanjarbek Ilxomovich,

Namangan viloyati prokurorining yordamchisi,

adliya kichik maslahatchisi

ORCID: 0009-0003-0622-6596

e-mail: shaxriyorilhomov6@gmail.com

Annotatsiya. Mazkur maqolada O'zbekiston Respublikasining jinoyat qonunchiligida jamiyatdan ajratish bilan bog'liq bo'lmagan jinoiy jazolarning tarixi va rivojlanishi tahlil qilingan. Unda O'zbekistonda jinoyat jazolarini modernizatsiyalash jarayoni, qonunchilikdagi o'zgarishlar va jamiyatning ijtimoiy-huquqiy talablariga moslashish hamda xalqaro huquqiy standartlarga muvofiqlashtirishdagi davrlar to'g'risida fikr yuritiladi. Jinoiy jazolarning samaradorligi, ularning inson huquqlari va erkinliklariga ta'siri hamda ularning jamiyatdagi ijobiy o'zgarishlarga qo'shgan hissasi bo'yicha ham tahlillar olib boriladi. Shu bilan birga, jinoiy jazolar tizimining insonparvarlik tamoyillari asosida takomillashtirilishi, jazolash maqsadlarining ijtimoiy rehabilitatsiya va qayta ijtimoiylashtirishga yo'naltirilishi muhimligi ta'kidlanadi. Maqolada, shuningdek, jinoyat qonunchiligida yangi metod va yondashuvlarni joriy etish orqali jazolarning samaradorligini oshirish, jinoyatchilik darajasini kamaytirish va jamiyat xavfsizligini ta'minlash zarurligi haqida fikrlar bildirilgan. Tadqiqot O'zbekistonda jinoyat qonunchiligi sohasidagi yangi yo'nalishlar va ijtimoiy adolatni ta'minlashga oid muammolarni chuqur o'rganishga xizmat qiladi. Shu bilan birga, u mavjud qonunlarning samaradorligini oshirish, jazolash tizimining inson huquqlariga moslashuvi hamda jinoyatchilikning oldini olishdagi innovatsion yondashuvlarni rivojlantirish uchun asos yaratadi. Tadqiqot natijalari mamlakatda adolatli va insonparvar jinoyat jazolari tizimini barpo etishga ko'maklashadi, shuningdek, qonunchilikni xalqaro standartlar bilan uyg'unlashtirish imkoniyatlarini kengaytiradi.

Kalit so'zlar: jamiyatdan ajratish, jinoiy jazolar, jamiyat bilan bog'liq jazolar, ijtimoiylashtirish, jinoyat qonunchiligi islohoti, ijtimoiy rehabilitatsiya, insonparvar jazolar, alternativ jazo choralari, qonunchilik

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА, В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Маъмуров Санжарбек Ильхомович,

помощник прокурора Наманганской области,

младший советник юстиции

Аннотация. В данной статье анализируется история и развитие уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в уголовном законодательстве Республики

Узбекистан. Рассматриваются процессы модернизации системы уголовных наказаний, эволюция законодательных изменений, а также адаптация норм к социально-правовым потребностям общества и их гармонизация с международными правовыми стандартами. Основное внимание уделено вопросам эффективности уголовных наказаний, их влияния на права и свободы человека, а также роли в обеспечении позитивных преобразований в обществе. Подчёркивается необходимость совершенствования системы наказаний на основе принципов гуманизма, смещения акцента с карательных целей на социальную реабилитацию и ресоциализацию правонарушителей. В статье рассматриваются также новые подходы и методы, направленные на повышение эффективности уголовных наказаний, снижение уровня преступности и обеспечение общественной безопасности. Проведённое исследование способствует более глубокому изучению современных направлений развития уголовного законодательства Узбекистана и проблем обеспечения социальной справедливости. Результаты исследования создают основу для повышения эффективности действующего законодательства, совершенствования адаптации системы наказаний к международным стандартам защиты прав человека, а также развития инновационных подходов к предупреждению преступности. Итогом работы является содействие формированию справедливой и гуманной системы уголовных наказаний в стране и расширение возможностей интеграции национального законодательства в международно-правовое пространство.

Ключевые слова: изоляция от общества, уголовные наказания, наказания, связанные с обществом, ресоциализация, реформа уголовного законодательства, социальная реабилитация, гуманизация наказаний, альтернативные меры наказания, законодательство

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL PUNISHMENTS NOT RELATED TO SEPARATION FROM SOCIETY IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Ma'murov Sanjarbek Ilkhomovich,

Assistant to the Prosecutor of Namangan Region,
Junior adviser of justice

Abstract. This article analyzes the history and development of criminal punishments not related to isolation from society in the criminal legislation of the Republic of Uzbekistan. It discusses the process of modernization of criminal penalties in Uzbekistan, changes in legislation and periods of adaptation to the socio-legal requirements of society, and bringing them into line with international legal standards. The effectiveness of criminal punishments, their impact on human rights and freedoms, and their contribution to positive changes in society are also analyzed. At the same time, the importance of improving the system of criminal punishments based on the principles of humanism, directing the goals of punishment towards social rehabilitation and resocialization, is emphasized. The article also discusses the need to increase the effectiveness of punishments, reduce crime rates, and ensure public safety by introducing new methods and approaches to criminal law. The research serves to deeply study new directions in the field of criminal legislation in Uzbekistan and problems related to ensuring social justice. At the same time, it creates a basis for increasing the effectiveness of existing laws, adapting the penal system to human rights, and developing innovative approaches to crime prevention. The results of the study will contribute to the creation of a fair and humane system of criminal penalties in the country, as well as expand the possibilities of harmonizing legislation with international standards.

Keywords: social exclusion, criminal penalties, community-related penalties, socialization, legislation, criminal law reform, social rehabilitation, humanitarian punishments, alternative punitive measures, legislation

Kirish

Ma'lumki, jinoyat qonunchiligi har bir davlatning huquqiy asosi bo'lib, jamiyatni tartibga solish, jinoyatlar sodir etilishining oldini olish va fuqarolarning xavfsizligini ta'minlash uchun muhim vosita hisoblanadi. O'zbekiston Respublikasining jinoyat qonunchiligida jamiyatdan ajratish bilan bog'liq bo'lmagan jinoiy jazolarning rivojlanishi davlatning huquqiy siyosati va inson huquqlariga bo'lgan munosabatini shakllantirishda muhim o'rin tutadi.

Barcha davlatlarda huquqqa xilof muayyan bir ijtimoiy xavfli qilmishni sodir etgan shaxsga nisbatan tayinlanadigan ta'sir choralari mamlakat rivojlanishi va demokratik islohotlar natijasida takomillashtirib boriladi. Shuningdek, O'zbekiston Respublikasida ham jinoyat sodir etgan shaxslarga nisbatan tayinlanadigan jazo tizimi muayyan darajada liberallashtirilib borilmoqda. Har qanday mavzuni to'liq tahlil qilish uning tarixiy jihatlariga e'tibor qaratishni talab qiladi. Mavzuning tarixiy jihatlarini o'rganish bizga ushbu soha to'g'risida mufassal tasavvurga ega bo'lish, kelajakda ushbu sohani rivojlantirish istiqbollarini ishlab chiqishda muhim tajriba vazifasini bajaradi.

Bizga ayonki, mamlakatimiz hududida uzoq o'tgan davr mobaynida shariat qoidalari amalda bo'lgan hamda jinoyat va jazo masalalari aynan shariat qoidalari bo'yicha tartibga solingan. Arab huquqshunos olimi Muhammad al-Fadelning qayd etishicha, "jazo – jinoyat sodir etgan kishiga qonun tomonidan belgilangan azobdir" [1].

O'zbekiston Respublikasining yangi tahrirda qabul qilingan Konstitutsiyasida inson huquq va erkinliklari, uning sha'ni va qadr-qimmat, ularning daxlsizlik huquqlari eng oliy qadriyat sifatida xalqaro prinsiplar asosida mustahkamlab qo'yildi. Ushbu jarayonning amaliy tasdig'ini so'nggi yillarda davlat boshqaruv jarayonida inson huquqlarini ta'minlash, uning samaradorligini yanada oshirish borasida mamlakatimizda amalga

oshirilayotgan keng ko'lamli islohotlarda ham kuzatish mumkin.

Qayd etish lozimki, musulmon jinoyat huquqi masalalari bilan shug'ullangan hozirgi zamon huquqshunos olimlari shariatda jazo turlarini bir nechta guruhga bo'lib, turlicha fikr bildirishgan. Jumladan, M.I. Sadagdar musulmon huquqida jazo alohida xususiyatga ega bo'lib, quyidagi turlar: qasos – o'ch olish; diya – tovon haqi; o'lim jazosi, toshbo'ron qilish, qo'l-oyog'ini kesish, savalash, darra urish, surgun va badarg'a, mol-mulkni musodara qilish va boshqalardan iboratdir [2], deb ko'rsatgan bo'lsa, G.M. Kerimov shariatdagi barcha jazolar asosan to'rt turga: a) bir xilda o'ch olish; b) tovon yoki jarima; d) qiyos (analogiya) asosida qonun bilan belgilangan jazo; e) shariat sudyalari-ning ixtiyoriga ko'ra beriladigan jazolarga bo'lingan [3].

M. Rajabovanning fikricha, musulmon huquqi bo'yicha barcha jinoyatlar jazo belgilanishi va tajovuz obyektiga qarab uchta guruhga ajratilgan [4]:

- 1) had jazo turlari;
- 2) qasos yoki tovon va kafforot jazo turlari;
- 3) ta'zir jazo turlari.

Musulmon jinoyat huquqi nazariyasiga ko'ra, shaxsga tan jarohati yetkazilganligi uchun "jonga-jon, ko'zga-ko'z, burunga-burun, quloqqa-quloq, tishga-tish" tarzida qasos olingan. Shariatda tovon haqi jazosi keng tarqalgan jazo turlaridan bo'lgan. Hozirgi kunda ham jazoning tovon haqi turidan shariat qonun-qoidalari hukmron bo'lgan Saudiya Arabistoni, Ummon, Yaman davlatlarida boshqa jazo turlari kabi samarali foydalanib kelinmoqda.

Mamlakatimiz hududi XIX asrning oxirida Chor Rossiyasi tomonidan mustamlakaga aylantirilgandan so'ng dastlab qonun normalari va shariat qoidalari birgalikda amalda bo'lib turdi. 1922-yilda SSSRda yangi jinoyat qonunchiligi ishlab chiqilgandan so'ng 1926-yilda O'zbekiston SSRning birinchi jino-

yat kodeksi qabul qilingan. Mazkur kodeksda quyidagi jazo choralari nazarda tutilgan [5]:

1) xalq dushmani deb e'lon qilish va SSSR hududidan butunlay badarg'a qilish jazo chorasi;

2) qattiq rejim bilan ozodlikdan mahrum qilish jazo chorasi;

3) qattiq rejimsiz ozodlikdan mahrum qilish jazo chorasi;

4) ozodlikdan mahrum qilmasdan axloq tuzatish ishlari jazo chorasi;

5) muayyan huquqlardan mahrum qilish jazo chorasi;

6) muayyan muddatga SSSR hududidan chiqarish jazo chorasi;

7) O'zbekiston SSR hududidan chiqarish jazo chorasi;

8) mansabdan chetlatish jazo chorasi;

9) muayyan mansabda bo'lishni taqiqlash jazo chorasi;

10) jamoat izzasi jazo chorasi;

11) mol-mulkni musodara qilish;

12) jarima;

13) ogohlantirish.

1959-yilda O'zbekiston SSRning yangi Jinoyat kodeksi qabul qilingan hamda mazkur kodeksi 1960-yil 1-yanvardan kuchga kirgan. Ushbu Jinoyat kodeksining 21-moddasida quyidagi jazo turlari nazarda tutilgan [6]:

1) ozodlikdan mahrum qilish;

2) surgun;

3) badarg'a qilish;

4) ozodlikdan mahrum qilmasdan axloq tuzatish ishi;

5) muayyan mansabni egallash yoki muayyan ishi bilan shug'ullanish huquqidan mahrum qilish;

6) jarima;

7) lavozimdan ozod etish;

8) jamoat izzasi;

9) favqulodda jazo turi sifatida o'lim jazosi;

10) mol-mulkni musodara qilish;

11) harbiy yoki maxsus unvondan mahrum qilish;

12) intizomiy batalyonga yuborish.

Yuqoridagi tahlillardan ko'rishimiz mumkinki, sobiq Ittifoq davrida ham jazo tizimida shaxsga nisbatan jamiyatdan ajratish bilan bog'liq bo'lmagan jinoiy jazolar ko'proq bo'lgani holda mazkur jazolar orasida inson qadr-qimmatini kamsituvchi va jinoyat qonunining boshqa talablariga muvofiq kelmaydigan jazolar ko'zda tutilgan edi. Vaholanki, mazkur Jinoyat kodeksida ham "Jazolash odamga jismoniy azob berish yoki inson qadr-qimmatini kamsitishni maqsad qilib qo'ymaydi" (21-modda), – deb belgilangan edi.

Asosiy qism

O'zbekistonda davlat mustaqilligi qo'lga kiritilganidan so'ng butun huquqiy tizim kabi jinoyat qonunchiligi ham qayta ko'rib chiqildi hamda 1994-yil 22-sentyabrda O'zbekiston Respublikasining amaldagi Jinoyat kodeksi qabul qilindi. Mazkur kodeksda jinoiy jazo tizimi qayta ko'rib chiqildi hamda jinoiy jazolarning inson qadr-qimmatini kamsituvchi, haq-huquqlarini boshqacha tarzda buzadigan, shuningdek, kodeksda birinchi marotaba prinsiplar talablariga muvofiq kelmaydigan jazo turlari olib tashlandi.

Kodeksning 1994-yilgi tahririga ko'ra, jinoyat sodir etishda aybli deb topilgan shaxslarga nisbatan quyidagi asosiy jazolar qo'llanilishi mumkinligi belgilandi: a) jarima; b) muayyan huquqdan mahrum qilish; v) axloq tuzatish ishlari; g) xizmat bo'yicha cheklash; d) qamoq; e) intizomiy qismga jo'natish; j) ozodlikdan mahrum qilish; z) o'lim jazosi.

Shuningdek, unda mahkumlarga asosiy jazolardan boshqa harbiy yoki maxsus unvondan mahrum qilish hamda mol-mulkni musodara qilish tarzidagi qo'shimcha jazo ham qo'llanilishi mumkinligi qayd etildi.

Bugungi kunda amaldagi jinoyat qonunchiligi bo'yicha jinoiy jazolar tizimi jazoning og'irligiga ko'ra ozodlikdan mahrum qilish (cheklash) bilan bog'liq bo'lgan jazolar (ozodlikni cheklash, intizomiy qismga jo'natish, ozodlikdan mahrum qilish, umrbod ozodlikdan mahrum qilish) va ozodlikdan mahrum qilish (cheklash) bilan bog'liq bo'lmagan

(jarima, muayyan huquqdan mahrum qilish, majburiy jamoat ishlari, harbiy yoki maxsus unvondan mahrum etish, axloq tuzatish ishlari, xizmat bo'yicha cheklash) jazo turlariga bo'linadi [7].

Jinoyat va jinoyat-protsessual qonunchilikni yanada liberallashtirish maqsadida dastlab 2001-yil 29-avgustda "Jinoiy jazolarning liberallashtirilishi munosabati bilan O'zbekiston Respublikasi Jinoyat, Jinoyat-protsessual kodekslari hamda Ma'muriy javobgarlik to'g'risidagi kodeksiga o'zgartishlar va qo'shimchalar kiritish to'g'risida"gi Qonun qabul qilindi. Ushbu qonunning qabul qilinishi jamiyatni demokratlashtirish, sud-huquq sohasidagi islohotlarni chuqurlashtirish, fuqarolarning konstitutsiyaviy huquq va erkinliklarini himoya qilishda muhim ahamiyat kasb etdi. Mazkur qonunning qabul qilinishi bilan jinoyat-huquqiy siyosatdagi fundamental demokratlashtirish darajasidagi yangi bosqichi boshlanganligini qayd etish joizdir.

Jinoiy jazolarni liberallashtirish jarayonida jinoyat qonunchiligi doirasidan chetga chiquvchi qator vazifalar muvaffaqiyatli ravishda bartaraf etildi.

Jinoyat-huquqiy siyosatda yangicha qarash hisoblangan, jinoyatlar tasnifi o'zgartirildi. Jinoiy jazolarning liberallashtirilishi ijtimoiy xavfi katta bo'lmagan jinoyatlar toifasining kengayishiga olib keldi. O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksida ijtimoiy xavfi katta bo'lmagan jinoyatlarga qasddan sodir etilib, qonunda uch yildan ko'p bo'lmagan muddatga ozodlikdan mahrum qilish tarzidagi jazo nazarda tutilgan jinoyatlar, shuningdek, ehtiyotsizlik oqibatida sodir etilib, qonunda besh yildan ko'p bo'lmagan muddatga ozodlikdan mahrum qilish tarzidagi jazo belgilangan jinoyatlar nazarda tutildi. Shuningdek, uncha og'ir bo'lmagan jinoyatlar toifasiga kiruvchi ijtimoiy xavfli qilmishlar doirasi ham kengaytirildi.

O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksiga kiritilgan o'zgartirish va qo'shimchalar tarkibiga voyaga yetmaganlar, ayollar va 60

yoshdan ortgan erkaklarga nisbatan tayinlanadigan jazo muddatlarini kiritish mumkin. Avvallari, ijtimoiy xavfi katta bo'lmagan jinoyatni sodir etgan voyaga yetmagan shaxs uch yildan besh yilgacha ozodlikdan mahrum etilgan bo'lsa, ehtiyotsizlikdan sodir etilgan jinoyat uchun esa O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksining 85-, 87-moddalariga ko'ra, ozodlikdan mahrum qilish jazosi qo'llanmaydigan bo'ldi. Besh yildan ko'p bo'lmagan muddatga ozodlikdan mahrum qilish nazarda tutilgan ijtimoiy xavfi katta bo'lmagan jinoyatni birinchi marta sodir etgan voyaga yetmaganlarga nisbatan sud jazodan ozod etish va majburlov choralarini qo'llash masalasini muhokama qilishi kerakligi belgilandi.

O'z vaqtida, XVIII–XIX asrlarda, ozodlikdan mahrum qilishning o'zi ham og'ir jazo, o'lim jazosi hamda tan jazolarining har xil turlariga nisbatan muqobil jazo sifatida qaralgan. Ammo XIX asrdayoq ozodlikdan mahrum etish o'zining asosiy vazifasi – mahkumlarni ijtimoiy reabilitatsiya qilish va axloqan tuzatish vazifasini bajara olmasligi tushunib yetildi [8].

Shunday qilib, dastavval ilmiy jamoatchilik ham jinoyatlar uchun jazo amaliyotiga jamiyatdan ajratish bilan bog'liq bo'lmagan jinoiy jazolarni kiritish zarur degan xulosaga kela boshladi. Bunga nimalar sabab bo'ldi? Mazkur holat bo'yicha so'z yuritish o'rinli bo'ladi.

Birinchi sabab – ozodlikdan mahrum qilish jazosining samaradorligi darajasi past bo'lganligi. Oxirgi o'n yilliklar davomida retsidiv jinoyatchilik sezilarli darajada oshdi va bu mavjud sud hamda jinoyat-ijroiya siyosati samarali emasligining bevosita dalili hisoblanadi. Olimlarning tahliliga ko'ra, islohotlar davri retsidivistlar faolligining o'sishi, ular orasida o'ta xavfli retsidivistlar miqdorining ko'payishi bilan tavsiflanadi. Axloq tuzatish muassasalaridan ozodlikka chiqqandan so'ng birinchi yil davomida jinoyatlar sodir etgan retsidivistlar soni ko'paydi [9].

A.V. Andreyevning fikriga ko'ra, jinoyat uchun tayinlangan jazoning samaradorligi darajasini ijtimoiy maqsad (maqsadlar) va hozirgi vaqtda erishilgan ijobiy natija o'rtasidagi tafovutning qonunga muvofiq, tejamkorlik bilan va oqilona sarflangan mablag'larga nisbati sifatida aniqlash mumkin [10].

Ayrim mualliflar fikriga ko'ra, aholining muayyan ijtimoiy xavfli qilmishlar uchun belgilab qo'yilgan jinoyat-huquqiy ta'sir choralariga bo'lgan munosabatiga ham jinoyat-huquqiy vositalar bilan qo'riqlanadigan ijtimoiy boyliklarning qimmati, ham jinoiy tajovuzlar natijasida ularga tahdid solishi mumkin bo'lgan xavfning aniq va ravshanligi sezilarli darajada ta'sir ko'rsatadi [11].

Jazolash unsurlarining tarbiyaviy tomoni ham yo'q emas, degan fikrlarga [12] qo'shilish qiyin. Aks holda jazo qanchalik og'ir bo'lsa, uning tarbiyaviy samarasi shunchalik baland bo'lishini tan olishimizga to'g'ri kellar edi. Jamiyatdan ajratish bilan bog'liq jazo choralariga kelsak, ularning jazolash imkoniyatlari axloq tuzatish imkoniyatlaridan ancha ustun turadi va bu jazoni o'tash sharoitlarining og'irligi, umumfuqarolik huquqlari doirasining sezilarli darajada torayishi, o'z qobiliyatlarini, shu jumladan, kasbiy salohiyatini namoyon etishi uchun imkoniyatlarining torayishi bilan belgilanadi.

Ozodlikdan mahrum qilish rejimi jazolash mexanizmining asosiy unsuri – bir joydan boshqa joyga ko'chib yurishi va o'z vaqti, qobiliyatlari va imkoniyatlarini tasarruf etish erkinligidan mahrum qilish bilan ifodalanadi.

Milliy qonunchiligimizda jamiyatdan ajratish bilan bog'liq bo'lmagan jazolarning keng joriy etilishi xalqaro huquqning umum e'tirof etilgan qoida va tamoyillariga mos bo'lib, o'z navbatida, milliy siyosatning xalqaro-huquqiy siyosat bilan o'zaro hamohangligini ta'minlashga xizmat qiladi.

Shu bilan birga, ushbu qonunlarning qabul qilinishi bilan jazo tizimini takomillashtirish nuqtayi nazaridan sud-huquq islohotini

tugallangan deb hisoblash mumkin emas. Shu munosabat bilan O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyev 2017-yil 22-dekabrda Oliy Majlisga Murojaatnomasida: "Ayrim qilmishlarni liberallashtirish va ularni jinoyatlar toifasidan chiqarishga alohida e'tibor qaratamiz... Insonparvarlik nuqtayi nazaridan jinoiy jazoni yengillashtirish... Shu munosabat bilan 2018–2021-yillarda jinoyat va jinoyat-protsessual qonunchiligini rivojlantirish konsepsiyasini qabul qilish va amalga oshirish zarur" [13], – deb bayon qilgan.

Xulosa

Jamiyatdan ajratish bilan bog'liq bo'lmagan jinoiy jazolarning tarixiy jihatlarini tahlil qilish asosida sohadagi qonun hujjatlarining rivojlanish tarixini shartli ravishda quyidagi bosqichlarga ajratish mumkin:

1) shariat qoidalari joriy etilgandan Chor Rossiyasi istilosi davrigacha bo'lgan davr: bu davrda to'liq shariat qoidalari amalda bo'lgan, ozodlikdan mahrum qilishga muqobil jazolar shariat qoidalari amalda bo'lgan jazolar edi;

2) Chor Rossiyasi istilosidan 1926-yilgacha bo'lgan davr: bu davrda shariat qoidalari va Chor Rossiyasi dekretlari baravariga amalda bo'lgan;

3) 1926–1990-yillar: ushbu davrda ikkita JK amalda bo'lsa-da, davlatda inson qadr-qimmatini kamsituvchi ayrim jazo turlari ham amalda edi;

4) 1991-yilda O'zbekiston mustaqillikka erishgach, jinoyat qonunchiligida fundamental o'zgarishlar boshlandi. Yangilangan qonunlar, ayniqsa, inson huquqlarini himoya qilish va jinoyatlarning oldini olishga yo'naltirilgan edi. Jazolarning rivojlanishida insonparvarlik va rehabilitatsiyani kuchaytirish, jinoyatchilarni jamiyatga qayta integratsiya qilishga bo'lgan urg'u sezilarli ravishda ko'tarildi;

5) 1994–2001-yillar: 1994-yilda O'zbekiston Respublikasining Jinoyat kodeksi qabul qilinishi munosabati bilan ko'plab

jazolar jinoiy jazo tizimidan chiqarib tashlandi, jinoiy jazo tizimi to'liq qayta ko'rib chiqildi;

6) hozirgi davrda: O'zbekistonda jinoyat qonunchiligini yangilashda jinoyat sodir etgan shaxslarni jamiyatga integratsiya qilishga urg'u berilmoqda.

2001-yildan hozirgacha bo'lgan davr jinoyat qonunini liberallashtirish siyosati davlat siyosatining asosiy yo'nalishlaridan biri sifatida belgilandi. Jinoiy jazo tizimidan mol-mulkni musodara qilish jazosi chiqarildi, jinoiy jazolarni tayinlash mexanizmi va amaliyotida ozodlikdan mahrum qilish bilan bog'liq bo'lmagan jinoiy jazolarga alohida e'tibor qaratilib kelmoqda.

Shu o'rinda Prezident Shavkat Mirziyoyev O'zbekiston Respublikasi Oliy Majlisi-ning 2020-yil 24-yanvardagi ma'ruzasida ta'kidlaganidek: "Og'ir jazo tayinlash kabi allaqachon umrini o'tab bo'lgan tartiblarni bekor qilish vaqti yetdi" [14]. Fuqarolarning huquqiy ongi va dunyoqarashida ilm-fanning yanada ravnaq topishi, yuksak ma'naviyat va madaniyatga intilish mamlakatimizda jinoiy jazolar tizimini liberallashtirish hamda ushbu jazolarning ijro etilishini tizimli tashkil etish orqali jinoyatchilikka qarshi kurashish, huquqbuzarliklarni barvaqt profilaktika qilish hamda jinoyat sodir etilishining oldini olishning samarali vositasi ekanligini ko'rsatmoqda.

Bugun ham jazolar tizimi va ularni tayinlash mexanizmlarini qaytadan ko'rib chiqish, eskirgan hamda zamonaviy talablarga javob bermaydigan jazo shakl va turlarini chiqarib tashlash [14] dolzarb masalalardan biri hisoblanadi.

Har qanday jinoiy jazoning mazmuni jinoyat sodir etishda aybdor deb topilgan shaxsning muayyan huquq va erkinligini cheklash yoki ulardan mahrum etishda ifodalanadi [15]. Jinoyat sodir etishda aybdor deb topilgan shaxslarning huquq va erkinliklarini cheklash yoki ulardan mahrum qilish jinoiy jazo chorasining jazolovchi belgisini ifodalaydi. Jazo choralari orasidagi farq shaxsning muayyan huquq va erkinligini cheklash yoki ulardan mahrum etish darajasi, miqdoriga bog'liqdir.

O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksining 7-moddasi "Insonparvarlik prinsipi" [16] mazmuniga ko'ra, shaxsga jazo tayinlashdan maqsad uni jazolash emas, balki tarbiyalashdir.

Bu borada O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyev O'zbekiston Respublikasi Oliy Majlisiga yo'llagan Murojaatnomasida: "Biz ayrim qilmishlarni liberallashtirish va ularni jinoyatlar toifasidan chiqarish, insonparvarlik nuqtayi nazaridan jinoiy jazoni yengillashtirishga alohida e'tibor qaratamiz" [17], – deya ta'kidlab o'tilganligini qayd etish o'rinli.

REFERENCES

1. Muhammad F. Jinoyat huquqining umumiy asoslari [General principles of criminal law]. Damascus, 1964, p. 521.
2. Sadagdar M.I. Osnovnyye cherty musul'manskogo prava i yego razvitiye v Irane po shiitskomu napravleniyu [The main features of Muslim law and its development in Iran along the Shiite line]. Moscow, 1963, p. 17.
3. Kerimov G.M. Shariat i yego sotsial'naya sushchnost' [Sharia and its social essence]. Moscow, Science Publ., 1978, p. 41.
4. Rajabova M. Shariatda jinoyat va jazo [Crime and punishment in Sharia]. Tashkent, Adolat Publ., 1996, p. 84.

5. Uголовный кодекс Узбекской ССР [Criminal Code of the Uzbek SSR]. Samarkand, Old UzSR Publ., 1926, p. 6.
6. O'zbekiston SSRning Jinoyat kodeksi [Criminal Code of the Uzbek SSR]. Tashkent, Uzbekistan Publ., 1977, p. 18.
7. Kalmhout A.M., Tak P.J.P. Sanctionis-System in the member-states of the Council of Europe. Part I. 1988, p. 2.
8. Dolgovoy A.I. Kriminologiya [Criminology]. Moscow, 1997, p. 735.
9. Andreev A.V. Kriterii, pokazateli i usloviya effektivnosti primeneniya San'sya [Criteria, indicators and conditions for the effectiveness of Sanxia application]. Ryazan, *Problems of improving the Execution of Criminal Penalties*, 1993, p. 169.
10. Noskova N.A. Obshchestvennoye mneniye i effektivnost' mer vozdeystviya, predusmotrennykh ugovnym zakonodatel'stvom [Public opinion and the effectiveness of measures of influence provided for by criminal legislation]. Moscow, *Current Issues of Criminal Law*, 1998, p. 125.
11. Struchkov N.A. Ugolovnaya otvetstvennost' i yeye realizatsiya v bor'be s prestupnost'yu [Criminal liability and its implementation in the fight against crime]. Saratov, 1998, p. 59.
12. Rustambayev M.X. O'zbekiston Respublikasi jinoyat huquqi kursi [Criminal law course of the Republic of Uzbekistan]. Tashkent, Military-Technical Institute of the National Guard of the Republic of Uzbekistan Publ., 2018, vol. 2, The doctrine of punishment, p. 335.
13. O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyevning 2017-yil 22-dekabrdagi Oliy Majlisga Murojaatnomasi [Address of the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev to the Oliy Majlis of December 22, 2017]. IPTD Uzbekistan Publ., 2018. 42
14. O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyevning Oliy Majlisga Murojaatnomasi [Address of the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev to the Oliy Majlis]. *People's Word (Xalq so'zi)*, 2020, January 25.
15. Хайдаров М.М. Jinoiy sudlov tizimida ozodlikdan mahrum qilish jazolarining o'rni [The role of custodial sentences in the criminal justice system]. *Newsletter of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan*, 2021. vol. 4, p. 90.
16. O'zbekiston Respublikasining Jinoyat kodeksi [Criminal Code of the Republic of Uzbekistan]. Tashkent, Adolat Publ., 2021, p. 584.
17. O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyevning Oliy Majlisga murojaatnomasi. 2017-yil 22-dekabr [Address of the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev to the Oliy Majlis December 22, 2017]. Available at: <https://president.uz/>

Kelib tushgan / Получено / Received: 14.07.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 15.08.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 25.08.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.4./UTVM7676

UDC: 343.121(045)(575.1)

ДОМАШНИЙ АРЕСТ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: БАЛАНС МЕЖДУ ЗАЩИТОЙ ОБЩЕСТВА И ИНТЕРЕСАМИ РЕБЁНКА

Базарова Дилдора Бахадировна,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой «Уголовно-процессуальное право»
Ташкентского государственного юридического университета
ORCID: 0000-0002-6833-9508
e-mail: d.bazarova@tsul.uz

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования и практики применения домашнего ареста несовершеннолетних в Республике Узбекистан в контексте обеспечения баланса между защитой общества и соблюдением прав ребёнка. Предметом исследования выступают правовые нормы Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан, регламентирующие применение домашнего ареста к несовершеннолетним, практика их реализации и зарубежный опыт в данной сфере. Целью работы является выработка предложений по оптимизации правового регулирования домашнего ареста несовершеннолетних на основе комплексного анализа законодательства, статистических данных и международного опыта. Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой, системно-структурный, статистический и социологический методы. Проанализированы статистические данные о несовершеннолетней преступности в Узбекистане за 2010–2024 годы, показавшие в возрастной группе 13–15 лет значительные колебания – от 129 до 744 лиц. Изучен зарубежный опыт применения домашнего ареста к несовершеннолетним в США, Германии и Франции. Результаты исследования свидетельствуют о соответствии национального законодательства основным международным стандартам ювальной юстиции и одновременно о наличии существенных проблем в правоприменительной практике. Выявлены недостатки в дифференциации подходов к различным возрастным группам несовершеннолетних, отсутствие воспитательного компонента в содержании домашнего ареста, недостаточная специализация контролирующих органов и слабое межведомственное взаимодействие. Область применения результатов охватывает совершенствование уголовно-процессуального законодательства Узбекистана, практику правоприменения в сфере ювальной юстиции и организацию системы альтернативных мер пресечения для несовершеннолетних. Основные выводы включают необходимость введения дифференцированных критериев применения домашнего ареста в зависимости от возраста несовершеннолетнего, обязательного включения воспитательных мероприятий в условия исполнения меры пресечения, создания специализированной службы ювальной probation и совершенствования межведомственного взаимодействия в работе с несовершеннолетними правонарушителями.

Ключевые слова: домашний арест, несовершеннолетние, меры пресечения, ювальная юстиция, права ребёнка, защита общества, уголовный процесс, баланс интересов

VOYAGA YETMAGANLARNING UY QAMOG'IDA SAQLANISHI: JAMIYAT XAVFSIZLIGI VA BOLA MANFAATLARI O'RTASIDAGI MUVOZANAT

Bazarova Dildora Bahadirovna,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Jinoyat-protsessual huquqi kafedrası mudiri,
yuridik fanlar doktori, professor

Annotatsiya. Ushbu maqola O'zbekiston Respublikasida voyaga yetmaganlarning uy hibsida saqlanishining huquqiy tartibga solinishi va qo'llanilish amaliyotini jamiyat xavfsizligini ta'minlash va bola huquqlarini sodir etish o'rtasidagi muvozanatni ta'minlash kontekstida tahlil qilishga bag'ishlangan. Tadqiqot predmeti sifatida O'zbekiston Respublikasi Jinoyat-protsessual kodeksining voyaga yetmaganlarga uy hibsini qo'llashni tartibga soluvchi huquqiy normalari, ularni amalga oshirish amaliyoti va ushbu sohada xorijiy tajriba qaraladi. Ishning maqsadi amaldagi qonunchilik, statistik ma'lumotlar va xalqaro tajribani kompleks tahlil qilish asosida voyaga yetmaganlarning uy hibsida saqlanishini huquqiy tartibga solishni optimallashtirish bo'yicha takliflar ishlab chiqishdan iborat. Tadqiqotning metodologik asosini qiyosiy-huquqiy, tizimli-strukturaviy, statistik va sotsiologik usullar tashkil etadi. Shu bilan birga, maqolada O'zbekistonda 2010–2024-yillardagi voyaga yetmaganlar jinoyatchiligi bo'yicha statistik ma'lumotlar tahlil qilindi va bu 13–15 yosh guruhida 129 dan 744 kishigacha sezilarli o'zgarishlarni ko'rsatdi. AQSh, Germaniya va Fransiyada voyaga yetmaganlarga uy hibsini qo'llash bo'yicha xorijiy tajriba o'rganildi. Tadqiqot natijalari o'zbek qonunchiligining yuvenal adliya sohasidagi asosiy xalqaro standartlarga mosligini, ammo huquqni qo'llash amaliyotida muhim muammolar mavjudligini ko'rsatdi. Voyaga yetmaganlarning turli yosh guruhlari yondashuvlarni farqlashda kamchiliklar, uy hibi mazmunida tarbiyaviy komponentning yo'qligi, nazorat qiluvchi organlarning yetarli darajada ixtisoslashmaganligi va zaif idoralararo o'zaro hamkorlik aniqlandi. Natijalarni qo'llash sohasi O'zbekistonning jinoyat-protsessual qonunchiligini takomillashtirish, yuvenal adliya sohasida huquqni qo'llash amaliyoti va voyaga yetmaganlar uchun muqobil oldini olish choralari tashkil etishni qamrab oladi. Asosiy xulosalar voyaga yetmaganlarning yoshiga qarab uy hibsini qo'llashning farqlangan mezonlarini joriy etish zarurligini, oldini olish chorasini bajarish shartlariga tarbiyaviy tadbirlarni majburiy ravishda kiritish, ixtisoslashgan yuvenal probatsiya xizmatini yaratish va voyaga yetmagan huquqbuzarlar bilan ishlashda idoralararo hamkorlikni takomillashtirishni o'z ichiga oladi.

Kalit so'zlar: uy hibi, voyaga yetmaganlar, oldini olish choralari, yuvenal adliya, bola huquqlari, jamiyat himoyasi, jinoyat jarayoni, manfaatlar muvozanati

HOUSE ARREST OF MINORS: A BALANCE BETWEEN PUBLIC SAFETY AND CHILD'S BEST INTERESTS

Bazarova Dildora Bahadirovna,
Head of the Department of Criminal Procedural Law,
Tashkent State University of Law,
Doctor of Science in Law, Professor

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the legal regulation and practice of applying house arrest to minors in the Republic of Uzbekistan in the context of ensuring a balance between the protection of society and the observance of children's rights. The subject of the research is the legal norms of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan regulating the application of house arrest to minors, the practice of their implementation, and foreign experience in this area. The purpose of the work is to develop proposals for optimizing the legal regulation of house arrest for minors based on a comprehensive analysis of legislation, statistical data, and international experience. The methodological basis of the research is comprised of comparative legal, system-structural, statistical, and sociological methods. Statistical data on

juvenile delinquency in Uzbekistan for 2010-2024 were analyzed, showing significant fluctuations in the 13-15 age group—from 129 to 744 individuals. The foreign experience of applying house arrest to minors in the USA, Germany, and France was studied. The research results indicate the compliance of national legislation with the main international standards of juvenile justice and, at the same time, the presence of significant problems in law enforcement practice. Shortcomings were identified in the differentiation of approaches to different age groups of minors, the lack of an educational component in the maintenance of house arrest, insufficient specialization of regulatory bodies, and weak interdepartmental interaction. The application of the results covers the improvement of criminal procedure legislation of Uzbekistan, law enforcement practice in the field of juvenile justice, and the organization of a system of alternative preventive measures for minors. The main conclusions include the need to introduce differentiated criteria for applying house arrest depending on the age of the minor, mandatory inclusion of educational measures in the conditions for the execution of the preventive measure, the creation of a specialized juvenile probation service, and the improvement of interagency cooperation in working with juvenile offenders.

Keywords: house arrest, minors, preventive measures, juvenile justice, children's rights, public safety, criminal procedure, balance of interests

Введение

Современная система уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних претерпевает значительные изменения, направленные на гуманизацию и индивидуализацию правового воздействия. Одним из важнейших инструментов достижения баланса между защитой общества и соблюдением прав ребёнка является институт домашнего ареста как альтернативная мера пресечения.

Статистические данные Республики Узбекистан демонстрируют нестабильную динамику несовершеннолетней преступности: количество лиц в возрасте 13–15 лет, совершивших преступления, варьировалось от 129 человек в 2019 году до 744 человек в 2023 году, что свидетельствует о необходимости совершенствования подходов к применению мер пресечения в отношении данной категории лиц.

Международные стандарты ювенальной юстиции, закреплённые в Конвенции ООН о правах ребёнка и Пекинских правилах, требуют применения лишения свободы только в качестве крайней меры. В этом контексте домашний арест приобретает особую значимость как средство обеспечения процессуальных целей при минимальном вмешательстве в развитие личности несовершеннолетнего.

Целью настоящего исследования является анализ правового регулирования и практики применения домашнего ареста несовершеннолетних в Республике Узбекистан для выработки предложений по оптимизации баланса между защитой общества и интересами ребёнка.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- проанализировать действующее правовое регулирование домашнего ареста несовершеннолетних в Уголовно-процессуальном кодексе (далее – УПК) Республики Узбекистан;
- исследовать статистические показатели применения данной меры пресечения;
- выявить основные проблемы правоприменительной практики;
- провести сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта;
- разработать предложения по совершенствованию законодательства и практики применения домашнего ареста к несовершеннолетним.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью научного осмысления эффективности применения домашнего ареста как альтернативы заключению под стражу несовершеннолетних в условиях совершенствования правового

регулирования в отношении несовершеннолетних в Узбекистане.

Обзор литературы. Проблематика применения мер пресечения к несовершеннолетним получила широкое освещение в международной научной литературе. Исследования последних лет демонстрируют растущий интерес к альтернативным формам воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. Зарубежные исследователи активно изучают влияние различных мер пресечения на рецидивную преступность, образовательные достижения и социальную адаптацию несовершеннолетних. Особое внимание уделяется психологическим аспектам длительной изоляции подростков от социального окружения в критический период формирования личности.

Анализ международного опыта показывает разнообразие подходов к применению домашнего ареста: от технологически ориентированных систем электронного мониторинга до комплексных программ социального сопровождения. Так, американская модель акцентирует внимание на технических средствах контроля, германская – на социально-воспитательном сопровождении, французская – на интеграции образовательных программ.

Вместе с тем специальных исследований, посвящённых анализу правового регулирования и практики применения домашнего ареста несовершеннолетних в условиях правовой системы Узбекистана, в доступной научной литературе не обнаружено, что подтверждает научную новизну настоящего исследования.

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-правовой, системно-структурный, статистический и социологический методы. Сравнительно-правовой метод применялся для анализа зарубежного опыта правового регулирования домашнего ареста несовершеннолетних в США, Германии и Франции с целью выявления перспективных направ-

лений совершенствования национального законодательства. Системно-структурный метод использовался для изучения взаимосвязи норм УПК Республики Узбекистан, регулирующих применение домашнего ареста к несовершеннолетним, с общими принципами уголовного судопроизводства и международными стандартами защиты прав ребёнка. Статистический метод позволил проанализировать динамику несовершеннолетней преступности в Республике Узбекистан за 2010–2024 годы и оценить масштабы применения мер пресечения к данной категории лиц. Социологический метод применялся для изучения правоприменительной практики и выявления проблем реализации института домашнего ареста несовершеннолетних.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие при применении домашнего ареста к несовершеннолетним в уголовном судопроизводстве Республики Узбекистан.

Предметом исследования являются правовые нормы УПК Республики Узбекистан, регламентирующие применение домашнего ареста к несовершеннолетним, практика их реализации, а также зарубежный опыт правового регулирования в данной сфере.

Основная часть

Анализ правового регулирования домашнего ареста несовершеннолетних. Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства Республики Узбекистан показывает, что правовое регулирование домашнего ареста несовершеннолетних характеризуется дифференцированным подходом с учётом возрастных особенностей данной категории лиц.

Согласно статье 558 УПК Республики Узбекистан, заключение под стражу или домашний арест в качестве меры пресечения могут применяться к несовершеннолетнему только при наличии оснований, предусмотренных статьёй 236 УПК

Республики Узбекистан, и лишь в исключительных случаях. Ключевыми условиями применения данной меры являются предъявление обвинения в совершении умышленного преступления, за которое может быть назначено лишение свободы на срок свыше пяти лет, и невозможность применения иных мер пресечения для обеспечения надлежащего поведения обвиняемого.

Особое внимание законодатель уделяет процедурным гарантиям при рассмотрении вопроса о применении данной меры пресечения. Статья 558 УПК Республики Узбекистан устанавливает обязанность прокурора лично ознакомиться с материалами дела, проверить обоснованность ходатайства, убедиться в исключительности случая и допросить обвиняемого по обстоятельствам, связанным с применением данной меры пресечения.

Статья 242¹ УПК Республики Узбекистан детализирует правовое содержание домашнего ареста, определяя его как нахождение подозреваемого, обвиняемого или подсудимого в полной либо частичной изоляции от общества в жилом помещении с возложением определённых запретов и ограничений. Законодательством предусмотрены следующие виды запретов на: контакты с определёнными лицами; получение и отправление корреспонденции; использование средств связи; покидание жилища.

Альтернативной мерой пресечения для несовершеннолетних выступает отдача под присмотр родителей, опекунов, попечителей или администрации детского учреждения (статьи 253, 556 УПК Республики Узбекистан). Данная мера представляет собой принятие указанными лицами письменного обязательства обеспечить явку несовершеннолетнего к дознавателю, следователю, прокурору и в суд.

Сравнительный анализ с международными стандартами [1] показывает соот-

ветствие национального законодательства основным принципам Конвенции ООН о правах ребёнка. В частности, принцип применения лишения свободы только в качестве крайней меры и на максимально короткий период времени [2] находит отражение в требовании об исключительности применения домашнего ареста к несовершеннолетним.

Статистический анализ применения домашнего ареста к несовершеннолетним в Республике Узбекистан. Статистические данные о несовершеннолетней преступности в Республике Узбекистан за период 2010–2024 годы показывает неравномерную динамику, что имеет прямое влияние на практику применения мер пресечения к данной категории лиц:

1. Динамика преступности несовершеннолетних в возрасте 13–15 лет: анализ данных показывает, что количество лиц в возрасте 13–15 лет, совершивших преступления, характеризуется волнообразной динамикой. В период с 2010 по 2014 годы наблюдался относительно стабильный уровень (506–527 лиц ежегодно). Значительное снижение произошло в 2015–2019 годы, достигнув минимального значения (129 лиц) в 2019 году. Однако с 2020 года началась тенденция к росту, достигшая пика (744 лица) в 2023 году, с последующим снижением (до 366 лиц) в 2024 году.

2. Региональное распределение в 2024 году среди несовершеннолетних 13–15 лет: наибольшие показатели зафиксированы в Ферганской области (61 лицо), городе Ташкенте (56 лиц), Наманганской области (39 лиц) и Ташкентской области (37 лиц). Наименьшие показатели отмечены в Хорезмской области (2 лица) и Сырдарьинской области (5 лиц).

Данная статистика имеет важное значение для понимания масштабов применения мер пресечения к несовершеннолетним. Учитывая, что домашний арест применяется только в исключительных

случаях при обвинении в тяжких умышленных преступлениях, можно предположить, что реальное количество несовершеннолетних, к которым применяется данная мера, составляет незначительную долю от общего числа несовершеннолетних правонарушителей.

Сравнительный анализ с показателями 16–17-летних. Статистические данные по несовершеннолетним в возрасте 16–17 лет показывают схожие тенденции, что свидетельствует о системном характере изменений в подростковой преступности. Это подтверждает необходимость дифференцированного подхода к применению мер пресечения в зависимости от возраста несовершеннолетнего.

Анализ судебной практики и материалов правоприменения выявил ряд системных проблем в применении домашнего ареста к несовершеннолетним.

Существующее правовое регулирование не в полной мере учитывает различия между несовершеннолетними разных возрастных групп (13–15 лет и 16–17 лет). Применение единых критериев к подросткам с различным уровнем психического и социального развития может приводить к неадекватным решениям.

Статья 242¹ УПК Республики Узбекистан возлагает исполнение домашнего ареста на органы внутренних дел по месту жительства несовершеннолетнего. Однако практика показывает недостаточную подготовленность сотрудников к работе с несовершеннолетними, отсутствие специализированных подразделений и методических рекомендаций [3] по осуществлению контроля с учётом возрастных особенностей.

Действующее законодательство не предусматривает обязательного включения в условия домашнего ареста воспитательных и реабилитационных мероприятий. Домашний арест рассматривается исключительно как мера процессуального

принуждения – без учёта его потенциального воспитательного воздействия [4].

Применение домашнего ареста к несовершеннолетним требует координации между правоохранительными органами, органами образования, здравоохранения и социальной защиты [5]. Однако механизмы такого взаимодействия в законодательстве не закреплены.

Показательным примером проблем правоприменительной практики в отношении несовершеннолетних является уголовное дело № 1-1006-2501/698, рассмотренное Чиланзарским районным судом города Ташкента 18 августа 2024 года в отношении Х.Д. В данном деле к несовершеннолетнему была применена мера пресечения в виде заключения под стражу с 13 октября 2024 года по обвинению в мошенничестве. Несмотря на то, что обвиняемый имел постоянное место жительства и полностью признавал свою вину, суд не рассматривал возможность применения домашнего ареста как альтернативы лишению свободы. Данный случай является примером недостаточного внимания правоприменительных органов к принципу применения заключения под стражу несовершеннолетних только в качестве крайней меры. Примечательно, что материальный ущерб потерпевшему был полностью возмещён отцом обвиняемого в размере 2 200 долларов США, что могло служить дополнительным основанием для применения более мягкой меры пресечения и включения воспитательного воздействия через семью.

Несмотря на предусмотренную статьёй 242¹ УПК Республики Узбекистан возможность применения электронных средств слежения, практическая реализация данной нормы затруднена отсутствием соответствующей технической базы и методических рекомендаций по её применению к несовершеннолетним.

Длительное нахождение под домашним арестом может оказывать негативное

воздействие на психическое состояние несовершеннолетнего [6], особенно в условиях полной изоляции от общества. Законодательство не предусматривает обязательного психологического сопровождения несовершеннолетних, находящихся под домашним арестом.

Эффективность применения домашнего ареста. Оценка эффективности применения домашнего ареста к несовершеннолетним должна проводиться по нескольким критериям: достижение процессуальных целей, соблюдение прав ребёнка, профилактическое воздействие [7].

Статистические данные свидетельствуют о том, что домашний арест в большинстве случаев обеспечивает *достижение основных процессуальных целей* – предотвращение уклонения от следствия и суда, а также пресечение преступной деятельности. Однако отсутствие системного мониторинга не позволяет дать точную оценку эффективности.

Применение домашнего ареста обеспечивает лучшее *соблюдение прав несовершеннолетних* по сравнению с заключением под стражу. Несовершеннолетний сохраняет возможность находиться в привычной семейной обстановке, продолжать обучение (при соответствующих условиях), получать медицинскую помощь.

Домашний арест может оказывать положительное *профилактическое воздействие* при условии активного участия семьи в воспитательном процессе и организации социально-психологического сопровождения. Однако формальный подход к исполнению данной меры снижает её профилактический потенциал.

Результаты исследования показывают, что при соблюдении процедурных гарантий и обеспечении надлежащего контроля домашний арест может служить эффективной альтернативой заключению под стражу для несовершеннолетних. Однако

существующие проблемы правового регулирования и правоприменительной практики требуют системного решения для повышения эффективности данной меры пресечения.

Проведённый анализ правового регулирования домашнего ареста несовершеннолетних в Республике Узбекистан выявляет как положительные аспекты, так и существенные недостатки современного подхода к данному институту.

Прежде всего следует отметить гуманистическую направленность национального законодательства, выраженную в установлении принципа исключительности применения домашнего ареста к несовершеннолетним. Статья 558 УПК Республики Узбекистан чётко определяет, что данная мера может применяться только при обвинении в умышленном преступлении с наказанием свыше пяти лет лишения свободы и при невозможности применения иных мер пресечения, что соответствует международным стандартам, закреплённым в Пекинских правилах ООН, которые предусматривают применение лишения свободы только в качестве крайней меры.

Законодатель предусмотрел дифференцированный подход к несовершеннолетним, установив альтернативную меру в виде отдачи под присмотр родителей, опекунов или администрации детского учреждения (статьи 253, 556 УПК Республики Узбекистан). Данный подход согласуется с международными исследованиями [8], которые подчёркивают важность семейного окружения для реабилитации несовершеннолетних правонарушителей.

Процедурные гарантии, установленные статьёй 558 УПК Республики Узбекистан, включающие обязательность личного ознакомления прокурора с материалами дела и допроса обвиняемого, обеспечивают дополнительный контроль

за обоснованностью применения данной меры пресечения.

Вместе с тем анализ выявляет *ряд системных недостатков*:

Во-первых, отсутствует чёткая дифференциация подходов к различным возрастным группам несовершеннолетних. Научные исследования [9] показывают, что применение единых критериев к подросткам 14–16 лет и 16–17 лет не учитывает существенные различия в их психическом и социальном развитии. Ряд экспертов [10, 11] предлагают исключить возможность домашнего ареста для несовершеннолетних в возрасте 14–16 лет.

Во-вторых, законодательство не предусматривает обязательного включения воспитательных и реабилитационных элементов в условия домашнего ареста. Международный опыт [12] показывает эффективность интеграции образовательных программ, психологической поддержки и социальной работы в систему альтернативных мер пресечения.

Сравнительный анализ с зарубежными практиками [13] демонстрирует отставание законодательства Узбекистана в области технологического обеспечения контроля. В то время как в США и странах Европы широко применяются системы электронного мониторинга с учётом возрастных особенностей несовершеннолетних [14], статья 242¹ УПК Республики Узбекистан лишь формально предусматривает возможность использования электронных средств слежения без детальной регламентации их применения к несовершеннолетним.

Анализ правоприменительной практики выявляет комплекс взаимосвязанных проблем, препятствующих эффективной реализации института домашнего ареста несовершеннолетних.

Основной проблемой является недостаточная специализация субъектов, осуществляющих контроль за соблюдением

условий домашнего ареста. Специальные исследования [15] показывают, что отсутствие специализированных служб ювенальной пробации значительно снижает эффективность альтернативных мер пресечения. В Узбекистане функции контроля возлагаются на общие подразделения органов внутренних дел, не имеющие специальной подготовки для работы с несовершеннолетними.

Проблема усугубляется отсутствием межведомственного взаимодействия между правоохранительными органами, службами образования, здравоохранения и социальной защиты. Международные стандарты ООН подчёркивают необходимость комплексного подхода к работе с несовершеннолетними правонарушителями, что требует координации усилий различных государственных и общественных структур.

Существенной проблемой является отсутствие научно обоснованных критериев оценки эффективности применения домашнего ареста к несовершеннолетним. В то время как зарубежные исследования активно изучают влияние альтернативных мер пресечения на рецидив, образовательные и социальные показатели [16], в Узбекистане подобные исследования носят фрагментарный характер.

Научная литература указывает на необходимость разработки специальных методик оценки психологического состояния несовершеннолетних, находящихся под домашним арестом [17]. Длительная изоляция от сверстников в критический период формирования личности может оказывать негативное воздействие на развитие подростка, что требует постоянного мониторинга со стороны специалистов.

Практическая реализация электронного мониторинга, предусмотренного статьёй 242¹ УПК Республики Узбекистан, сталкивается с серьёзными техническими и финансовыми ограничениями. Исследования показывают, что отсутствие уста-

новленного законом механизма контроля за соблюдением запретов на использование средств связи и Интернета делает соответствующие ограничения практически неисполнимыми [18].

Сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта позволяет выделить несколько основных моделей применения домашнего ареста к несовершеннолетним, каждая из которых имеет свои преимущества и ограничения:

1. Американская модель технологического контроля. Система электронного мониторинга, широко применяемая в США, показывает высокую эффективность в обеспечении контроля за соблюдением условий домашнего ареста [19]. Однако исследования показывают, что технологические решения должны сочетаться с социальными программами поддержки несовершеннолетних [20]. Применение исключительно технических средств контроля, без учёта развивающих потребностей подростков, может приводить к негативным последствиям для развития личности.

2. Германская модель социального сопровождения. Немецкий опыт акцентирует внимание на интеграции воспитательных мер в систему домашнего ареста. Исследования показывают, что обязательное участие социальных работников и психологов в сопровождении несовершеннолетних под домашним арестом значительно снижает уровень рецидивной преступности [21].

3. Французская модель воспитательных мер. Французское законодательство предусматривает широкое применение воспитательных мер как альтернатив изоляции несовершеннолетних. Криминологические исследования показывают эффективность комбинирования домашнего ареста с обязательными мерами: посещением образовательных программ, общественными работами и психологическим консультированием [22].

Применимость зарубежного опыта в условиях Узбекистана. Адаптация зарубежных моделей к условиям Узбекистана требует учёта социокультурных особенностей и ресурсных возможностей государства. Наиболее перспективным представляется комбинированный подход, сочетающий элементы германской модели социального сопровождения с постепенным внедрением технических средств контроля по американскому образцу.

Важную роль в этом процессе может сыграть традиционный институт махалинских комитетов, который при соответствующей правовой регламентации способен обеспечить социальный контроль и поддержку несовершеннолетних, находящихся под домашним арестом.

Результаты сравнительного анализа подтверждают необходимость системного реформирования института домашнего ареста несовершеннолетних в Узбекистане с учётом международного опыта и национальных особенностей правовой системы.

Заключение

Проведённое исследование правового регулирования и практики применения домашнего ареста несовершеннолетних в Республике Узбекистан позволяет сформулировать ряд ключевых выводов и предложений по совершенствованию данного института:

1. Действующее правовое регулирование домашнего ареста несовершеннолетних в УПК Республики Узбекистан в целом соответствует международным стандартам защиты прав ребёнка, однако содержит существенные пробелы в части дифференциации подходов к различным возрастным группам и интеграции воспитательных элементов в содержание данной меры пресечения.

2. Статистический анализ показывает значительные колебания в динамике несовершеннолетней преступности среди

13–15-letnih (ot 129 лиц в 2019 году до 744 лиц в 2023 году), что требует гибкого подхода к применению мер пресечения и развития альтернативных форм воздействия на несовершеннолетних правонарушителей.

3. Практика применения домашнего ареста к несовершеннолетним сталкивается с системными проблемами: недостаточной специализацией контролирующих органов, отсутствием межведомственного взаимодействия, формальным характером исполнения данной меры пресечения.

4. Сравнительно-правовой анализ показывает необходимость интеграции элементов зарубежного опыта (американская модель технологического контроля, германская модель социального сопровождения, французская модель воспитательных мер), с учётом национальных особенностей правовой системы Узбекистана.

5. Целесообразно дополнить статью 558 УПК Республики Узбекистан частью, устанавливающей дифференцированные критерии применения домашнего ареста в зависимости от возраста несовершеннолетнего:

- для лиц в возрасте 13–15 лет – только при обвинении в особо тяжких преступлениях против личности;

- для лиц в возрасте 16–17 лет – при обвинении в тяжких и особо тяжких преступлениях с обязательным психологическим обследованием.

6. Включить в статью 242¹ УПК Республики Узбекистан положения об обяза-

тельных воспитательных мероприятиях для несовершеннолетних, находящихся под домашним арестом:

- психологическое консультирование – не реже одного раза в неделю;

- продолжение обучения в дистанционном формате;

- участие в социально полезной деятельности в пределах места исполнения меры пресечения;

- медицинское наблюдение – при необходимости.

7. Предлагается включить в УПК Республики Узбекистан новую статью «Особенности применения домашнего ареста к несовершеннолетним», которая должна регламентировать:

- порядок взаимодействия правоохранительных органов с органами образования, здравоохранения и социальной защиты;

- требования к жилым помещениям для исполнения домашнего ареста несовершеннолетних;

- процедуру периодической оценки психологического состояния несовершеннолетнего;

- основания для досрочного прекращения или изменения условий домашнего ареста.

Кроме того, результаты настоящего исследования открывают широкие перспективы для дальнейшего научного изучения проблем применения мер пресечения к несовершеннолетним.

REFERENCES

1. Chamiel E., Walsh S.D. "House Arrest" or "Developmental Arrest"? A Study of Youth Under House Arrest. *International journal of offender therapy and comparative criminology*, 2018, vol. 62(14), pp. 4381–4402. DOI: 10.1177/0306624X18779183.

2. House arrest as an alternative to prison sentence in modern georgian law: Evolution and Transformation. *Law and World*, 2023, vol. 9(27), pp. 138–179.

3. Roberts Y.H., Snyder F.J., Kaufman J.S., Finley M.K., Griffin A., Anderson J., Marshall T., Radway S., Stack V., Crusto C.A. Children exposed to the arrest of a family member: Associations

with mental health. *Journal of Child and Family Studies*, 2014, vol. 23(2), pp. 214–244. DOI: 10.1007/s10826-013-9717-2.

4. Al Weswasi E., Bäckman O. The Effects of Replacing Incarceration with Electronic Monitoring on Crime, Mortality, and Labor Market Exclusion. *Quant Criminal*, 2025, vol. 41, pp. 135–172. DOI: 10.1007/s10940-024-09595-2.

5. Yang C.S. Local labor markets and criminal recidivism. *Journal of Public Economics*, 2017, vol. 147, pp. 16–29.

6. Williams J., Weatherburn D. Can electronic monitoring reduce reoffending? *Review of Economics and Statistics*, 2022, vol. 104(2), pp. 232–245.

7. Julien G., Hans G., Susan N. The effects of electronic monitoring on offenders and their families. *Journal of Public Economics*, 2024, vol. 230, p. 105051. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2023.105051.

8. Enes A.W. Effect of early prison release with electronic monitoring. *Journal of Criminal Justice*, 2025, vol. 97, p. 102379. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2025.102379.

9. Wennerberg I. High level of support and high level of control: An efficient Swedish model of electronic monitoring? In *Electronically Monitored Punishment*. Willan Publ., 2013, pp. 113–127.

10. Stevenson M. Breaking bad: Mechanisms of social influence and the path to criminality in juvenile jails. *Review of Economics and Statistics*, 2017, vol. 99(5), pp. 824–838.

11. Rivera R. Release, detain, or surveil? The effect of electronic monitoring on defendant outcomes. *American Economic Journal: Applied Economics*, 2023. Available at: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/app.20240517>

12. Chaz A. Virtual Shackles: Electronic Surveillance and the Adultification of Juvenile Courts. *Crim. L. & Criminology*, 2018, vol. 108, p. 399.

13. Pollard J.F., Jones L.N., Keller E.G. They Handcuffed Him, Shackled Him, all of that—in Front of Her: Family Experiences and Considerations Upon Arrest of a Parent. *Journ Child Adol Trauma*, 2025. DOI: 10.1007/s40653-025-00696-z.

14. Wagner P., Jones A. State of phone justice: Local jails, state prisons and private phone providers. *Prison Policy Initiative*. 2019.

15. Turney K., Goodsell R. Parental incarceration and children's wellbeing. *The Future of Children*, 2018, vol. 28(1), pp. 147–164.

16. Miyoung Y., Anna E.B., Jiho P. The association between out-of-home placement and offending behavior among maltreated youth: A systematic review. *Children and Youth Services Review*, 2018, vol. 95, pp. 263–281. DOI: 10.1016/j.childyouth.2018.11.006.

17. Wolf K. Arrest Decision Making by School Resource Officers. Youth Violence and Juvenile Justice. *Forthcoming, Temple University Legal Studies Research Paper*, 2013, vol. 28. DOI: 10.2139/ssrn.2229287.

18. Testa A., Jackson D.B. Parental incarceration and school readiness: Findings from the 2016 to 2018 national survey of children's health. *Academic Pediatrics*, 2020, vol. 21 (3), pp. 534–541. DOI: 10.1016/j.acap.2020.08.016.

19. Iverson J., Tanenhaus D.S. Cops or Coaches? The Statutory Role of Juvenile Probation Officers in a Transformative Age (2024, April 1). *Michigan State Law Review*, 2023. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4780372#

20. Polando G. The Indiana Supreme Court's Adversarial Guidance to Inquisitorial Juvenile Courts. *Res Gestae: The Journal of the Indiana State Bar Association*, 2015, June. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2527125

21. Fitzgerald E. Put the Juvenile Back in Juvenile Court 68 Vill. L. Rev. (forthcoming), New England Law. *Boston Research Paper*, 2022, pp. 22–14. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4205935

22. Galviz T.B., Borda L., Carlos E., Lara V., Melo U., Mario A., Oviedo C., Martin A., Pineda O., Saulo H., Arango F.H. Resection of Juvenile Nasopharyngeal Angiofibroma Using Le Fort I Approach and Deep Hypothermic Circulatory Arrest. DOI:10.2139/ssrn.5293337

Kelib tushgan / Получено / Received: 17.07.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 18.08.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 25.08.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.4./GHP07242

UDC: 346:338.439(045)(575.1)

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НОВОМ УЗБЕКИСТАНЕ

Гафурова Нозимахон Эльдаровна,
доктор юридических наук (DSc),
и. о. профессора Института переподготовки
и повышения квалификации юридических кадров
при Министерстве юстиции Республики Узбекистан
ORCID: 0000-0001-6790-1020
e-mail: gafurovanozimakhon@mail.ru

Саидов Олим Чорикулович,
доктор философии по юридическим наукам (PhD),
преподаватель кафедры «Международное право
и права человека» Ташкентского государственного
юридического университета
ORCID: 0009-0007-0554-3310
e-mail: olimchorikulovich@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена комплексному изучению правовых аспектов и проблем обеспечения продовольственной безопасности в условиях формирования Нового Узбекистана. Проведён анализ понятия «продовольственная безопасность» и раскрыта его сущность с позиции международных стандартов и подходов. Исследование показало, что продовольственная безопасность обладает собственными характеристиками состояния и развития, которые определяются системой количественных и качественных показателей, отражающих уровень удовлетворения потребностей населения в безопасных и доступных продуктах питания. Установлено, что обеспечение продовольственной безопасности в Новом Узбекистане является одной из ключевых задач государства, рассматривается в качестве приоритета национальной политики и входит в сферу национальных интересов. В работе подчёркивается, что продовольственная безопасность относится к числу современных глобальных проблем, уровень её достижения напрямую зависит не только от экологического состояния конкретного региона, но и от проводимой экологической, аграрной и социальной политики государства. Отмечается, что важным направлением является принятие государством необходимых мер, направленных на достижение обеспечения населения продовольствием собственного производства в полном объёме. Проанализирована эффективность действующих законодательных норм и практических мер, реализуемых в целях укрепления продовольственной безопасности. Рассмотрены статистические и аналитические данные, представленные международными организациями, на основе которых выявлены достижения Нового Узбекистана в сфере продовольственной безопасности. В результате исследования обозначены системные недостатки и пробелы

в законодательстве, требующие устранения, а также предложено авторское определение термина «продовольственная безопасность».

Ключевые слова: продовольственная безопасность, приоритет государственной политики, глобальные проблемы, Цели устойчивого развития, экологическая политика, аграрная политика, здоровье и генофонд населения, государственная экологическая экспертиза, Продовольственная и сельскохозяйственная организация (ФАО), Индекс продовольственной безопасности

YANGI O'ZBEKISTONDA OZIQ-OVQAT XAVFSIZLIGINI TA'MINLASHNING HUQUQIY JIHATLARI VA MUAMMOLARI

G'afurova Nozimaxon Eldarovna,
O'zbekiston Respublikasi Adliya vazirligi huzuridagi
Yuridik kadrlarni qayta tayyorlash va malakasini
oshirish instituti professori v.b.,
yuridik fanlar doktori

Saidov Olim Choriqulovich,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Xalqaro huquq va inson huquqlari
kafedrası o'qituvchisi,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD)

Annotatsiya. Ushbu maqola Yangi O'zbekistonning shakllanishi sharoitida oziq-ovqat xavfsizligini ta'minlashning huquqiy jihatlari va muammolarini har tomonlama o'rganishga bag'ishlangan. "Oziq-ovqat xavfsizligi" tushunchasi tahlil qilinib, uning mohiyati xalqaro standartlar va yondashuvlar nuqtayi nazaridan ochib berildi. Tadqiqot shuni ko'rsatadiki, oziq-ovqat xavfsizligi o'ziga xos sharoit va rivojlanish xususiyatlariga ega bo'lib, u miqdoriy va sifat ko'rsatkichlari tizimi bilan belgilanadi. Aniqlanishicha, Yangi O'zbekistonda oziq-ovqat xavfsizligini ta'minlash davlatning asosiy vazifalaridan biri bo'lib, milliy siyosatning ustuvor yo'nalishi sifatida qaraladi va milliy manfaatlar sohasiga kiradi. Maqolada oziq-ovqat xavfsizligi zamonaviy global muammolardan biri ekanligi ta'kidlanadi. Unda oziq-ovqat xavfsizligi darajasi nafaqat muayyan hududning ekologik holatiga, balki davlatlarning atrof-muhit, qishloq xo'jaligi va ijtimoiy siyosatiga ham bog'liq ekani ko'rsatilgan. Muhim jihatlardan biri shundaki, davlat o'z aholisini ichki ishlab chiqarish hisobidan oziq-ovqat mahsulotlari bilan bilan to'liq ta'minlash uchun zarur chora-tadbirlarni ko'radi. Maqolada, shuningdek, oziq-ovqat xavfsizligini mustahkamlash bo'yicha qabul qilingan qonunchilik normalari va amaliy chora-tadbirlar samaradorligi tahlil qilindi. Xalqaro tashkilotlar tomonidan taqdim etilgan statistik va tahliliy ma'lumotlar o'rganilib, ular asosida Yangi O'zbekistonning oziq-ovqat xavfsizligi sohasidagi yutuqlari aniqlandi. Tadqiqot natijasida qonunchilikdagi tizimli kamchiliklar va bo'shliqlar aniqlanib, ularni bartaraf etish zarurligi ko'rsatilgan. Bundan tashqari, muallif "oziq-ovqat xavfsizligi" tushunchasining yangi ta'rifini taklif qilgan.

Kalit so'zlar: oziq-ovqat xavfsizligi, davlat siyosatining ustuvorligi, global muammolar, Barqaror rivojlanish maqsadlari, ekologik siyosat, agrar siyosat, aholi salomatligi va genofondi, davlat ekologik ekspertizasi, Oziq-ovqat va qishloq xo'jaligi tashkiloti (FAO), Oziq-ovqat xavfsizligi indeksi

LEGAL ASPECTS AND PROBLEMS OF ENSURING FOOD SECURITY IN NEW UZBEKISTAN

Gafurova Nozimakhon Eldarovna,
Acting professor of the Institute for Retraining and
Advanced Training of Legal Personnel
under the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan,
Doctor of Science in Law

Saidov Olim Choriqulovich,

Lecturer of the Department of International Law
and Human Rights,
Tashkent State University of Law,
Doctor of Philosophy (PhD) in Law

Abstract. *This article is dedicated to a comprehensive study of the legal aspects and problems of ensuring food security in the context of the formation of New Uzbekistan. The concept of “food security” was analyzed, and its essence was revealed from the standpoint of international standards and approaches. The study showed that food security has its own characteristics of state and development, which are determined by a system of quantitative and qualitative indicators reflecting the level of satisfaction of the population’s needs for safe and affordable food products. It has been established that ensuring food security in New Uzbekistan is one of the key tasks of the state, is considered a priority of national policy, and falls within the sphere of national interests. The article emphasizes that food security is one of the contemporary global problems, and the level of its achievement directly depends not only on the ecological state of a particular region but also on the state’s ongoing environmental, agrarian, and social policies. It is noted that the adoption by the state of necessary measures aimed at ensuring the population’s self-sufficiency in food products is an important direction. The effectiveness of existing legislative norms and practical measures being implemented to strengthen food security was analyzed. Statistical and analytical data presented by international organizations were reviewed, based on which the achievements of New Uzbekistan in the field of food security were identified. As a result of the research, systemic deficiencies and gaps in legislation have been identified that need to be addressed. Additionally, the author proposes a new definition of the term “food security.”*

Keywords: *food security, priority of state policy, global problems, Sustainable Development Goals, environmental policy, agrarian policy, health and gene pool of the population, state environmental expertise, Food and Agriculture Organization (FAO), Food Security Index*

Введение

Во второй Цели устойчивого развития (ЦУР 2), принятой на Повестке дня на период до 2030 года, – «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства» – признаётся взаимосвязь между поддержкой устойчивого сельского хозяйства, расширением возможностей мелких фермеров, содействием гендерному равенству, ликвидацией нищеты в сельской местности, обеспечением здорового образа жизни, борьбой с изменением климата и другими вопросами, которые в целом затрагиваются в 17 целях Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (далее – Повестка-2030). После десятилетий неуклонного сокращения число людей, страдающих от голода, измеряемое по показателю распро-

странённости недоедания, начиная с 2015 года вновь демонстрирует медленный, но устойчивый рост. По текущим оценкам, в мире голодают почти 690 млн человек, что составляет 8,9 % населения планеты. Это на 10 млн больше, чем годом ранее, и почти на 60 млн больше по сравнению с пятилетним периодом [1].

Безусловно, особая актуальность проблемы обеспечения продовольственной безопасности проявилась в период пандемии COVID-19, когда перед мировым сообществом встал двойной вызов: необходимость соблюдения карантинных мер и одновременное обеспечение доступа населения к продовольствию. Уместно отметить, что Всемирная продовольственная программа (далее – ВПП), являющаяся крупнейшей в мире гуманитарной организацией и удостоенная Нобелевской премии мира, ещё в начале пандемии

предупреждала о том, что COVID-19 может привести к «пандемии голода». Пандемия нанесла серьёзный удар по глобальным цепочкам поставок продовольствия, вызвав сбои в транспортировке жизненно важной гуманитарной помощи, перемещении персонала и доставке критически необходимого оборудования. Исполнительный директор ВПП Д.Бизли в своём заявлении подчеркнул: «Каждый из 690 млн голодающих людей в мире сегодня имеет право жить в условиях мира и без голода... Но теперь глобальная пандемия, с её разрушительным воздействием на экономику и сообщества, ставит миллионы людей на грань голода» [2].

В сентябре 2019 года Политический форум высокого уровня отметил, что мир «сбился с пути» к достижению целей в области устойчивого развития. Это перекликается с основным выводом первого издания этого отчёта, выпущенного в июле 2019 года, о том, что мир не сможет достичь к 2030 году большинства целей ЦУР, связанных с продовольствием и сельским хозяйством. Теперь же, после COVID-19, беспрецедентного экономического и социального кризиса, который до сих пор угрожает жизням и средствам к существованию, достижение этих целей становится ещё более сложной задачей.

Сегодня, в условиях обострения экологических проблем, сложной политической и экономической ситуации в мире, а также растущего дисбаланса на глобальном энергетическом рынке, развитие аграрного сектора и обеспечение продовольственной безопасности приобретают особую актуальность и для Республики Узбекистан. Продовольственная безопасность рассматривается государством как один из приоритетов национальной политики и входит в сферу стратегических интересов Нового Узбекистана.

Страны Центральной Азии активно реализуют Повестку-2030, осознавая

ключевое значение продовольственной безопасности. Это находит отражение в проводимых политических мерах, национальных программах и стратегиях обеспечения продовольственной и экономической стабильности. В настоящее время в трёх странах региона – Кыргызстане, Таджикистане и Туркменистане – действуют отдельные законы о продовольственной безопасности. В других странах региона, включая Казахстан и Узбекистан, концепции продовольственной безопасности интегрированы в стратегии национальной безопасности либо в ключевые документы, регулирующие развитие сельского хозяйства и сельских районов.

Учитывая, что проблема обеспечения продовольственной безопасности носит глобальный характер, методология нашего исследования опирается преимущественно на данные и аналитические материалы независимых международных межправительственных и неправительственных организаций, которые наиболее полно отражают реальную картину и актуальные вызовы в этой сфере.

Основная часть

Прежде всего следует отметить, что 16 октября ежегодно отмечается Всемирный день продовольствия, а 16 октября 2025 года своё 80-летие отпразднует ФАО – Продовольственная и сельскохозяйственная организация, являющаяся специализированным учреждением ООН. Как известно, ФАО возглавляет международные усилия по борьбе с голодом и играет ключевую роль в формировании глобальной стратегии обеспечения продовольственной безопасности. Основная цель организации заключается в том, чтобы гарантировать всем людям регулярный доступ к достаточному количеству высококачественных и безопасных продуктов питания, необходимых для ведения здорового и активного образа жизни.

Продовольственная безопасность от-

носятся к числу современных глобальных вызовов. Уровень её достижения зависит не только от экологического состояния конкретного региона, но и от проводимой государством экологической, аграрной и социальной политики. В условиях усиливающихся мировых продовольственных рисков продовольственная безопасность выступает одним из ключевых факторов обеспечения национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития государства.

Для того чтобы понять сущность продовольственной безопасности, важно обратиться к её историческим аспектам. Уже в начале XX века понятие национальной безопасности (включавшее продовольственную безопасность как её составную часть) характеризовалось через взаимосвязь экономического процветания, политической стабильности и обороноспособности государства [3], при этом именно последний аспект традиционно имел приоритетное значение. Международное обсуждение проблемы продовольственной безопасности стало активно развиваться после создания ООН и принятия Всеобщей декларации прав человека в 1948 году, закрепившей право каждого человека на достаточное питание как базовую гарантию. Однако сам термин «продовольственная безопасность» был введён в международный оборот только после мирового продовольственного кризиса 1973 года и получил официальное закрепление в «Всеобщей декларации о ликвидации голода и недоедания» (1974 г.).

Согласно положениям этой декларации, благосостояние народов мира напрямую зависит от создания системы всемирной продовольственной безопасности, которая должна обеспечивать: 1) постоянное наличие продовольствия; 2) разумные и стабильные цены на продукты питания; 3) защиту от негативного влияния погодных колебаний, экономического

давления и политических факторов. Декларация подчёркивает, что без установления таких условий невозможно обеспечить устойчивое развитие и преодоление голода, особенно в развивающихся странах.

Особое значение имеют положения декларации, которые рекомендуется учитывать при разработке государственной программы обеспечения продовольственной безопасности как важного международного стандарта:

1. Основная обязанность правительств – совместная работа по увеличению производства продовольствия и справедливому распределению продуктов питания между странами и внутри них.

2. Государства должны незамедлительно принимать согласованные меры по борьбе с хроническим недоеданием и сопутствующими заболеваниями, особенно среди беднейших и наиболее уязвимых групп населения.

3. В целях обеспечения полноценного питания правительства должны разрабатывать комплексную политику в области продовольствия и питания, интегрируя её в социально-экономические и сельскохозяйственные планы развития, с опорой на достоверные данные о наличных и потенциальных продовольственных ресурсах.

4. Отдельно выделяется роль материнского молока как важного элемента обеспечения здоровья детей и формирования правильного питания.

5. Учитываются значительные различия в экономических интересах отдельных государств, которые усложняют процесс создания единой системы глобальной продовольственной безопасности.

Декларация также указывает на противоречие между идеями либерализации мировой торговли и глобализацией: многие развитые страны продолжают защищать собственных производителей от внешних экономических воздействий, что

сохраняет тенденцию обеспечения продовольственной безопасности преимущественно на уровне отдельных государств, а не на глобальном уровне.

Кроме того, декларация закрепляет обязанность каждого государства:

- устранять барьеры, препятствующие производству продовольствия;
- создавать стимулы для фермеров и развивать инфраструктуру сельских районов;
- проводить эффективные меры социально-экономической перестройки, включая реформы в области сельского хозяйства, налогообложения, кредитования и инвестиций.

Особо подчёркивается необходимость мобилизации человеческих ресурсов, включая женщин и мужчин в развивающихся странах, с целью интегрированного сельскохозяйственного развития. Декларация также признаёт ключевую роль женщин в сельскохозяйственном производстве и сельской экономике многих стран и требует обеспечить равный доступ женщин и мужчин к образованию, профессиональной подготовке, финансовым инструментам и ресурсам.

Кроме того, термин «продовольственная безопасность» официально закреплён и в Римской декларации по всемирной продовольственной безопасности от 13 ноября 1996 года, в которой она определяется как ситуация, при которой все люди в любое время должны иметь физический и экономический доступ к достаточному количеству безопасной и качественной пищи, необходимой для активной и здоровой жизни [4].

Главная цель обеспечения мировой продовольственной безопасности заключается в устранении голода и создании условий для стабильности на глобальных продовольственных рынках. В свою очередь, продовольственная безопасность отдельного государства, являясь элемен-

том национальной безопасности, отражает способность страны удовлетворять потребности граждан в продуктах питания, достаточных для поддержания нормальной жизнедеятельности населения, и характеризует её экономическую устойчивость и политическую независимость, преимущественно за счёт собственного производства продовольствия.

По прогнозам, к 2050 году численность населения Земли превысит 9 млрд человек, что потребует увеличения производства сельскохозяйственной продукции примерно на 70 %. В этом контексте определение продовольственной безопасности было расширено в Декларации Всемирного саммита по продовольственной безопасности 2009 года, где акцент сделан на трёх ключевых положениях [5]:

- обеспечение социальной доступности достаточного количества безопасных и питательных продуктов питания для всех групп населения;
- особое внимание к защите прав женщин и детей на полноценное питание;
- отказ от использования продовольствия в качестве средства политического и экономического давления.

Согласно существующим подходам к исследованию данной проблемы, М. Трейси ещё в 1995 году рассматривал продовольственную безопасность прежде всего как систему мер, направленных на защиту национального производства продуктов питания. По его определению, продовольственная безопасность – это способность государства за счёт собственных ресурсов обеспечивать продуктами питания текущие и чрезвычайные потребности как населения страны в целом, так и каждого отдельного человека в соответствии с научно обоснованными нормами. При этом учёный подчёркивал, что страна может считаться находящейся в состоянии продовольственной безопасности тогда, когда не менее 80 % основных про-

дуктов питания производится внутри государства [6].

В свою очередь, В. Тихомирова в своём исследовании отмечает, что продовольственная безопасность – это способность государства, независимо от международной обстановки, обеспечить все слои населения доступом к качественным и безопасным продуктам питания в количестве, необходимом для ведения активной и здоровой жизни, не прибегая к сокращению государственного продовольственного резерва [7].

В контексте обеспечения продовольственной безопасности и устойчивого развития следует отметить, что в целях определения приоритетных направлений реформ, направленных на дальнейшее повышение благосостояния населения, Указом Президента Республики Узбекистан утверждена Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы. Данная Стратегия определяет подход Нового Узбекистана к решению глобальных проблем исходя из национальных интересов, предусматривая цель № 79, направленную на предотвращение существующих экологических проблем, наносящих ущерб здоровью и генофонду населения.

Для достижения этой цели установлены масштабные задачи, среди которых:

- выдвижение инициатив в сфере охраны окружающей среды на международной арене, включая разработку Всемирной экологической хартии;
- совершенствование механизмов оценки уровня загрязнённости окружающей среды;
- развитие системы экологического мониторинга и прогнозирования уровней загрязнения;
- обеспечение государственного экологического контроля актуальной информацией;
- установление постоянного наблюдения за состоянием источников загрязне-

ния и анализ их воздействия на окружающую среду.

Также одной из важнейших задач государственной политики в сфере экологии и продовольственной безопасности является проведение государственной экологической экспертизы, направленной на определение соответствия хозяйственной и иной деятельности, осуществляемой на территории республики, экологическим требованиям.

В этой связи важное значение имеет цель № 80 Стратегии развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы, предусматривающая защиту экологии и окружающей среды, улучшение экологического состояния городов и районов, а также реализацию общенационального проекта «Яшил макон», направленного на расширение зелёных насаждений, восстановление природных ресурсов и повышение качества жизни населения.

Принятие Новой Конституции Республики Узбекистан 1 мая 2023 года стало важнейшим этапом в развитии правового регулирования в сфере экологии и продовольственной безопасности. Основное внимание в ней уделено правам человека и благосостоянию населения, что отражает эффективность государственной политики, проводимой под руководством Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева. В частности, в статье 49 закреплено право каждого человека на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию об её состоянии. Государство обязуется создавать все необходимые условия для реализации экологических прав граждан и предотвращения негативного воздействия на окружающую среду.

Следуя принципу устойчивого развития, государство реализует меры по улучшению, восстановлению и охране окружающей среды, сохранению экологического равновесия и формированию механизмов,

направленных на обеспечение продовольственной безопасности. Последняя становится одним из ключевых факторов сохранения государственного суверенитета, обеспечения экономической стабильности и социальной устойчивости. Без развития собственного производства продуктов питания и способности государства обеспечить население продовольствием внутреннего производства все остальные компоненты национальной безопасности утрачивают свою значимость.

В рамках проводимой политики за последние годы в Новом Узбекистане были реализованы комплексные меры по укреплению продовольственной безопасности. Так, отмечает А.Г. Ибрагимов [8], проведённая аграрная реформа в Республике Узбекистан была направлена на повсеместное внедрение рыночных механизмов и модернизацию сельского хозяйства. Качественным результатом реформ стало: повышение эффективности производства; рост урожайности по основным сельскохозяйственным культурам; увеличение продуктивности животноводства; повышение рентабельности частных фермерских хозяйств; позитивные сдвиги в обеспечении устойчивого производства продовольственной продукции.

Эти изменения позволили укрепить продовольственную безопасность Узбекистана, повысив его экономическую стабильность и устойчивость аграрного сектора.

16 января 2018 года был подписан Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему обеспечению продовольственной безопасности страны». В соответствии с ним с 1 февраля 2018 года были отменены льготы и преференции, ранее предоставленные по импорту продовольственных товаров, что стало важным стимулом развития внутреннего производства. Указом также предусмотрено создание во всех регионах

страны на условиях государственно-частного партнёрства специализированных складов, хранилищ и холодильных камер и современных высокотехнологичных и энергоэффективных установок для переработки и фасовки продовольственных товаров.

Кроме того, указ обязал ответственные ведомства подготовить проект закона «О продовольственной безопасности», предусматривающий:

- внедрение мер по насыщению рынка качественной, безопасной и доступной продовольственной продукцией;
- развитие аграрного комплекса страны;
- создание действенных механизмов социального и государственно-частного партнёрства;
- своевременное устранение угроз стабильности продовольственного рынка;
- гибкое таможенно-тарифное регулирование импорта продовольственных товаров.

Большим шагом вперёд в качестве правового инструмента стало подписание постановления Президента Республики Узбекистан от 1 мая 2020 года № ПП-4700 «О дополнительных мерах по обеспечению продовольственной безопасности, рациональному использованию имеющихся ресурсов и государственной поддержке сельского хозяйства в период коронавирусной пандемии». Целью данного постановления определено максимальное использование ресурсов и возможностей сельского хозяйства, двукратное увеличение производства продовольственных культур, получение высоких урожаев, внедрение современных подходов к созданию новых рабочих мест и повышению заинтересованности в развитии аграрного сектора в условиях риска глобального дефицита продовольственной продукции.

Приложением № 2 к постановлению № ПП-4700 утверждена «Дорожная кар-

та» реализации мер по обеспечению продовольственной безопасности, рациональному использованию ресурсов и государственной поддержке сельского хозяйства в период пандемии. Этот документ содержит систему конкретных шагов по повышению эффективности производства, переработки и распределения продовольственной продукции, а также по обеспечению устойчивости продовольственного рынка в условиях кризисных ситуаций.

На сегодняшний день важным этапом в правовом регулировании стало принятие Закона Республики Узбекистан «О продовольственной безопасности», который был рассмотрен и принят Законодательной палатой 18 октября 2024 года, одобрен Сенатом 23 января 2025 года и в настоящее время ожидает вступления в силу. В новом законе представлен достаточно развитый терминологический аппарат, который включает следующие ключевые понятия:

- государственный резерв – совокупность ресурсов, предназначенных для обеспечения стабильности продовольственного рынка;

- основные виды социально значимых продуктов питания – перечень продовольственных товаров, критически важных для обеспечения жизнедеятельности населения;

- продовольственный баланс – система оценки и расчёта перспектив удовлетворения потребностей населения основными продуктами питания с указанием источников покрытия внутреннего потребительского спроса страны;

- оборотный резерв продуктов питания и сырья – хранение пищевых продуктов и сырья в переменных объёмах для стабильного поддержания рынка продовольствия;

- дефицит продуктов питания – состояние нехватки определённых видов про-

довольствия на всей территории страны или в отдельных её регионах;

- продовольственная безопасность – полное и бесперебойное обеспечение населения основными видами социально значимых продуктов питания, необходимых для здоровой и активной жизни;

- безопасное питание – полноценное обеспечение человека продуктами, обладающими питательной ценностью, соответствующими энергетическим и биохимическим потребностям организма, способными поддерживать стабильность внутренней среды, функциональную активность организма и устойчивость к неблагоприятным факторам окружающей среды.

Таким образом, закон даёт определение термину «продовольственная безопасность». Однако, как справедливо отмечается, данное определение не охватывает в полной мере весь комплекс элементов, присущих понятию продовольственной безопасности. Оно не включает важные аспекты, связанные с качеством продуктов питания, их доступностью, обеспечением социального равенства и устойчивого развития в условиях современных глобальных вызовов.

Изучив научный материал, мы частично согласились с авторским определением продовольственной безопасности, представленным в диссертационном исследовании Н.А. Мякинниковой [9]. Несмотря на свою объёмность, данное определение охватывает почти все ключевые элементы категории и отличается комплексным подходом. Согласно автору, продовольственная безопасность – это экономическая категория, характеризующая такое состояние экономики, при котором независимо от колебаний конъюнктуры мировых рынков гарантируется обеспечение всех слоёв населения страны качественными продуктами питания преимущественно собственного производства

по принятым физиологическим нормам, а также предусматривается экономическая доступность продовольствия. В исследовании определены основные содержательные признаки продовольственной безопасности, включая:

- потенциальную физическую доступность продуктов питания;
- экономическую возможность их приобретения;
- качество питания и его соответствие установленным нормам;
- продовольственную независимость государства;
- надёжный доступ к продовольствию для всех категорий населения;
- обеспечение условий для устойчивого развития.

Кроме того, уточнён перечень факторов, влияющих на уровень продовольственной безопасности, которые автор подразделяет на: 1) стабилизационные и деструктивные; 2) постоянные и временные; 3) внешние и внутренние. Особое значение придаётся разработанной системе индикаторов продовольственной безопасности, определяющих пороговые значения, за пределами которых невозможно самостоятельное обеспечение населения страны продовольствием:

- степень удовлетворения физиологических потребностей населения в пищевых компонентах и энергетической ценности рациона;
- соответствие пищевого рациона нормам безопасности, включая ограничения по содержанию вредных для здоровья веществ;
- уровень физической и экономической доступности продовольствия;
- степень зависимости обеспечения страны продовольствием от импортных поставок;
- размеры стратегических и оперативных продовольственных запасов с учётом нормативных потребностей населения.

Автор также обосновывает основные направления государственной политики в области продовольственной безопасности, придавая приоритетное значение: повышению экономической и физической доступности продовольствия; обеспечению качества и безопасности пищевых продуктов; развитию сельского хозяйства; формированию государственных резервов и запасов. Кроме того, в работе разработана концепция обеспечения национальной продовольственной безопасности в условиях глобализации экономики, ориентированная на: наращивание объёмов производства сельскохозяйственной продукции; оптимизацию количественных и качественных параметров ресурсов; совершенствование структуры потребления продуктов; формирование сбалансированного рациона питания населения.

Отмечая комплексность рассмотренного подхода, мы предлагаем дополнить его положением о том, что продовольственную безопасность следует рассматривать не только как экономическую категорию, но и как одну из важнейших составляющих реализации права человека на здоровье.

Очевидно, что современный мир функционирует в условиях глобальной продовольственной экономики, когда большинство людей ежедневно покупают и потребляют продукты, произведённые за тысячи километров от места их проживания. Значительная часть этой продукции поступает на рынки и в торговые сети в упакованном или фасованном виде, что призвано упростить процесс приготовления пищи как в домашних условиях, так и в ресторанном бизнесе. Однако подобная ситуация создаёт и определённые риски: глобальные продовольственные цепочки способствуют повышенной уязвимости к развитию и распространению патогенов. В этих условиях особое значение приобре-

тает разработка международных и национальных стандартов, регулирующих производство, упаковку, хранение, транспортировку и реализацию продуктов питания.

Такие стандарты направлены на защиту общественного здоровья, снижение негативных социальных и экономических последствий и обеспечение устойчивости всей пищевой цепочки. Это позволяет минимизировать потенциальные угрозы, связанные с безопасностью продуктов питания, и гарантировать их соответствие требованиям качества и санитарно-гигиенической безопасности.

Как отмечает В.И. Пысларь [10], сущность и методы оценки продовольственной безопасности различаются в зависимости от уровня её обеспечения – от индивидуального до глобального. Множественность подходов к определению продовольственной безопасности обусловлена тем, что исходные предпосылки обеспечения населения продовольствием существенно отличаются в зависимости от: условий производства продовольствия; климатических факторов; экономических и социальных особенностей; менталитета населения; ресурсных возможностей конкретных стран и регионов. Автор подчёркивает, что в основе разделения продовольственной безопасности на уровни лежит структура человеческого сообщества. По мере продвижения – от низшего уровня (личного) к высшему (глобальному) – расширяются способы и возможности обеспечения продовольственной безопасности для большего числа людей. Однако при этом на уровне отдельной личности возможно снижение точности оценки за счёт усреднения показателей.

Исследование показывает, что продовольственная безопасность обладает особыми характеристиками состояния и развития и определяется системой количественных и качественных показателей. К их числу относятся:

- уровни и объёмы национального производства продовольствия;
- показатели внутреннего и внешне-экономического оборота, включая экспорт и импорт продуктов питания;
- объём и структура потребления продовольствия как в суммарном выражении, так и по отдельным видам продукции;
- соотношение фактических и нормативных уровней душевого потребления основных продуктов питания;
- структура доходов и расходов населения, включая долю средств, направляемых на приобретение продовольственных товаров.

Совокупность этих показателей позволяет не только оценить текущий уровень продовольственной безопасности, но и выявить тенденции её изменения, а также определить потенциальные риски и угрозы, влияющие на устойчивость национальной продовольственной системы.

Индекс продовольственной безопасности (*The Global Food Security Index, GFSI*) ежегодно публикуется британской исследовательской компанией The Economist Intelligence Unit при поддержке американской компании Corteva Agriscience, ранее входившей в состав DowDuPont. Исследование проводится с 2012 года и на сегодняшний день представляет собой наиболее комплексный набор показателей, позволяющий оценить состояние продовольственной безопасности в различных странах мира [11]. Согласно отчёту The Economist Intelligence Unit (Великобритания), в актуальную редакцию индекса вошли 113 стран.

Индекс включает три основных компонента:

1. Уровень доступности и потребления продуктов питания (*Affordability*).
2. Наличие и достаточность продуктов питания (*Availability*).
3. Качество и безопасность продуктов питания (*Quality & Safety*).

В последнем рейтинге Узбекистан занял 71-е место в мире, поднявшись на девять позиций по сравнению с показателями 2018 года [12]. Среди стран Центральной Азии также зафиксировано улучшение позиций: Казахстан занял 48-е место, а Таджикистан – 93-е место.

Методология оценки индекса показывает, что наибольшие положительные изменения в Узбекистане связаны с:

- повышением способности городов эффективно перераспределять потоки продовольствия;
- улучшением показателей безопасности продуктов питания;
- снижением тарифов на импорт сельскохозяйственной продукции.

Вместе с тем зафиксированы незначительные снижения в отдельных показателях, таких как: волатильность производства сельскохозяйственной продукции; государственные расходы на исследования в аграрной сфере; динамика средней стоимости продовольственных товаров.

В стране принимаются последовательные и комплексные меры по упорядочению и упрощению экспортно-импортных операций, направленные на сокращение административных барьеров и повышение прозрачности внешнеэкономической деятельности. Особое внимание уделяется устранению преград и ограничений при импорте востребованных продовольственных товаров, созданию условий для диверсификации поставок и стабильного насыщения внутреннего рынка. Важным направлением политики является также усиление гарантий защиты прав субъектов внешнеэкономической деятельности, что призвано стимулировать конкурентную среду и обеспечить равный доступ участников к международным торговым операциям.

Однако, наряду с положительными изменениями, наблюдается ряд системных проблем. Доминирующее положение на

рынке отдельных крупных импортёров во многом объясняется предоставлением им индивидуальных льгот и преференций, а также созданием эксклюзивных условий ведения бизнеса. Подобная практика приводит к ограничению доступа других субъектов предпринимательства к каналам внешнеэкономической деятельности, что снижает уровень конкуренции и может формировать неравные условия на внутреннем продовольственном рынке.

В долгосрочной перспективе монополизация внешнеэкономических операций способна сдерживать развитие малого и среднего бизнеса, затруднять диверсификацию источников продовольствия и повышает риски продовольственной зависимости. Это также препятствует реализации принципов устойчивого развития, ограничивает гибкость национальной продовольственной системы и может негативно сказаться на доступности и ценовой стабильности продуктов питания для населения.

Таким образом, дальнейшее совершенствование регулирования требует баланса между необходимостью стимулирования крупных участников рынка и созданием открытой, конкурентной среды для всех субъектов внешнеэкономической деятельности, что является неотъемлемым условием обеспечения продовольственной безопасности страны.

Для Республики Узбекистан, как и для большинства современных государств, обеспечение продовольственной безопасности представляет собой не просто задачу текущей политики, а разработку и реализацию комплексной стратегии защиты государственных интересов. Такая стратегия должна носить системный и многоуровневый характер, учитывая как внутренние социально-экономические факторы, так и внешние глобальные вызовы. Она должна включать:

- поддержание социальной стабильности в обществе;
- удовлетворение основной человеческой потребности – питания;
- сокращение зависимости от импортных поставок и развитие собственного производства продовольственных товаров;
- формирование сбалансированной структуры экспорта и импорта;
- создание резервных запасов продовольствия для стабилизации внутреннего рынка.

Заключение

В результате проведённого исследования мы пришли к выводу, что, несмотря на достигнутые значительные положительные результаты и важные показатели, в сфере обеспечения продовольственной безопасности сохраняются серьёзные системные проблемы. К числу наиболее актуальных относятся: нездоровая конкуренция на продовольственном рынке, монополизация импорта продовольственной продукции отдельными хозяйствующими субъектами, создание искусственного дефицита и необоснованное завышение цен на отдельные товары, что, в свою очередь, способствует извлечению сверхприбыли за счёт нарушения принципов добросовестной конкуренции.

Сложившаяся ситуация негативно отражается на деловой активности и инвестиционной привлекательности Узбекистана, снижает уровень конкурентоспособности продовольственного рынка и наносит серьёзный урон международной репутации страны. Одновременно это приводит к тому, что пищевая безопасность граждан не обеспечивается в должной мере, поскольку сохраняются нерешённые многолетние системные проблемы, влияющие на стабильность продовольственных цепочек.

Вместе с тем принимаемые меры в Новом Узбекистане как на уровне практиче-

ских решений главы государства, так и в рамках совершенствования законодательства способствуют укреплению продовольственной безопасности. Реализуемые инициативы направлены на то, чтобы:

- весенний посевной цикл проходил своевременно и эффективно;
- урожай плодовоовощной продукции беспрепятственно поступал на внутренний рынок и доходил до конечных потребителей;
- обеспечивалась эффективная организация транспортировки сезонных рабочих между регионами страны;
- создавались условия для стабильного функционирования сельскохозяйственного производства и перерабатывающих мощностей.

Кроме того, практика Узбекистана в области продовольственной безопасности ориентирована на: развитие международного сотрудничества и гармонизацию законодательства с международными нормами и стандартами; поддержание открытости международной торговли при обеспечении защиты национальных интересов; учёт потребностей наиболее уязвимых групп населения; поддержку устойчивого функционирования производственно-сбытовых цепочек внутри страны; развитие сельского хозяйства как ключевого сектора экономики и основы национальной продовольственной независимости.

В этом контексте принятие Закона Республики Узбекистан «О продовольственной безопасности» является значительным шагом вперёд в формировании современной системы национальной продовольственной политики. Закон, опирающийся на международные стандарты и содержащий широкий понятийный аппарат, создаёт правовые основы для: повышения устойчивости экономики к внутренним и внешним продовольственным угрозам; прогнозирования и предотвращения рис-

ков для продовольственной системы; динамичного развития агропромышленного комплекса и фермерских хозяйств; улучшения благосостояния населения и обеспечения стабильности внутреннего продовольственного рынка.

Вместе с тем, на наш взгляд, представляется целесообразным дополнить легальное определение понятия «продовольственная безопасность», предложив следующую редакцию: «Продовольственная безопасность – это полное и бесперебойное обеспечение социальной доступности достаточного количества безопасного и питательного продовольствия, относящегося к основным видам социально значимых продуктов питания, необходи-

мого для здоровой и активной жизни всех групп населения».

Таким образом, продовольственная безопасность выступает одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности Республики Узбекистан в среднесрочной и долгосрочной перспективе, являясь неотъемлемым фактором сохранения государственности и суверенитета. Она рассматривается как важнейшая составляющая политики охраны здоровья населения и необходимое условие реализации стратегического национального приоритета – повышения качества жизни граждан за счёт гарантированного обеспечения высоких стандартов жизнеобеспечения.

REFERENCES

1. Un.org. End hunger, achieve food security and improved nutrition, and promote sustainable agriculture. Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/hunger/>
2. World Food Programme chief lauds front line staff and partners after Nobel Peace Prize win. Available at: <https://insight.wfp.org/world-food-programme-chief-pays-tribute-to-front-line-staff-and-partners-after-nobel-peace-prize-fc406608d60>
3. Boyev V.R., Rummyantseva Ye.Ye., Dadalko V.A. Prodoval'stvennaya bezopasnost' SNG: vybor al'ternativy na poroge novogo stoletiya [Food Security in the CIS: Choosing an Alternative on the Threshold of a New Century]. Minsk, Armita-MarketingMenedjment Publ., 1998, p. 443.
4. Baldov D. Prodoval'stvennaya bezopasnost' Rossii i drugikh stran po dannym Economist Intelligence Unit [Food security of Russia and other countries according to Economist Intelligence Unit]. *ANI: Economics and Management*, 2017, iss. 6, vol. 2(19), pp. 30–34. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/prodovolstvennaya-bezopasnost-rossii-i-drugih-stran-po-otsenke-economist-intelligence-unit/viewer>
5. Declaration of the World Summit on Food Security. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summit2009_declaration.shtml
6. Treysi M. Sel'skoye khozyaystvo i prodovol'stviye v razvitykh stranakh: vvedeniye v teoriyu, praktiku i politiku [Agriculture and Food in Developed Countries: An Introduction to Theory, Practice and Policy]. Moscow, Shkola ekonomiki Publ., 1995, pp. 21–27.
7. Tikhomirova V. Prodoval'stvennaya bezopasnost': sushchnost' ponyatiya [Food security: the essence of the concept] *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2015, vol. 6 (84), p. 123.
8. Ibragimov A.G. Problemy obespecheniya prodovol'stvennoy bezopasnosti v Respublike Uzbekistan [Problems of ensuring food security in the Republic of Uzbekistan]. *Food Policy and Security*, 2016, vol. 3, no. 3, pp. 203–210.
9. Myakinnikova N.A. Obespecheniye prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossii v usloviyakh globalizatsii [Ensuring food security for Russia in the context of globalization]. Dissertation. 2009.

Available at: <https://www.dissercat.com/content/obespechenie-prodovolstvennoi-bezopasnosti-rossii-v-usloviyakh-globalizatsii->

10. Pyslar' V.I. Prodovol'stvennaya bezopasnost': sushchnost', metody yeye obespecheniya i napravleniya razvitiya [Food security: essence, methods of its provision and directions of development]. 2002. Available at: <https://www.dissercat.com/content/prodovolstvennaya-bezopasnost-sushchnost-metody-ee-obespecheniya-i-napravleniya-razvitiya>

11. Tracking progress towards the 2020 Sustainable Development Goals related to food and agriculture. Report on indicators under FAO custodianship. Available at: <http://www.fao.org/sdg-progress-report/en/>

12. Uzbekistan zanyal pervoye mesto v Top 10 stran s naibol'shim progressom v obespechenii prodovol'stvennoy bezopasnosti v 2019-2022gg. Institut makroekonomicheskikh i regional'nykh issledovaniy [Uzbekistan ranked first in the Top 10 countries with the greatest progress in ensuring food security in 2019-2022. Institute of Macroeconomic and Regional Studies]. Available at: https://imrs.uz/publications/articles-and-abstracts/food_security

13. We are the largest humanitarian organization saving and changing lives worldwide. Available at: <https://www.wfp.org/>

14. MoliyaPress. Available at: <https://telegra.ph/Uzbekistan-podnyalsya-v-indekse-Globalnoj-prodovolstvennoj-bezopasnosti-01-11>

15. Sbornik materialov po podgotovke regional'nogo dokumenta po adaptatsii k izmeneniyu klimata dlya Tsentral'noy Azii [Collection of materials for the preparation of a regional document on adaptation to climate change for Central Asia]. Science based political dialogue. Green Central Asia. Available at: https://greencentralasia.org/wp-content/uploads/2024/04/doc_1706875031.pdf

Kelib tushgan / Получено / Received: 15.07.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 15.08.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 25.08.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.4./BSOI6154

UDC: 343.575+341.45(045)(575.1)

DEVELOPMENT OF THE DRUG BUSINESS IN THE WORLD

Musaev Djamaliddin Kamalovich,

Head of the Department of General Legal Disciplines
at the Customs Institute,
Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Associate professor
ORCID: 0000-0001-6452-6448
e-mail: frank2271@mail.ru

Abstract. In the article, the author, based on current statistical data, analyzes the international drug situation at the present stage and comes to the conclusion that the current anti-drug trafficking system in the world is unacceptably low. Taking into account this conclusion, specific proposals are formulated to improve the situation in this area. The international scale of drug trafficking and the involvement of an increasing number of states in the global network of illegal transportation routes do not currently allow countries to clearly distinguish between producers of narcotic drugs and their consumers. It is only possible to trace certain trends in the spread of drug trafficking in relation to different continents and analyze them. Criminal groups are taking advantage of globalization, expanding their networks of influence and gaining international status. Globalization also entails the need to reform the structure of global and regional security institutions. In this work, an attempt was made to review the drug situation and drug business on a global scale, since the fight against drug trafficking is a task that has long gone beyond the boundaries of one state, and this fight can only be waged through the efforts of the international community as a whole.

Keywords: drug policy, narcotic drugs, psychotropic substances, synthetic drugs, international drug control, UN, online trade, Europol, international security

DUNYODA NARKOBIZNESNING RIVOJLANISHI

Musayev Djamaliddin Kamalovich,

Bojxona instituti Umumhuquqiy fanlar kafedrasini mudiri,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD), dotsent

Annotatsiya. Maqolada giyohvandlik vositalarining noqonuniy aylanmasi bilan bog'liq zamonaviy xalqaro vaziyat dolzarb statistik ma'lumotlar asosida tahlil qilingan. Muallif global miqyosda giyohvandlik vositalarining noqonuniy aylanmasiga qarshi kurashish bo'yicha amaldagi tizim samaradorligi nihoyatda past, degan xulosaga keladi va shundan kelib chiqqan holda sohadagi holatni yaxshilash uchun aniq takliflarini ilgari suradi. Narkosavdoning xalqaro miqyosda kengayishi va tobora ko'proq davlatlarning noqonuniy tashish yo'llari global tarmog'iga jalb qilinishi hozirgi vaqtda mamlakatlarga giyohvandlik moddalarini ishlab chiqaruvchilar hamda iste'molchilarni aniq farqlash imkonini bermayapti. Faqat turli qit'alar kesimida giyohvandlik vositalarining tarqalish tendensiyasini kuzatish va ularni tahlil qilish mumkin. Jinoiy guruhlar o'z ta'sir tarmoqlarini kengaytirish va xalqaro

maqomga ega bo'lish uchun globallashtirish imkoniyatlaridan foydalanmoqda. Globallashtirish, shuningdek, global va mintaqaviy xavfsizlik institutlari tuzilmasini isloh qilish zaruratini yuzaga keltirmoqda. Ushbu ishda giyohvandlik vositalari bilan bog'liq holat va narkobiznesning global ko'lamdagi holati ko'rib chiqildi. Muallif giyohvand moddalarning noqonuniy aylanishiga qarshi kurashish allaqachon bir mamlakat doirasidan chiqib ketganini va faqat xalqaro hamjamiyat sa'y-harakatlarini birlashtirgandagina samarali bo'lishi mumkinligini ta'kidlaydi.

Kalit so'zlar: narkosiyosat, giyohvandlik vositalari, psixotrop moddalar, sintetik giyohvand moddalar, xalqaro narkotik nazorati, BMT, onlayn savdo, Yevropol, xalqaro xavfsizlik

РАЗВИТИЕ НАРКОБИЗНЕСА В МИРЕ

Мусаев Джамалиддин Камалович,

доктор философии по юридическим наукам (PhD), доцент,
заведующий кафедрой общеправовых дисциплин
Таможенного института

Аннотация. В статье на основе актуальных статистических данных анализируется современная международная ситуация, связанная с оборотом наркотических средств, и делается вывод о крайне низкой эффективности действующей системы противодействия незаконному обороту наркотиков на глобальном уровне. Исходя из этого, автор формулирует конкретные предложения по улучшению ситуации в данной сфере. Отмечается, что международный масштаб наркоторговли и вовлечённость всё большего числа государств в глобальную сеть незаконных транспортных маршрутов не позволяют странам чётко разграничивать производителей наркотических средств и их потребителей. В настоящее время возможно лишь прослеживать отдельные тенденции распространения наркоторговли по различным континентам и проводить их аналитическую оценку. Подчёркивается, что преступные группы активно используют возможности глобализации для расширения сетей влияния и приобретения международного статуса. Глобализация также создаёт необходимость реформирования структуры глобальных и региональных институтов безопасности. В работе предпринята попытка комплексного анализа современного состояния наркоситуации и функционирования наркобизнеса в мировом масштабе. Автор отмечает, что борьба с незаконным оборотом наркотиков давно вышла за рамки одной страны и может быть эффективной только при объединении усилий международного сообщества.

Ключевые слова: наркотическая политика, наркотические средства, психотропные вещества, синтетические наркотики, международный контроль над наркотиками, ООН, онлайн-торговля, Европол, международная безопасность

Introduction

The world has stepped into the 21st century. The rapid processes of globalization, which have covered various areas of human activity, are generally positive in nature and provide humanity with unprecedented opportunities.

However, the ongoing changes also enable issues like organized crime, international terrorism, and drug trafficking to become transnational, often termed “problems

without passports.” The spread of drugs involves political, economic, social, legal, medical, and ethical dimensions.

Drug abuse represents a pervasive social disease in contemporary society. Addressing this issue requires an accurate diagnosis, a comprehensive understanding of its complexity, and recognition of the challenges involved in combating it.

The leitmotif of the speeches of many heads of state and government at the special

session of the UN General Assembly in June 1998, dedicated to the fight against the spread of drugs, sounded deep concern that the spread of drugs around the globe was occurring at an increasing pace and was turning into a global threat comparable to an environmental one. Many countries with economies in transition find themselves in a particularly difficult situation.

Main body

Key Global Statistical Indicators. Number of Drug Users: In 2023, the total number of people worldwide using drugs (excluding alcohol and tobacco) reached 316 million. This represents 6% of the population aged 15–64, which is an increase of more than 5.2% compared to 2013.

Most Widely Used Substance: Cannabis remains the most widely consumed drug, with approximately 244 million users in 2023. Following cannabis, the most commonly used substances are opioids (61 million), amphetamines (30.7 million), cocaine (25 million), and ecstasy (21 million).

Growth in the Cocaine Market: Cocaine production in 2023 reached a record high of 3,708 metric tons, representing a 34% increase compared to 2022. Cocaine seizures also hit record levels at 2,275 metric tons, marking a 68% increase over the period from 2019 to 2023.

Cocaine Users: The number of cocaine users increased from 17 million in 2013 to 25 million in 2023.

Synthetic Drug Market: Amphetamine-type stimulants (ATS), including methamphetamine and captagon, have reached record seizure levels. ATS accounts for about half of all synthetic drug seizures, followed by synthetic opioids, notably fentanyl.

Illicit Drug Trade Volume: Various estimates indicate that the illegal drug trade generates hundreds of billions of dollars in annual revenue.

Health and Social Harms: In 2021, approximately half a million deaths were

attributed to drug use, along with a loss of 28 million healthy life years. Notably, in 2023, only one in every twelve people suffering from drug use received treatment.

Environmental Impact: The number of illegal drug laboratories in Europe has increased, resulting in environmental pollution, hazardous waste, and soil degradation. These impacts often go unnoticed and unaddressed [1].

Regional Situations and Trends. Cocaine Cultivation in Latin America: In 2023, Colombia accounted for 67% of the world's cocaine cultivation areas. Production increased by 53%, reaching 253,000 hectares—23,000 hectares more compared to 2022. Methamphetamine Seizures in Southeast Asia: In 2024, methamphetamine seizures in the region (notably Myanmar) reached 236 metric tons, a 24% increase compared to 2023. Complex trafficking methods are employed, including the use of drones, fishing vessels, and pharmaceutical firms. Drug Trafficking and Terrorism in the Sahel Region: The Sahel has become a financial base for terrorist groups through drug transit routes. Additionally, illegal gold mining, banditry, and forced taxation activities are prevalent. Myanmar's Leadership in Opium Production: In 2024, Myanmar's poppy cultivation covered 45,200 hectares, representing a 4% decrease from 2023. Nevertheless, Myanmar remains the world's largest producer of opium [2].

The transnational scope of criminal activity allows criminals to exploit channels of fast and relatively reliable audio and video contact. Thus, the most widespread cases of using the global information network Internet to conclude contactless transactions. According to Reuters, drug traffickers and their clients are increasingly conducting transactions in “private-room” chat channels, protected from prying eyes by software and hardware. It is almost impossible to track such transactions. Internet pharmacies

dispense psychoactive drugs without a prescription. And finally, Dutch and Canadian companies sell cannabis seeds, herbal ecstasy, and ephedrine throughout the world via the Internet [3].

The use of powerful computer technology connected to the international banking electronic network contributes to the spread of the process of legalization of criminal proceeds on an international scale. Increasingly, drug dealers are laundering money through Internet banks.

The international drug market spans every region and nearly every nation, making drug money laundering a transnational issue. Within the Russian Federation alone, an estimated 2 to 7 billion dollars in drug money is laundered annually, with these funds often transferred abroad with relative ease [4]. According to Singapore officials, from 1989 to 1992, drug traffickers funneled about \$100 million through Singapore, which was funneled through an underground bank to Bahrain and then to World Bank accounts. In 1996, funds from drug trafficking organizations were seized in Singapore in the equivalent of US\$20 million.

The estimated value of money laundering in Australia is approximately \$3.5 billion annually. Here, for example, a network was uncovered to launder more than \$20 million in proceeds from the sale of heroin in New York, and more than \$40 million was confiscated from the funds of a criminal syndicate selling cannabis in Australia, but located in Hong Kong [5].

In this light, it becomes realistic to estimate that annually in the world the proceeds obtained as a result of drug trafficking are legalized (laundered) in the amount of 300-800 billion US dollars [6].

If it were possible to block the main channels for laundering drug dollars, then the drug business would lose its attractiveness to a large extent. The fabulous profits from drug trafficking,

amounting to billions of dollars, cannot be kept "in a stocking." However, it is not possible to block the channels, because there are many methods of laundering drug dollars, and very powerful forces profit from these operations [7].

Illicit drug trafficking also actively stimulates corruption, with the help of which drug cartels and other criminal groups involved in the drug business seek to secure their business and evade responsibility. Part of the profit is spent on bribery and obtaining the necessary information. Information is being collected about corrupt officials in law enforcement agencies and government agencies, data on market conditions, and drug prices [8]. For instance, the Tijuana cartel, one of Mexico's smaller cartels, reportedly spends \$1 million weekly on bribes to Mexican judges, prosecutors, police, military, and customs officials. According to claims attributed to Mexico's Attorney General, approximately 90% of judges and prosecutors in Tijuana were "bought" by the cartel [9].

One of the most important global trends in the development of the drug business is also its industrialization. The illegal production of narcotic drugs is becoming a well-established industry.

Clandestine drug laboratories can be categorized based on their technological complexity into artisanal and industrial types. Artisanal laboratories typically have low productivity and conduct production without complex chemical reactions. In contrast, industrial laboratories are characterized by high productivity and are used to produce synthetic drugs through complex chemical synthesis.

Strict economic sanctions have been imposed on countries that widely produce narcotic drugs. However, the number of drug laboratories in the territories is decreasing very slowly. In the last years of the 20th century, there was a tendency towards the

concentration of drug production and the consolidation of drug production capacities. This is evidenced by numerous facts of the discovery of giant cocaine production laboratories.

According to data from Colombia's anti-drug police, in 1996, a clandestine laboratory complex in Central Colombia, guarded by a large armed group, was discovered and dismantled. The facility featured multiple runways, a modern warning system, and a highly organized production process. Its estimated annual output capacity was approximately 350 tons of cocaine.

The mobility of drug producers is increasing. Evidence of drug production in mobile laboratories located in vans and trucks has been revealed. Such laboratories rarely come to the attention of law enforcement agencies and, continuously producing drugs along the way, deliver the finished product to its destination. The capacity of one of these laboratories identified in Colombia was 70 kg of cocaine per day.

Also, one of the most important trends in the development of the drug business in the 90s of the twentieth century is the increase in the share of synthetics. This is explained by the fact that synthetic drugs have a number of advantages over drugs made from plant materials.

In the production of synthetics, not only can the key precursor be used, but also its substitutes, with the help of which it is possible to obtain not one, but several final products. In addition, the variety of synthetics and the ability to quickly synthesize new analogues allow manufacturers to quickly respond to drug market conditions.

By modifying the original products, chemists obtain new types of synthetics that are not included in the current national lists of prohibited and controlled drugs. The complexity and length of the procedure for

including new narcotic drugs, psychotropic or potent substances in the official lists is also important.

And the variety of chemical substances used to produce drugs and the interchangeability of initial components ensure the availability and relatively low costs of producing synthetics. Their uncontrolled analogues can be used as starting components, which reduces the level of risk. For example, drug traffickers in Holland invest 7-9 cents in the production of one dose (pills, tablets) of ecstasy and sell it wholesale for 8-15 dollars. It is also possible to change the degree of narcogenicity of a synthetic and simulate the nature of its effect on the consumer. Modern synthetic analogues are usually hundreds and even thousands of times more powerful than their predecessors in terms of their impact on the consumer. Synthetic drugs are much more difficult to detect at all stages of their illicit trafficking, including the stages of creation, transportation, and trade.

In recent years, new types of synthetic drugs have emerged. The latest scientific advances are used in their production. Significant financial resources are invested in financing independent research in order to find new drugs and more advanced technologies for their production. Handicraft and low-productivity manufactories are being replaced by high-tech compact laboratories and large industrial drug enterprises, which are serviced by qualified specialists [10].

The international scale of drug trafficking and the involvement of an increasing number of states in the global network of routes for their illegal transportation have virtually destroyed the decades-old division of the countries of the world into "consuming" (developed capitalist countries) and "producing" (mainly developing countries).

In the 90s of the twentieth century, the drug business developed even in those

countries where drug trafficking and drug abuse had not previously been observed at all. UN experts associate the reasons for the development of transnational criminal organizations, including those whose main activity is drug trafficking, with the emergence of corresponding opportunities at the global level, which is due to long-term development trends in world politics and economics.

As a result of the increased interdependence of states, the simplification of international travel and connections, the increasing degree of transparency of national borders, and the formation of global financial networks, global markets for both legal and illegal products have emerged.

The development and scope of the activities of organized drug crime can be considered to a large extent a reflection of the opportunities that have arisen as a result of the restructuring of international relations and the changes that have occurred in the states themselves. Thus, transnational drug trafficking can be both a cause and a consequence of important changes in global politics and economics [11].

The main reasons and factors for the development of drug trafficking include the following:

- weakness of governments, inability of the state to exercise effective control over the territory under their jurisdiction (for example, in Bolivia, Colombia, and Peru);

- a powerful factor in the development of the drug business is political and economic instability. This involves the use of significant financial resources from the production and sale of drugs to achieve political goals. This is confirmed by cases where funds received from drug smuggling are used to purchase weapons to initiate and maintain interethnic conflicts. At the same time, the relationship between organized crime and terrorist and extremist groups is expanding;

- weakening and dysfunction of social institutions, excessively high rates of socio-

economic and political transformations in connection with the transition of post-socialist countries to a market economic system. The absence or imperfection of legislation or control over its implementation, combined with a sharp aggravation of socio-economic problems, is in these conditions a favorable environment for the development of the drug business. In such cases, the most active people with limited financial and economic resources are actively involved in the drug business;

- the state's policy of connivance towards the drug business or the policy of "tacit reconciliation" in connection with the income it brings to society, or out of fear of countermeasures from criminals. For example, in Pakistan, the authorities almost did not interfere with the production of opium and its transportation, actually condoning drug traffickers [12].

In several countries, the drug mafia has gained significant influence by leveraging corrupt politicians and accomplices in law enforcement agencies, the military, and customs services.

In particular, in Bolivia in the 80s. The so-called "narcocracy" represented perhaps the most dramatic example of a government's direct connection to a criminal drug-trafficking organization. Experts argue that it was impossible to draw a line between the Bolivian military government and drug suppliers [13].

To systematically study these issues, the following research methods were employed:

Documentary Analysis. The primary part of the research was based on reports published by international organizations, particularly:

- The United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC);

- Interpol;

- The European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EMCDDA);

- The World Health Organization (WHO).

Statistical Analysis. Updated figures were analyzed with regard to the following indicators:

- Number of drug users (by region);
- Volume of production and distribution;
- Growth trends of various substances (cannabis, opioids, amphetamines, cocaine);
- Deaths, health harms, and access to treatment.

Geopolitical and Trend Analysis. Regional characteristics of the drug trade (Latin America, Afghanistan, Myanmar, and the Sahel region) and their political, economic, and social contexts were analyzed to assess:

- Trends in drug production and transit;
- Changes involving mafia and transnational groups;
- Mechanisms applied to address the issue.

Legal and Normative Analysis. International conventions (1961, 1971, 1988) and their reflection in national legislation were examined, with particular focus on:

- The significance of UN conventions;
- National strategies and enforcement mechanisms adopted under these conventions;
- Assessment of criminal policies against offenders and their effectiveness.

Comparative Analysis. A comparative study was conducted between multiple countries and regions focusing on:

- Development of the drug trade;
- Involvement of state authorities;

Use of Media and Public Sources. The situation's representation in mass media and public opinion trends was analyzed through news portals (Reuters, El País, AP News, The Guardian) and video materials (UN video briefings).

Limitations of the Methodology:

- Official drug-related data in some countries may be unavailable or unreliable;
- Due to constant updates, information from internet sources may become partially outdated;

- Since the drug trade is clandestine and illegal, actual volumes may not be fully reflected [14].

Research results show that the sovereignty of the state on whose territory such criminal groups arise provides them with reliable protection from attempts by other countries to suppress illegal activities and eliminate the central links and branches of criminal structures.

Persistent inequality between industrialized and developing countries, coupled with the disadvantaged position of the latter in the international trade system, hinders their economic progress.

Realization of opportunities provided by legitimate commercial activities. An attractive alternative to poverty is choosing illegal business methods. In particular, the weakness and instability of agricultural markets (in Bolivia, Peru, and several other countries) made the cultivation of coca and opium a very profitable activity for local peasants. Liberalization of foreign trade activities.

Economic crises that stimulate the search for improvement of financial situation through participation in illegal business. Entrepreneurs use the accumulated knowledge and experience of traditional production there. In times of crisis, participation in the drug business makes it possible to temporarily mitigate the problem of employment for a significant part of the population. Under these conditions, the activities of illegal groups begin to be perceived positively.

For example, the emergence of the Colombian cartel as one of the main cocaine centers is due to the decrease in its role as a major producer of textile goods. Drug traffickers provided alternative employment for the workforce, thereby winning over the local population. Such loyalty is of significant importance for criminals, as it complicates the work of counterintelligence services

and counteracts the effectiveness of law enforcement operations [15].

Analysis of research results shows that the following events led to changes in the organization and operation of the drug production industry, as well as the rapid growth of production in the last two decades of the 20th century:

- a sharp increase in demand for cocaine in the United States in the 80s, this led to increased efforts by Colombian drug producers aimed at eliminating their main competitors, expanding raw material processing capacity, improving drug delivery routes and neutralizing the measures of the Colombian authorities to enforce laws relating to the illegal drug trade;

- the Islamic revolution in Iran, when the Iranian government's assistance to fundamentalists in the Bekaa Valley undermined anti-drug operations in Lebanon and the region as a whole and allowed Iran to become an important element in the heroin distribution system;

- the implementation of strict anti-drug measures in Colombia and Mexico in the mid-1980s prompted shifts in the geography of drug production and distribution. Production expanded to Brazil, Venezuela, Ecuador, Suriname, and Haiti, while Paraguay emerged as a significant transshipment point;

The International Narcotics Control Board recommends a review of alternative development projects used for this control. The report highlights that although crop substitution programs in Burma and Laos were successful in reducing opium production, they did not stimulate economic development and failed to reduce poverty in these regions of the world [16].

Conclusion

The expansion of the global drug trade poses a serious threat not only to the rise of criminality but also to human rights, public safety, and state sovereignty. To effectively combat such transnational threats, the

international community must strengthen and harmonize legal mechanisms.

Full Implementation of International Conventions and Obligations:

The UN Conventions of 1961, 1971, and 1988 remain the cornerstone of the international legal framework for drug control. These conventions obligate states to establish legal controls over narcotic substances, implement domestic measures against illicit production and distribution, and ensure legal cooperation.

Harmonization and Modernization of Legislation:

To fulfill these international obligations, national laws—particularly criminal, procedural, and financial legislation—must align with convention standards. Without such alignment, legal cooperation between states, such as extradition, mutual legal assistance, and asset confiscation, becomes ineffective.

Institutionalization of Legal Cooperation Against Transnational Crime:

Interpol and UN frameworks are establishing legally grounded systems for information-sharing, expert platforms, joint investigation teams, and online monitoring centers. These mechanisms are structured to support both criminal investigations and lawful judicial cooperation.

Strengthening Civil and Administrative Legal Tools:

Complementing institutional efforts, civil procedures, such as asset forfeiture, license revocations, and fines, provide effective tools to combat drug trafficking. Such measures are widely utilized in the legislation of the European Union, the United States, and Australia.

Legal Recognition of Prevention and Rehabilitation:

International law regards prevention and treatment as state obligations alongside punishment. For example, joint UNODC-WHO guidelines require states to:

- Implement drug education programs;

- Establish lawful rehabilitation centers;
- Provide legal protection for drug users.

Benefit-Oriented Legal Strategies: Asset Forfeiture and Community Reinvestment:

Further supporting comprehensive drug control, the 1988 UN Convention provides for the confiscation of drug-related proceeds and their redirection for societal benefit. This mechanism enables lawful disruption of financial gains from drug-related crimes.

Effective drug control requires a comprehensive legal approach that includes:

- Full compliance with international legal obligations;

- Harmonization and modernization of national laws;

- Establishment of legal frameworks for transnational cooperation;

- Incorporation of prevention, rehabilitation, and education into legal policy.

Only through the proper application of these legal instruments can the global drug trade be effectively contained as a transnational threat.

REFERENCES

1. UNODC World Drug Report 2025. Available at: https://www.icati.org/knowledge-share/resources/2025-06/unodc-world-drug-report-2025-global-instability-compounding?utm_source=chatgpt.com
2. Opium production in Myanmar. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Opium_production_in_Myanmar?utm_source=chatgpt.com
3. Babayan E.A., Bardin E.V. Legal aspects of the circulation of narcotic, psychotropic, potent, toxic substances and precursors., Moscow, vol. 1. MCFR Publ., 2003.
4. Belicheva S.A. Fundamentals of preventive psychology. Moscow, 1993.
5. Belyaev S.S. International experience in the fight against drug addiction. Crime: strategy of the fight. Moscow, 1997.
6. Blankenburg E.R. Dutch legal culture. Legal system of the Netherlands. Moscow, Zertsalo Publ., 1998.
7. Bogatov I.V. The fight against organized drug crime is the main task of the Russian State Drug Control Service. Professional Publ., 2003, vol. 5.
8. Boev B. Drug addiction in Russia: analysis and forecast of demographic consequences. Alma mater Publ., 2002, vol. 3.
9. Boytsova V.V., Boytsova L.V. General characteristics of the legal system of the Netherlands. Legal system of the Netherlands. Moscow, Mirror Publ., 1998.
10. Vasiliev V.P. Legal psychology. St. Petersburg, 1997.
11. Williams V.K. Psychological mechanisms of human motivation. Moscow, 1990.
12. Vishnevsky Yu.R., Kovaleva A.I. and others. Workshop on the sociology of youth. Moscow, INFRA-M Publ., 2000.
13. Volkova Yu.G. Sociology of youth. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2001.
14. UNODC World Drug Report 2025. Available at: https://www.icati.org/knowledge-share/resources/2025-06/unodc-world-drug-report-2025-global-instability-compounding?utm_source=chatgpt.com
15. Voronin Yu.A. Transnational organized crime. Yekaterinburg, 1997
16. Gasanov E. G. Drug addiction: trends and measures to overcome. Moscow, 1997.

Kelib tushgan / Получено / Received: 11.07.2025
 Qabul qilingan / Принято / Accepted: 07.08.2025
 Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 25.08.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.4./DPSW8495

UDC: 343.37(045)(575.1)

CORRUPTION: ANALYSIS AND REMEDIES

Ahmadjonov Murodullo Nurali ugli,

Assistant to the Prosecutor of Kosonsoy district, Namangan region,
 Independent researcher at Tashkent State University of Law

ORCID: 0009-0006-4286-6752

e-mail: murodulloahmadjonov123@gmail.com

Abstract. *Although anticorruption has grown into a global industry backed by considerable funding, its effectiveness, especially in developing and postcommunist countries, still remains limited. This paper sheds light on a major reason, which is the widespread neglect of the political and structural origins of corruption, particularly the prevalence of particularism, a system in which public resources are allocated based on favoritism rather than impartial rules. In these settings, corruption is not an exception but a built-in feature of the political order, sustained by elite alliances and informal networks of influence. Further, this study underlines Western-style reform models that often fail because they overlook the complicated realities of transitional and hybrid political systems. Based on both personal experience in leading anticorruption initiatives and cross-country comparisons, this article emphasizes the urgent need for strategies that are sensitive to local contexts and political dynamics. In turn, the paper also advocates for long-term measures, including external pressure, public engagement, and incentives for ethical behavior. Ultimately, tackling corruption effectively depends on broader processes of democratization and modernization, without which reforms are unlikely to produce meaningful or lasting change on the whole.*

Keywords: *democratization, public engagement, anticorruption initiatives, fairness and equality, modernization, postcommunist countries, particularism*

KORRUPSIYA: TAHLIL VA CHORALAR

Ahmadjonov Murodullo Nurali o'g'li,

Toshkent davlat yuridik universiteti
 mustaqil izlanuvchisi,

Namangan viloyati, Kosonsoy tuman
 prokurorining yordamchisi

Annotatsiya. *Korrupsiyaga qarshi kurash global miqyosdagi siyosiy harakatga aylangan va katta miqdordagi moliyaviy mablag'lar bilan qo'llab-quvvatlanayotgan bo'lsa-da, mazkur amalga oshirilayotgan harakatlarning samaradorligi, ayniqsa, rivojlanayotgan va postkommunistik davlatlarda, hanuzgacha cheklanganligicha qolmoqda. Ushbu maqolada bunday holatning asosiy sababi – korrupsiyaning siyosiy va tizimli ildizlari, ya'ni partikulyarizm deb nomlanuvchi tizim yoritib beriladi. Mazkur partikulyarizm tizimida davlat resurslari adolatli va xolis qoidalarga emas, balki tanish-bilishlik va guruh manfaatlariga asoslangan tarzda taqsimlanadi. Bunday sharoitda korrupsiya istisno emas, balki siyosiy tuzumning ajralmas qismiga aylanadi, elita ittifoqlari va norasmiy ta'sir tarmoqlari orqali qo'llab-quvvatlanadi. Shu bilan birga, tadqiqotda G'arb andozasidagi islohot modellarining ko'pincha muvaffaqiyatsizlikka uchrashi ta'kidlanadi, chunki mazkur modellarda o'tish davridagi va gibril siyosiy*

tizimlarning murakkab haqiqatlari hisobga olinmaydi. Bundan tashqari, maqolada turli davlatlar misolida olib borilgan taqqoslama tahlilga asoslanib, mahalliy sharoit va siyosiy dinamikaga moslashgan strategiyalarni ishlab chiqish zarurligiga alohida urg'u beriladi. Mazkur maqolada, korrupsiyadan holi bo'lgan barqaror islohotga erishish uchun partikulyar tizimlarni demontaj qilish adolat va tenglik me'yorlarini targ'ib qilish, fuqarolik jamiyati vakillarini faollashtirish zarurligiga asosiy e'tibor qaratiladi. Shuningdek, maqolada uzoq muddatli choralarni, ya'ni xalqaro hamkorlik, jamoatchilik nazorati va ishtiroki hamda axloqiy xatti-harakatlar uchun rag'batlantirish mexanizmlari ilgari suriladi. Xulosa qilib aytganda, korrupsiyaga qarshi samarali kurashish demokratlashtirish va modernizatsiya jarayonlarining kengroq kontekstida olib borilishi zarur. Aks holda, hech bir islohot amalda samarali yoki barqaror natijalar bermaydi.

Kalit so'zlar: demokratlashtirish, jamoatchilik ishtiroki, korrupsiyaga qarshi tashabbuslar, adolat va tenglik, modernizatsiya, postkommunistik davlatlar, partikulyarizm

КОРРУПЦИЯ: АНАЛИЗ И ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Ахмаджонов Муродулло Нурали угли,

самостоятельный соискатель

Ташкентского государственного юридического университета,
помощник прокурора Касансайского района Наманганской области

Аннотация. Несмотря на то что антикоррупционная деятельность превратилась в глобальную индустрию с масштабным финансированием, её эффективность, особенно в развивающихся и посткоммунистических странах, остаётся ограниченной. В статье анализируется ключевая причина данной проблемы – игнорирование политических и структурных истоков коррупции, в частности феномена партикуляризма, при котором распределение общественных ресурсов осуществляется на основе личных связей и фаворитизма, а не объективных правил. В подобных условиях коррупция представляет собой не исключение, а системообразующий элемент политического устройства, поддерживаемый альянсами элит и неформальными влиятельными сетями. Автор также подчёркивает, что реформы по западным моделям часто терпят неудачу, поскольку не учитывают сложную специфику переходных и гибридных политических систем. Опираясь на личный опыт участия в антикоррупционных инициативах и сравнительный анализ практик различных стран, в статье указывается на необходимость выработки стратегий, чувствительных к локальному контексту и политическим реалиям. Кроме того, обосновывается важность долгосрочных мер, включая внешнее давление, активное вовлечение общества и формирование стимулов для этичного поведения. В конечном итоге эффективное противодействие коррупции невозможно без широких процессов демократизации и модернизации, поскольку без них даже масштабные реформы не способны обеспечить устойчивые и значимые изменения.

Ключевые слова: демократизация, общественное участие, антикоррупционные инициативы, справедливость и равенство, модернизация, посткоммунистические страны, партикуляризм

Introduction

Corruption stands as a significant obstacle in many developing and post-communist countries. Albeit a global anticorruption sector has emerged and substantial financial resources are dedicated annually to reform efforts, actual progress remains limited.

One key reason is that internationally promoted solutions that are often modeled after Western frameworks tend to fall in the short term because they fail to account for the deeply rooted political and structural dimensions of corruption. In such societies, corruption is not an occasional failure

of governance but rather an entrenched mode of operation, sustained by networks of favoritism and elite control, which is commonly known as particularism.

Furthermore, this paper contends that many mainstream anticorruption initiatives are ineffective because they overlook critical factors such as historical context, local power structures, and institutional fragility. Drawing from both firsthand experience in leading reform campaigns and wider comparative analysis, it calls for a more tailored, politically sensitive approach grounded in universal values of integrity and fairness. Instead of relying heavily on generic models, reform efforts must directly challenge the informal systems and social norms that perpetuate corruption. By viewing corruption through the lens of power distribution and political competition, we can craft more targeted, durable strategies to weaken particularism and advance democratic development as a whole.

This research employs a qualitative and comparative methodology, combining personal experience with international case analysis. It builds on the author's involvement in effective anticorruption initiatives and examines examples from post-communist, conventional, and developing nations.

The study relies on primary sources such as historical narratives, patterns of elite conduct, and institutional evaluations, while also utilizing secondary materials like academic studies, global surveys (including the World Values Survey and Freedom House data), and reports from organizations like Transparency International and the World Bank. Rather than relying heavily on broad statistical approaches, the research prioritizes context-specific examination, especially of political systems and informal networks that perpetuate corruption within particularist frameworks. Tools such as power mapping, public perception analysis,

and elite influence indicators help uncover the inner workings of corruption across a wide range of regimes as a whole. The study challenges uniform reform models, advocating instead for strategies tailored to each context and guided by principles of fairness, transparency, and equitable access to public resources.

Main body

This study reveals that despite the rapid growth of the global anticorruption sector, with annual spending of approximately \$100 million, its impact remains modest on account of a fundamental misunderstanding of the problem itself. Most anticorruption initiatives fail because they overlook the inherently political nature of corruption, particularly in developing and post-communist societies where “particularism”—a system rooted in favoritism and patronage—prevails.

In these contexts, access to public resources is formulated by power dynamics and informal networks, making corruption a systemic feature rather than an anomaly. Reforms that rely on externally imposed institutional frameworks or uniform strategies often prove ineffective, especially when they encounter entrenched elites who benefit from the status quo.

Standard tools like surveys and legal reforms fall short unless they are grounded in an understanding of local power relations and reinforced by strong public pressure for fairness.

The study underscores that legal enforcement only becomes effective once particularism is dismantled. Therefore, it advocates for context-aware, politically engaged reforms that promote universal standards of fairness, strengthen civil society, reduce reliance on the state, and enhance transparency. Genuine anticorruption progress depends on structural transformation toward universalism and democratic accountability, not on imported

solutions to root out corruption and avert corruption risks to build a corruption-free society.

In recent years, fighting corruption has evolved into a global industry, with annual spending estimated at roughly \$100 million on the whole. Notwithstanding this significant investment, tangible successes remain still limited. While discussions around corruption have increased and funding to address it has grown over the course of time, there is little proof that these efforts are delivering meaningful results. To be obvious, Transparency International's handbook sheds light on certain legal frameworks and institutions from various countries as examples of good practice, yet their actual effectiveness has not been properly evaluated. Similarly, the World Bank's Anticorruption in Transition focuses more on ongoing efforts than on proven achievements [1].

First and foremost, political corruption remains a major challenge to the development and stability of democratic systems. It is a glaring example that, just a year after Ukraine's celebrated Orange Revolution, parliamentary seats were reportedly being sold, though at high prices. The continued failure to reduce corruption, regardless of its growing visibility, is fueling public cynicism and undermining trust in fledgling democracies as a whole.

Why do so many anticorruption programs fail in the short term? Is it possible to bolster more effective strategies by learning from the few instances of success? My argument is that many anticorruption efforts do not work because they fail to deal with the inherently political nature of corruption in developing and post-communist societies. In wealthier, developed countries, corruption typically refers to isolated breaches of integrity. In contrast, in many developing countries, corruption is often a systemic issue rooted in "particularism"—a system where public

resources are distributed based on favoritism rather than universal principles, reflecting deeper imbalances in power on the whole [2].

Additionally, most anticorruption efforts avoid confronting this core problem because doing so would challenge the very power structures that uphold corruption. As a result, such campaigns are often carried out with the involvement—or even under the control—of the very elites that take advantage of the system. Coming from my personal experience leading a successful anticorruption campaign in my country and neighboring ones and analyzing many that failed, I believe that democratic breakthroughs can only bring lasting transformations if they are followed by a sweeping movement to dismantle particularism. Without such a fundamental shift, efforts to fight against corruption in societies where particularism dominates are unlikely to succeed [3].

According to the survey carried out by Harvard University in 2020, some scholars erroneously ask why modernization and democratization seem to bring more corruption, failing to recognize that in pre-modern states, the expectation of impartial public service was largely absent as a whole [4]. In a sense, where those universal standards do not apply, societies tend to be hierarchical and collectivist, operating under a system known as particularism. This system directly and indirectly contrasts with universalism, which is the principle that everyone should be treated equally irrespective of group identity.

In particularistic societies, an individual's treatment by the state depends on their social or political status. People do not expect fairness for all but rather expect to be treated similarly to others within their group. Max Weber, one of the most renowned scientists, described these societies as governed by tradition rather than law and regulations, with powerful groups monopolizing

authority and resources [5]. A person's status, and therefore their access to public goods, is associated with their proximity to power, whether that's through a political leader, a dominant group, or a network of influence. Such systems consolidate a culture of privilege where unequal treatment is normal. Rather than striving for fairness and equity, individuals seek to join elite circles as a whole.

Fairness and disparity are often disregarded. In these environments, power and influence, not money, are the basic currency. Benefits from corruption are spread throughout a network and may not even directly profit the gatekeepers involved [6]. Bribery, in many cases, becomes a way for lower-status individuals to secure equal treatment on the whole.

In reality, societies, in turn, don't fall neatly into either universalism or particularism. Instead, they exist along a spectrum. We can sweepingly categorize political systems into three forms related to the level of corruption and distribution of power, with one end representing authoritarian regimes and the other liberal democracies. After the fall of traditional or communist systems, transitions barely lead directly to liberal democracy. Instead, they often lead to hybrid regimes lacking checks and balances, where particular social or ethnic groups dominate. In these situations, political competition becomes a fight to take over the state and its resources; power equates to wealth. In turn, revolutionary change might seem to promise greater accountability; however, this is rarely the case.

Revolutions often prioritize sudden shifts and rely heavily on charismatic leadership, which can undermine the development of strong institutions. In these hybrid or transitional regimes, what can be called "competitive particularism" corruption tends to thrive. Nonetheless, once citizens

undergo political change, their tolerance for corruption typically diminishes [7]. Even though corruption remains widespread, people commence to expect better governance, making corruption less socially accepted than under traditional systems.

As people come to realize that free elections can change governments, though not always improve governance public demands for accountability coupled with transparency begin to grow. Even in impoverished or largely illiterate societies, citizens are less willing to tolerate corruption from newly elected leaders than they once were with traditional rulers [8]. Nevertheless, the ways in which societies resist corrupt elites vary significantly among what are called "competitive particularist" regimes, such as Latin America's delegative democracies, Africa's unstable competitive systems, and postcommunist electoral democracies. While these regimes differ in structure, they share one crucial feature: a fusion of older forms of favoritism (particularism) with fashionable forms of corruption and corruption risks.

In contrast to conventional societies, where a select few were above the law, these newer regimes accounts for a large number of competing groups seeking privileged access and immunity. In turn, this competition often leads to wider societal corruption. When leaders or rulers act with impunity, it encourages citizens to also engage in illicit conduct. As a consequence, the gap between official rules (the rule of law) and real-world practices widens. In such settings, democratic institutions risk losing legitimacy and the state can become "captive" serving narrow interests rather than the public good [9].

That is a glaring example that Eastern European communist regimes offer a special case. Though they were committed to modernization, their structures increased corruption and corruption risks in public

government. The system concentrated power and economic control in the hands of elite groups, like the nomenclature, undermining their own goals. Power, not merit, became the basis for rewards and advancements, resulting in what political scientist Andrew Janos described as a modern version of feudal ranking systems. Different status-holders, ranging from party officials to members of state-supported organizations, enjoyed privileges in a system where alternative sources of wealth and status had been eliminated. This created a rigid social hierarchy that Ken Jowitt, one of the well-known scientists at the University of Cambridge, called “neotraditionalism”. Thus, the roots of corruption in postcommunist societies lie in these distorted power structures, not in democracy itself.

In contrast, Western Europe and North America developed accountable governments and professional civic services gradually over the course of time. Driven by social movements from Swedish nobility to British bankers and American reformers, these regions established formal and informal mechanisms for government accountability. To be clear, in these liberal democracies, corruption is less common because social power is more balanced, and universal rules resist elite behavior. In this regard, where universalism isn’t the norm, democracy struggles to take hold even when elections are held regularly.

This is reflected in the strong correlation between Freedom House scores and Transparency International’s corruption perceptions. According to the 2022 World Values Survey, people who observe widespread corruption and weak rule of law in their countries are ironically also the most supportive of democracy because their frustration and anger stem from governments’ failure to ensure basic fairness and uphold the law itself [10].

Recently, it has become commonplace for

governments to invite international teams to assess corruption and pledge to combat it. Yet, both the tools used to assess corruption and the anti-corruption strategies produced tend to be standardized and generic—applied in a one-size-fits-all fashion across various countries. International summits yield similar recommendations, in spite of local context.

Despite the effort to develop better theories and global strategies to fight corruption, we still often fail to diagnose it correctly and properly. A proper diagnosis amounts to understanding the prime causes of corruption in a specific social and institutional context. As Tolstoy suggested in *Anna Karenina*, all happy families resemble each other, but every unhappy one is unique.

Similarly, corruption in each society has its own logic and causes. To handle corruption meaningfully, we need a qualitative approach rather than a quantitative one—one that examines whether corruption is a rare deviation from the norm of universal treatment or whether it is the norm itself. In each society, we must ask:

Is corruption the exception or the rule? We must ask whether we are dealing with a society where corruption is an exception to the rule or one where particularism, a system related to favoritism and privilege, is the norm.

Creating a network map of powerful individuals and their relationships can reveal far more than surveys about bribery. Diagnosing particularism entails only basic investigative or anthropological skills. In many places, asking local residents who can “get things done” will quickly identify the true power brokers. There are also several indirect signs of particularism:

- Corruption is perceived as widespread, even when the government changes;

- Key public positions remain in the hands of the same people or groups despite elections;

- Politicians frequently switch parties to align with whoever is in power;

- Many believe politicians are not subject to the law;

- Nearly all access to resources is mediated by elite networks;

- No legal action is taken against obviously corrupt individuals within high-status groups.

While particularist systems share root traits, they can vary widely. Particularism is not the same as totalitarianism—it often allows for some mobility and adaptation. Its durability comes from offering limited ways for outsiders to move up, such as marrying into elite families or serving influential patrons. These small opportunities make people more likely to participate in the system than try to overthrow it. Once particularism is identified, it is significant to evaluate whether the system is closed or open. A tightly closed system results in higher frustration in the long run and is more vulnerable to crises. More open systems that allow for limited entry into elite circles tend to be more stable and resilient [11].

We must also consider what is at stake. Influence and power are always currencies in corruption, but is public authority the main prize? In many places, the state apparatus itself—offices, contracts, resources—is informally “privatized” by elites. In turn, in postcommunist countries, where the state was historically dominant across all sectors, corruption often involves state officials who use their position to enrich themselves, disguising this exploitation as private enterprise as a whole.

In some systems, the very institutions accountable for enforcing the law, such as the police, are controlled by those who benefit from corruption. These systems often bear striking resemblance to criminal organizations, structured hierarchically, where low-level officials collect bribes that are passed upward to more powerful figures.

To better understand and categorize corruption, we can follow a sweeping framework. For example, Freedom House scores provide invaluable insight into whether a country operates under competitive particularism or liberal democracy. The distribution of power can be evaluated through a country’s electoral history or significant events, like when the courts prosecute powerful individuals.

A. In strictly particularist systems:

- Power is centralized in competitive particularist systems;

- It is contested among elite groups.

B. In universalist societies:

- Power is more evenly spread.

To truly understand a state’s corruption, we are expected to trace networks of power and privilege and examine how public resources flow through them and what they are channeled into, how exclusive these networks are, and how much influence they wield. In turn, public opinion polls also offer valuable clues. When large numbers of people believe that politicians, judges, or police are above the law itself, meaning corruption is socially accepted. In this regard, understanding the boundary between public and private spheres is more sophisticated; however, it is still possible. In a fully particularist society, there is no separation public officials might routinely hire family members or expect personal errands to be performed by subordinates. Competitive particularist systems might show only partial separation, while universalist systems enforce a clear divide on the whole [12].

There is no wonder that corruption is a universal feature of human society and is present throughout history, and it is impossible to get rid of it without a radical change in human nature. The prevailing advice from the global anticorruption community is that corrupt countries should imitate the institutional models of cleaner ones.

However, this has had limited success. Many emerging democracies have adopted Western-style institutions—such as the Scandinavian ombudsman—without seeing real change. This is because the deeper historical shift toward universalism, which underpinned the success of such institutions in Scandinavia, has not been replicated at all. To make meaningful progress in the realm of combatting corruption and averting corruption risks, initially we must identify the specific institutional and historical conditions that triggered the rise of universalism in successful cases. Instead of focusing only on legislation, we should learn from anticorruption initiatives that have produced measurable results as a whole.

In many contexts, courts and legal enforcement are not central to these successes—not because the legal route is not important, but because in many conventional or corrupt systems, the courts are not independent, and laws are barely enforced [13]. In such environments, where legal violations are widespread and status groups dominate institutions, trying to fight corruption through the judiciary is futile. Judicial mechanisms only work efficiently once particularism has already been weakened or dismantled [14]. In terms of addressing corruption broadly, the following steps play a critical role:

A. The first step - We should establish and promote universalist standards, necessary norms of fairness and integrity in public life. These standards should be openly discussed and agreed upon across political lines and ideally reflected in legislation. Even if not codified, they can still serve as benchmarks for evaluating the behavior of public servants, with results made publicly available. If one or more political parties adopt and enforce these norms internally, they should be recognized and rewarded for doing so as a whole.

B. The second step - International support is particularly valuable to implement practical tools that can be used by the anticorruption coalition and reform-minded individuals. These tools, or “institutional weapons,” might constitute laws on transparency, integrity, and mandatory asset declarations for public officials and access to public information. Although these reforms require some level of government cooperation, their enforcement relies heavily on civil society engagement.

C. The third step - It is highly demanded to create real incentives for individuals to reject and hate corrupt practices. In this regard, public scrutiny, particularly during election periods, can pressure state officials to behave with integrity. Using available tools, civil society can challenge the influence of entrenched elites by exposing wrongdoing and demanding accountability.

However, timing is vitally crucial. People are unlikely to resist corruption when they benefit from or are comfortable with the status quo.

Long - term strategies to root out corruption.

- International actors (figures) should continue to apply consistent pressure for transparency and accountability.

- Citizen dependence on the state should be lessened, for instance, via shrinking the public payroll and limiting direct state control over resources.

- Free and fair competition should be established vehemently across all sectors to reduce monopolistic or privileged access.

These recommendations, in turn, are not meant to replace traditional anticorruption tools, such as those offered by technical assistance programs, but rather to underscore the importance of making use of the right tools in the right context. An anticorruption agency may function effectively in a country like Australia, where the judiciary is independent [15].

Ultimately, governments cannot be relied on to fight particularism, because those who hold power often benefit from it. Anticorruption campaigns inherently make winners and losers, and in corrupt systems, the people who stand to lose the most are usually those in power on the whole. Therefore, the battle against particularism is not just about cleaning up government—it's part of a broader struggle for modernization and democratic accountability along with transparency.

Conclusion

To sum up, the global effort to combat corruption has seen limited success, largely because it overlooks the deeply political and structural nature of the issue—particularly in developing and postcommunist countries. Although awareness and funding have increased, most anticorruption initiatives target surface-level problems rather than addressing the root cause: particularism—a system where favoritism, not fairness, dictates the distribution of public resources. In such environments, corruption is not an

exception but an inherent part of how power operates.

Consequently, reforms based on corruption-free countries' models often fail unless they are part of broader strategies aimed at breaking down entrenched elite networks and promoting universal standards of governance. Real and lasting progress depends on understanding the specific context of each country, identifying where particularism prevails, and implementing tailored solutions. These should empower civil society, harness public demands for transparency, and foster ethical behavior. Anticorruption efforts must be both politically informed and locally adapted, rather than relying on generic, imported solutions on the whole.

Ultimately, the fight against corruption is deeply tied to wider efforts for democratic development and social fairness. Without tackling the underlying power imbalances that sustain corrupt systems, reforms will remain shallow. Success lies in building locally grounded norms of accountability and equality as a whole.

REFERENCES

1. Goncalves de G.C.E. Transparency as a prerequisite for the fight against corruption in public procurement in Brazil. *Mexican Bulletin of Comparative Law*, 2020, vol. 13, pp. 11–22. Available at: <https://doi.org/10.22201/ijj.24484873e.201912>
2. Heydari M.S. Corruption and infrastructure development based on stochastic analysis. *Technical Sciences*, 2022, vol. 22, pp. 37–51. Available at: <https://doi.org/10.59456/afts.2022.1528.011>
3. Michael B. The Rapid Rise of the Anticorruption Industry: To ward Second Generation Anticorruption Reforms in Central and Eastern Europe. *Local Governance Brief*, 2019, vol. 11, pp. 17–25. Available at: http://lgi.osi.hu/publications/2019/254/LGB_spring
4. Barrington M. The Social Bases of Obedience and Revolt. *International Journal of Law and Policy*, 2022, vol. 13, pp. 22–35. DOI: 10.59022/ijlp.154.
5. Fazekas K.L. Perils of development funding: The tale of EU Funds and grand corruption in Central and Eastern Europe. *Regulation and Governance*, 2019, vol. 17, pp. 52–73. DOI: 10.1111/rego.12184.
6. Allah R. The impacts of Artificial Intelligence (AI) on business and its regulatory challenges. *International Journal of Law and Policy*, 2023, vol. 1, pp. 25–48. DOI: 10.59022/ijlp.23.
7. Cardellini L. Sovereignty beyond Borders: Unraveling the Enigma of Airspace and Outer Space Interplay. *International Journal of Law and Policy*, 2023, vol. 9, pp. 28–45. DOI: 10.59022/ijlp.201.

8. Hoa N.T., Thanh N.N. Factors affecting corruption in the public sector: Evidence from Vietnam. *Journal of Liberty and International Affairs, Institute for Research and European Studies*, 2023, vol. 19, pp. 33–47. DOI: 10.47305/JLIA2392063.
9. Schachter H.L. E-participation Opportunities and the Ambiguous Role of Corruption: A Model of Municipal Responsiveness to Sociopolitical Factors. *Public Administration Review*, 2022, vol. 79, pp. 10–28. DOI: 10.1111/puar.13049.
10. Collusion and corruption in public procurement, 2022, no. 6, pp. 103–117. OECD, 2023. Available at: <https://www.oecd.org/daf/competition/46235884>
11. Allah R. Global perspectives on cybercrime legislation. *Journal of Infrastructure, Policy and Development*, 2024, vol. 8, pp. 106–131. DOI: 10.24294/jipd.v8i10.6007.
12. Carter L.Y. Analyzing e-government design science artifacts: A systematic literature review. *International Journal of Information Management*, 2023, vol. 11, pp. 75–92. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2021.102430D.
13. Anticorruption Policies in Georgia, Moldova and Ukraine. 2019, no. 11, pp. 28–35. Available at: <https://knowledgehub.transparency.org/assets/uploads/kproducts/Anti-corruptionpolicies>
14. Parliamentary Assembly. *Promoting Integrity to Tackle Political Corruption*, 2024, no. 9, pp. 51–66. Available at: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTMLen.asp?fileid=23930>
15. Ahmadjonov M. Anti-Corruption and Compliance Control: Legal Literacy among Lawyers and Law Students. *International Journal of Law and Policy*, 2024, vol. 8, pp. 52–67. DOI: 10.59022/ijlp.145.

Kelib tushgan / Получено / Received: 15.07.2025
Qabul qilingan / Принято / Accepted: 18.08.2025
Nashr etilgan / Опубликовано / Published: 25.08.2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.4./WDNP4055

UDC: 343.35+328.185(045)(575.1)

YO'L-TRANSPORT INFRATUZILMASI LOYIHALARINI AMALGA OSHIRISHDA KORRUPSIYAVIY SXEMALAR: TAHLIL VA YECHIMLAR

Mirzayeva Mohina Srojiddinovna,

O'zbekiston Respublikasi

Huquqni muhofaza qilish akademiyasi mustaqil izlanuvchisi

ORCID: 0009-0009-4983-0770

e-mail: mohinamirzayeva1994@gmail.com

Annotatsiya. Mazkur maqolada yo'l-transport infratuzilmasi loyihalarini amalga oshirishda uchrayotgan korrupsiyaviy xavf-xatarlar va firibgarlik sxemalari tizimli tahlil qilingan. Tadqiqot 2022–2024-yillar davomida O'zbekistonda yo'l qurilishi va ta'mirlash sohasida sodir etilgan real jinoyat holatlariga asoslangan. Unda mavzu ilmiy va amaliy metodlar asosida o'rganildi. Tender jarayonlaridagi qonunbuzarliklar, soxta hujjatlar tuzish, budjet mablag'larini o'zlashtirish, mansabdor shaxslarning til biriktirib harakat qilishi kabi korrupsiya shakllari alohida ko'rib chiqilgan. Bunda xalqaro tajriba, shu jumladan, BMTning Korrupsiyaga qarshi konvensiyasi, GIACC va Transparency International kabi tashkilotlar tavsiyalari asosida korrupsiyaga qarshi samarali choralar ko'rsatilgan. Maqolada Integrity Pact, raqamlashtirilgan tender tizimlari, mustaqil audit, jamoatchilik monitoringi, "whistleblower" tizimlari va "debarment" amaliyotining ahamiyati ilmiy asosda yoritilgan. Muallif korrupsiyaning infratuzilma sifatiga, davlat organlariga ishonch darajasiga va iqtisodiy o'sish sur'atiga salbiy ta'sirini ta'kidlaydi. Infratuzilmaviy loyihalarda korrupsiyaning oldini olish maqsadida, ularni amalga oshirishning barcha bosqichlarida xavf-xatarlarni tahlil qilish, nazorat o'tkazish va shaffoflikni ta'minlash mexanizmlarini joriy etish zarurligini ilmiy jihatdan asoslab beradi. Tadqiqot O'zbekistonda yo'l-transport sohasida korrupsiyaga qarshi tizimli yondashuvni ishlab chiqish uchun nazariy va amaliy asos bo'lib xizmat qiladi.

Kalit so'zlar: yo'l-transport infratuzilmasi, korrupsiya, tender jarayoni, talon-toraj, nazorat mexanizmlari, jamoatchilik nazorati, budjet mablag'lari, xalqaro tajriba, BMT konvensiyasi, GIACC

КОРРУПЦИОННЫЕ СХЕМЫ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ДОРОЖНО- ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ: АНАЛИЗ И РЕШЕНИЯ

Мирзаева Мохина Срожддиновна,

самостоятельный соискатель

Правоохранительной академии

Республики Узбекистан

Аннотация. В статье представлен системный анализ коррупционных рисков и мошеннических схем, возникающих при реализации проектов дорожной и транспортной

инфраструктуры. Исследование основано на изучении реальных уголовных дел, возбуждённых в Узбекистане в 2022–2024 годах в сфере строительства и ремонта автомобильных дорог. Работа выполнена с применением как научных, так и практических методов исследования. Особое внимание уделено видам правонарушений, выявляемым в ходе реализации инфраструктурных проектов: нарушениям в тендерных процедурах, составлению подложных документов, присвоению бюджетных средств, сговору должностных лиц и иным формам коррупции. На основе анализа международного опыта, включая рекомендации Конвенции ООН против коррупции, GIACC и Transparency International, рассмотрены эффективные антикоррупционные меры. В статье подробно раскрывается значение таких инструментов, как Integrity Pact, цифровизация тендерных процедур, независимый аудит, общественный мониторинг, механизмы защиты информаторов (whistleblower systems) и практика debarment. Автор подчёркивает негативное влияние коррупции на качество инфраструктуры, уровень доверия к государственным органам и темпы экономического роста. Для предотвращения коррупции в инфраструктурных проектах научно обосновывается необходимость внедрения механизмов анализа рисков, мониторинга и открытости на всех этапах их реализации. Проведённое исследование служит теоретической и практической основой для разработки в Узбекистане системного подхода к противодействию коррупции в сфере дорожной и транспортной инфраструктуры.

Ключевые слова: дорожная и транспортная инфраструктура, коррупция, тендерные процедуры, присвоение, контрольные механизмы, общественный контроль, бюджетные средства, международный опыт, Конвенция ООН, GIACC

CORRUPTION SCHEMES IN THE IMPLEMENTATION OF ROAD TRANSPORT INFRASTRUCTURE PROJECTS: ANALYSIS AND SOLUTIONS

Mirzaeva Mohina Srojiddinova,

Independent researcher at the Academy of Law Enforcement
of the Republic of Uzbekistan

Abstract. This article systematically analyzes corruption risks and fraud schemes encountered in the implementation of road transport infrastructure projects. The study is based on real cases of crimes committed in the field of road construction and repair in Uzbekistan during 2022-2024. The topic was studied on the basis of scientific and practical methods. Forms of corruption, such as violations of the law in the tender process, the creation of forged documents, the embezzlement of budget funds, and collusion of officials, were considered separately. At the same time, effective anti-corruption measures are indicated based on international experience, including the recommendations of such organizations as the UN Convention against Corruption, GIACC, and Transparency International. The article scientifically highlights the importance of the Integrity Pact, digital tender systems, independent audits, public monitoring, "whistleblower" systems, and "debarment" practices. The author emphasizes the negative impact of corruption on the quality of infrastructure, the level of trust in government bodies, and the rate of economic growth. In order to prevent corruption in infrastructure projects, it scientifically substantiates the need to introduce risk analysis, control, and transparency mechanisms at all stages of their implementation. The research serves as a theoretical and practical basis for developing a systematic approach to combating corruption in the road transport sector of Uzbekistan.

Keywords: road transport infrastructure, corruption, tender process, embezzlement, oversight mechanisms, public oversight, budget funds, international experience, UN Convention, GIACC

Kirish

Yo'l-transport infratuzilmasi loyihalari davlat investitsiyalarining eng kapital talab va korrupsiya xavfi yuqori bo'lgan sohalardan biridir. Loyihalarning texnik murakkabligi, katta moliyaviy hajmga ega ekani va ko'p sonli manfaatdor tomonlarning jalb etilishi korrupsiyaviy sxemalar uchun qulay muhit yaratishi mumkin. Jahon banki, Yevropa tiklanish va taraqqiyot banki (YTTB) va Osiyo taraqqiyot banki (OTB)ning tadqiqotlarida ham aynan transport sohasi korrupsiyaning eng keng tarqalgan yo'nalishi ekani qayd etilgan (World Bank, 2011).

Korrupsiyaga qarshi kurashish agentligining xabariga ko'ra, O'zbekistonda 2024-yilda jami 6898 nafar shaxs tomonidan 5716 ta korrupsiyaga oid jinoyat sodir etilgan bo'lib, transport 2023-yilga nisbatan korrupsiyaga oid jinoyatlar soni oshgan sohalardan biridir [1].

2024-yil davomida yo'l-qurilish sohasida jami 242 ta obyektida qariyb 17 milliard so'mlik sifatsiz ishlar bajarilgani aniqlangan [2].

BMTning Korrupsiyaga qarshi konvensiyasi davlat-ishtirokchilardan "samarali va yetarlicha ta'sirli xavflarni boshqarish va ichki nazorat tizimlariga ega bo'lish"ni talab qilib, bu davlat mablag'larini boshqarishda "shaffoflik va hisobdorlikni ta'minlash"ni nazarda tutgan [3].

Shuningdek, korrupsiyani yo'qotish Barqaror rivojlanish maqsadlari (*Sustainable Development Goals*)ga erishish uchun juda muhimdir. 2030-yilga qadar erishilishi kerak bo'lgan maqsadlarning 16.5-bandida korrupsiya va poraning har qanday shakllarini yo'qotish hamda 16.6-maqsadda buning uchun barcha bosqichlarda samarali, hisobot beruvchi va shaffof institutlar yaratish zarur ekanligi ta'kidlangan.

Infratuzilma loyihalarini amalga oshirishning turli bosqichlari o'ziga xos korrupsiya va firibgarlik sxemalari hamda shakllariga ega. Korrupsiyaning namoyon bo'lishi bir-

biridan farq qilishi mumkin, bu ichki nazorat va hisobdorlik choralarining samaradorligiga bog'liq. Davlat sektoriga korrupsiya xavflarini aniqlashda yordam berish maqsadida BMTning Narkotik moddalar va jinoyatchilikka qarshi boshqarmasi tomonidan ishlab chiqilgan "Halollik holati: davlat tashkilotlarida korrupsiya xavflarini baholash bo'yicha qo'llanma"da [4] ta'kidlanishicha, korrupsiya allaqachon sodir etilgan jinoyatni anglatrsa, korrupsiya xavfi shunday jinoyat sodir bo'lishi ehtimoli demakdir.

Yo'l va transport infratuzilmasini qurishga yo'naltirilgan davlat mablag'lari katta miqdorda bo'lib, ularning noqonuniy va samarasiz sarflash ehtimoli juda yuqori. Yevropa hududlarida o'tkazilgan tadqiqotlar korrupsiya infratuzilma xarajatlarini o'rtacha 30–35 foizga oshirishi mumkinligini ko'rsatgan.

Ma'lumki, ushbu sohadagi korrupsiya sxemalari nafaqat loyiha moliyalashuvini samarasiz qiladi, balki mavjud infratuzilmani ekspluatatsiya qilish va texnik xizmat ko'rsatish uchun zarur resurslarni kamaytirib, strukturalarning amaliy xizmat muddatini qisqartiradi va iqtisodiy o'sish darajasiga salbiy ta'sir o'tkazadi. Mazkur ishda korrupsiya sxemalari qanday shakllanishi va qaysi bosqichlarda ko'proq mavjudligi tahlil qilinadi.

Maqolada tahlil quyidagi ilmiy va amaliy metodlar asosida amalga oshirilgan: 2022–2024-yillardagi korrupsiyaviy jinoyatlar statistikasi asosida holatlar tasvirlangan. Yillar kesimida jinoiy sxemalar dinamikasi taqqoslangan, kontent tahlil – xalqaro hisobotlar, GIACC kurslari va boshqa axbotlar asosida sohadagi tahlil va tavsiyalar chiqarilgan, *case-study* (misollar tahlili) – O'zbekistondagi amaliyotdan kelib chiqqan voqealar misolida korrupsiyaviy sxemalar tahlil qilingan.

Asosiy qism

Korrupsiya, ayniqsa, katta hajmdagi loyihalar uchun sezilarli xavf hisoblanadi, sababi ularga xos xususiyatlar ushbu xatarni oshiradi. Megaloyihalar katta investitsiya

salohiyatiga ega, tashkilotchilik jihatdan juda murakkab va iqtisod, atrof-muhit hamda jamiyatga uzoq ta'sir qiluvchi loyihalarning toifasidir [5].

Megaloyihalar va ularning kontekstlari (loyihaning rejalashtirilishi, boshqaruvi va natijalari uchun zarur sharoitlar) o'zaro bog'liqdir, chunki har biri boshqasini shakllantiradi va ta'sir etadi [6].

Jahon infratuzilmaga qarshi korrupsiya markazi (GIACC, 2008) tomonidan infratuzilma loyihalari amalga oshirilishi jarayonida yuzaga kelishi mumkin bo'lgan 47 xil korrupsiya harakati tasniflangan. Ushbu harakatlar quyidagi uch bosqichga bo'lingan:

- tayyorlov va tender bosqichi (*pre-qualification & tender*);

- loyiha bajarilish bosqichi (*project execution*);

- nizolarni hal qilish bosqichi (*dispute resolution*). Har bir bosqichda alohida turdagi korrupsiya holatlari yuzaga kelishi mumkin [7].

Korrupsiya bir necha uslublarda uchrashi mumkin, ularning keng tarqalgan shakllari (*Anti-Corruption Resource Centre*, 2015; GIACC, 2014) poraxo'rlik, tovlamachilik, firibgarlik, hokimiyatni suiiste'mol qilish, o'zlashtirish va nepotizmdir [8].

Korrupsiyaning bu usullari butun dunyoda o'xshash, masalan, Janubiy Afrikadagi qurilish sanoatidagi muammolar – kelishilgan tender jarayoni, pora orqali tenderlarda ustuvorlik, hujjatlarni noto'g'ri yuritish, past sifatli ishlar yoki moliyaviy qoidalarga amal qilmaslik, firibgarlik, insofsizlik, ya'ni noqonuniy ish yuritish, adolatsiz, raqobatni cheklaydigan qoidalardan iborat [9].

Birlashgan Millatlar Tashkilotining Korrupsiyaga qarshi konvensiyasida korrupsiya evolyutsion holat sifatida e'tirof etilib, har bir davlatning milliy kontekstida ko'rib chiqilishi lozimligi belgilangan. Konvensiyada korrupsiyaga yagona majburiy ta'rif berilmagan, biroq korrupsiya sifatida jinoiy javobgarlikka tortilishi shart bo'lgan jinoyatlar ro'yxati

keltirilgan. Bunday jinoyatlar qatoriga pora berish (uning barcha shakllari: faol va passiv pora berish – BMTning Korrupsiyaga qarshi konvensiyasi 15-, 16- va 21-moddalari), manfaatdor shaxsga noqonuniy ta'sir o'tkazish (18-modda) va xizmat mavqeyini suiiste'mol qilish (19-modda) kiradi va ular infratuzilma loyihalarini amalga oshirishning turli bosqichlarida eng ko'p uchraydigan holatlar hisoblanadi. Noqonuniy boylik orttirish (20-modda), talon-toraj qilish va o'zlashtirish (17-modda), korrupsiya holatlarini yashirish (24-modda), odil sudlovni tiklashga to'sqinlik qilish (25-modda) hamda jinoiy faoliyatlardan olingan daromadlarni legallashtirish (23-modda) kabi jinoyatlar ko'pincha pora berish va mansab vakolatlarini suiiste'mol qilishdan so'ng yuzaga keladi yoki ular bilan bir vaqtda sodir etiladi.

Firibgarlikning turli shakllari, masalan, til biriktirish (*сговор*) va tenderni soxtalashtirish (*фальсификация торгов*) davlat xaridlarida mustaqil holda yoki korrupsiya sxemasining tarkibiy qismi sifatida ham yuzaga chiqishi mumkin. Ayrim hollarda firibgarlik pora berish orqali amalga oshiriladi, ya'ni pora oluvchilar noqonuniy harakatlarga ko'z yumishi uchun pora beriladi.

Korrupsiya va firibgarlikni amalga oshirishga qurilishni loyihalash, boshqarish yoki nazorat qilish uchun tayinlangan professional maslahatchilar (masalan, arxitektorlar, loyihachi muhandislar, injenerlar yoki geodestlar) ham ko'maklashishi mumkin. Ushbu shaxslarning xatti-harakatlari ko'p hollarda e'tibordan chetda qoladi va huquqiy baho berilmaydi. Amaliyotda nazoratchi injenerlar va pudratchilar o'rtasida til biriktirish loyihalarni amalga oshirishda uchraydigan tipik korrupsiyaviy sxema hisoblanadi.

Bosh prokuratura ma'lumotlariga ko'ra, 2024-yilda o'zlashtirish va rastrata yo'li bilan talon-toraj qilish jinoyati uchun – 2 929 nafar (2023-yilda – 2 205, +32,8 foiz), pora olish, pora berish, pora olish-berishda vositachilik qilish – 353 (195, +81 foiz), firibgarlik

– 447 (272, +64,3 foiz), mansab vakolatini suiiste'mol qilish – 226 (397, -43 foiz), mansab soxtakorligi – 13 (36, -68,9 foiz), mansabga sovuqqonlik bilan qarash – 40 (25, +60 foiz), mansab vakolati doirasidan chetga chiqish – 13 (30, -56,7 foiz), boshqa jinoyatlar uchun – 885 nafar (415, +2,1 baravar) mansabdor shaxslar jinoiy javobgarlikka tortilgan [10].

Jinoyatlar o'rganilganda, 2024-yilda avtomobil yo'llarini qurish va ta'mirlash sohasida 205 nafar shaxs korrupsion jinoyatlar uchun javobgarlikka tortilganligi, bu ko'rsatkich 2023-yilga nisbatan pasayganligi (289 nafar), ammo 2022-yildan yuqori (190 nafar) ekanligi ma'lum bo'ldi.

Jinoyat ishlarini o'rganish natijasida bajarilmagan ishlar uchun soxta hujjatlar tayyorlash, tender va shartnomalarda qalloblik, qurilish materiallarining narxini asossiz ravishda oshirish, yonilg'i va qurilish mahsulotlarini o'zlashtirish, hujjatlarga yolg'on ma'lumot kiritish, pora olish va firibgarlik orqali vakolatlarni suiiste'mol qilish kabi korrupsiyaning asosiy sxemalari aniqlandi. Aniqlangan holatlarda ko'pincha mansabdor

shaxslar va xususiy kompaniya rahbarlari jinoiy til biriktirib harakat qilgan. Bu holat tizimli muammo mavjudligini ko'rsatadi.

2024-yilda avtomobil yo'llarini qurish va ta'mirlash sohasida korrupsion jinoyatlar uchun jinoiy javobgarlikka tortilgan 205 nafar shaxsdan 173 nafariga o'zlashtirish yoki rastrata yo'li bilan talon-toraj qilish (JKning 167-moddasi), 84 nafariga hujjatlarni qalbakilashtirish (JKning 228-moddasi), 92 kishiga mansab soxtakorligi (JKning 209-moddasi), 15 nafariga mansabga sovuqqonlik bilan qarash (207-m), 9 kishiga soliqlar yoki yig'implarni to'lashdan bo'yin tovlash (184-m), 6 kishiga firibgarlik (168-m), 5 kishiga savdo yoki xizmat ko'rsatish qoidalarini buzish (189-m), 4 kishiga hokimiyat yoki mansab vakolatini suiiste'mol qilish (JKning 205-moddasi), 3 kishiga pora berish (211-m), 1 nafariga pora olish (210) hamda 1 kishiga qasddan to'lovga qobiliyatsizlikka olib kelish (181¹-modda) ayblovi qo'yilgan [11].

Quyida avtomobil yo'llarini qurish va ta'mirlash sohasida 2022–2024-yillarda sodir etilgan korrupsiyaviy jinoyatlarning shakllari tahlil qilingan.

Jadval

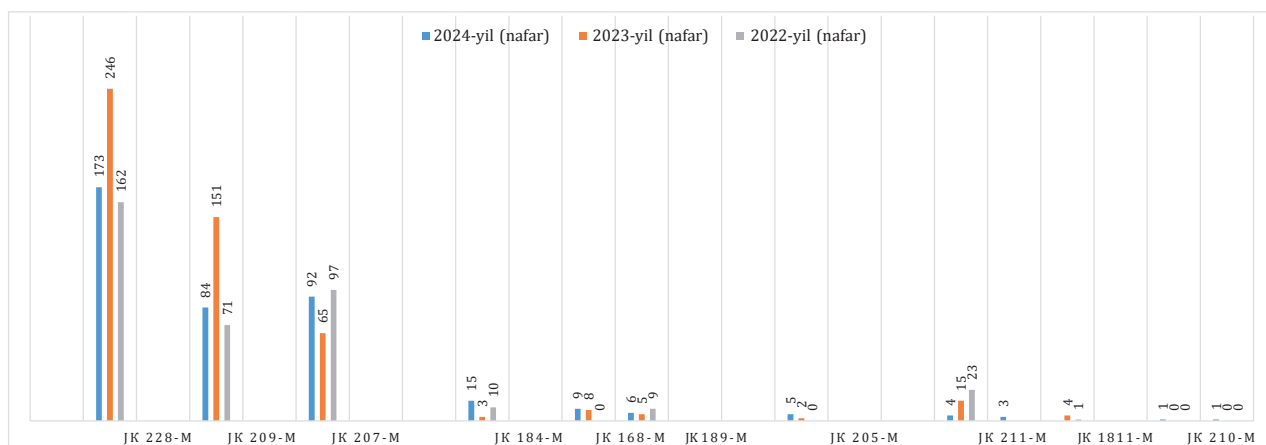
2022–2024-yillarda avtomobil yo'llarini qurish va ta'mirlash sohasida korrupsion jinoyatlar [23]

№	Jinoyat turi	Jinoyat kodeksi moddasi	2024-yil (nafar)	2023-yil (nafar)	2022-yil (nafar)
1	O'zlashtirish yoki rastrata yo'li bilan talon-toraj qilish	JK 167-m	173	246	162
2	Hujjatlarni qalbakilashtirish	JK 228-m	84	151	71
3	Mansab soxtakorligi	JK 209-m	92	65	97
4	Mansabga sovuqqonlik bilan qarash	JK 207-m	15	3	10
5	Soliqlar yoki yig'implarni to'lashdan bo'yin tovlash	JK 184-m	9	8	-
6	Firibgarlik	JK 168-m	6	5	9
7	Savdo yoki xizmat ko'rsatish qoidalarini buzish	JK 189-m	5	2	-
8	Hokimiyat yoki mansab vakolatini suiiste'mol qilish	JK 205-m	4	15	23
9	Pora berish	JK 211-m	3	4	1
10	Qasddan to'lovga qobiliyatsizlikka olib kelish	JK 181 ¹ -m	1	-	-
11	Pora olish	JK 210-m	1	-	-

Misol uchun, buyurtmachilar, pudratchilar boshqa mansabdor shaxslar bilan jinoiy til biriktirib, qurilishi obyekti bo'yicha pudrat shartnomalarini tuzib, rasmiy hujjat hisoblangan bajarilgan ishlar haqidagi hisobotlariga amalda bajarilmagan ish turlari bajarilgani haqidagi ma'lumotlarni kiritib hamda qurilish jarayonida sifatsiz ishlarni bajarib budjet mablag'larini o'zlashtirishgan. Shuningdek, quruvchi jamiyatlar obyekti bo'yicha loyihachi va ekspertiza o'tkazishga mas'ul tashkilot mansabdor shaxslari bilan jinoiy til biriktirib, loyiha-smeta hujjatlariga qurilish materiallarining narxini oshirib ko'rsatish va

ortiqcha ish turlarini kiritish orqali budjet mablag'larini rastrata qilishgan.

Yoki qurilish va uy-joy kommunal xo'jaligi sohasida hududiy nazorat inspeksiyasi mansabdor shaxslari Vazirlar Mahkamasining 2020-yil 20-avgustdagi 496-sonli qarori bilan tasdiqlangan "Obyektlarda davlat qurilish nazoratini amalga oshirish bo'yicha Ma'muriy reglament"ning 10-bandida belgilangan obyektida bir oyda uch marta davlat qurilish nazoratini amalga oshirishga oid vazifalarini bajarmagani oqibatida xalqaro o'tkazish punkti qurilishi obyekti ishlar sifatsiz bajarilgan.

Rasm. 2024-yilda avtomobil yo'llarini qurish va ta'mirlash sohasida korrupsion jinoyatlar [24]

Misol uchun, Taxtakopir tumani Yo'llardan foydalanish davlat muassasasi va Qoraqalpog'iston Respublikasi avtomobil yo'llari Bosh boshqarmasi mansabdor shaxslari o'zaro jinoiy til biriktirib, qiymati 1 mlrd 445 mln 124 ming so'mlik mahalliy yo'llarni saqlash yuzasidan tuzilgan pudrat shartnomasi bo'yicha avtomobil yo'llarida saqlash ishlari bajarilmagan bo'lsa-da, bajarilgani to'g'risida shakl-2, shakl-3 hisobotlarini tuzish orqali juda ko'p miqdorda budjet mablag'larini talon-toroj qilgani aniqlangan.

Shu kabi yana bir holatda fuqaro mas'uliyati cheklangan jamiyat ta'sis qilib, jamiyat rahbari vazifasida ishlab, tuman

yo'llardan muntazam foydalanish unitar korxonasi direktori va bosh hisobchisi bilan til biriktirgan. Ular guruh bo'lib, "Davlat xaridlari to'g'risida"gi va "Raqobat to'g'risida"gi qonunlar talablariga zid ravishda tanlov (tender) savdolarini o'tkazmasdan viloyati hududidan o'tgan xalqaro ahamiyatga ega avtomobil yo'lining qismlarida umumiy qiymati 11 989 093, 761 so'mlik yo'l qurish-ta'mirlash ishlarni bajarish yuzasidan bosh pudratchi tuman yo'llaridan muntazam foydalanish unitar korxonasi bilan yordamchi pudratchi xususiy korxona o'rtasida pudrat shartnomasi tuzilishiga erishgan. Bajarilgan ishlar dalolatnomasida esa materiallarni o'rtacha bozor narxidan 724 457 200 so'mga va boshqa

turdagi materiallarni o'rtacha bozor narxidan 1 235 083 889 so'mga qimmat narxda hisoblab, shu miqdordagi mablag'ni talon-toroj qilishgan.

Yoki tuman yo'llardan foydalanish unitar korxonasi tomonidan shaharsozlik normalari va qoidalari talablariga asosan yo'l poyi asosini zichlash ishlari bajarilmagani hamda yo'l qoplamasini qurish ishlari shaharsozlik normalari va qoidalari talablari asosida bajarilmagani oqibatida hozirgi kunda yo'l qatnov qismining o'ng va chap tomon qismi jami qiymati 156 298 831,7 so'm miqdorida asfalt-beton qoplamasida cho'kish va yorilishlar natijasida nosoz holga kelgan.

Yuqorida ta'kidlangan holatlar – bajarilmagan ishlar uchun soxta hujjatlar, tender va shartnomalarda qalloblik, material va yonilg'i tarkibi dastlab oshirilgan holda o'zlashtirish, hujjatlardagi noto'g'ri ma'lumotlar, pora olish va firibgarlik, mansab vakolatini suiiste'mol qilish – bular korrupsiyaning asosiy sxemalaridir. O'tkazilgan tergov ishlarida aniqlangan holatlarda mansabdor shaxslar va xususiy kompaniya rahbarlari hamkorlikda jinoyat sodir etgan, bu qurilish sohasida tizimli muammo mavjudligini aks ettiradi.

Transparency International tomonidan 2011-yilda e'lon qilingan "*Bribe Payers Index*" tadqiqotiga ko'ra, 19 ta turli biznes sektori orasida pora berish ehtimoli eng yuqori bo'lgan sektor – "jamoat xo'jaligi va qurilish kontraktlari" bo'lib, bu sektorga tegishli sektorlar eng past – 5,3 ballni olgan [12].

Yuqoridagi jinoyatlar tahlilidan eng ko'p ulushga ega bo'lgan o'zlashtirish, rastrata va hujjatlarni soxtalashtirish infratuzilma loyihalarini moliyalashtirish jarayonidagi eng xavfli mexanizmlar ekanini, jinoyatchilar mansab va huquqiy shartlardan foydalanishini ko'rish mumkin.

Minimal hollarda pora olish, vakolatni suiiste'mol qilish, soliq to'lovlaridan qochish holatlari tizimda korrupsiya chuqur ildiz otganidan darak bermoqda. Katta infratuzilma loyihalarini amalga oshirish jarayonida uch-

raydigan tipik korrupsiya, firibgarlik sxema va holatlari quyidagilardir:

- *pora berish*
- *loyiha bo'yicha kelishuvlarga erishish maqsadida davlat idoralariga pora berish (masalan, tenderdan foyda olish uchun).*

Odatda kontrakt qiymatida 5–20 foiz miqdorida to'lovlar amalga oshiriladi [13].

Korrupsiya va manfaatlar to'qnashuvi to'g'risidagi ma'lumotlarni yashirish. Loyiha rahbarlarining xususiy kompaniyalarda yoki muhandislik firmalarida yashirin xususiy manfaatlari bo'ladi, bu esa bir tomonlama tenderlar o'tkazilishiga sharoit yaratadi.

Tender o'tkazishda qonunbuzarliklar. Qurilish kompaniyalari va loyiha rasmiylari kelishgan holda raqobatsiz tenderlarda foyda olish maqsadida narxlarni sun'iy oshirish amaliyotiga yo'l qo'yadi. Bu holatda tender jarayonida faqat bitta nomzodga ishtirok etish imkoniyatini yaratish, ishtirokchilar o'rtasida navbat bilan g'olib chiqish tizimini (*bid rotation*) qo'llash hamda tender shartlari va talablarini oldindan belgilangan firmaga moslab tayyorlash kabi usullar qo'llanadi. Bu esa tender jarayonining shaffofligi va adolatli raqobat prinsiplarini buzadi hamda korrupsiyaviy xavf-xatarlarni keskin oshiradi.

Shartnomaviy firibgarlik. Bir necha kompaniyalar birgalikda foydalaniladigan strategiyani ishlab chiqadilar, g'olibni oldindan belgilagan holda yuqori narxli "raqibsiz" tenderlar o'tkazib, kontraktni yuqori baholangan summada olishadi.

Soxtalashtirilgan yuk xatlari. Xizmatlar yoki ishlar bajarilmagan holda hisob-fakturalar tuziladi;

- shartnoma va talablarga muvofiq bo'lmagan past sifatli materiallardan foydalaniladi;
- o'zgarishlardan foydalanib, asossiz qo'shimcha mablag'lashtirish *amalga oshiriladi.*

Materiallarni almashtirish. Shartnomada ko'rsatilgan yuqori sifatli materiallar o'rniga pastroq mahsulotlardan foydalanish, lekin

yuqori sifatli deb hisob-faktura qilish kuzatiladi.

Loyihaga xos bo'lmagan holda narxni sun'iy oshirish. Loyiha davomida mantiqiy bo'lmagan yoki ortiqcha o'zgarishlar kiritib, kontrakt qiymatini sun'iy ravishda oshirish va bu orqali pora to'lash hollari uchraydi.

Tender va qurilish jarayonlarida faol nazorat yetishmasligi. Noto'g'ri belgilangan tanlov mezonlari, nomzodlarni formal tavsiflash yoki seleksiya jarayonlari raqobatsiz tenderlarning asosiy ko'rsatkichlari hisoblanadi. *Shuningdek, hujjatlarda aniq rekvizitlarning yo'qligi, nusxa hisob-fakturalar hamda shaxsiy ma'lumotlarning (ism, manzil, aloqa ma'lumotlari) takrorlanishi* tender jarayonining shaffof emasligidan dalolat beradi. Bir bank orqali hujjat aylanmasi yuritilishi, tender jarayonining birlamchi manbaga bog'langanini va sun'iylik ehtimolini ko'rsatadi. Shu bilan birga, nomzodlarning shaxsiy ma'lumotlaridagi raqamlarning bir xil bo'lishi ularning haqiqiy ishtirokchi emasligini, balki ayrim shaxslar yoki tashkilotlar tomonidan sun'iy ravishda tashkil etilganini anglatadi.

Davlat boshqaruvi va qurilish sohasida faoliyat yuritayotgan, biroq korrupsiyaviy sxemalarga aralashmagan kompaniyalar ko'p hollarda raqobat muhitida chetda qoladi. Bu holat, ayniqsa, investitsion jihatdan jozibador bo'lgan loyihalarda namoyon bo'ladi. Chunki pora talab qilinishi yoki noqonuniy imtiyozlar mavjud bo'lgan muhitda ishtirok etish imkoniyati pasayadi. Shu tariqa, korrupsiya ehtimoli yuqori bo'lgan bozorda sof raqobat prinsiplari buziladi va halol kompaniyalar tender jarayonlaridan uzoqlashishga majbur bo'ladi [14].

Benner va de Haan (2008) ilmiy maqolasida davlat tashkilotlaridagi umumiy korrupsiyaga oid zaifliklarni tushuntirib, korrupsiya xavfini bartaraf etish uchun zaif jarayonlarni aniqlash, tahlil qilish va ularga qarshi halollik tizimini kuchaytirish uchun amaliy choralar joriy etishni taklif etarkan,

zaif zonalarini tanlash → tahliliy baholash → zaiflikka qarshi choralar metodologiyasini ishlab chiqqan [15].

Singh va Bussenning *“Compliance Management: A How to Guide”* (2015) asarida aktivlar bilan bog'liq firibgarlik (*asset fraud*) va korrupsiya shakllari deb quyidagilar ko'rsatilgan: 1) aktivlarni talon-toraj qilish, ya'ni bu eng tarqalgan firibgarlik turi bo'lib, tashkilot xodimlari yoki boshqa ichki shaxslar moliyaviy hisobotlarni soxtalashtirib, pullarni shaxsiy hisobiga o'tkazishi; 2) *skimming*, ya'ni pul rasmiy hisobga olinmasdan o'g'irlanishi; 3) *larceny* (o'g'rilik) pul rasmiy hisobga olingandan so'ng o'g'irlanishi; 4) *Fraudulent disbursements* (firibgarlik to'lovlari), ya'ni tovar yoki xizmat amalga oshmagan bo'lsa-da, tashkilotdan pul chiqarilishi; 5) ish haqi bilan bog'liq firibgarliklar; 6) xarajatlar uchun soxta to'lovlar, inventarlar o'g'irlanishi. Singh va Bussenning fikriga ko'ra, ushbu shakllardagi korrupsiyaning oldini olish uchun *majburiyatlar ajratilishi (segregation of duties)*, ya'ni ichki nazoratning asosiy prinsipi bo'lib, turli ish jarayonlari bir shaxsda birlashtirilmasligi, *auditlar, xarajalar monitoringi va kadrlar nazorati* – soxta to'lovlar va moliyaviy firibgarlik holatlarini erta bosqichda fosh etish, *jamoatchilikka hisobdorlik (accountability to the public)* – oshkoralikni ta'minlash zarur [16].

BMTning Narkotik moddalar va jinoyatchilikka qarshi boshqarmasi tomonidan ishlab chiqilgan “Halollik holati: davlat tashkilotlarida korrupsiya xavflarini baholash bo'yicha qo'llanma”da korrupsiyaviy xavf-xatarlarni bosqichma-bosqich baholash va boshqarish uchun tashkilotning ish muhitini, shu jumladan, vakolatlari, funksiyalari va manfaatdor tomonlarni baholash, yuz berishi mumkin bo'lgan korrupsion sxemalar va ssenariylar ro'yxatini tuzish, aniqlangan xavflar ehtimolini baholash uchun ichki hujjatlar, nazorat va hujjatlarni ko'rib chiqish, korrupsiya xavfining ehtimoli va ta'sirini baholash, ularga ustuvorlik berish va asosiy xavflarning

oldini olish, mavjud boshqaruv vositalarini ko'rib chiqish, yangi boshqaruv vositalariga bo'lgan ehtiyoj va ularni amalga oshirish, xavflarni kamaytirish rejasini tuzish tavsiya qilinadi.

Paterson va Chaudhurining fikriga ko'ra, transport sohasida keng tarqalgan korrupsion faoliyat turlari pora berish, shartnoma summasidan oldindan kelishilgan noqonuniy foiz (*"kickbacks"*), til birlashtirish, tenderlarni manipulyatsiya qilish, tender va davlat xaridlaridagi korrupsiyalik kelishuv hamda firibgarlikdir. Mualliflar korrupsiyaga qarshi kurashishning ikki bosqichli strategiyasini, ya'ni qisqa muddatli chora-tadbirlar va uzoq muddatli yondashuvni taklif qiladilar. Birinchisida tender va kontrakt bajarilishining har bir bosqichida maxsus tekshiruvlar o'tkazilishi, shubhali holatlar aniqlanganda ularni tezlik bilan ko'rib chiqish, nojo'ya xatti-harakatlar aniqlanganda darhol kerakli organlar tomonidan tergov boshlanishi, qonuniy javobgarlik choralari qo'llanishi, masalan, shartnomalar bekor qilinishi, jinoiy javobgarlik, maqsad tizimning darhol javob bera olish salohiyatini kuchaytirish zarur [17].

Uzoq muddatli yondashuvda esa mahalliy sharoitga mos nazorat tizimlarini mustahkamlash nazarda tutilib, kadrlar, menejment va ichki auditoriya ishtirokida tashkilot ichida nazorat va javobgarlik mexanizmlarini kuchaytirish, qarorlarni markazdan tortib mahalla darajasiga yetkazadigan nazorat zanjirini yaratish strategiyasini joriy etish taklif etiladi.

Shuningdek, muallif *Integrity Pacts*ni (Halollik paktlari) korrupsiyani aniqlash va oldini olish uchun vosita sifatida ko'rsatgan. Bu davlat idorasi, pudratchilar va mustaqil kuzatuvchi (odatda fuqarolik jamiyati tashkiloti) o'rtasida imzolangan bitim bo'lib, tender va shartnoma jarayonlarida halollik, shaffoflik va hisobdorlikka rioya etishni majburiy qiladi [18]. *Integrity Pacts* yordamida har bir tomon o'z majburiyatlariga rioya qilishni yozma ravishda qo'llab-quvvatlaydi va mustaqil tashkilotlar nazorati orqali noqo-

nuniy xatti-harakatlar tez aniqlanadi. Mazkur tajriba dunyo bo'ylab (Latviya, Vengriya, Pokiston, Meksika, Hindiston) daromadlarni tejash (masalan, Pokiston misolida shartnoma qiymatining 20 foizini tejash) va shaffoflikni oshirishda aniq natijalar ko'rsatgan.

Shu kabi fuqarolik jamiyati va jamoatchilik nazoratini jalb qilish, axborot ochiqqligi va ochiq ma'lumotlar, barcha hujjatlar, baholash mezonlari va qarorlar jamoatchilikka taqdim etilishi, tender jarayonlarining texnologik raqamlashtirilishi va protsedura soddalashtirilishi shaffoflik va raqobatni kuchaytiradi.

Cui va boshqalar o'z tadqiqotida katta hajmli va murakkab loyihalar korrupsiyaga yo'l ochishini, infratuzilma loyihalarini amalga oshirishda poraxo'rlik, oldindan kelishilgan noqonuniy foiz (*kickbacks*), tenderni manipulyatsiya qilish, firibgarlik, talon-toroj qilish (*embezzlement*), nepotizm (tanishbilishi yordamida o'rin olish), majburiy pul yig'ish (*extortion*) kabi korrupsiya sxemalari mavjudligini ko'rsatgan. U mavjud qonunchilik, nazorat mexanizmlari, mustaqil audit, jamoatchilik tizimlari korrupsiyani yo'qotishga yordam berishini taklif qilib, tender natijalaridagi keskin narxlar, past ishtirokchilik, avvalgi tenderlar bilan solishtirib tahlil qilish orqali korrupsion holatlarni aniqlash mumkinligini bildirgan [19].

Lokatelli, Mariani, Sainati va Greco (2017) fikriga ko'ra, loyihani tanlashda korrupsiyaga moyilligini hisobga olish, shaffof tanlovlar o'tkazish, mustaqil audit, ichki nazorat organlari va shaffof boshqaruv tizimlarini joriy etish, *Integrity Pacts*, jamoatchilik nazorati, ochiq ma'lumotlar portallari, mustaqil auditlar va moliyaviy tekshiruvlarni muntazam ravishda o'tkazish, korrupsiya aniqlanganda shartnomalarni bekor qilish, kompaniyalarni qora ro'yxatga kiritish, jinoiy ish ochish kabi jazo qo'llanishi hamda ilgari amalga oshirilgan loyihalarining tajribasi asosida nazorat tizimlari tuzilib, korrupsiyaga moyil vaziyatlarga prognozlar va yechimlar ishlab chiqilishi lozimligi aytilgan.

Global Infrastructure Anti-Corruption Centre (GIACC) tomonidan yaratilgan amaliy yo'riqnomalar va *"Preventing Corruption on Infrastructure Projects"* deb nomlangan kurs orqali infratuzilma sektori uchun korrupsiyani aniqlash va oldini olish bo'yicha mutaxassislar tayyorlash zarur. Kurs 36 soatdan iborat, shu jumladan, 12 soat dars va 24 soat mustaqil o'qish orqali tashkil etiladi [20].

Bundan tashqari, yengil shakldagi seminar materiali – *"The Silent Killer: Corruption on Infrastructure Projects"* talabalarga 3 soatlik o'qish va muhokama orqali asosiy konseptlar bilan tanishish imkonini beradi.

Tibbiyot, muhandislik, arxitektura, loyiha boshqaruvi va boshqa infratuzilmalar bilan shug'ullanuvchi mutaxassislar uchun bu materiallar nol to'lov asosida taqdim etilishi inobatga olinib, universitetlar tomonidan o'quv dasturiga integratsiya qilinishi mumkin [21].

GIACC tomonidan ishlab chiqilgan PACS (*Project Anti-Corruption System*)ga ko'ra, jazo chorasi va *"debarment"* mexanizmlari taklif etilgan bo'lib, moliyaviy va texnik auditlar muntazam o'tkazilishi, bu orqali to'g'ri to'lovlar, qurilish sifati va shaffoflik baholanishi, korrupsiya aniqlanganda qatnashuvchilarni tenderlarda qatnashishdan cheklash, shartnomalarni bekor qilish, moliyaviy kompensatsiya yoki jinoiy javobgarlikka tortish tavsiya etiladi.

Olib borilgan tahlillar shuni ko'rsatdiki, yo'l-transport infratuzilmasi sohasida korrupsiyaning tarqalishi asosan quyidagi omillar bilan bog'liq:

- manfaatlar to'qnashuvi va zaif nazorat tizimlari;
- axborot ochiqqligining yo'qligi;
- elektron tender tizimining cheklanganligi;
- tashqi audit va mustaqil monitoring yo'qligi.

Bunday korrupsiyaviy holatlar infratuzilmaviy loyihalarning muddatidan kechikishi, sifati past bo'lishi va aholining davlat organlariga nisbatan ishonchi pasayishiga olib

keladi. Xalqaro tajriba shuni ko'rsatdiki, tender jarayonlarini raqamlashtirish va jamoatchilik ishtirokini kuchaytirish bunday holatlarning oldini olishda muhim rol o'ynaydi [22].

Xulosa

Yuqoridagilarga asosan quyidagi xulosalarga kelish mumkin. Loyihalar tanlash jarayonida *"korruptiv kontekst"* (*corrupt project context*) tahlili o'tkazilishi zarur: loyiha hajmi, murakkablik darajasi, jamoat sektorining ishtiroki, manfaatlar ziddiyati oshkor qilinishi kerak.

"Korruptiv kontekst" (*corrupt project context*) tahlili quyidagicha amalga oshiriladi. Ya'ni loyihalar tanlanayotganda quyidagi xususiyatlarga e'tibor qaratilishi lozim:

- loyiha hajmi: juda katta moliyaviy hajm pora va korrupsiya uchun keng imkoniyat yaratadi;
- murakkablik (ko'p pudratchilar, murakkab texnik talablar) – nazorat real jihatdan qiyinlashadi;
- jamoat sektori roli: davlat mijoz yoki pudratchi bo'lsa, korrupsion sharoitlar kuchayadi;
- manfaatlar ziddiyati: qaror qabul qiluvchi shaxslar o'rtasidagi manfaatlar to'qnashuvi aniqlanishi zarur.

Ushbu omillar asosida loyiha profilaktik baholanadi – *"korrupsiyaviy daraja"* aniqlanadi va ehtiyot choralari belgilanadi. Shuningdek, tender va loyihalarni rejalashtirishga alohida e'tibor qaratilishi, barcha variantlar ochiq baholanib, shaffof tender platformalari va mustaqil ekspertlar maslahatidan foydalanish tavsiya etiladi.

Loyihalarni amalga oshirishda har bir bosqichda maxsus nazorat yondashuvlari o'rnatilishi lozim: tayyorlov, ijro etish, nizoni hal qilish – har bosqichda rasmiy audit, monitoring, nazorat bo'lishi shart.

Shaffof tender platformalari orqali barcha hujjatlar (spetsifikatsiya, mezonlar, baholash natijalari) ochiq e'lon qilinishi va jamoatchilik tomonidan kuzatilishi ta'minlanishi zarur.

Mustaqil ekspertlar – mahalliy yoki xalqaro ekspertlar jalb etilib, tender hujjatlarini tayyorlash va baholashda qatnashishi kerak, bu manfaatlar ziddiyati kamayishiga olib keladi.

Jiddiy xavflarga qarshi “xavf indikatorlari” (shubhali holatlar belgisi) joriy etiladi:

- takroriy tender g’oliblari → raqobat pasayishi va nepotizm ehtimoli;

- nomutanosib narxlar → qiymat haddan ziyod ko’tarilishi, tender narxlari manipulyatsiyasi;

- hujjatlarda format, matnlar va grafikalar bir xilda bo’lishi → bir shaxs tomonidan tayyorlanganligi va manipulyatsiya ehtimoli.

Har chorakda maxsus audit va nazorat o’tkazilishi tavsiya etiladi.

Integrity Pacts, ochiq tender platformalari, jamoatchilik ishtirokidagi monitoring tizimlari joriy etish – korrupsiyani kamaytirishga yordam beradi.

Fuqarolik jamiyati tashkilotlari davlat tenderlari va infratuzilma loyihalarida doimiy monitoring orqali ishtirok etishi kerak. Ular ijtimoiy nazorat roliga korrupsion xatti-harakatlarni aniqlab, tegishli organlarga xabar berishlari mumkin (masalan, Indoneziyada *Indonesia Corruption Watch (ICW)* tomonidan ishlab chiqilgan *Opentender.net* platformasi orqali jamoatchilik 1,8 milliontadan ortiq tenderni tahlil qilgan).

Korrupsiyani fosh etishda xabar beruvchi shaxslar, ya’ni ichki manbalar muhim o’ringa ega. Ularning firibgarlik yoki korrupsion ho-

latlarni ishora qilish imkoniyati bo’lishi va bu harakatlar uchun rag’batlantirish chora-tadbirlari ko’rilishi zarur (mamlakat misolida, Nigeriyada 2016-yilda joriy qilingan “Korrupsiya va huquqbuzarliklar haqida xabar berish siyosati” (*Whistle-blowing policy*), fuqarolarga o’z ma’lumotlaridan foydalanish evaziga 2,5–5 foiz qaytib olinadigan mablag’ taqdim etadi, ushbu siyosat 178 mln dollar qaytarilishini ta’minlagan).

Shuningdek, GIACC tomonidan yaratilgan amaliy yo’riqnomalar va kurslar universitetlar uchun bepul tarzda ajratilgan bo’lib, akademik o’quv dasturlariga integratsiya qilinishi mumkin. Ular talabalar va kasbiy mutaxassislar hamda boshqa professional guruhlar uchun mo’ljallangan. Bu yo’riqnoma va kurslarda korrupsiya ta’rifi va qonuniy asoslar, infratuzilma loyihalardagi tender va qurilish bosqichida yuzaga keladigan korrupsiya turlari, profilaktik choralar, *case-study* misollari kabi modullar mavjud.

Ushbu kurs va seminar materiallarini loyihaning yo’l-transport infratuzilma yo’nalishida mutaxassislar malakasini oshirish bazasi sifatida tatbiq etish tavsiya etiladi. Shunga ko’ra, har bir loyiha uchun mustaqil nazorat va audit tizimi joriy etilishi, anti-korrupsiya sertifikatli mutaxassislar (GIACC kurslarini tugatganlar) auditor sifatida jalb qilinishi, *debarment* va jazo choralari oid qonuniy mexanizmlarni rasmiy ravishda ta’minlashi hamda tatbiq etishi zarur.

REFERENCES

1. O’zbekiston Respublikasi Korrupsiyaga qarshi kurashish agentligi. 2024-yilda amalga oshirilgan ishlar: natija va ko’rsatkichlar [Anti-Corruption Agency of the Republic of Uzbekistan. Work carried out in 2024: results and indicators]. Available at: <https://aca.uz/oz/article/2024-yilda-amalga-osirilgan-ishlar-natija-va-krsatkichlar>

2. 2024-yilda yo’l qurilish sohasida 17 milliard so’mlik sifatsiz ishlar bajarilganligi aniqlandi [It was revealed that 17 billion soums worth of poor-quality work was carried out in the road construction sector in 2024]. Available at: <https://daryo.uz/2025/03/10/2024-yilda-yol-qurilish-sohasida-17-milliard-somlik-sifatsiz-ishlar-bajarilganligi-aniqlandi>

3. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), United Nations Convention against Corruption, 2004, art. 9, para. 2(d), p. 13.
4. Sustainable Development Goals (SDGs) Cities Challenge. Available at: <https://sdgs.un.org/ru/goals>
5. Brookes N.J., Locatelli G. Power plants as megaprojects: using empirics to shape policy, planning, and construction management. *Utilities Policy*, 2015, vol. 36, pp. 57–66.
6. Miller R., Lessard D.R. The Strategic Management of Large Engineering Projects. MIT Publ., 2000.
7. GIACC. Examples of Corruption in Infrastructure Projects. 2008. Available at: <http://www.giacentre.org/documents/GIACC.CORRUPTIONEXAMPLES.pdf>
8. Anti-Corruption Resource Centre. Glossary of Anti-Corruption Terms. 2015. Available at: <http://www.u4.no/glossary>
9. Bowen P., Akintoye A., Pearl R., Edwards P.J. Ethical behaviour in the South African construction industry. *Construction Management and Economics*, 2007, vol. 25(6), pp. 631–648.
10. O'zbekistonda mansabdor shaxslar tomonidan sodir etilgan jinoyatlar. 2025. Available at: <https://www.gazeta.uz/uz/2025/01/27/official-crimes>
11. O'zbekiston Respublikasi Bosh prokuraturasi. Jinoyat ishlari bo'yicha yillik hisobotlar. 2022–2024.
12. Transparency International. Bribe Payers Index 2011. Available at: <http://www.transparency.org/bpi2011>
13. IACRC – International Anti-Corruption Resource Center. Summary of Fraud and Corruption Cases in International Development Projects. Available at: <https://iacrc.org/fraud-and-corruption/summary-of-fraud-and-corruption-cases-in-international-development-projects/>
14. Graf L.J., Taube M., Schramm M. The New Institutional Economics of Corruption. Routledge Publ., 2004.
15. Benner H., de Haan I. SAINT: A tool to assess the integrity of public sector organizations. *International Journal of Government Auditing*, 2008, vol. 35(2), pp. 16–21.
16. Singh N., Bussen T. Compliance Management: A How-to Guide. Praeger Publ., 2015.
17. Paterson W.D.O., Chaudhuri P. Making Inroads on Corruption in the Transport Sector through Control and Prevention. 2007.
18. Transparency International. Integrity Pacts: A Tool for Clean Contracting. Available at: <https://www.transparency.org/en/tool-integrity-pacts>
19. Cui Z., Wang D., Casady C.B., Yin H., Dong A. Assessing the Institutional- and Project-Level Determinants of Corruption in Infrastructure Projects: Evidence from World Bank-Funded Projects. *Multidisciplinary Journal of Civil Engineering*, 2024, vol. 2(1). DOI:10.1061/ASCE/CO.1943-7862.0001991
20. GIACC. University Course on Preventing Corruption in Infrastructure Projects. Available at: <https://giacentre.org/university-course/>
21. GIACC. University Seminar: Preventing Corruption in Infrastructure Projects. Available at: <https://giacentre.org/university-seminar/>
22. Professional Ethics and Countering Corruption. PDF-dokument. Available at: <file:///C:/Users/>

SHARAFLI YO'L SOHIBI, SUDYALARNING USTOZI, ODIL VA FIDOYI RAHBAR

Har qanday ma'naviy boyluk jamiyat hayoti va taraqqiyotida muhim ahamiyat kasb etadi. Zehn-u zakovatda, aql-u idrokda, ilm-fanda tengi yo'q, buyuk kashfiyotlari bilan dunyoni lol qoldirgan mutafakkirlar, mashhur kishilari borligi bilan o'zbek xalqi har qancha faxrlansa, iftixor qilsa arziydi.

O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Sh.Mirziyoyevning ta'biri bilan aytganda, "Buyuk ajdodlarimizning betakror va noyob ilmiy-ma'naviy merosi biz uchun doimiy harakatdagi hayotiy dasturga aylanishi kerak..." Yangi O'zbekistonning dunyodagi rivojlanayotgan mamlakatlar qatoridan munosib o'rin egallashi, ayniqsa, bu boradagi xalqaro reyting va indekslardagi mavqeyini yaxshilash, o'z navbatida, nafaqat ilm-fan sohasini, balki sud va huquqni qo'llash amaliyotini ham zamonaviy talablarga muvofiq jadal rivojlantirishga bog'liq. Har bir insonni o'zining mehnat va ilmiy faoliyati tufayli yaxshi bilish, kuyunchak rahbar va sohasining yetuk mutaxassisi sifatida uni hurmat qilish, eng avvalo, uning ish uslublariga va rahbarlik salohiyatiga ham ko'p jihatdan bog'liq. Boshqaruv mahorati, yetakchilik

qobiliyatini rahbar shaxsdan o'rganish va o'zining faoliyatida undan ibrat olish, kasbiy sohada muvaffaqiyatlarga erishishning muhim omilidir.

Zamonamizning yetuk huquqshunoslari haqida fikr yuritganda ko'z o'ngimizda ana shunday fidoyi rahbarlardan biri, O'zbekiston Respublikasida xizmat ko'rsatgan yurist, yuridik fanlar nomzodi Mirzo-Ulug'bek Elchiyevich Abdusalomov namoyon bo'ladi. Bunday insonlarning rahbarlik salohiyatini, ibratli hayot yo'lini kuzatsangiz yoki muayyan soha va tizimda birgalikda faoliyat yuritsangiz, ularni o'zingizga eng yaqin maslakdosh sifatida qabul qilasiz.

M.Abdusalomov 1952-yil 14-fevralda Sirdaryo viloyatida tug'ilgan. Toshkent davlat universitetining yuridik fakultetini huquqshunos va Toshkent oliy partiya maktabini siyosatshunos mutaxassisliklari bo'yicha tamomlagan. Yuridik fanlar nomzodi, 2-darajali davlat adliya maslahatchisi, sudyalik "Oliy malaka darajasi"ga ega.

Mehnat faoliyatini 1969-yil Sirdaryo viloyati Yangiyer shahar o't o'chirish qismida katta yo'riqchilikdan boshlagan. So'ng

Respublika huquqni muhofaza qiluvchi idoralarida, dastlab Sirdaryo viloyati prokuraturasida ish o'rganuvchi, 1976–1982-yillarda esa bir qator mas'ul, jumladan, tergov bo'limining prokurori, viloyat prokurorining voyaga yetmaganlar ishlari bo'yicha, keyinchalik kadrlar bo'yicha katta yordamchisi, Sirdaryo viloyati Mehnatobod tuman sudining raisi, o'sha paytdagi O'zbekiston Kommunistik partiyasi Sirdaryo viloyat qo'mitasi ma'muriy, savdo va moliya organlari bo'limi yo'riqchisi, bo'lim mudiri, O'zbekiston KP MQ ma'muriy organlar bo'limi mudirining o'rinbosari, 1989–2005-yillarda O'zbekiston Respublikasi Adliya vazirining o'rinbosari, vazir vazifasini bajaruvchi, vazirning birinchi o'rinbosari, O'zbekiston Respublikasi Oliy xo'jalik sudi raisi, O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyaviy sudi raisi lavozimlarida ishlagan.

2005-yildan 2021-yilgacha Markaziy saylov komissiyasining Raisi lavozimida samarali faoliyat yuritib, 2021-yil 5-fevraldan O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyaviy sudi raisi lavozimiga qayta saylandi. Mamlakatimiz sudyalarning ustozlari va taniqli murabbiysi o'zining ko'pyillik mehnat faoliyati davomida, qaysi vazifada ishlamasin, hamisha teran fikri, mehnatsevarligi bilan hamkasblari va jamoa o'rtasida obro'-e'tibor qozondi.

Respublika Oliy xo'jalik sudining raisi lavozimidagi faoliyati davomida mamlakatimizda odil sudlovni amalga oshirish, mustaqil sud hokimiyatining mustahkamlanishi va sudyalarning faqat qonunga bo'ysunishi, davlat va jamiyatning, yuridik shaxslar va xo'jalik yurituvchi subyektlarning qonuniy huquq va manfaatlarini ta'minlanishiga o'zining munosib hissasini qo'shish bilan birga, xo'jalik nizolarining qonuniy va adolatli hal etilishiga erishish borasidagi sudlar mavqeyining oshishi, xo'jalik sudlari moddiy-texnik bazasining sezilarli darajada yaxshilanishi hamda zamonaviy jihozlangan binolar va tegishli texnika vositalari bilan ta'minlanishiga o'zining munosib hissasini qo'shdi.

Yaqinda iqtidorli jurnalist Arslon Eshmurodovning "Sharaflı yo'l sohibi: Mirzo-Ulug'bek Abdusalomov portretiga chizgilar" kitobining taqdimoti bo'lib o'tdi. Darhaqiqat, Vatanini sevuvchi har bir inson hayoti davomida yurti, xalqi uchun manfaat keltirish yo'lida bor kuch-g'ayrati bilan mehnat qiladi. Uning yuksalishi, rivoji yo'lida tinim bilmaydi. Bunday kishilarning zalvorli umr yo'li barchaga o'rnak, ona-Vatan oldidagi xizmatlari hech qachon unutilmaydi.

Mazkur kitobda Mirzo-Ulug'bek Abdusalomovning bolalik xotiralari, katta hayot ostonasiga qo'yilgan dastlabki qadamlar, huquqshunos-olimlar va ustozlar hayoti, davlat idoralaridagi faoliyat, shuningdek, inson falsafasi, zamonaviy boshqarish usullari, shaxsning davlat va jamiyat hayotida tutgan o'rne, xususan, ustozning hayotiy kechinmalari va davlat boshqaruvi hamda yuridik faoliyatning turli jabhalarida amalga oshirgan ezgu va oliyjanob ishlari yoritilgan. Ayniqsa, "Bugungi O'zbekiston – kechagi O'zbekiston emas", "Otaga tortgan o'g'il", "Kamtarlik cho'qqisidagi inson" kabi ruknlarda berilgan hayotiy tahlillarni o'qigan har bir shaxs kitob qahramonining bosib o'tgan sharaflı hayot yo'lidan saboq chiqaradi va ibrat oladi. Qolaversa, boshqaruv va rahbarlik sohasida muayyan maqsadga erishish yo'lida insoniy salohiyatni ro'yobga chiqarishga qaratilgan tasavvurlarini kengaytiradi.

Kitobni o'qigan har bir inson zamon va makon qonuniyatlari asosida nafaqat uning qahramoni haqidagi, balki o'zining shu kunlarga yetishishiga katta hissa qo'shgan atrofida insonlarning umr bitiklari va zarvaraqalaridan ham muayyan darajada xabardor bo'ladi. Eng muhimi, ko'plab yoshlarning huquqshunoslik kasbining, ayniqsa, sudyalik kasbiga sadoqat va ibrat namunasi bo'lgan zamondoshimizning bosib o'tgan sharaflı hayot yo'lidan voqif bo'ladi. Shuningdek, ijtimoiy va huquqiy fanlarning muayyan sohalarida amalga oshirilgan ishlar va unda rahbar shaxs omili haqida bilimlarni olish

va uning mazmunini chuqur idrok etishga undaydi.

Zamonamiz qahramonlarini ulug'lash, ko'p millatli xalqimizning faxri bo'lgan insonlar hayot faoliyatini chuqur o'rganish, qaysi sohada fidokorona mehnat faoliyatini amalga oshirishidan qat'i nazar, ularni izzat-hurmat qilish ham farz, ham qarzdir. Inson qadri ulug'lanayotgan jamiyatimizda uch avlod uchrashuvlarini haqiqatan ma'naviy tarbiya maktabi bo'lishida bunday yozilgan kitoblar, hujjatli filmlar, badiiy ocherklar va boshqa turli janrdagi ilmiy-ommabop va publitsistik nashr va elektron ko'rsatuvlarning ahamiyati katta.

Darhaqiqat, rahbarlik, yetakchilik va sardorlik atamaları ishning ko'zini puxta biladigan, boshqalarni o'z ortidan ergashtira oladigan, kasbiga qalb qo'ri va butun mehrini berib, o'zi, oilasi va el-yurtini o'ylab mehnat qiladigan, boshqaruv faoliyatini jon dildan seva olgan kishiga nisbatan ishlatilishi mumkin. Boshqaruvda tajriba, ko'nikma, mahorat, bilim, aql va idrokning roli g'oyatda katta. Ammo eng avvalo, boshqaruv – san'at, ochiq-roq aytganda, bu kreativ yondashuv, ijoddir. Rahbarga ham xuddi san'atkor uchun zarur bo'lganidek, talant va iste'dod lozim. Har kimdan san'atkor chiqmaganidek, istagan odamdan ham yaxshi rahbar chiqavermaydi. Rahbar o'z qobiliyati, iste'dodini ishga solib izlanadi, toblanadi, shu maqsadda hayotni, odamlarni chuqur o'rganadi. Natijada to'plagan bilimlari, tajribalarini davlat va jamiyat boshqaruvining umumiy qonuniyatlari asosida shakllantirib, o'zining rahbarlik usulini yaratadi. U o'zida tegishli davlat va jamoat boshqaruvining shakl va usullarini shakllantirishda mutlaqo erkin shaxsdir, ammo uning rahbarlik usuli ijobiy natija bergan taqdirda yetakchi degan nomga sazovor bo'ladi. Ayniqsa, konstitutsiyaviy boshqaruv maqomiga ega bo'lgan jamoalarga rahbarlik qilish juda katta san'at va mahoratdir. Rahbarning mashaqqatli mehnati natijasi o'laroq kelajagimiz vorislari kamol topib

boradi. Demak, rahbarlarga qaratilgan e'tibor Vatan taqdiriga qaratilgan e'tibordir.

Mirzo-Ulug'bek Abdusalomov sudyalarga shunday deb uqtirardi: "Sudyalik har kimga ham nasib etavermaydigan lavozim, uning mas'uliyati juda og'ir. Siz doim kasbingizga sodiq, halol va obyektiv bo'ling. Chunki faqat to'g'ri odamgina xotirjam yashaydi. Egri ish qilsangiz, agar jazodan qutulib qolsangiz ham hayotingizda halovat hech qachon bo'lmaydi. Odamlarning yuziga tik qaray olmaysiz, yaqinlaringiz ham sizdan xijolat tortadi... G'irrom bo'lmang, bu yomon illat, oqibati juda ayanchli... Tajribamdan kelib chiqib aytaman, bugun sudyalalar uchun yaratilgan shart-sharoitning qadriga yeting. Sudyalikning yuki qancha og'ir bo'lsa, to'g'ri sudya uchun sudyalik sharafi ham cheksizdir". Bu purma'no, kasbiy odob va axloqqa chorlaydigan hikmatli so'zlarni har bir sudya teran anglashi lozim.

M. Abdusalomovning o'z kasbiga sadoqat va matonat bilan xizmat qilishi va har qanday faoliyatni oqilona tashkil etish qobiliyati, amaliy muammolarni yechish borasidagi iqtidori va jamoani bir maqsad sari yo'naltirishdagi roli g'oyatda beqiyosdir. Uning jamoadagi har bir xodim haqida aniq ma'lumotga ega bo'lishi, ularga hayotiy maslahat berishi va amaliy yordam ko'rsata olishini alohida e'tirof etish joiz. Uning sa'y-harakati bilan bir qator sud amaliyotiga oid o'quv qo'llanmalari nashrdan chiqarildi.

Ustozning yillar davomida Oliy xo'jalik sudining Ilmiy maslahat kengashi, Oliy xo'jalik sudi Plenumi va Rayosatida amaliyot uchun muhim bo'lgan qarorlarni ishlab chiqishda rahbar sifatida tashabbuskorlik ko'rsatganligi sudga himoya istab murojaat qilgan manfaatdor shaxslarning, ayniqsa, tadbirkorlik subyektlarining huquq va manfaatlarini himoya qilishda muhim ahamiyat kasb etdi. Bundan tashqari, o'tgan yillar mobaynida Oliy xo'jalik sudining nashrlarida sud amaliyotini umumlashtirish, qonun hujjatlari normalarini amaliyotda qo'llash samaradorli-

gini oshirish, xususan, sudda ko'rilgan ishlar misolida normativ-huquqiy hujjatlardagi kamchiliklarni bartaraf etish va uni takomillashtirishga qaratilgan takliflarni O'zbekiston Respublikasi Oliy Majlisi va O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasiga kiritish orqali ularning sifatini oshirishda norma ijodkorligi faoliyati sohasida yuksak salohiyatga hamda chuqur kasbiy bilim va malakaga ega bo'lgan rahbar ekanligini namoyon qildi. Ayniqsa, bir tizimda ishlab yurgan paytimdan juda yaxshi bilamanki, tadbirkorlik subyektlari, dehqon va fermer xo'jaliklari ishtirokida sud amaliyoti tahlillari asosida o'tkazilgan huquqiy targ'ibot ishlari va sayyor sud majlislari huquqbuzarliklarning oldini olish va ular huquqiy madaniyatini oshirishning zaruriyatini oldindan ko'ra bilgan rahbar sifatida amaliy ishlarni tashkil etishga bevosita boshchilik qildi. Bir necha yillar bu borada amalga oshirilgan tashkiliy-huquqiy ishlar tadbirkorlik subyektlarining huquq va manfaatlarini himoya qilish bo'yicha bilim va ko'nikmalarini yuksaltirishga amaliy yordam berdi. O'sha davrdagi mamlakatimiz miqyosida o'tkazilgan bunday keng qamrovli tashkiliy-huquqiy tadbirlar jamoatchilik tomonidan hanuzgacha e'tirof etiladi.

M. Abdusalomov huquqiy ilm-fan yutuqlarini amaliyot bilan uyg'unlashtirishga alohida e'tibor berganligi bois sud amaliyotini samarali o'rganish maqsadida o'quv mashg'ulotlarini olib borish tashkil etildi va bu sudyalarning korpusini shakllantirishga, eng muhimi, huquqni qo'llash amaliyoti bo'yicha ko'nikmalarga ega bo'lgan mutaxassis kadrlarni tayyorlashda katta ahamiyatga ega bo'ldi. Shu asnda, o'tgan yillarda Oliy xo'jalik sudining raisi sifatida sud tizimiga malakali sudya va sud xodimlarini tayyorlash maqsadida O'zbekiston Milliy universiteti va Toshkent davlat yuridik universiteti bilan hamkorlikda maxsus kafedrani tashkil etish, talaba va magistrning bevosita sudda o'z bilim va amaliy ko'nikmalarini shakllantirishga munosib hissa qo'shdi.

M. Abdusalomov, shuningdek, qonun ijodkorligi faoliyati bo'yicha milliy dastur doirasida belgilangan vazifalarni amalga oshirishda, xususan, O'zbekiston Respublikasining "Davlat tili haqida"gi Qonuni, O'zbekiston Respublikasining Mustaqillik deklaratsiyasi, "O'zbekiston Respublikasining Davlat mustaqilligi asoslari to'g'risida"gi Konstitutsiyaviy qonuni, O'zbekiston Respublikasining Konstitutsiyasi, qator kodekslar, jumladan, Fuqarolik kodeksi, Xo'jalik protsessual kodeksi, Saylov kodeksi, shuningdek, O'zbekiston Respublikasining "Sudlar to'g'risida"gi, "Bankrotlik to'g'risida"gi, "Xo'jalik yurituvchi subyektlar faoliyatining shartnomaviy-huquqiy bazasi to'g'risida"gi va saylov qonunchiligini takomillashtirishga oid boshqa o'nlab qonunlar va qonunosti hujjatlari loyihalarining ishlab chiqilishida faol ishtirok etgan. Qolaversa, sud amaliyoti tahlillari asosida bir qator takliflar ishlab chiqilib tegishli idoralarga taqdim etilganligi huquqni qo'llash amaliyotining samaradorligini oshirishga xizmat qilmoqda.

U 2003-yilda "Tadbirkorlar huquq va manfaatlarini himoya qilishning fuqarolik huquqiy usullari va muammolari" mavzusida nomzodlik dissertatsiyasini muvaffaqiyatli himoya qilib, mamlakatimizda tadbirkorlik va ishbilarmonlik muhitini rivojlantirish, turli tazyiq va sun'iy to'siqlardan huquqni qo'llash yo'li bilan himoyalash mexanizmlarining ishlab chiqilishiga o'zining salmoqli hissasini qo'shgan.

M. Abdusalomov yuzdan ortiq ilmiy maqolalar va kitoblarning muallifidir. Jumladan, uning "O'zbekistonda adliya idoralarning shakllanishi va rivojlanishi" (1996), "O'zbekiston Respublikasi xo'jalik sudlari" (1998), "Mustaqillik bilan hamnafas" (2001), "Saylovlar haqida suhbatlar" (2019), shuningdek, hammualliflikda tayyorlangan "O'zbekiston qonunlari: savollar va javoblar" (2001), "Mustaqillik huquq demakdir: qonun ustuvorligini ta'minlashda jamoatchilik fikri

nazorati va sud huquqiy islohotlar istiqbollari” (2001), “O‘zbekiston qonunlari: savollar va javoblar” (2001), “Qishloq xo‘jaligi sohasida tadbirkorlik shartnomalari” (2002), “Xalqaro saylov standartlari va O‘zbekiston qonunchiligi” (2014) kabi kitoblari, shu bilan birga, monografiya va sharhlari jamoatchilik, xususan, ilmiy jamoatchilik tomonidan katta qiziqish bilan kutib olingan. Uning tahriri ostida Respublika Oliy xo‘jalik sudi Plenumi va Rayosatining qarorlari to‘plami, O‘zbekiston Respublikasi Markaziy saylov komissiyasining axborotnomalari nashr etilgan.

Uzoq yillik mehnat faoliyati davomida M. Abdusalomov bir qator yuksak mukofotlar bilan taqdirlangan. Jumladan, O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 1994-yil 24-noyabrdagi Farmoniga muvofiq, O‘zbekiston Respublikasining Faxriy yorlig‘i va 1999-yil 25-avgustdagi Farmoni bilan “O‘zbekistonda xizmat ko‘rsatgan yurist” unvoni, 2006-yilda “Mehnat shuhrati” va 2012-yilda “Do‘stlik” ordenlari, 2022-yilda “O‘zbekiston Respublikasida xizmat ko‘rsatgan yoshlar murabbiysi” faxriy unvoniga sazovor bo‘lgan. Shuningdek, O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2003-yil 28-avgustdagi PF-3303-son Farmoniga ko‘ra sudyalik “Oliy malaka darajasi” berilgan.

Mirzo-Ulug‘bek Abdusalomov boy ilmiy va amaliy tajribasini o‘rganish va yuridik fan va huquqni qo‘llash amaliyotini rivojlantirishda tutgan o‘rni va rolini bir necha omillarga ko‘ra tavsiflash mumkin.

Birinchidan, uning adliya, xo‘jalik, tadbirkorlik va saylov faoliyatini ilmiy ta‘minlashga oid boy fundamental va metodologik asarlari O‘zbekistonda zamonaviy davlat boshqaruvi, sud hokimiyatini mustahkamlash va xususiy huquq fanining, ayniqsa, tadbirkorlik faoliyatining ilmiy-amaliy ta‘limotini shakllantirish va rivojlantirishda mustahkam ilmiy-nazariy asosdir.

Ikkinchidan, atoqli yuridik fan va huquqni qo‘llash amaliyoti namoyandasi noyob davlat va sud boshqaruvchilik qo-

biliyati va tizimga rahbarlik qilishda o‘ziga xos kreativ va zamonaviy tafakkur egasi-ning hayotiy tajribasini o‘rganish, Yangi O‘zbekistonda konstitutsiyaviy qonuniylikning ijtimoiy va raqamli hayotning barcha sohalarida ayniqsa, transformatsiyalashgan sud-huquq doktrinasini shakllantirish va rivojlantirish uchun mustahkam poydevor bo‘lmoqda.

Uchinchidan, davlat va sud boshqaruvi, konstitutsiyaviy qonuniylikning buguni va kelajagini haqqoniy ilmiy bashorat qilishga qodir bo‘lgan sudyalarning raisining milliy qonun hujjatlarini takomillashtirishga oid ilmiy xulosa va takliflari raqamli reallik sharoitida sohaga oid ko‘plab qonun hujjatlarini qabul qilishda o‘ziga xos konsepsiyadir.

To‘rtinchidan, iqtisodiy sudlarning qonunchilikni amaliyotda qo‘llash tajribasini har tomonlama tadqiq etib o‘rganish maqsadida “Iqtisodiy sudlar faoliyatida moddiy va protsessual qonunchilikni qo‘llash: muammolar va uni hal qilish”ga oid ustuvor ahamiyatga molik tadqiqot yo‘nalishlarini belgilash zaruriyati mavjud. Bu esa o‘z navbatida, nafaqat iqtisodiy sudlar faoliyatini ilmiy ta‘minlashga, balki huquqni qo‘llash amaliyoti tahlillari asosida sud qonunchiligini takomillashtirishga xizmat qiladi.

Xulosa qilib aytganda, Yangi O‘zbekiston ravnaqi va kelajagi uchun sadoqat, fidoyilik bilan xizmat qilishdagi o‘rni va qo‘shgan salmoqli hissasi orqali O‘zbekiston yuridik hamjamiyatida o‘zining sud amaliy maktabini yaratgan tajribali yurist, O‘zbekiston Respublikasida xizmat ko‘rsatgan yoshlar murabbiysi, millatimiz faxrlanadigan sudyalarning korpusining namoyandasi M. Abdusalomovning hayot yo‘li barchamiz uchun ibrat va haqiqiy fidoyilik namunasi bo‘lib qoladi.

Ruzinazarov Shuxrat Nuraliyevich,
Toshkent davlat yuridik universiteti
Biznes huquqi kafedrasining professori,
Turon Fanlar akademiyasining
akademigi, yuridik fanlar doktori

YURISPRUDENSIYA

HUQUQIY ILMIY-AMALIY JURNALI

2025-YIL 4-SON

VOLUME 5 / ISSUE 4 / 2025

DOI: 10.51788/tsul.jurisprudence.5.4.